

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. Я. РАММ

ПАПСТВО
И
РУСЬ

ЭТО В

X-XV

ВЕКАХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

Б. Я. Р А М М

ПАПСТВО
и
РУСЬ

В

X-XV

ВЕКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 5 9

Ответственный редактор
М. М. ШЕЙНМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не раз выступали руководители католической церкви с заявлениями об отношении католицизма к русскому народу, не раз пытались они в этих заявлениях внушить мысль о благожелательстве и дружбе, которую папство якобы всегда питало и продолжает питать к народам нашей родины.

Особенно громко прозвучали слова этих уверений в официальном послании папы римского Пия XII, посвященном этому вопросу.¹ На протяжении всей истории русского народа, утверждал папа, Рим искал дружбы с Россией и стремился поддерживать с ней наиболее близкую и тесную связь. Только недоразумением и результатом злонамеренного обмана народа, по словам папы, объясняется то, что папско-русские отношения изображаются так часто в черном свете и что нет у русских людей доверия к папской политике.

Однако фактов, могущих подтвердить эти заявления, нет. Всеми миру известно, с какой открытой враждебностью Ватикан неустанно выступал и выступает на протяжении последних сорока лет против Советского Союза. В своей ненависти к лагерю социализма и демократии и особенно к нашей стране он занимает место на крайнем фланге империалистической реакции, участвуя в раздувании пламени «холодной войны» клеветническими измышлениями о «религиозных гонениях» в СССР, об угрозе «атеистического коммунизма» «христианскому свободному миру», т. е. современному капитализму.

Убеждаясь в том, что в широких кругах католического Запада, как и на Востоке, все больше завоевывают себе место идеи мирного сосуществования народов, папство не может открыто выступить против этих жизненных требований людей

¹ Osservatore Romano, 24 VII 1952, № 28020.

доброй воли всего мира. Однако, демагогически ратуя за «действительное сосуществование», Пий XII вкладывал в эту идею содержание, прямо противоположное тому, которое видит в нем прогрессивное человечество. Папа понимал это «сосуществование» не как мирное сотрудничество народов и стран без различия социальных систем, расы, нации или религии, а как лозунг, который мог бы способствовать мобилизации реакционных сил империалистического лагеря для борьбы против «атеистического мира» (радиопослание папы Пия XII 77-му «Католическому дню» в Кельне 2 сентября 1956 г.).² При всем умении ратоборцев католицизма, усвоенном ими еще со времен Игнатия Лойолы, выдавать черное за белое, в этих условиях говорить о дружественном отношении Ватикана к русскому народу в наши дни даже папе было затруднительно. Поэтому, не рассчитывая, что свой тезис он смог бы подкрепить данными современности, папа предпочел уйти в «историю», дабы в тумане седой старины, под покровом легенд и мифов, подобрать факты, могущие поддержать его малоубедительные утверждения.

Отношения между Римом и русским государством на протяжении веков папство и вся ватиканская пропаганда пытаются изобразить, вопреки исторической действительности, в самом розовом свете. Начав еще с папского посольства в Киевскую Русь во времена дохристианские, в 979 г. (отнесенного в папском послании к 977 г.), Пий XII стремился внушить представление, что связи Рима и Киева осуществлялись на протяжении пяти столетий, до середины XV в., в духе взаимной симпатии и признания русскими высшей власти римского престола.³

Не требует особых разъяснений, какой политический смысл вложен в эту псевдонаучную концепцию папско-русских отношений. Ватиканские историки потратили немало усилий, чтобы, невзирая на факты, отстаивать ее (Баумгартен, Амманн, Жюжи, Таубе и др.), но от этого она не стала более обоснованной или менее тенденциозной.

В действительности отношения между папством и древней Русью никогда не обнаруживали не только взаимных симпатий, но даже сколько-нибудь длительного миролюбия.

В своем выступлении на X международном конгрессе историков в Риме 7 сентября 1955 г. папа Пий XII заявил: «По отношению к некаталикам церковь (католическая, — Б. Р.) руководствуется положением, принятым в Кодексе канонического права: „Никто против воли не принуждается к принятию

² Acta Apostolicae Sedis, 1956, № 12, стр. 625.

³ Osservatore Romano, 24 VII 1952, № 28020.

католической веры" (Канон 1351)». ⁴ Этот тезис папы римского убедительно опровергает история отношений папства к народам нашей страны.

Постоянное внимание, которое римская курия уделяла в X—XV вв., как и позднее, Востоку, вызывалось неизменно стремлением к расширению сферы своего влияния на новых землях, к утверждению католической церкви на территории Руси и соседних с нею стран, манивших к себе невиданными богатствами, необъятными просторами, многочисленным населением. Папство в средние века было верным союзником и орудием западноевропейских агрессоров, вторгавшихся на земли русского, белорусского, украинского и прибалтийских народов.

Католический крест «миссионеров» предшествовал мечу тевтонских рыцарей, польских или венгерских панов, шведских феодалов, многократно нарушавших мирный труд наших предков и зарившихся на обширные и богатые земли нашей родины. Из курии папы римского тянулись нити, поддерживавшие сеть военно-политических комбинаций и интриг, действовавших на широком фронте между Западной и Восточной Европой.

Папство охотно предоставляло свое религиозное знамя феодальным захватчикам, неоднократно пытавшимся нападать на Русь. Своими призывами и благословениями оно «освящало» их предприятия. В многочисленных буллах папы объявляли русских людей, отважно отражавших удары феодально-католических агрессоров, «заблудшими овцами», «нехристями» и «язычниками», стремясь внушить презрение и ненависть в Западной Европе к населению нашей страны, изображая политическую борьбу, которую оно вело за свою свободу и независимость, как борьбу чисто религиозную, как сопротивление «истинной вере».

Излюбленной формой маскировки своих истинных целей папство избрало постоянно возобновлявшиеся им переговоры об «унии» церквей. Благодаря этому папско-русские отношения в указанный период тесно переплетались с отношениями между папством и Византией, поскольку русская церковь до середины XV в. являлась частью церкви греко-византийской, притом большей ее частью. С другой стороны, усилия папской дипломатии подчинить своему влиянию русские земли стояли в прямой связи с общим ходом политических событий как в Западной Европе, так и на Руси и в Византии, в связи с чем папско-русские отношения необходимо рассматривать на широком фоне международной жизни в данный исторический период.

⁴ Discours de sa sainteté le pape Pie XII au X-me Congrès International des sciences historiques 7 sept. 1955 Cité du Vatican, 1955, стр. 17.

Каковы бы ни были формы и методы папской экспансии против Руси, она неизменно встречала глубокое противодействие в массах населения нашей родины. И если в отдельных редких случаях папству удавалось, как ему казалось, приблизиться к достижению намеченной задачи, если изредка находились такие князья или бояре, которые поддавались щедрым посулам римской курии, или создавалась такая обстановка, когда некоторые русские князья сами пытались опереться на папство в своих политических целях, то неизменно обнаруживалось, что всякое соглашение с папством оставалось безрезультатным. Слишком глубоким было несоответствие между целями папства и интересами древнерусского государства. Всякая попытка соглашения с папством кончалась неудачей, так как народы нашей родины научились распознавать за спиной католических «миссионеров» и папских легатов своих политических врагов. Понятие «латыняне» связалось в народном сознании с опасностью вражеских нашествий, с необходимостью бороться и защищать свою родину.

Сотни неоспоримых документов — папских посланий и булл, постановлений церковных соборов, предписаний и инструкций папской курии и многие другие источники служат свидетельством этой наступательной политики католицизма, его вековой вражды к народам нашей страны.

Перед советской исторической наукой стоит задача осветить эту страницу истории, оставшуюся долгое время в тени. Начало в разрешении этой задачи положено рядом специальных работ наших историков (В. Т. Пашуто, И. П. Шаскольский и др.), давших ряд исследований об отношениях между папством и Русью, главным образом в XIII в. В настоящей книге делается попытка расширить рамки этих исследований и, опираясь на труды, опубликованные в разное время по этому вопросу, представить в единой, более или менее связной картине большой разрозненный материал, содержащийся в многочисленных западноевропейских и русских источниках, об отношениях между папством и Русью на протяжении пяти столетий — с начала распространения христианства на Руси до второй половины XV в.

С XVI в., хотя и в рамках общей истории средних веков, начинается, как известно, новый период как в истории папства, претерпевшего в результате Реформации и возникновения новых феодально-абсолютистских порядков в Западной Европе глубочайшие потрясения, так и в истории Руси, превратившейся из системы слабых, разрозненных феодальных княжеств в могучее, единое, национальное, а затем многонациональное госу-

дарство, быстро двинувшееся по пути своего экономического и политического развития. Все это открыло новую страницу и в истории папско-русских отношений, характеризуемую новыми методами и формами этих отношений, а в известной мере и новыми целями как с одной, так и с другой стороны.

Рассматривая папско-русские отношения в X—XV вв. как единый процесс, автор счел себя вправе ограничить свое изложение этими хронологическими рамками.

Несомненно, что на протяжении этого длительного периода отношения между папством и Русью отнюдь не были всегда одинаковыми. Менялся их характер, менялись их формы, менялись политические силы, стоявшие в различное время за папством. За внешней историей этих взаимоотношений автор делает попытку вскрыть закономерный исторический процесс, развитие которого на протяжении этого периода характеризуется тремя последовательными этапами, которым и соответствует структура всей книги.⁵

Автор приносит свою глубокую благодарность доктору исторических наук проф. О. Л. Вайнштейну, кандидату исторических наук И. П. Шаскольскому, а также коллективу научных сотрудников Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР, которые своими ценными советами и замечаниями оказали ему большую помощь в работе над этой книгой.

⁵ Специальному обоснованию этой мысли посвящена другая работа автора: «Три этапа папской экспансии против Руси» (Ежегодник Музея истории религии и атеизма АН СССР, т. II, Л., 1958).

ВВЕДЕНИЕ

Христианство очень рано объявило себя «вселенской» религией. Претендуя на подчинение своему влиянию народов всех стран, оно выступило с открытыми притязаниями на миродержавность. Эти претензии пытались обосновать уже ранние христианские писатели, пользуясь текстами Евангелия (например: Евангелие Матфея, 28, 19), в которых выдвигается идея всемирной миссии апостолов, охвата христианским учением всего «*orbis terrarum*» (круга земного). Христианские проповедники стали усиленно разрабатывать концепцию о христианах как «*gens totius orbis*» (вселенский народ).

Этот космополитизм христианства сделал его в глазах римских императоров, начиная с Константина, тем средством, которое могло им помочь «возвыситься до положения самодержца римского мира»¹ и содействовало в числе других важных обстоятельств превращению нового вероучения в единственную признанную государством, а вскоре затем и в первую мировую религию.

Впервые более полное выражение получает эта концепция у Августина в его «Граде божием», где он объявляет исторической задачей христианской церкви превращение ее из церкви «воинствующей» (*ecclesia militans*) в церковь «торжествующую» (*ecclesia triumphans*), что понималось как приобщение к церкви всех нехристиан. При этом Августин отнюдь не ограничивал выполнение этой задачи средствами идейной пропаганды. Недвусмысленно он провозглашал тезис: «*coge intrate!*» (заставь вступить!). Особое значение получил этот лозунг в политике папства. Уже в выступлениях Льва I (440—461 гг.) папа объявляется представителем апостола Петра, создается

¹ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 603.

догматическое обоснование примата римского епископа,² а традиционные прерогативы императорской власти «in rebus sacris» (в делах священных) целиком и без остатка переносятся на папу. Папская церковь искусно использует и другие, освященные традицией «права» римского жречества, нисколько не смущаясь их языческим происхождением. Древнее представление, что всякий храм является собственностью того божества, которому он посвящен, переносится Амвросием Миланским (333—397 гг.) целиком на христианскую церковь. Духовенство обосновывало свои претензии на крупные земельные богатства, которыми располагала христианская церковь с тех пор, как она превратилась в церковь господствующую и воинствующую.

На этих богатствах основывалась и светская власть папы. Начиная с папы Григория I (590—604 гг.), римские епископы направляют главное внимание на закрепление и расширение своих земельных владений (патримонии), которые уже тогда охватывали обширные земли не только в самой Италии, но и в Сицилии, Корсике, Далмации, Иллирии, Галлии и в Северной Африке. Именно наличие такой солидной экономической базы способствовало укреплению политического авторитета папы и позволило ему вскоре пренебречь поддержкой византийского императора.³

В византийской концепции власти император являлся наместником Христа, а тем самым главой всей христианской церкви (в том числе и римской епархии).⁴ Даже в VIII в., в период бурных событий иконоборчества, византийский император Лев III Исавр нашел силы, чтобы не отдать папе южную Италию, а оставить ее в церковном подчинении патриарха константинопольского.⁵

На Западе же в это время энергично вырабатывалась концепция вселенской власти римского епископа. Еще в конце V в. папа Геласий I (492—496 гг.) заявлял, что «величие пап выше, чем государей, так как папы освящают государей, но

² MPL, I, 336. См.: W. Ullmann. The growth of papal government in the Middle Age... London, 1955; H. M. Klinkenberg. Papsttum und Reichskirche bei Leo d. Grossen. Zeitschr. d. Savigny-Stiftung, Bd. 69, Kanon. Abt. № 38, 1952, стр. 37—112. — Другие авторы (Галлер и Каспар) придают этим выступлениям Льва I меньшее значение.

³ K. Jäntere. Die römische Weltreichsidee und die Entstehung der weltlichen Macht des Papstes. Ann. Univ. Turkuensis, Turku, 1936, стр. 301, примеч. 1.

⁴ Fr. Dölger. Byzanz und das Abendland vor den Kreuzzügen. Relazioni, v. III, стр. 80.

⁵ П. Н. Кудрявцев. Судьба Италии от падения Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850, стр. 389—390.

сами не могут быть освящены ими».⁶ Тому же Геласию приписывается и идея о двух главах христианского мира или о двух мечях — духовном и светском, чем обосновывалось признание подчиненности каждого христианина одновременно и в равной мере и папе и императору.⁷

В каролингский период (VIII—IX вв.), начиная уже с Карла Мартелла и особенно при его преемниках — Пипине Коротком, а еще больше и полнее при Карле Великом, в Западной Европе укрепляются связи между церковью и высшей светской, т. е. королевской и императорской, властью.

Общепризнанной обязанностью светской власти становится оказание церкви, т. е. папству, всемерной защиты и поддержки, выдвигается идея своеобразного двустороннего светско-теократического государства — *imperium christianum*. Духовная власть (*sacerdotium*) и власть светская (*imperium*) выступают в представлениях идеологов средневековья как две опоры, на которых покоится средневековое общество, составляющее «*respublica christiana*» (христианское государство). Эти идеи получают свое развитие позднее, но уже в писаниях авторов каролингского времени, например у Алкуина, они выражены достаточно ясно.⁸ Правда, Алкуин формулирует эти идеи несколько по-иному — он пишет о трех высших властях над миром: папы, византийского императора и Карла Великого.⁹ Подлинное значение этой формулы нетрудно разгадать, учтя, что Алкуин писал за год до увенчания Карла императорской короной. Тезис Алкуина является элементом теоретического обоснования этого, не-

⁶ Mansi, VIII, 31.

⁷ «Duo quippe sunt... quibus principaliter mundus hic regitur: auctoritas sacra pontificum et regalis potestas» (C. Mirbt. Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus. Tübingen, 1911, стр. 67, № 165). См. также: W. Levison. Die mittelalterliche Lehre von den beiden Schwertern. Deutsch. Arch. f. Erforsch. d. Mittelalters, Jg. IX, F. I, Marburg, 1951, стр. 14—42; W. Ullmann. Medieval papalism... London, 1942, стр. 139; M. Pernot. Le S. Siège, l'Eglise catholique et la politique mondiale. Paris, 1929; H. V. Camphhausen. Die ersten Konflikte zwischen Kirche und Staat und ihre bleibende Bedeutung. Universitas, 1954, № 9, стр. 267—273; A. Hauck. Der Gedanke der päpstlichen Weltherrschaft bis an Bonifaz VIII. Leipzig, 1904, стр. 6—8; H. Aubin. Stufen und Formen der christlichkirchlichen Durchdringung des Staates im Frühmittelalter. Festschr. f. Gerhard Ritter, 1950, стр. 61—86.

⁸ См.: A. Hauck. Deutschland und die päpstliche Weltherrschaft. Leipzig, 1910; A. Brackmann. Der Römische Erneuerungsgedanke und seine Bedeutung für die Reichspolitik der deutschen Kaiserzeit. Sitz.-Ber. d. Preuss. Akad., philos.-histor. Klasse, 1932, № XVII, стр. 26; M. David. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IX au XV s. Paris, 1954.

⁹ Bibliotheca Alcuiniana, ed. Jaffé, 1873, стр. 454.

сомненно уже подготовлявшегося тогда события, в предвидении которого Алкуин писал Карлу в 799 г. такие слова: «Римский император — глава мира, священная вершина Европы».¹⁰

Обращаясь к Карлу, Алкуин именует его «*moderantissimus gubernator*» (властнейший правитель) «всех христиан» и выражает ту мысль, что вера христианская должна быть с помощью оружия воинов Карла распространена по всему миру.¹¹ Эту идею Алкуин настойчиво повторяет в различных вариантах.¹² Сам Карл в письме 796 г. к папе заявляет, что считает своей задачей (*nostrum est*) «защиту церкви» повсюду против «неверных и язычников». Эту «защиту» (ясно, что слово это употреблялось лишь как благородное прикрытие осуществлявшейся на практике политики нападения и захвата) нужно вести, пишет Карл, во имя укрепления веры с помощью оружия (*armis defendere*). Папе же Карл отводит при этом более чем скромную роль: он должен «молитвами» поддерживать воинов, дабы «народ христианский всюду одерживал победу и имя Христа было бы прославлено во всем мире» (*in orbe*).¹³

Представление о короле-императоре как о главе церкви (оно встречается не только у Алкуина, но также у Эйнгарда, Теодульфа и др.) отражало реальную действительность. Карл председательствовал на церковных соборах в Галлии, он использовал эти соборы для того, чтобы авторитетом церкви освящать издаваемые им законы государства (капитулярии). Он властно вмешивался в компетенцию духовенства, энергично занимаясь церковным законодательством и решая сложные и спорные богословские проблемы. Он провел через Аахенский церковный собор (809 г.) даже изменение самого «символа веры», прибавив слово «*filioque*» (и от сына) к формуле об «исхождении святого духа».

Когда же у папы Льва III возникли трения с частью духовенства, Карл взял решение дела в свои руки, выступил в роли верховного судьи и оправдал папу. После коронования Карла императорской короной в 800 г. папа принес ему присягу наряду со всеми другими его вассалами.

Самое коронование и помазание на власть, которое совершалось папой, понималось не как акт его, папской, воли, а как техническое исполнение воли божьей — помазание рассматривалось как священнодействие, «от бога» исходящее.

¹⁰ «*imperator romanus — caput orbis, Europae venerandus apex*» (Jäntere, ук. соч., стр. 332).

¹¹ MGH, Concilia, II, 142.

¹² Jäntere, ук. соч., стр. 332—333.

¹³ MGH, Epp., IV, № 93, стр. 137—138.

Естественно, что в этих условиях рос авторитет папской власти, укреплялись и политические позиции папства. По всей Европе — от Фрисландских берегов Северного моря до реки Лабы (Эльбы) в землях славян, от реки Эбро в Испании и до Ломбардской долины и Венгерской низменности — утверждались основы нового общественного строя, строя феодальной эксплуатации, феодального господства и подчинения, вассально-сеньориальных и иммунитетных прав и порядков. Рост и укрепление этих новых отношений требовал наиболее авторитетной санкции, требовал «божественного освящения».

Ссылка на «волю Божию», угроза жестоких мучений и кар не только в земной жизни, но и «в жизни вечной», и обещание райского блаженства за послушание становились важнейшим средством, помогавшим завоевателям сломить сопротивление народных масс, во всех концах Европы пытавшихся противостоять новому гнету, насилию и грабежу. Эту задачу могла выполнить только церковь, и никакая иная не могла это сделать в тех условиях лучше, чем церковь христианская. Она разработала всестороннее учение об аде и рае, о возмездии и воздаянии; она сумела связать жизнь человека и его социальное поведение невидимыми и прочными нитями с фантастическими образами «вечной жизни», с судьбой его «души».

В этом христианство обрело свою силу и именно поэтому оно стало «мировой» религией. Эту роль церкви хорошо понимал Наполеон, когда говорил, что сила ее в том, что «она сумела перенести социальный вопрос с земли на небо». Но уже и Карл Великий видел в церкви прежде всего орудие социально-политическое. Церковь была подготовлена к выполнению этой задачи не только своим «учением», не только системой «убеждения». За 7—8 столетий она сумела выработать также достаточно действенную систему принуждения. И это повышало значение церкви в глазах господствующего класса, в глазах самих правителей.

Церковь искусно использовала основы христианского вероучения — идею всеобщей греховности и идею искупления, чтобы создать эффективную систему воздействия на массы угнетенных людей. «Психический террор» сделался главным орудием церковного воздействия и дал церкви возможность в короткое время занять то исключительное место, которое ей принадлежало в феодальной системе средневековья.

Известным примером этого является захват Карлом земель саксов. Когда в силу специально изданного «саксонского капитулярия» вольнолюбивому саксу за непосещение мессы или несоблюдение поста грозила смертная казнь, то этим церковь

добивалась двойной цели: не только того, чтобы более действенно внедрять христианское учение о возмездии и воздаянии, запугивая богобоязненных и вольных до этого людей «страшным судом» и адскими мучениями, но и того, чтобы более действенно преподать этим закрепощенным ныне людям уроки смирения и слепого повиновения новым господам, захватившим их земли.

Крушение той имперской системы, которую, не сумев учесть реальное соотношение сил, пытался создать Карл Великий и его приспешники, быстрое падение могущества его династии, последовавшее после его смерти, создало почву для расцвета честолюбивых вожделений римского первоосвященника. Центральная идея программы Карла Великого об *imperium christianum* была, в несколько измененном виде, воспринята папством. Воспользовавшись быстрым ослаблением власти каролингов в условиях бурно развивавшихся феодальных отношений, вынужденных отступать шаг за шагом от централизаторских устремлений, уже папы первой половины IX в. добились ослабления своей зависимости от императорской власти. С 844 г. император не принимал более участия в избрании пап, как это было раньше.¹⁴

Николай I (858—867 гг.) был первым из римских пап, проводивших фантастическую идею вселенской теократической папской монархии. Он открыто заявил претензию участвовать в учреждении любой епархии, в любой стране, вторгаясь в установившиеся порядки феодального землевладения и заявляя себя как бы верховным сюзереном. Тем самым он стремился установить верховенство папской власти над светской, над властью любого государства.

Папы расширяли свои владения, распространяли свою юрисдикцию на всю Италию, Испанию, Францию, Иллирию и Африку, выступая не только в качестве главы церкви по вопросам ее организации и управления, но и в качестве верховной светской власти, «именем бога» диктующей свои решения.

В IX в. папа Иоанн VIII высокомерно заявил Карлу Лысому, что получением императорской короны тот обязан ему одному.¹⁵ Церковный собор в Павии подтвердил это заявление.¹⁶

Особое значение имел в деле возвышения власти римских пап один из наиболее позорных в истории папства докумен-

¹⁴ Prudentii Trecensis Annales Bertinianos, pars II. MGH, SS, I, 440.

¹⁵ Baronius, t. XV, стр. 264, § 6.

¹⁶ L. Muratori. Rerum italicarum scriptores, Mediol. 1723—1751, t. II, стр. 210.

тов — «Лжеисидоры декреталии», сфальсифицированные именно в эту пору (середина IX в.) и настолько искусно, что в течение ряда столетий они считались подлинными, пока в XVI в. не были окончательно разоблачены как подделки. В сборнике этих декреталий, ошибочно приписанных Исидору севильскому епископу начала VII в., подобраны тексты, якобы принадлежащие папам II—IV вв. Среди них сотни подложных документов (папские послания, никогда не существовавшие, каноны, никогда не издававшиеся и т. п.), якобы подтверждающих, будто папа римский — верховный глава, законодатель, «высший судия» в церкви, что он «единый, высший, первый епископ христианского мира». Тем самым обосновывалось «право» римских пап давать неоспоримые решения по всем вопросам, не только религиозным, но и политическим. Традиционная идея *imperium christianum* наполнялась новым содержанием, получала выраженный теократический характер. Но это не была только декларация — с IX в. папство приобрело в Западной Европе вполне реальное значение.

Однако, как ни выросло значение церкви, ставшей важнейшей частью идеологической надстройки формировавшегося в Европе феодального общества и освящавшей своим авторитетом разбойные походы IX—X вв., не могло быть в то время еще речи о господствующей роли церкви, о ее власти над светскими феодальными правителями. Более того, с середины X в. в Западной Европе устанавливается приоритет государственной, императорской власти над властью церкви, в том числе и над папством. Создается так называемая оттоно-салическая имперско-церковная система.¹⁷ Особую роль, как показали новейшие исследования этого вопроса, сыграли в ее установлении мероприятия германского императора Оттона I (936—972 гг.). Церковный дух, которым овеяны эти мероприятия, вполне согласуется с основной политической линией Оттона I, опиравшегося на церковную иерархию, и объясняет возникновение в 962 г. Священно-Римской империи, хотя в свете исторической реальности то, что называлось этим именем, не было, по меткому слову Вольтера, ни первым, ни вторым, ни третьим. Фактически, на протяжении 150 лет, в римской церкви на огромной части Западной Европы господствовала власть германских светских правителей.

И вместе с тем именно за этот период, как это ни парадоксально с первого взгляда, папство сумело обосноваться на

¹⁷ L. Santifaller. Zur Geschichte der ottonisch-salischen Reichskirchensystem. Wien, 1954.

прочной базе общепризнанного в западноевропейском феодальном мире неоспоримого своего авторитета, что позволило папам второй половины XI в. вступить в решительную борьбу за признание своего приоритета, за утверждение своей реальной власти.

Силы для этой борьбы дало папству прежде всего экономическое укрепление позиций церкви, превратившейся именно в этот период, период крайней феодальной раздробленности, в крупнейшего феодала в западноевропейском мире.¹⁸ Церковь становится в эту пору владельницей приблизительно одной трети всех земель в Западной Европе. Рост церковно-монастырского землевладения делал духовенство все более влиятельным, превращал его в неотъемлемую составную часть верхушки феодального мира.¹⁹

Благодаря своей роли в экономической жизни европейских стран, благодаря своеобразному римско-католическому космополитизму церковь в ту пору выполняла еще и другую важную историческую роль. В условиях крайней феодальной раздробленности X—XI вв. церковь с ее феодальным землевладением служила реальной связью между различными странами.²⁰ Наряду с королевской властью, которая в ту пору феодальной анархии «была представительницей порядка в беспорядке»,²¹ церковь становилась в известной степени силой, объединявшей разрозненные и противоречивые интересы различных групп феодалов не только в отдельных странах Западной Европы, но и в общеевропейском масштабе. Выступая как своеобразная феодально-монархическая организация во главе с папой, цер-

¹⁸ Если сравнить 170 лет каролингского периода (741—911 гг.) с 145 последующими годами оттоно-салического периода (911—1056 гг.), то оказывается, что число предоставленных церкви в пределах Империи иммунитетов выросло за это время в 7 раз. Значительно расширилась и номенклатура феодальных прав, дарованных церкви (Santifaller, ук. соч., стр. 60 и сл.).

¹⁹ Интересный подсчет современного немецкого историка Сантифаллера говорит о том, что из 1626 немецких епископов до XV в. включительно 975 принадлежали к феодалам, 179 предположительно принадлежали к феодалам, 355 вышли из министерялов, которых можно считать изгойской прослойкой феодалов, и только 117 вышли из бюргеров или крестьян. О большом росте церковного землевладения свидетельствуют и другие данные (см.: А. Конокотин. Рост владений монастыря св. Германа в XI—XIII вв. Учен. зап. Ярославск. педагог. ин-ст., вып. 1, 1953, стр. 76—98).

²⁰ Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 295.

²¹ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 158.

ковь придавала всей системе западноевропейского феодализма некоторое политическое единство. Это оказалось особенно важным в борьбе с нашествиями внешнего врага, прежде всего арабов, турок и монголов. «Единство западноевропейского мира, представлявшего группу народов, развитие которых совершалось в постоянном взаимодействии, это единство было осуществлено католицизмом».²²

Всем этим церковь приобретала особое значение в укреплении феодальной системы в Западной Европе. Она являлась «наивысшим синтезом и общей санкцией» феодального строя (Энгельс). Она дала ему свое освящение, она объявила его порядки «богоустановленными». Она выступила в роли его защитницы, действуя при помощи всего ассортимента церковных кар — от покаяния до отлучения, а в иных случаях прибегая к физическому уничтожению непокорных — предавая их сожжению в одиночку или группами под видом «еретиков» или организуя массовую резню под именем «крестовых походов».

Будучи сама феодалом, представляя собой часть феодальной системы, церковь этой своей активной ролью в охране феодализма становилась все более необходимой для класса феодалов в целом, превращалась в важнейшую часть феодальной надстройки, в основную идеологическую силу, поддерживавшую установившийся феодальный строй.

С папской идеей «христианской империи» неразрывно связаны осуществлявшиеся под флагом миссионерства среди «язычников» планы захватов и завоеваний, прежде всего на востоке и северо-востоке Европы.

Со второй половины IX и в особенности в первой половине X в. папство вступило в упорную борьбу за проникновение в славянские страны. Притязания на Болгарию, Сербию, Моравию и Богемию, открытое наступление на восточную церковь и славянскую литургию, введенные в этих странах со времен Мефодия и Константина (864—870 гг.), приводили к острым столкновениям, имевшим характер отнюдь не только религиозный. За спиной католического духовенства, бесцеремонно вторгавшегося в славянские страны, вырисовывались фигуры чужеземных захватчиков, стремившихся овладеть богатыми землями этих стран и покорить местное население.

В связи с натиском римской церкви на славянские страны обострялись отношения между греко-византийской церковью в Константинополе и папами. Ряд посланий, которые обнародо-

²² Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 295.

вали главы римской и византийской церквей, в особенности «Окружное послание» патриарха Фотия (867 г.), в котором он разоблачает агрессивный характер папских притязаний и весьма энергично оспаривает претензии Рима на первенство и главенство во всей христианской церкви, является свидетельством уже глубоко обозначившегося церковного раскола, который, осложнившись новыми столкновениями на протяжении следующих 200 лет, привел в середине XI в. (1054 г.) к окончательному «разделению церквей».

Насколько агрессивно действовала римская церковь в стремлении закрепить за собой позиции в славянских странах юго-восточной Европы можно видеть из жалобы, которую подали папе Иоанну IX в 900 г. германские прелаты, действовавшие там и встречавшие непрекращающееся сопротивление в народе. В этой жалобе они носят восточное исповедание славян, называя его последователей «лжехристианами» (*pseudochristiani*), а священников «нехристиами». Авторы этого документа заявляют, что славяне «отступают от христианства и предаются дьяволу, христианство же теряет для них ценность».²³

Важнейшим средством утверждения власти римских пап в различных странах являлась их постоянная борьба за унификацию церкви в ее культе, языке, богослужении и т. п. Известно, с какой ожесточенностью проводилась эта борьба, с какой настойчивостью епископы вытесняли всякие остатки национальных элементов в церковном культе. Всё неримское в глазах пап представлялось антиримским. В сущности, в таком понимании было несомненно зерно истины. Остатки местных особенностей в литургии, стремление сохранить местный язык в богослужении было своеобразным протестом против экспансионистской политики римских пап.²⁴ Острее всего эта борьба развернулась в тех славянских странах, куда проникла католическая церковь и опираясь на которые папская политика рассчитывала расширить свое влияние и дальше на восток.

Уже со времен Мефодия, со второй половины IX в., папы неоднократно обрушивали на славянские страны потоки угроз, требуя искоренения славянских элементов в богослужении. Несмотря на энергичное противодействие, которое оказывали

²³ Dobner (ed.). *Annalecta Hageciana*, v. I. Pragae, 1761, стр. 74.

²⁴ Римская церковь не останавливалась перед включением в свой пантеон местных «языческих» божков, местных обычаев и обрядов. Некоторые подробности из истории этой борьбы приведены мною в статье «Фрагмент музыкально-теоретического памятника раннего средневековья» (Вопросы музыкознания, Ежегодник, вып. II, Музгиз, 1955, стр. 299 и сл.).

германо-католическим захватчикам народные массы в этих странах, в течение нескольких десятилетий германским прелатам удалось во многих местах вытеснить восточный христианский культ (славянскую литургию, обрядность), заменив его латинским богослужением. Тем не менее некоторые элементы славянской литургии сохранялись в Моравии и в Богемии в течение длительного времени, в Кroatии же они встречались и в XIX в.²⁵

В 924 г. папа Иоанн X по случаю созыва специального церковного собора в Далмации (Сплит) по вопросам церковных порядков в славянских странах обратился с посланием к архиепископу Сплитскому, ко всей местной церковной и светской иерархии и народу далматинской Кroatии, в котором категорически требовал вывести из употребления славянские богослужебные книги. Собор под прямым давлением папы принял решение в этом духе.²⁶

В 1059 г. папа Александр II подтвердил новое решение местного церковного собора в Сплите, происходившего под председательством кардинала Майнарда, о запрещении богослужения на славянских языках, а также употребления славянских писмен для богослужебных книг, как «изобретенные неким еретиком Мефодием».²⁷

Самый факт этих папских решений, требований, посланий — яркое свидетельство того, насколько ненавистной была в этих странах агрессивная политика римского престола и какое упорное противодействие оказывалось ей.

Стремление к расширению господства пап на Востоке, к приведению стран и народов Восточной Европы и Азии под власть католической церкви и ее римского епископа было одним из главных направлений папской политики на протяжении многих столетий.

Перефразируя Катона, ярко выразил эту мысль замечательный украинский писатель Иван Франко: «Спокон веков один папа передает своему преемнику неизменное римское „Ceterum censeo — orientem esse convertendum“».²⁸ Этот девиз как бы объединяет самые различные предприятия римских пап.

Начиная с первых столетий христианства и до наших дней тянется длинная цепь попыток римских политиков проложить

²⁵ F. Dvornik. Rom, Kiev et Byzance au IX siècle. Paris, 1924, стр. 321.

²⁶ Там же.

²⁷ Scriptores rerum hungaricarum, t. III, Vindobonae, 1746, стр. 552.

²⁸ «А помимо всего прочего — Восток должен быть обращен!» (Иван Франко. Публіцистика. Київ, 1953, стр. 62).

пути для утверждения папской церкви в европейских и неевропейских странах Востока и особенно в Византии и в землях славянских народов — в Польше, Чехии, Моравии, Болгарии, а также на Руси. Византия с одной стороны, Русь — с другой, стали желанной целью в планах римских пап и папских дипломатов.

Папская экспансия против Руси являлась частью общей политики римской курии, ориентированной на Восток и постоянно преследовавшей одну цель — церковно-политическое подчинение Риму все новых стран и народов. Проводя эту политику, папство прикрывалось флагом миссионерства, стремились утвердиться на новых землях под предлогом насаждения «истинной веры», которой оно объявляло только веру римско-католическую.

Будучи не в состоянии самостоятельно осуществить свои цели, папство возлагало надежды в каждое данное время на те или иные политические силы и само служило интересам этих сил.

На протяжении пяти столетий папской экспансии против Руси в средние века эти силы многократно менялись. То это были германские императоры Священно-Римской империи, то могущественные магнаты Италии или немецкие феодалы XII—XIII вв., то французские короли, подчинившие себе папство в XIV в. Однако зависимость папской политики от тех или иных сил западноевропейского феодализма не означала, что папство не играло в известном смысле и самостоятельной роли. Эту роль папства Энгельс подчеркивал, когда отмечал, что «великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь».²⁹ Папство возглавляло эту церковь как его религиозно-политический монархический центр. В условиях феодальной раздробленности и феодальной анархии, в обстановке постоянных междоусобий средневековья папская церковь «объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с греко-православным миром, так и с магометанским миром».³⁰

Во второй половине X в. римская церковь утвердила свое влияние на землях таких западославянских народов, как поляки, чехи, хорваты. Церковь же греко-византийская обосновалась в Болгарии и Сербии. Последнее обстоятельство сыграло

²⁹ Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 295.

³⁰ Там же.

также роль в распространении христианства на Руси, так как уже с IX в. из Болгарии проникали на Русь христианские влияния.³¹ Свидетельство об этих ранних церковных связях между Болгарией и Русью можно видеть в булле папы Иоанна XIII (967 г.) об утверждении пражского епископства при церкви св. Витта и монастыря бенедиктинок при церкви св. Георгия. В этой булле особо оговаривается, что богослужение должно производиться там «ни в коем случае не по обряду болгарского народа, либо русского (подчеркнуто мной, — Б. Р.) или на славянском языке, но в соответствии с папскими установлениями и распоряжениями... клириком, хорошо обученным в латинском языке».³²

В этих словах нашла отражение враждебная Болгарии и Руси политика римской курии. Создание пражского епископства и насаждение монастырей с латинским духовенством понималось в Риме как важный шаг в борьбе за утверждение папства в славянских странах и окончательное уничтожение местных особенностей богослужения, сохранившихся от времен кирилло-мефодиевской церкви. Вместе с тем эта булла служит и прямым свидетельством существования христианства на Руси и богослужения на русском языке за 20 лет до официального принятия христианства при Владимире. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что распространение христианства на Руси являлось длительным процессом.

К середине X в. относятся первые достоверные известия о распространении на Руси христианства и к этому же времени — первые сведения об экспансии, предпринимаемой западноевропейскими феодалами под флагом римской церкви с целью подчинить русские земли своему влиянию или просто покорить их. Неудачи и повторяющиеся провалы многократных попыток достижения этих целей в течение долгого времени не могли остановить римских политиков, а заставляли их лишь искать с возобновлявшимся упорством все новых путей и способов проникновения на восток.

³¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; А. А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. Научн. историч. журн., т. II, вып. 1, № 4, 1914, стр. 50—52 и 56; М. В. Левченко. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. ВВ, т. VII, 1953, стр. 194.

³² «Veruntamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruzie aut Slavonice lingue, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potius totius ecclesie ad placitum eligas in hoc opus clericum latinis adprime litteris eruditum» (MGH, SS, II, 44, Nova series, 1955). — Существуют сомнения по поводу подлинности этой буллы (Лелевель), но их нельзя признать достаточно вескими.

Шаг за шагом католическая экспансия приобретала все более выраженные и острые формы, пока с конца XII в. не превратилась в широкоразвернутое военное наступление под флагом «крестовых походов».

В какие формы ни облекалась папская экспансия, для народов этих стран она оставалась неприемлемой. За «миролюбивыми» заверениями, призывами к «соединению церквей» и «созданию единой церкви» и в Византии, и на Руси неизменно слышались воинственные клики разбойничающих немецких, венгерских, польских и других феодалов. Исторический опыт народов не раз показал, что именно этому феодальному самовластию открывала дверь католическая церковь, обосновываясь на новых землях.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА РУСИ В X—XII вв.

Глава I. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ПРОНИКНОВЕНИЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ НА РУСЬ В X в.

Христианство на Руси известно значительно раньше того времени, к которому относится официальное введение его князем Владимиром. Если раннее упоминание о нем, которое можно найти в словах церковного историка Иеронима (IV в.) — «Холода Скифии пылают жаром новой веры», следует считать скорее риторическим приемом автора,¹ отражающим разве только одиночные факты миссионерских путешествий в пределы языческой «Скифии», чем историческим свидетельством, то к середине IX в. относится первое, более достоверное показание о распространении в древней Руси христианства. Константинопольский патриарх Фотий в 867 г. пишет о христианстве на Руси в своем «Окружном послании». Называя соседний Византии народ «рос» большим, всем известным народом, достигшим «блистательной высоты и несметного богатства», отмечая, что народ этот решился «поднять руки и против римской державы» (Византии), Фотий рассказывает о походе руссов на Константинополь в 860 г., когда 18 июня под стенами византийской столицы появился их флот в числе 200 судов, блокировавший

¹ Также следует расценивать и другие столь же неопределенные, глухие упоминания о христианстве в Восточной Европе, которые имеются у Тертуллиана, церковного писателя III в. (*Adversus iudaeos*, гл. VII: MPL, II, 611), у Афанасия Александрийского — автора IV в. (MPGr, XXV, 187) или его младшего современника — Иоанна Златоуста (MPGr, XLVIII, 822 и 830; LV, 186; LXIII, 501). Каждый из этих авторов упоминает о распространении христианской веры у скифов.

город и высадивший десант, который начал осаду.² В связи с рассказом об этих событиях Фотий писал в своем «Окружном послании», адресованном всем патриархам Востока, об успехах христианства, уже распространившегося «среди народа рос, который еще недавно угрожал империи и осаждал ее столицу», а ныне, как пишет Фотий, «живет с империей в мире», «принял епископа и пастыря» (очевидно, направленного на Русь Фотием) и «усердно следует христианской обрядности».³

Нет оснований предполагать, что речь шла о широком распространении новой веры на Руси. Законны даже сомнения по поводу того, кого подразумевал Фотий под неопределенным термином «рос». Против наиболее распространенного мнения, что речь шла о южнорусских племенах Приазовья, веские возражения выдвинуты недавно в посмертном труде советского византиноведа М. В. Левченко, приписывающего совершение этого набега киевлянам.⁴ Но повторное свидетельство византийского патриарха служит несомненным подтверждением того, что новая религия в эту пору завоевывала себе последователей на Руси.

Существовали даже христианские религиозные книги, писанные «русскими буквами». Такое евангелие видел греко-славянский церковный деятель в Моравии-Чехии Константин-Кирилл, совершивший в 860—861 гг. миссионерскую поездку через Крым и Приазовскую Русь в землю хазар.⁵

Однако наряду с византийской церковью, стремившейся насадить новую веру на Руси, в том же направлении в это же время пытается действовать и церковь латинская. Обе церкви

² Русские летописи сообщают о морском походе руссов на Босфор, относя его к 866 г. и называя его предводителями и организаторами киевских князей Аскольда и Дира. С опубликованием в 1894 г. обнаруженной бельгийским исследователем Кюмоном небольшой анонимной хроники, названной им «Синоптической», весьма точно излагающей события этого похода, такая датировка отпадает. Интересно отметить, что некоторые авторы задолго до обнаружения этой хроники на основании ряда убедительных соображений приходили к датированию этого военно-морского похода русских на Константинополь 859—861 гг.: так, у Ассемана — в середине XVIII в., у русского церковного историка Е. Голубинского — в 1880 г. См.: А. А. Vasiliev. *History of the Byzantine Empire (324—1453)*. Univ. of Wisconsin Press. 1952, стр. 287.

³ МРGr, CII, 735—737.

⁴ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 59—63. Ср.: С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. Историк-марксист, 1937, № 2, стр. 40—76.

⁵ F. Dvornik. *Les Slaves, Byzance et Rome au IX-me siècle*. Paris, 1926, стр. 137; F. Dvornik. *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*. Prague, 1933, стр. 185 и сл.

соперничали в 60-х годах IX в. за господство в западнославянских землях: Моравии, Чехии, Болгарии. Естественно было расширение арены этой борьбы и за счет Восточной Европы, населенной также славянскими племенами.

Заслуживает внимания в этой связи интерес к русским, проявленный папой Николаем I в его послании византийскому императору Михаилу III в сентябре 865 г.⁶ Когда же спустя два года, после убийства императора, папе удалось добиться низложения и изгнания патриарха Фотия и возведения на патриарший престол своего ставленника Игнатия, последний отправил архиепископа (митрополита) на Русь, о чем, по словам «Продолжателя Феофана», сообщает византийский император Константин Порфирородный в середине X в. в биографии своего деда Василия I Македонянина.⁷

Католические авторы, усердствующие в стремлении исторически «обосновать» претензии папства на церковную власть на Руси, изображают этот факт как «первое обращение русских в христианство», делая отсюда выводы об историческом приоритете римско-католической церкви в нашей стране.⁸ Между тем если верно сообщение о миссионере, направленном на Русь латинским патриархом, то тем более нет оснований сомневаться в посылке на Русь епископа патриархом Фотием. Отправка латинского архиепископа Игнатием датируется 874 г., а Фотий уже в 867 г. писал об успехах отправленного им на Русь епископа византийской церкви.⁹

В действительности вопрос о том, в какой мере распространение христианства на Руси в 60—70-х годах IX в. было связано с Фотием или с Игнатием, не имеет большого историче-

⁶ MPL, CXIX, 932 и сл.

⁷ Theophanes Contin. De Michaelē Theophili filio et de Basilio Macedone. Bonn, 1838, стр. 196, 342 и сл.

⁸ Специальной разработке с этих позиций подвергся весь круг этих вопросов в работе Таубе (M. de Taube. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars. IX—XIII siècles), первый том которой («Le prince Askold, l'origine de l'Etat de Kiev et la première conversion des russes. 856—882») издан в Париже, в 1947 г.

⁹ На 874-й год («са 874?») указывает дата договора между Византией и Русью, приведенного Дёльгером (F. Dölger. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Abt. I: Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, I Th.: Regesten von 565—1025. München, 1924, t. I, № 493, стр. 60). У Константина Порфирородного сказано, что, после того как его дед Василий I заключил договор о торговле и мирных отношениях с русскими, к ним был направлен патриархом Игнатием архиепископ. Отсюда занимавшийся этим вопросом Таубе (ук. соч., стр. 43, 93, 130 и др.) делает вывод, что «первое обращение в христианство русских» произошло в 874 г.

ского значения. Распространение новой веры в такой обширной стране, какой была уже в ту пору Русь,¹⁰ не могло быть единовременным актом и к тому же делом одного миссионера или епископа. Это был достаточно длительный процесс, в развитии которого главную роль играла не проповедь миссионеров, а то обстоятельство, что на основе складывавшихся новых феодальных общественных отношений возникала и новая идеология, и нужна была и новая религия, которая освящала бы эти отношения.

Важно то, что различные источники согласно свидетельствуют о развитии этого процесса в указанные годы. Вместе с тем очевидно, что с самого начала распространение христианства на Руси было связано с упорным стремлением папства взять эту новую базу христианской церкви в свои руки.

Вполне вероятно, что представители римской церкви не упустили случая оказать свое влияние на ход этого процесса на Руси и в 70-х годах IX в., когда для них создались особо благоприятные условия во время десятилетнего правления патриарха Игнатия (867—877 гг.).

Несомненно активное участие в христианизации древней Руси и болгарского духовенства.¹¹ В тех же 60-х годах IX в. в Болгарии, как и в Моравии, также шло распространение христианства, насаждавшегося Константином-Кириллом и Мефодием. При достаточно тесных торговых связях между Киевом и Прагой, действовавших почти регулярно, несомненно и проникновение христианских миссионеров из этих западнославянских стран на Русь.¹² Следует иметь в виду, что Русь лежала на

¹⁰ Следует отметить, что остается невыясненным, куда именно направлялись епископы-миссионеры: в Киев ли, в Приазовскую ли Русь, где с 879 г., очевидно, уже существовала византийская епархия, значившаяся в официальных списках константинопольской патриархии (см.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 1-й полутом. М., 1901, стр. 48; также: Таубе, ук. соч., стр. 40).

¹¹ Приселков, ук. соч.; см.: Е. Dvornik. Les Slaves..., стр. 300. — Таубе (ук. соч., стр. 45—46) пытается доказать, что упомянутый в утерянной ныне «Иоакимовой летописи» Михаил, о котором, по словам исследовавшего эту летопись историка В. Н. Татищева, сказано, что он (Михаил) «возблагодарил бога и пошел к булгарам», являлся тем первым митрополитом болгарского происхождения, которого Игнатий отправил в 874 г. на Русь. Однако доводы Таубе нельзя считать убедительными, все его построения явно продиктованы тенденциозным стремлением подыскать латинского прелата с этим именем. Догадка Татищева более осторожна: он предполагает лишь, что упомянутый в летописи Михаил — тот митрополит, который крестил киевского князя Аскольда и с которым связана летописная легенда об этом крещении (В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. I. СПб., 1768, стр. 35).

¹² Об этих торговых связях см.: В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, ч. CCLVIII, стр. 121—150;

большом торговом пути, соединявшем в ту пору такие города Западной Европы, как Кельн и Майнц, через Прагу и Краков с торговыми городами хазар на Волге, а через них с мировыми центрами Востока — Самаркандом и Багдадом, или по знаменитой «шелковой дороге» — с городами Китая и Дальнего Востока. Все это способствовало распространению и новых религиозных верований на Руси.

Наряду с этим вероятно и активность латинских миссионеров, приходивших уже в эту пору на Русь с севера и северо-запада. В этой связи не лишены интереса данные источников о ранних попытках датских и шведских викингов обосноваться в Прибалтике. Об этом сообщает архиепископ Гамбургский Римберт (865—888 гг.) в своем «Житии Ансхария», бывшего его учителем.¹³ Попытки викингов захватить Курляндию имели место в середине IX в.; по словам Римберта, среди викингов были и христиане. Из этого можно сделать почти бесспорный вывод о попытках распространения новой веры и в северо-западных районах Восточной Европы.

Итак, в середине IX в. христианская вера, вытеснявшая мало-помалу древние религиозные представления, проникала на Русь с разных сторон. Объяснялось это прежде всего тем, что в процессе общеисторического развития славянских племен Восточной Европы создались социальные предпосылки, которые требовали формирования новой идеологии. Однако процесс этот развивался неравномерно. Еще не исчезли и те общественные силы, которые ему противодействовали. Еще не сложились достаточно благоприятные социально-экономические условия для упрочения христианства. Крещение, принятое после 860 г. киевлянами, возможно во главе с их князем Аскольдом,¹⁴ не получило широкого распространения. Когда же в 882 г. Киев был взят варяжским предводителем Олегом, восторжествовали старые верования.¹⁵ Возвращение киевской Руси к старым верованиям подтверждается косвенно и тем, что в договорах Олега

J. Brutzkus. Trade with eastern Europe (800—1200). Econ. hist. rev., 1943, v. XIII, № 1/2, стр. 31 и сл.

¹³ Vita s. Anscharii, archiepiscopi Hamburgensis a s. Remberto conscripta. Scriptores rerum danicarum medii aevi, ed. Langebek, t. I. Hafniae, 1773, стр. 427 и сл.

¹⁴ Эту версию отстаивает Таубе в указанной выше книге. С крайних норманистических позиций он пытается доказать нормандское происхождение Аскольда и, объявляя его первым русским князем и первым крестителем Руси, представить начало русской государственности как результат чужеземного вмешательства.

¹⁵ F. Dvornik. The Kiev State and its relations with Western Europe. Transact. Roy. Hist. Soc., IV ser., v. XXIV, London, 1947, стр. 32.

с Византией 907 и 911 гг. никаких упоминаний о христианстве нет.¹⁶

Варяги, поселившиеся на Руси, не только не были проводниками христианства, как это настоячиво, хотя и бездоказательно повторяет ряд католических авторов,¹⁷ но, не будучи сами христианами, они способствовали в конце IX и первой половине X в. возвращению русских к старым верованиям.

Тем не менее христианство на Руси и в это время не исчезало. Церковь на Руси получила во второй половине IX в. или в начале X в. и организационное оформление: она считалась митрополией константинопольского патриарха и в церковном уставе Льва VI (890—912 гг.) числилась на 61-м месте; несколько же позднее, в списках времен Константина Порфирородного, Русь составляла 60-ю митрополию патриархата.¹⁸

К середине X в. относится ряд новых свидетельств о распространении христианства на Руси. Этот процесс охватывал прежде всего часть княжеско-дружинной верхушки, а возможно, и часть богатого купечества. Христианские влияния на Русь шли, очевидно, главным образом из Византии. Греческие миссионеры действовали в разных городах древней Руси, но преимущественно в Киеве. Здесь, по-видимому, приняла в конце 50-х годов X в. христианство и жена князя Игоря Рюриковича — Ольга.¹⁹

Уже в 945 г., как это видно из русских летописных известий, в Киеве имелось немало христиан. В сообщении о посольстве, снаряженном Игорем в Константинополь для заключения договора, рассказывается, что христианские участники договора присягали в церкви св. Илии,²⁰ в то время как сам Игорь и

¹⁶ Левченко, ук. соч., стр. 88.

¹⁷ См. одну из последних книг, в которой выражена эта точка зрения: G. Welter. *Histoire de Russie depuis des origines jusqu'à 1945*. Paris, 1946. — Здесь говорится, что «варяги дали восточным славянам не только государство, но и религию» (стр. 39).

¹⁸ Левченко, ук. соч., стр. 82; Очерки, I, стр. 106.

¹⁹ Версия, будто кн. Ольга приняла христианство в Константинополе, не подтверждается византийскими источниками, в особенности в писаниях Константина Порфирородного, сообщающего о пребывании Ольги в Константинополе в 957 г., но не упоминающего ни о каком крещении Ольги.

²⁰ Двукратное упоминание в тексте договора «церкви св. Илии» не во всем ясно, что подало повод к различным толкованиям этого места летописи. Очевидно, следует согласиться с тем, что речь идет не об одной, а о двух церквях этого наименования: одной в Константинополе, местоположение которой точно не известно, и другой в Киеве, о которой летописец делает от себя небольшой топографический комментарий: «...яже есть надъ ручаємъ, конецъ Пасынчгъ беседы и Козаре». Убедительны соображения Е. Голубинского, доказывающего, что местоположение этой церкви следует

другие послы приносили клятву верности на холме, где стоял Перун.²¹

Обо всем этом летопись рассказывает в тексте, очевидно, подтверждавшемся письменным первоисточником, впоследствии утраченным. Летописец воспроизводит в этой части своего рассказа о событиях 6453 г. (945 г.) текст договора, заключенного в результате переговоров киевского посольства в Константинополе. Этот текст был в руках летописца, о чем свидетельствует подробное перечисление множества имен участников посольства с указанием, в каком отношении стоял каждый из них к правившей в Киеве княжеской верхушке. Ясно, что в устной передаче, в рассказе, такое длинное и подробное перечисление не могло бы сохраниться.

Летописный рассказ 945 г. убедительно свидетельствует о том, что последователей христианства было на Руси тогда уже немало. Вместе с тем в этом же тексте имеется и указание, из которого необходимо сделать вывод, что в целом Русь придерживалась еще старых религиозных верований. В одной из статей, где предусматривается наказание за нарушение заключаемого договора о мирном сожительстве греков и русских, сказано: «Ежели христианин убьет русина или русин христианина, пусть схватят виновника убийства ближние убитого и убьют его».²² Здесь «христианину» прямо противопоставлен «русин». Ясно, что в обычном понимании «русин» был нехристианин, «язычник».

предполагать на краю горы, обращенной к некогда существовавшему Крещатицкому ручью, где ныне проходит главная магистраль города Киева. В этой церкви происходило принесение клятвы в исполнении заключенного договора всеми христианами — участниками Игорева посольства, а также другими христианами — дружинниками князя. В константинопольской же церкви св. Ильи происходила аналогичная церемония в самое время составления договоров. На это указывает форма прошедшего времени «мы же... кляхомся» (мы же поклялись), употребленная относительно христиан — членов посольства, и форма будущего времени «да кленутся» (имеют поклясться, поклянутся) — по отношению к «некрещеной Руси», т. е. послам — нехристианам (Голубинский, ук. соч., стр. 67 и 72—73).

²¹ ПВА, I, стр. 39. — Интересно отметить, что первая известная нам христианская церковь в Киеве названа была именем христианского «пророка» Ильи, образ которого равнозначен образу Перуна — одного из главных представителей древнеславянского пантеона. Это является блестящей иллюстрацией мысли Энгельса о том, что древнеязыческие боги могли быть вытеснены христианством «только посредством культа святых» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 429).

²² «Аще убьеть хрестеяниинъ русина или русинъ хрестеянина, да держимъ будетъ створивый убийство от ближних убьенаго да убьють и» (ПВА, I, стр. 37).

Это место летописного рассказа помогает уточнить и ответ на важный вопрос о той социальной среде, в которой в эту пору новая вера уже распространилась, помогает понять и социальную роль новой веры в условиях возникновения и развития Киевского государства.

Как известно, в X в., а вероятно и раньше, в киевских и новгородских землях складываются феодальные вассальные отношения на основе крупного землевладения, устанавливается феодальная эксплуатация крестьянства.²³ Новые формы экономических отношений, вытеснявшие древний общинный уклад, стародавнюю общинную и военную демократию, были исторически прогрессивными. Вместе с тем они завоевывали себе место ценою тяжелых страданий народных масс.

Здесь-то и появилась у нарождающегося господствующего класса острая необходимость в действенных средствах внеэкономического принуждения, в таких рычагах воздействия на массы, которые подавили бы протест, которые примирили бы людей с потерей ими своей свободы, которые укрепили бы новую систему угнетения и эксплуатации. В исторических условиях того времени ничто другое не могло выполнить эти задачи так успешно, как именно христианская религия, уже веками служившая этой цели и на Западе, и в Византии и своей исторической практикой доказавшая, насколько она для этого приспособлена.

Будучи сама крупным феодалом, христианская церковь выработала сложную систему предписаний и установлений в культе и в догме, соответствовавших интересам крупных земельных собственников. Они-то и становились первыми приверженцами и последователями новой религии, они и способствовали ее проникновению на Русь. Вот почему и в договоре 945 г. упоминания о христианах относятся прежде всего к членам именитого посольства из киевско-новгородской знати, к дружинникам князя и «гостям» — купечеству. Что же касается простого народа, то в его среде христианство нескоро и нелегко находило своих последователей.²⁴

Интерес к распространению новой религии на Руси проявлялся, однако, не только внутри страны. В двух центрах мирового христианства того времени — в Византии и в Риме — с неослабным вниманием следили за сложными перипетиями социально-политического развития Руси, одновременно и манившей к себе огромными своими богатствами, и отпугивавшей своей

²³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1952.

²⁴ См.: М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси (XI—XIII вв.). М., 1955, стр. 76—77.

грозной силой. Это двойственное отношение к Руси и ее народу ярко отразилось в писаниях византийского императора середины X в. Константина VII, в особенности в его трактате «О народах», где он говорит о Руси с нескрываемой враждебностью. Но Русь была слишком отдалена от Византии, между ними простирались бескрайние степи Северного Причерноморья, где хозяйничали печенеги, одолеть которых в ту пору Византия не была в силах. С другой стороны, Византия должна была вести непрестанную борьбу за свое существование с арабским халифатом. В этих условиях Русь не могла быть объектом захватнических вожделений Византии. Но глубоко заинтересованная в налаживании прочных торговых связей с Русью, Византия всячески стремилась к более широкому внедрению здесь новой веры, насаждаемой греческими монахами.

Однако христианство проникало на Русь не только со стороны Византии, но и из тех стран, которые сами восприняли новую религию из Византии, как-то: Болгария, Моравия, Чехия. Христианские влияния распространялись на Русь в связи с постоянными экономическими и культурными сношениями, сближавшими эти славянские народы между собой.²⁵

Но наряду с этим естественным историческим процессом имели место и другие факты, свидетельствовавшие о том, что насаждение христианства на Руси агентами римской церкви и их попытки обосноваться на русских землях были непосредственно связаны с политическими целями западноевропейских феодальных правителей.

В середине X в. быстро укрепляются военно-политические позиции германского короля Оттона I, подчинившего себе Италию в результате похода 951 г., а в 955 г. обезопасившего юго-восточные границы своих владений от венгров победой при Лехфельде. После этого наступательная политика Оттона I явно поворачивается на восток. Здесь, за счет владений славянских племен, расселявшихся на Лабе, он стремится удовлетворить захватнические вожделения германских, прежде всего саксонских феодалов.

Начинается кровавая эпопея завоевания Восточной Саксонии, земель лужичан. Даже немецкий хронист Видукинд рисует картину беспощадной жестокости и коварства, с помощью которых германским феодалам только и удалось сломить вольный дух свободолюбивых славян.

В захваченных немецкими феодалами в эту пору землях славян Оттон I, ставший с 962 г. первым германским императором

²⁵ F. Dvornik. The Kiev State..., стр. 35 и сл.

ром, учредил пять новых епископских кафедр, а в Магдебурге — архиепископство. Новообразованные епископства и церковные провинции, возникшие на завоеванных землях, с населением, враждебным завоевателям, должны были опираться на военнополитическую организацию, создававшуюся одновременно с организацией церковной. Последняя дополняла и завершала первую, служила ей и идеологической завесой, знаменем, за которым легче было скрыть ее подлинную сущность. С другой стороны, императорская власть не могла обойтись без папства в создании и оформлении этой церковной организации. Создание новых церковных центров хотя и происходило по инициативе светской, императорской власти, не могло осуществляться без прямого участия папы. Ему принадлежал решающий голос в этих делах.

На базе общих захватнических интересов укреплялся союз между Империей и церковью. Церковь освящала военно-захватническую политику Оттона I и его преемников, сводившуюся к подчинению Империи и папству племен и народов, населявших обширные пространства Восточной Европы. Насколько значительной была при этом роль папской церкви, показывает, помимо прочего, тот факт, что, начиная с Оттона I, первое место при императоре неизменно занимали могущественные прелаты церкви: майнцский архиепископ Виллигис, мецский епископ Дитрих, а позднее вормсский епископ Хильдибальд, льежский — Ноткер, а затем и Герберт реймский, ставший в 999 г. папой Сильвестром II.

Политика щедрых дарений и широких привилегий, предоставляемых церкви, закладывала фундамент территориальной и политической независимости местных церковных магнатов. Под этим флагом они и выступали в дальнейшем против централизаторских тенденций императорской власти в борьбе за свою самостоятельность.

Таким образом, укрепление позиций римской церкви в X в. на восточных границах Западной Европы являлось прямым дополнением к захватническим действиям германских феодалов, стремившихся обосноваться на славянских землях. Эти захваты сопровождались насильственным обращением славянского населения в христианство. Церковная десятина, устанавливавшаяся везде и всюду в качестве первой меры, представляла собой основную форму, в которой выступала новая феодальная система эксплуатации; далее следовало и закрепощение на землях, подвластных церкви.

Но кроме того, церковь самым активным образом выполняла здесь и свою роль идеологической надстройки, укреплявшей и

защищавшей установившийся на этих территориях новый феодальный базис. Светская власть хорошо отдавала себе отчет в этой, столь важной для нее, роли церкви и способствовала со своей стороны укреплению последней.

В тесной связи с захватническими войнами против полабских славян, начавшимися с новой силой в 956 г., стоит и неприкрытый интерес, проявленный Оттоном I к Руси. Учредив архиепископство в Магдебурге, он задумал создать еще две новые епархии с расширенными правами, предоставлявшимися кафедрам в областях «язычников» (*in partibus infidelium*): одна такая епархия намечалась в Польше и другая на Руси.²⁶ Эти епархии должны были находиться в подчинении майнцского епископа (впоследствии — магдебургского). Обращение в христианскую веру русских было для Оттона I важным постольку, поскольку оно, как он надеялся, могло облегчить окончательное покорение западных славян и распространение его политического влияния на Русь.

Такие цели и преследовала миссия, которую Оттон I около 960 г. решил отправить на Русь. Возглавлять миссию должен был сначала монах Либуций из монастыря св. Альберта в Майнце, который, однако, умер в период подготовки к отъезду, в марте 961 г. На его место был назначен монах монастыря св. Максимилиана в Лотарингии, Адальберт, который в 953—958 гг., по-видимому, подвизался при дворе в качестве королевского нотариуса.²⁷ В 961 г. он прибыл в Киев как представитель Оттона I, а вместе с тем, очевидно, и римского папы Иоанна XII. Папское благословение и формальное назначение было необходимо, несмотря на фактическое верховенство Оттона I над папой.

Адальберт явился в Киев с титулом «епископа русского». Это было, по-видимому, первое появление католического прелата на Руси. В Киеве быстро разгадали, что скрывается за так называемой «христианизацией», о которой разглагольствовали новоприбывшие. Очевидно, и поведение так называемых «миссионеров» было достаточно нескромным, и вскоре по приезду гостей в Киев поднялось по их адресу такое возмущение в народе, что Адальберт со своими спутниками счел за лучшее спешно оставить пределы киевской земли.

В целом ряде западноевропейских хроник сохранились известия об этих событиях. Наиболее подробно мы читаем об этом в «Хронике» так называемого «Продолжателя Регинаона».

²⁶ K. Uhlirz. Geschichte des Erzbistums Magdeburg. 1887, стр. 13.

²⁷ A. Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands, Bd. III, 1954, стр. 127—128.

Регинон Прюмский, аббат Вейссенбергского монастыря написал «Хронику», которую довел до 906 г. Продолжение этой «Хроники» считалось делом неизвестного автора. Именно в этой части имеется ряд записей, относящихся к интересующему нас эпизоду. Под 959 г. приведено сообщение о том, что послы Елены (так западные летописцы называли княгиню Ольгу) явились к королю (имеется в виду Оттон I) и просили его назначить для их народа епископа и пресвитеров.²⁸ При этом говорится, будто просьба послов была фиктивной, что якобы впоследствии выяснилось («ficta, ut post claruit»). В другом источнике, значительно более позднем (XII в.), у «Продолжателя Космы Пражского», это замечание «ficta, ut post claruit» передается так: «Они (послы) всё лгали, как показал в дальнейшем исход дела».²⁹

Так же излагает эти события и Гильдесгеймская хроника конца X в., где под 960 г. сообщается: «Пришли к королю Оттону послы русского народа и просили его, чтобы он послал кого-нибудь из своих епископов, который показал бы им путь истины, и уверяли, что они хотят отойти от язычества и принять христианскую веру. И он (король) внял их просьбе и отправил епископа Адальберта веры католической; они же всё солгали, как показал дальнейший исход дела».³⁰

Такое же сообщение дает летописец Кведлинбургской хроники (вторая четверть XI в.)³¹ и Ламберт Герсфельдский, писавший в последней четверти того же века. Он прибавляет по поводу бегства Адальберта из Киева: «...который, однако, едва избежал их (киевлян) рук».³² Титмар Мерзебургский, один из наиболее сведущих немецких летописцев XI в., тоже упоминает о том, что Адальберт, поставленный в 968 г. архиепископом Магдебургским, «ранее был посвящен в настоятели Руси» (Rusciae), но «был оттуда изгнан народом».³³

Наконец, в указе императора Оттона (968 г.) о назначении Адальберта архиепископом Магдебургским также упоминается, что он был прежде назначен и послан проповедником «к ругам».³⁴ Об исходе этой миссии у Регинона сказано, что

²⁸ MGH, SS, I, 624.

²⁹ «illi per omnini mentiti sunt, sicut postea eventus rei probavit» (MGH, SS, II, 41, Nova series, 1955).

³⁰ MGH, SS, III, 60.

³¹ Там же.

³² Там же, 61.

³³ «et hinc a gentilibus expulsum (Thietmari Merseburgensis. Chronicon, lib. II, cap. 22. MGH, SS, IX, 64--65, Nova series, 1955).

³⁴ Под словом «руги» понимались русские (MGH, SS, IV, 561: «Rugis olim praedicatorem destinatum et missum»).

Адальберт очень скоро возвратился, «не успев ни в чем, за чем был послан, и увидел, что его старания напрасны. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, а сам он с великим трудом едва спасся».³⁵

Обилие известий обо всем этом скандальном происшествии, к тому же известий, совпадающих текстуально, однако кажущееся. В действительности все свидетельства упомянутых хроник и летописей восходят к одному основному источнику — к показанию «Продолжателя Регинона». Он единственный писал об этих событиях как их современник, и более того, как непосредственный участник, точнее — как злополучный «герой» всей авантюры, так как «Продолжателем Регинона» был не кто иной, как сам Адальберт, столь неудачно пытавшийся стяжать лавры «первого русского епископа».³⁶ Спустя несколько лет, после своего возвращения из Киева, Адальберт получил в 966 г. назначение в Вейнссенбергское аббатство в Эльзасе, где и занялся продолжением хроники Регинона Прюмского.

Теперь становится ясным, какова цена показаниям «Продолжателя Регинона», а значит и всей исторической традиции об этом эпизоде. Совершенно очевидно, что враждебный тон, в котором идет весь рассказ о русских, вызван личной злобой и раздраженностью автора, в памяти которого не изгладились впечатления, связанные с его поездкой в Киев и неприятностями, перенесенными им там из-за его бестактности и самоуверенности. Не исключена и такая возможность, что запись о прибытии послов от княгини Ольги была сфабрикована Адальбертом специально, чтобы как-нибудь оправдать свою киевскую авантюру. Во всяком случае, в наших летописях, а также и в византийских источниках нет никаких упоминаний о посольстве Ольги к Оттону I. Что же касается миссии Адальберта, следует отметить, что ни одно из свидетельств, неоднократно повторяющих этот рассказ, не объясняет причин того недружелюбного приема, который встретило посольство Оттона I в Киеве.

Известно, что люди древней Руси отличались широким гостеприимством, неоднократно отмеченным в исторических источниках. До нас дошел целый ряд свидетельств о живом дипло-

³⁵ MGH, SS, I, 624.

³⁶ Еще немецкий историк Гизебрехт высказал такое предположение, отметив, что именно с 961 г. изложение «Продолжателя» приобретает более самостоятельный характер и становится более обстоятельным. О многих событиях этого времени (961—967 гг.) автор хорошо осведомлен и пишет как очевидец. (W. Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit, Bd. I. Braunschweig, 1863, стр. 778). См. также: Васильевский, ук. соч., стр. 127—133.

матическом общении Киева и Новгорода со странами Запада и Востока в ту пору, о приездах на Русь послов из Византии, от хозар и из других стран. Ни разу с этими послами не происходило никаких неприятностей, их всегда встречали и проводжали, оказывая им почет и уважение. Полный провал, который постиг Адальберта, являлся, конечно, следствием тех намерений, которые он, вероятно, и не очень скрывал, — намерений, подобных тем, какие и впоследствии многократно, с удивительной настойчивостью, оставаясь глухими к урокам истории, пытались осуществлять представители римской церкви на Руси. Адальберт, возомнив себя «апостолом русским», стремился, очевидно, насильственно навязать латинское христианство, не считаясь ни с чем. Не исключено, что он имел известные основания рассчитывать на поддержку княгини Ольги и некоторых ее приближенных из княжеской дружины, которые были прямыми представителями нарождавшегося в эту пору на Руси класса феодалов, заинтересованного в укреплении новой религии.

Но несомненно, что действия латино-германских «миссионеров» вызвали лишь открытое возмущение. В Киеве, представлявшем собой уже в ту пору большой город с многочисленным населением, еще крепко держались древние верования. Даже много позже, при Владимире, киевляне совсем не сразу приняли христианскую веру. Тем более велико было противодействие «миссионерам» во времена Ольги и Святослава. Очевидно, в той социальной верхушке, на которую опиралась княжеская власть, были различные прослойки: наряду с феодализирующимися элементами, опиравшимися на крупное землевладение, немалую роль играли и княжеские дружинники «мужи» и «вои», которые уделяли главное внимание походам, военной добыче, дани, взимаемой с покоренных. Если феодальные элементы тянулись к христианству, то этим «мужам» и «воям» не было такой надобности порывать с древними верованиями своего народа.

В этих противоречиях можно видеть причину того, что политика княгини Ольги, в частности и ее склонность к христианству, встретила отпор в среде княжеского окружения и даже со стороны ее сына Святослава. Результатом всего этого явился политический переворот, передача власти Святославу, уход Ольги в частную жизнь.³⁷ Одновременно потерпела поражение еще слишком слабая феодально-христианская группировка в Киеве, произошло новое укрепление старой религии.

³⁷ О. Л. Вайнштейн. Роль и значение нашей родины в истории Западной Европы в средние века. Вестн. Ленингр. ун-в., 1950, № 5, стр. 61—79.

Первая, столь неудачная попытка латинского духовенства утвердиться на Руси была предпринята, как упомянуто, от имени Оттона I. Сам же папа если и принял в этой аванюре какое-то участие, то только лишь формальное. Римской курии в ту пору было не до русских земель. Слишком сложными были отношения папства с самим германским королем, основной политической задачей которого в эти годы было утверждение своей власти в Италии, притом, конечно, за счет умаления и подчинения себе власти папской.

Но к концу жизни Оттона I и при его преемнике Оттоне II обстоятельства изменились. Между Оттоном I, ставшим, как известно, с 962 г. германским императором, и папской властью установилось взаимопонимание в ряде вопросов, и прежде всего в общих захватнических планах относительно славянских земель за Лабой и продвижения немецких феодалов на восток.

На соборе в Равенне в 967 г. Оттон I говорил о крайней необходимости учреждения епископских кафедр по ту сторону Эльбы «для укрепления христианства». Как бы в ответ на это папа издал буллу о создании Магдебургского архиепископства с суффраганными епархиями (Бранденбург, Гавельберг, Мерзебург, Цейсс и Мейссен), утвердив архиепископом Адальберта, столь неудачного «миссионера» на Руси.³⁸

Созданные при Оттоне I новые епархии на востоке Германии, в особенности Магдебургское архиепископство, расширяли сферу своего влияния и вширь и вглубь: вширь—означало принудительное и насильственное введение христианства в новых районах и областях, постройку новых церквей и насаждение монастырей, вглубь—принудительное и насильственное введение церковных поборов, захват земель для церквей и монастырей. Население было обложено церковной десятиной в пользу духовенства. Кроме того, каждый земледelec облагался поборами «ординарными» и «чрезвычайными» в пользу феодала. Наконец, существовали и некоторые повинности, исстари установленные в пользу общины, которые не исчезли и при новых порядках.

Легко понять жгучую ненависть, с которой местное население отнеслось к своим поработителям, несшим с собой ярмо феодальной эксплуатации и учинявшим беспощадную расправу с непокорными. Легко понять и тот протест, который у людей, привыкших к свободе и независимости, должна была вызвать та религия, которую принесли с собой захватчики.

³⁸ RPR, №№ 3728—3732.

Общность целей, которые преследовали германские феодалы и папская церковь на востоке, легко объясняет то взаимопонимание, которое установилось между ними во второй половине X в., несмотря на столкновение их интересов в ряде других вопросов (борьба в Италии, во Франции и др.).

Однако на Западе отдавали себе отчет в том, что для расширения экспансии на востоке особенно большое значение имело бы распространение христианства на Руси. В этой связи и следует рассматривать вторую попытку латинского духовенства укрепиться на русских землях. Речь идет о появлении на Руси послов из Рима от папы Бенедикта VII, о чем сообщает Никоновская летопись. Текст этот очень краток: «В тот же год (979) приходили послы к Ярополку из Рима от папы».³⁹

В западноевропейских источниках свидетельств, подтверждающих это сообщение нашей летописи, нет. Однако католическая и прокатолическая литература пытается на основании одного этого краткого упоминания Никоновской летописи сочинить версию о первоначальном распространении христианской веры на Руси папскими миссионерами. Привлекают для этого писания некоторых западных авторов XI и даже XII в., как-то: Петра Дамиани⁴⁰ и интерполятора хроники Адемара Шабанского. Они действительно говорят о «крещении Руси». Однако оба рассказа легендарны, лишены исторической конкретности, в них отсутствуют даты, собственные имена и географические названия, что одно уже лишает эти памятники значения исторического источника.

В подтверждение якобы подчинения Руси Западу ссылаются иногда и на свидетельство о посольстве из Руси к императору Оттону I в 973 г., в его резиденцию в Кведлинбурге. В этом тексте «русские» (Rusci) упоминаются среди ряда других послов, явившихся «с большими дарами».⁴¹ Но здесь ничего не сказано о вопросах веры, и поэтому ясно, что делать заключение о распространении католической веры на Руси нет ни малейших оснований.

Возвращаясь к сообщению нашей летописи о послах папы в Киев, следует учесть, что явилось это посольство из Рима в знаменательный момент. Только-только закончилась длительная и ожесточенная междоусобная борьба трех братьев,

³⁹ ПСРЛ, т. IX, стр. 39.

⁴⁰ MPL, CXLIV, 977—979.

⁴¹ «Illucque venerunt legati plurimarum gentium, id est Romanorum, Graecorum, Beneventorum, Italarum, Ungariorum, Danorum, Slavorum, Bulgariorum atque Ruscorum cum magnis muneribus» (MGH, SS, XX, 798 — Annales Altahenses majores).

сыновей Святослава — Ярополка, Олега и Владимира. Олег был убит Ярополком, Владимир бежал за море, боясь, как сообщает летопись, оказаться второй жертвой своего брата, не останавливавшегося перед выбором средств в стремлении укрепить свое единодержавие. Ярополк воссел на Киевском «столе», правя безраздельно, как могущественный князь. В годы борьбы с братьями он вступил в тесные отношения с польским князем Мешко (Мечиславом), который оказывал ему помощь и поддержку. Весьма вероятно, что Мешко, стараясь ускорить обращение в христианскую веру своего соседа и союзника — князя киевского, мог и посредничать в посылке папой миссии на Русь.

Не исключена возможность, что бегство Ярополка из Киева в город Родню, где он был осажден воевавшим против него Владимиром⁴² и откуда вынужден был спасаться, потеряв и войско свое, и власть, стоит в какой-то связи с этим первым папским посольством на Русь, находившимся, по-видимому, во время всех этих событий при Ярополке.

Как и при Ольге, когда к ней прибыл Адальберт от Оттона I, так и теперь латинские миссионеры своим неумением или нежеланием считаться с местными условиями, очевидно, вызвали в народе раздражение, которое при недостаточно твердых политических позициях Ярополка, его дружеских отношениях с польским князем и при его готовности использовать иностранную поддержку, было нетрудно обратить против него. Этим, очевидно, и воспользовался его противник — Владимир, сумевший правильнее определить соотношение сил и понимавший, в ком он может найти себе сторонников в Киеве.

С поражением Ярополка потерпела крушение и миссия папских посланцев, о дальнейшей судьбе которых в источниках никаких сведений нет. Однако, несмотря на неудачу своей первой миссии, Рим не прекращал попыток распространить свое влияние на Киевскую Русь.

Глава II. ПАПСТВО И УТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУСИ

Новое усиление активности папской курии в отношении Руси наблюдается в конце X в. и связано с именем папы Иоанна XV (985—996 гг.) и Сильвестра II (999—1002 гг.), неоднократно отправлявших своих легатов ко двору киевского князя Владимира. Об этом сообщает Никоновская летопись,

⁴² ИЛ. стб. 65; ПВЛ, I, стр. 55.

которая отмечает прибытие этих посольств под годами: 6494, 6496, 6499 и 6508 (соответственно — 986, 988, 991 и 1000 гг.).⁴³

Войны, которые вел Владимир, расширили границы его владений, собрали под его руку множество племенных областей, образовавших единое государство, которое Маркс, по аналогии с империей Карла Великого, назвал «империей Рюриковичей».⁴⁴ Являясь временным военно-административным объединением пестрого конгломерата земель, какими были все древние и средневековые «империи», киевское государство Владимира переживало период становления феодальной системы отношений. В тесной связи с этим и развилась неотложная необходимость обновления идеологической надстройки, в которой остро нуждался новый господствующий класс, — создания влиятельной церкви, способной защищать и отстаивать его интересы. Различные группировки правящей верхушки объединились вокруг Владимира и поддерживали, а вероятно, и подсказали в какой-то мере необходимость введения на Руси христианства. Хорошо известно, что его приняла, кроме князя и его семейства, лишь некоторая часть господствующего класса — княжеские приближенные, часть землевладельческой и военной знати, а также часть купечества.

Попытка приспособить религиозные верования к изменявшимся экономическим и политическим отношениям, с которыми эти древние верования оказывались во все растущем противоречии, была сделана князем Владимиром еще тогда, когда, вынеся древнего бога Перуна, являвшегося богом князя и его дружины, из своего княжеского терема, он создал «на холму вне теремного дворца» некий пантеон во главе с Перуном. Княжий бог должен был стать общим богом для всех народностей, которые объединял своей властью Владимир. В свой новый пантеон Владимир поместил изображения богов народов Средней Азии, почитавших Хорса и Симургла, народов финского происхождения, поклонявшихся богине Мокошь, и других.⁴⁵ Во всех этих действиях великого князя следует видеть продуманную политику укрепления государства, а вместе с тем и авторитета государя.

Оставляя открытым далеко не ясный, из-за отсутствия источников, вопрос о том, какие конкретные обстоятельства побудили князя в дальнейшем признать недостаточной прове-

⁴³ ПСРЛ, т. IX, стр. 42, 57, 64 и 68.

⁴⁴ Karl Marx. Secret diplomatic history of the XVIII-th century. London, 1899, стр. 75—76.

⁴⁵ См.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. 1953, стр. 387; Левченко, ук. соч., стр. 345.

денную им религиозную реформу, отметим, что культ старых богов, являвшийся пережитком первобытно-общинного строя, по-видимому, отвечал религиозным представлениям сравнительно широких слоев населения. Об этом свидетельствует тот факт, что когда Владимир перешел к следующему этапу своей религиозно-реформаторской деятельности, на местах упорно продолжал сохраняться культ Перуна и других богов, признанных Владимиром.⁴⁶ Очевидно, именно такая приспособленность древних культов в своих основах к сознанию народных масс, неизбежно отстававшему в своем развитии от социально-экономических отношений, демократический дух этих верований, который не смогли вытравить и религиозные реформы Владимира, толкали князя на более радикальные меры, которые всем объективным ходом вещей могли свестись только к официальному введению на Руси христианства, что и произошло, как известно, в 988—989 гг.⁴⁷

В большой научной литературе, посвященной этому вопросу, заслуживает внимания предположение, что подготовка к принятию христианства уже давно велась в Киеве, особенно среди княжеской дружины. В известном собрании скандинавских саг XIII в., получившем название «Хеймскрингла», приписываемом Снорре Стурлусону (1188—1241 гг.), имеется исландская сага, посвященная Олафу Тригвасону, ставшему впоследствии королем норвежским и введшим в своей стране христианство. Сага сообщает о различных событиях, в силу которых Олаф попал на службу к князю Владимиру, о том, как он впоследствии оказался в Константинополе, где и принял греческую веру. По возвращении в Киев, как рассказывает сага, он склонил якобы князя Владимира к принятию христианства.⁴⁸ Если

⁴⁶ Заслуживает внимания попытка дать новое объяснение низвержению Перуна в Киеве, сделанное с этнографических позиций и сводящееся к тому, что это был обычный ежегодно совершавшийся языческий обряд, а отнюдь не некое историческое событие, как о том сообщает летопись (см.: А. Н. К г а р р е. *La chute du paganisme à Kiev*. RES, 1937, t. XVII, fasc. 3—4, стр. 217).

⁴⁷ Основные моменты этой проблемы освещены в ряде трудов советских авторов (Левченко, ук. соч., стр. 340—386; И. У. Будовниц. К вопросу о крещении Руси. Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, вып. III, М., 1956, стр. 402—434; С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. Историк-марксист, 1937, № 2, стр. 40—76).

⁴⁸ Текст саги с русским переводом см.: Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских, под ред. проф. Погодина, т. IV, кн. 1, М., 1840, стр. 7—116. Хотя показание этого источника не получает подтверждения в других памятниках, свидетельствующих о событиях этих лет, группа ватиканских историков (Баумгартен, Жюжи) создала в 1920—1930 гг. «теорию» крещения Руси через Олафа Тригвасона

содержание саги в какой-то степени отражает действительно имевшие место события (трудно предположить, что все было пустым вымыслом), то из этого лишь следует, что Олаф умело использовал благоприятную обстановку для того, чтобы добиться своей цели, может быть, подсказанной ему еще в Константинополе, где, конечно, были крайне заинтересованы в распространении сферы действия церкви на обширные и богатые русские земли.

Предпосылки же и подготовленная почва для распространения христианства создались в Киеве в результате общего хода исторического процесса. Распространение христианства на Руси «было прогрессом по сравнению с языческим варварством»,⁴⁹ поскольку оно содействовало утверждению новых феодальных отношений, вытеснявших распадающийся патриархальный общинно-родовой строй, и теснее связывало Русь с христианскими странами Западной Европы и Византией.

Следует отметить, что исследования новейшего времени показали наличие убедительных данных о непосредственных и достаточно прочных связях между Киевской Русью и Чехией (Киевом и Прагой) уже в конце X в. и в начале следующего века: при самом Владимире, его сыновьях и внуках.⁵⁰

по католическому обряду. Однако даже историки-норманисты отвергают эти домыслы как необоснованные; см.: H. P a s z k i e w i c z. The origin of Russia, London, 1951, стр. 44, примеч. 1; F. D v o r n i k. The Kiev State..., стр. 27—44. В недавней работе этого же автора («Les bénédictins et la christianisation de la Russie»), опубликованной в сборнике «L'Eglise et les églises» (t. I, стр. 323—350), он усиленно подчеркивает роль латинской пропаганды на Руси в XI в., явно преувеличивая ее значение, но вместе с тем не опровергает греко-византийского происхождения христианства на Руси. И такой крайний сторонник норманской теории происхождения русского государства, как Сэмюэль Кросс, все же оставляет в стороне ватиканскую версию о латинских корнях христианства на Руси. Известный датский историк Стендер-Петерсен, привлекая скандинавские источники, приходит к выводу, что «вся теория об участии короля Олафа Тригвасона в обращении Руси, вероятно, просто "ученая" конструкция, основанная на неправильно понятой традиции». Что же касается версии Баумгартена о западно-латинских корнях христианства, якобы принесенных на Русь Олафом, Стендер-Петерсен их решительно отвергает (A. Stender-Petersen. The Varangians and the Cave Monastery. Varangica, Aarhus, 1953, стр. 145—146). Современный английский историк Джоффри Баррекло пишет: «...христианство, распространившееся на Руси, было православным христианством, но не (как у западных народов) арианским или католическим» (G. Barraclough. History in a changing World. Oxford, 1956, стр. 51).

⁴⁹ Из постановления жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-х и 4-х классов средней школы по истории СССР (сб. «К изучению истории», М., 1946, стр. 36).

⁵⁰ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 128; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 51.

Распространение христианства укрепляло позиции нового господствующего класса. Народным массам оно несло феодальное закрепощение и эксплуатацию: церковь проповедовала покорность и смирение, под угрозой адских мук в загробной жизни за неповиновение, и сулила райское блаженство тем, кто смирится.

Подготовка к принятию христианства на Руси приобретала в то время большое значение и вне ее пределов. Если в Константинополе принимались энергичные меры, чтобы повлиять на ход этих событий, то и в Риме к ним присматривались с большим вниманием.

Интерес папства к Руси становился все большим и потому, что оно испытывало возрастающие трудности и в Западной Европе, где энергичная политика новой династии Капетингов, пришедшей к власти во Франции, отнимала у него часть его доходов, и в Византии, где оно встречало неизменное противодействие своим притязаниям.

С тем большей настойчивостью папство делает неоднократные попытки взять в свои руки распространение христианства на Руси. В этой связи и следует, по-видимому, рассматривать папские посольства конца X в., как те, которые предшествовали официальному введению новой веры, так и те, которые отправлялись на Русь уже после этого. Папы стремились привлечь русского князя на свою сторону и после принятия им христианства.

До нас, кроме глухого известия о прибытии в Киев папских послов в таком-то году, не дошло почти никаких сообщений. Ничего не говорится о том, каково было содержание переговоров и каковы были их результаты. Ясно одно, что папская курия неослабно следила за ходом событий в далеком Киеве.

Если первое из сообщений о папских послах к Владимиру, приведенное под годом 6494 (986), признано современной наукой легендарным, составленным значительно позднее и имеющим мало общего с действительными событиями, так же как рассказ летописи об «испытании вер», якобы проведенном Владимиром,⁵¹ то другие сообщения не вызывают особых сомнений.

Под годом 988 летопись сообщает, что к Владимиру пришли послы от папы с мощами Климента Римского.⁵² По-видимому, эти послы были у Владимира в Корсуни, так как известно, что

⁵¹ Под годом 6494: ПВЛ, I, 59 и сл.; НЛ (ПСРЛ, т. IX, стр. 42). — Датировка летописи ошибочна, как это выяснено специальными исследованиями.

⁵² НЛ (ПСРЛ, т. IX, стр. 57).

Владимир именно оттуда забрал мощи Климента Римского в Киев, где поместил их в церкви, носившей имя этого «святого».⁵³

Другие сообщения нашей летописи говорят о приходе папских послов на Русь в 991 г.⁵⁴ и в 994 г.⁵⁵ Есть и более поздние сообщения, относимые к 999 г.⁵⁶ и 1000 г.,⁵⁷ ко времени понтифика папы Сильвестра II. А под следующим, 1001 г., летопись сообщает об отправке и самим Владимиром послов к папе римскому.⁵⁸ Возможно, что какое-либо из этих сообщений дублирует другое. Кроме самой краткой, ставшей трафаретной, формулы: «И приде послы из Рима» (или «от папежа римского»), летопись, к сожалению, никаких других данных не приводит.

Нет упоминаний об этих посольствах или чего-либо относящегося к ним и в дошедших до нас западноевропейских летописях и хрониках. Тем не менее вряд ли можно считать все имеющиеся сообщения вымыслом. Поскольку ничего, кроме простого упоминания факта прихода послов, в этих сообщениях нет, — нет и какого-либо смысла в такого рода вымышленных известиях, так как никакой тенденции здесь не проводится. Можно предположить, что при позднейшей обработке наших летописных сводов их редакторы, принадлежавшие к православному духовенству, стремились, по возможности, устранить из летописи известия о связях Руси с латинским Западом, особенно с папской курией. Отсутствие более обстоятельных сведений об этих посольствах папской курии, естественно, затрудняет решение вопроса о характере взаимоотношений папства и Руси в этот исторический период.

Однако, учитывая общую политическую обстановку в конце X в., положение папства и интересы стоявших за ним в то время политических сил, а также растущую роль Киевской Руси, можно представить себе, в чем заключался интерес римских политиков к древнерусскому государству и к чему могли сводиться цели папских миссий на Руси.

⁵³ ПВЛ, I, 80. — Об этом говорит и Титмар Мерзебургский в своей «Хронике» (MGH, SS, IX, 488, Nova series, 1955). Карамзин («История государства Российского», т. I, примеч. 488) высказывает предположение, что так названа «Десятинная церковь», где и хранились привезенные Владимиром мощи, и что, может быть, в этой церкви был особый придел, посвященный этому «святому».

⁵⁴ НЛ под годом 6499 (ПСРЛ, т. IX, стр. 64).

⁵⁵ НЛ под годом 6502 (ПСРЛ, т. IX, стр. 65).

⁵⁶ НЛ под годом 6507 (ПСРЛ, т. IX, стр. 67).

⁵⁷ НЛ под годом 6508 (ПСРЛ, т. IX, стр. 68).

⁵⁸ НЛ под годом 6509 (ПСРЛ, т. IX, стр. 68).

В конце X в., в правление германского императора Оттона II (973—983 гг.), а еще более при его преемнике — Оттоне III (983—1002 гг.), папство все более подчинялось политике империи. В 996 г. на папский трон вступил под именем Григория V первый германский папа — двоюродный брат императора Оттона III и его личный капеллан — Бруно. После его смерти Оттон III сделал папой своего учителя и наставника крупного ученого своего времени, Герберта, принявшего имя Сильвестра II. Этим именем Герберт как бы заявлял себя продолжателем той политики, которую проводил Сильвестр I (IV в.). Знаменитая фальшивка, состряпанная папами под именем «Константинова дара» еще в IX в., утверждала, что именно этому папе, Сильвестру I, римский император Константин якобы даровал знаки императорского достоинства, Латеранский дворец, город Рим, Италию и все западные страны, а также предоставил главенство над четырьмя кафедрами (александрийской, антиохийской, иерусалимской и константинопольской). В Риме эта легенда явилась «основанием» для признания высшей власти папы во всей христианской церкви, а также и над светскими государями.

Герберт-Сильвестр стремился поднять роль папской власти, рассчитывая на поддержку своего ученика-императора, в котором он хотел видеть нового Константина. На деле все это означало еще более активное использование императором церкви в интересах экспансии германских феодалов.

Единство интересов папской курии и Империи было тем большим, что в конце X в. в ожесточенной борьбе германских феодалов за господство над народами Средней Европы и славянских стран, как на востоке, так и на юге, сложилась мало благоприятная и для курии, и для Империи обстановка. Церковь несла крупные потери, и самим ходом вещей позиции феодалов становились ее позициями, их цели — ее целями, их враги — ее врагами.

После всеобщего восстания славянских племен, начавшегося на Лабе летом 983 г. в Гавельберге, борьба против германской экспансии не прекращалась долгие годы. Так как главным оружием феодального закрепощения была именно церковь, то весь гнев восставших обратился на нее.⁵⁹ Особую ненависть вызывала церковная десятина. Всюду восставшие разрушали церкви, уводили рабочий скот, грозили смертью церковным крепостным,

⁵⁹ Thietmar, III, 17—18; Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, lib. II, cap. 41. MGH, SS, VII, 320—321.

если те не соглашались добровольно покинуть церковные владения.⁶⁰

В 994 г. произошло новое поголовное восстание, которое немецкие феодалы во главе со своим императором Оттоном III и в союзе с чешскими и польскими князьями одолеть не смогли. В 997 г. восставшие выгнали магдебургского архиепископа Гизлера,⁶¹ в следующем году бодричи сравняли с землей богатый монастырь Гилерслебен.⁶² Славяне не раз доходили до самых стен Магдебурга — главной цитадели немецко-христианской агрессии. В общем к 1000 г. германским феодалам пришлось потерять все свои захваты на славянских землях за 200 лет, со времен Карла Великого.

Генрих II, избранный после смерти Оттона III, вынужден был взять «новый курс» в отношениях со славянскими племенами и их князьями. Король заключил с ними мир, «милостиво принял их послов, подарками и обещаниями он превратил тех, кто были до этого времени врагами, в наилучших друзей».⁶³ В этих словах можно видеть свидетельство новой тактики, которую вынуждены были применить завоеватели, — «не кнутом, так пряником». Это была традиционная политика подкупа верхушки знати.

Позиции германских феодалов явно ослабели, сильный удар постиг и католическую церковь.

Однако папству удастся создать себе новую базу на востоке. В конце X в. католическую веру принял польский князь Мешко и его окружение, а в 1000 г. учреждена была самая восточная в ту пору архиепископская кафедра в Гнезно, которой подчинялись четыре епархии: познанская, вроцлавская, краковская и колобжежская. Хотя на пышных празднествах, устроенных польским королем Болеславом Храбрым по этому случаю, присутствовал германский император Оттон III, создание нового церковного центра вовсе не укрепляло его позиций. Архиепископство вступало в непосредственные отношения с римской курией, превращалось в орудие папской политики на Востоке, что усиливало независимость церкви от императора.

В Риме сказывается стремление к ослаблению зависимости папства от императорской власти, действовавшей неизменно в интересах германских феодалов.⁶⁴

⁶⁰ G. Labuda. Powstania słowian połabskich u schyłku X wieku. *Słavia Occidentalis*, t. 18, 1947, стр. 153—200.

⁶¹ Thietmar, IV, 38.

⁶² Там же, IV, 52.

⁶³ Там же, V, 31.

⁶⁴ E. Müller-Mertens. *Das Zeitalter der Ottonen*. Berlin, 1955, стр. 153.

Одновременно с Польшей новой базой папской церкви становится и Венгрия. И здесь, в самые последние годы X в., в правление князя Стефана, католичество распространяется среди феодализирующейся знати. В 1001 г. создается архиепископская кафедра в Гране (Эстергом) и подчиненные ей епархии. Это было тем большим успехом папской политики, что в Венгрии до этого распространяла свое влияние византийская церковь. Сам князь Стефан принял христианство сначала по восточному обряду, и лишь позднее, под влиянием епископа Войцеха (Адальберта) пражского, прибывшего в Венгрию в качестве миссионера, он подчинился римской церкви. Папа прислал ему королевскую корону как «верному сыну римской церкви».

Если создание новой базы в Польше было для папства известным успехом в борьбе против германского императора, то превращение Венгрии в католическое государство было несомненным его успехом в борьбе с Византией. В том и в другом случае дело шло о дальнейшем усилении восточной экспансии папства.

В этих условиях в Киеве разыгрывается новый эпизод, свидетельствующий о неослабном стремлении католической иерархии обосноваться на Руси и укрепить здесь свое влияние.

Известие об этом имеется в «Хронике» Титмара Мерзебургского, сообщающего, без уточнения даты, что вместе с дочерью польского князя Болеслава Храброго, выданной в жены Святополку, сыну Владимира, в Киев прибыл, сопровождая княжну в качестве ее наперсника и духовника, епископ колобрежский Рейнберн.⁶⁵

О дальнейшем источники сообщают кратко, оставляя широкое поле для догадок. Известно лишь, что Владимир узнал о заговоре, который готовил против него Святополк, подстрекаемый Рейнберном, и счел необходимым подвергнуть всех троих — Святополка, его жену и Рейнберна заточению.⁶⁶ Чем были вызваны такие крайние действия Владимира, источники более подробно не сообщают. Очевидно, что ответ на этот вопрос требовал бы освещения деятельности польского епископа в Киеве и выяснения позиции Святополка. Об этой позиции нетрудно создать себе представление по дальнейшим действиям Святополка, вошедшего в русскую историю с прозванием «Окаянного», которым народ отметил злодейское убийство им своих братьев: трехгодовалого Святослава, Бориса и Глеба. После смерти отца Святополк захватил Киев и повел долгую кровопролитную войну со своим старшим братом Ярославом.⁶⁷

⁶⁵ Thietmar, VII, 72.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ПВЛ, I, стр. 90—95.

В этой войне принял участие тесть Святополка — польский король Болеслав, и совместно они добивались господства над Русью, что означало, помимо прочего, новую попытку утвердить на Руси власть римской церкви. Уже брак Святополка с дочерью Болеслава таил за собой планы окатоличения Руси или, во всяком случае, княжеской семьи. Эти-то планы, по-видимому, и стремился осуществить епископ Рейнберн.

Зная методы, к которым и раньше прибегали католические «миссионеры», легко представить себе активное участие Рейнберна в попытке государственного заговора, направленного против старого князя. Рейнберн выступал в этом случае в двойной роли: и в качестве проводника интересов польского князя и как агент папы римского. Болеслав пытался воздействовать на князя Владимира в угодном римской курии направлении и до миссии Рейнберна. Об этом говорит свидетельство летописи, сообщающее о прибытии в Киев еще в 1000 г. папских послов в сопровождении представителей от Болеслава Храброго и другого Болеслава — чешского князя.⁶⁸ В Риме искали всякой возможности воздействовать на Владимира в желательном папству направлении, охотно используя с этой целью Болеслава Храброго, тем более, что интересы папства совпадали в данном случае с интересами воинственного польского короля.

Болеслав Храбрый, ведя длительную и трудную войну с германским императором Генрихом II, был озабочен благожелательным отношением папской курии к его планам и политическим притязаниям. О связях между Болеславом и Римом в первые годы XI в. сообщают различные источники, хотя и без особых подробностей.⁶⁹ Сумев к этому времени уже подчинить своей политике чешских князей во главе с Болеславом, польский Болеслав мечтал и о господстве над обширными и богатыми киевскими землями. В прямой связи с этими целями и стояла, очевидно, миссия епископа Рейнберна, через которого польский князь путем установления семейно-брачных связей пытался добиться влияния на политику древнерусского государства.

Действия Рейнберна, очевидно, выходили за рамки религиозных проблем: они несомненно приобретали политический характер. Соответствуя интересам польского князя, они должны были способствовать успеху его агрессивных планов. Замыслил

⁶⁸ НЛ (ПСРЛ, т. IX, стр. 68).

⁶⁹ Petri Damiani. Vita s. Romualdi, cap. 28, a. 1001. MGH, SS, IV, 852; Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, a. 1004. MGH, SS, IX, 128; Thietmar, VI, 92.

же о приобщении Руси к католицизму представитель папской церкви бросал вызов официальной политике киевского князя, связанного с Константинополем, и фактически подрывал систему политических и религиозных мероприятий, проведенных Владимиром.⁷⁰

И на этот раз дело кончилось полной неудачей для представителя папы. Арест и заключение в тюрьму епископа, да еще возглавлявшего посольство, было событием, даже в ту пору беспрецедентным. Если изгнание из Киева Адальберта за 50 лет до этого можно было попытаться изобразить как «мученичество за веру» в «языческой стране», то злоключения Рейнберна объяснить так было уже невозможно: в Киевском государстве было официально введено христианство. Даже епископ Титмар не нашел возможным искать оправданий для Рейнберна и ограничился лишь несколькими строками в напыщенно-риторическом стиле, в которых сообщает о смерти незадачливого епископа в тюрьме.⁷¹

Дипломатическое наступление папства на Русь, имевшее целью вбить клин в отношения Владимира с Византией, оказалось безуспешным. Однако попытки распространить католическое влияние на русских землях не прекращались.

Последствием раскрытия заговора Рейнберна было обострение налаживавшихся уже отношений между польским князем Болеславом и Владимиром. Болеслав заключил мир с германским королем Генрихом II и повернул свое войско на восток. Летом 1013 г. он вторгся в пределы Киевского государства, поддерживаемый с юга печенегами, с которыми вступил в сговор. Произведя немалые опустошения, он тем не менее не смог добиться реальных результатов и оказался вынужденным заключить с Владимиром договор о мире и дружбе. Договор был скреплен еще одним брачным союзом двух княжеских домов: Болеслав взял в жены (в четвертом браке) одну из дочерей Владимира.

Но «мир и дружба» с Болеславом Храбрым оказались недолговечными. В 1015 г. умер киевский князь. Болеслав счел

⁷⁰ Интересно малоизвестное сообщение о том, что имя первого киевского епископа при Владимире — Леонтия, направленного из Константинополя, обнаружено, помимо летописи (НЛ — ПСРЛ, т. IX, стр. 63), в Новгородском требнике (пергаменный список XIV в., оригинал которого восходит к 1000 г.; этот список найден в 1923 г. в одном из сельских приходов на Волыни). Кроме имени Леонтия в качестве епископа киевского, упоминается и повгородский епископ того же времени, Иоаким (Н. Огиенко. Старая Украина, т. V. 1925, стр. 81—87; цит. по: Таубе, ук. соч., стр. 11).

⁷¹ Thietmar, VII, 72.

создавшиеся новые условия благоприятными для перехода от «мира и дружбы» к вражде и войне. Против Руси образовалась коалиция — Польша, Чехия и римский папа, замыслы которого, выношенные еще при Владимире и позорно провалившиеся при первой попытке их осуществления через Рейнберна, тотчас по смерти старого князя были снова намечены к осуществлению. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали их реализации.

Между наследниками Владимира разгорелась жестокая междоусобица. По словам летописи, Святополк говорил: «Изобью всю братию свою и прииму власть русскую един». В борьбе с Ярославом, княжившим в Новгороде, Святополк обратился за помощью к своему тестю Болеславу Храброму, охотно воспользовавшемуся удобным случаем, чтобы приступить к осуществлению давно лелеемых им планов о владычестве над русской землей. Но и Ярослав искал поддержки за границей. Он договаривался о помощи с германским императором Генрихом II, который лишь незадолго до этого закончил длительную войну с польским князем. Болеславу удалось заключить мир с Генрихом, что позволило ему помочь Святополку. В 1018 г. они разбили Ярослава и заняли Киев. В захваченном городе войско Болеслава предавалось грабежу и насилиям. Как рассказывает немецкий хронист, вдова Владимира вместе с девятью дочерьми старого князя была заточена в темницу.⁷²

Но киевляне недолго терпели иноземных порабитителей. Летопись сообщает о бурном недовольстве, охватившем весь город. Разноязычное войско (в нем были немцы, венгры и поляки) вызвало к себе сильную ненависть. Киевляне вооружились, чем могли, и стали убивать ненавистных иноземных захватчиков, как говорит летопись, «отай» (тайно). Болеслав понял, какую угрозу создает для него этот взрыв народной мести, и предпочел уйти, захватив, однако, немалую добычу.

В источниках нет прямых указаний на попытки захватчиков навязать католицизм русскому населению. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что такие попытки имели место и что состоявшие при войске и дворе Болеслава католические монахи и епископы бездействовали. Сохранилось известие о том, что спустя три года после бегства Болеслава Храброго из Киева он добивался у папы Бенедикта VIII назначения особого «епископа для Руси», в качестве которого был послан некий Алексей — болгарин.⁷³

⁷² Thietmar, VIII, 32.

⁷³ T. Dobszewicz. Wiadomość o biskupstwie Kijowskiem rzymsko-katolickem. Gniezno, 1883, стр. 111.

Стремясь внушить представление, будто издревле существовали прочные связи римской церкви с русским народом, католическая пропаганда пустила в ход легенды, в которых настойчиво проводится идея об особых успехах католических миссионеров на Руси. К числу таких легенд относится рассказ о латинском архиепископе, монахе Бруно, якобы явившемся в самом начале XI в. в сопровождении 11 монахов в Литву и на Русь для миссионерской деятельности. Успехи его деятельности по насаждению католицизма изображаются в католической литературе столь значительными, что многие из этих авторов называют его «апостолом русским».⁷⁴ О Бруно, являвшемся отпрыском знатного рода графов Кверфуртских и принявшем при пострижении в монахи имя Бонифация, католическая легенда рассказывает, что он, будучи учеником св. Ромуальда, получил папское благословение на миссионерскую деятельность, посвящение в сан «архиепископа язычников» (*gentium*) и отправился на Русь. Здесь он якобы проповедовал христианство с целью обратить «царя руссов» (?). «Чудесами», которые ему приписываются, он так воздействовал на своих слушателей, что те, во главе со своим царем, «бросились к его ногам и настоятельно просили о крещении, которое тут же и было произведено». К этому добавляется, что брат царя умертвил миссионера, и таким образом тот принял мученическую смерть, тем самым заслужив право быть причисленным к лику святых.⁷⁵

Рассказ этот полон противоречий и, очевидно, просто вымысел: с одной стороны, легенда изображает энтузиазм всех слушавших проповедь миссионера, а с другой — здесь же говорится о таком возмущении против него, что дело кончилось его убийством. Уже очень давно этот рассказ во всей научной литературе лишен какого бы то ни было признания. И хотя подобное же сообщение о миссии Бруно на Руси и в Литве, где он якобы был умерщвлен, имеется и в Кведлинбургских анналах,⁷⁶ тем не менее его следует считать опровергнутым.

Еще 100 лет тому назад русским исследователем Гильфердингом было обнаружено письмо Бруно к германскому королю Генриху II, в котором Бруно ни единым словом не упоминает о своей миссионерской деятельности на Руси, хотя обстоятельно

⁷⁴ J. Mabillon. De s. Brunone archiepiscopo Russorum et martyro. Acta sanctorum s. Benedicti, saec. VI, I, стр. 79—81.

⁷⁵ Petrus Damianus. Acta s. Romualdi abbati. AASS, 19 Junii, t. II, стр. 798; MGH, SS, IV, 850—851; Ademari Cabannensis Historiarum, lib. III, 31. MGH, SS, IV, 129—130.

⁷⁶ MGH, SS, III, 78.

рассказывает о своем пребывании в Киеве, по пути к печенегам, среди которых он действительно пытался распространять христианство.⁷⁷ Позднее он отправился с 18 спутниками в страну пруссов, где их убили 14 февраля 1009 г. Возможно, что Петр Дамиани или Кведлинбургский летописец просто перепутал Русь и Пруссию (Ruscia — Pruscia) и таким образом положил начало легенде о «русском апостоле первомученике», противоречащей исторической действительности.

На Руси в первой половине XI в. постепенно укреплялась православная (греко-византийская) церковь, все более сраставшаяся с феодально-княжеской верхушкой. Но именно поэтому в народе христианская вера распространялась медленно, а народные выступления против феодального угнетения переплетались с открытой оппозицией церкви. Если православная церковь встречала в народе временами открытую оппозицию, то тем более не могла добиться никакого признания на Руси церковь католическая, поскольку ее распространение на Руси связывалось с определенными политическими планами папства и некоторых западных государств.

Необходимо также учесть, что на протяжении первой половины XI в., после Сильвестра II, папство пришло в совершенный упадок, в конце этого периода превратившись снова в орудие политики германских императоров. Римский престол сделался предметом купли-продажи, особенно при Бенедикте IX (1033—1048 гг.). Политика римской курии потеряла всякое самостоятельное значение. Льва IX даже называли «немецким папой». В этих условиях папство не могло всерьез думать об укреплении своих позиций на востоке, где попытки германской, а вместе с тем и римско-католической экспансии натолкнулись на столь серьезное противодействие, что ее пришлось временно приостановить.

В римской курии отчетливо сознавали, какую роль играла Киевская Русь среди славянских народов и в православной церкви. По размерам своей территории, по многочисленности населения, по огромным материальным ресурсам, которыми владела русская земля, эта роль была неизмеримо велика. Даже Византия, сохранявшая формальное церковное первенство, уступала Руси в реальном соотношении сил, и в этом отдавали себе отчет римские политики, не расстававшиеся с идеей утверждения католической церкви на русских землях.

⁷⁷ «Русская беседа», М., 1856, кн. 1, стр. 1 («Неизданное свидетельство современника о Владимире святом и Болеславе Храбром»).

Это сказалось и в событиях 1054 г., имевших большое значение в истории отношений восточной и западной христианских церквей. Современная наука освободилась от ненаучной церковной точки зрения на эти события, приведшие к окончательному разделению церквей, как на события, вызванные лишь религиозными догматическими и обрядовыми спорами или объясняемые строптивым характером деятелей той или другой стороны.⁷⁸ Такая наивная трактовка процессов и событий большого исторического значения в наши дни встречается лишь в популярных и поверхностных изложениях церковной истории.

Современные буржуазные историки должны были признать, что основные причины «разделения церквей» следует искать в плоскости политической и дипломатической истории, а не в церковно-культовых и догматических распрях.⁷⁹ Однако именно в этих распрях и в особенностях характера действующих лиц — Гумберта и Керулария — ищут объяснения событий 1054 г. авторы статей, опубликованных в сборниках, изданных недавно по случаю 900-летия разделения церквей,⁸⁰ а также авторы нескольких специальных статей и монографий.⁸¹

⁷⁸ Примером именно такой, пропагандируемой Ватиканом, не выдерживающей научной критики точки зрения на «разделение церквей» является трактовка его в «Католическом словаре» Аддис-Арнольди, где все объяснение причин церковного раскола 1054 г. сведено к непримиримости византийского патриарха Михаила Керулария (A catholic dictionary, 1951, стр. 382).

⁷⁹ F. Dölger. Byzanz und das Abendland vor den Kreuzzügen. Relazioni, v. III, стр. 85—86.

⁸⁰ L'Eglise et les églises..., v. I—II. — Каждый из этих двух больших томов содержит 15—20 статей по различным вопросам истории римской и греко-византийской церкви и их взаимоотношений в XI в. и позднее. Большинство авторов — клерикальные историки.

⁸¹ E. Herman (S. I.). Neuf siècles de schisme entre l'Eglise d'Orient et d'Occident. Nouv. rev. théolog., v. 76, 1954, стр. 576—610; N. Eggen. Un douloureux anniversaire — la rupture de 1054. Irenicon, t. XXVII, 1954; V. Grumel. Les préliminaires du schisme de Michel Cérulaire ou la question romane avant 1054. Rev. des Études byzant., X, 1953, стр. 5—23; R. Mayne. East and West in 1054. Cambr. Hist. Journ., v. XI, № 2, 1954, стр. 133—149; Hieromoine Pierre. Le schisme de 1054. Paris, 1954; S. Runciman. The Eastern Schism. A study of the Papacy and the eastern churches during the XI a. XII centuries. Oxford, 1955. — Эта книга является как бы «последним словом» буржуазной науки в исследуемой проблеме. Автор понимает, что «разделение церквей» не событие, а исторический процесс, развивавшийся столетиями и до и после традиционной даты. Вместе с тем он не вскрывает главных причин этого процесса, так как игнорирует социально-экономические различия Востока и Запада, являющиеся ключом к пониманию вопроса.

В действительности главную роль в событиях 1053—1054 гг. играли, конечно, соображения политические.

Папа Лев IX отправил своих послов в Константинополь, еще находясь в норманском плену в Беневенте после своего поражения при Чивита 18 июня 1053 г. Очевидно, в Византии он искал союзника для продолжения и усиления той борьбы, которую вел с норманнами за южную Италию.⁸² Требование (скорее просьба) признать за римской церковью владения в южной Италии и «вернуть апостолическому престолу все, что некогда ему было поднесено в дар Константином», выдвинутое папской курией, имело характер чисто политический. Папе было важно выступить во всеоружии феодальных «прав», в качестве сюзерена спорных земель, и признание этих прав греческим императором имело для него огромное значение. С другой стороны, чрезвычайно соблазнительной представлялась римской курии перспектива привлечь к общей борьбе против норманнов греческого императора. Одновременно принимались меры и к тому, чтобы сделать союзником папы в борьбе против норманнов и германского императора Генриха III. По-видимому, осуществление именно этого плана трехстороннего союза против общего врага (поскольку норманны, захватившие южную Италию, Сицилию и ряд других островов, угрожали владениям не только папы, но и обеих империй) являлось главной задачей посольства кардинала Гумберта, отправленного папой в Константинополь.

Важно было также добиться признания папских прав на «*dominium temporale*» (светскую власть), так как лишь при таком признании папа мог на равном положении со своими партнерами принять участие в этом тройственном союзе. Большое политическое значение, какое приобрел вопрос о признании «*dominium temporale*» за римским престолом, и делало Гумберта столь непреклонным в своих требованиях, столь резким и просто грубым в последовавших переговорах в Константинополе. Сыграли свою роль и личные особенности кардинала. Достаточно прочесть письмо, которое он адресовал Никите Пекторату, монаху Студитского монастыря, выступившему с полемическим посланием о заблуждениях латинской церкви, чтобы в этом убедиться: «Ты забыл свои келейные обязанности и, водимый собственной волей и похотью, страшно залаял на святую римскую апостолическую церковь, на соборы всех святых отцов. Будучи глупее осла, ты пскушался

⁸² Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века, т. IV. СПб., 1907, стр. 66.

сокрушить чело Льва (папы Льва IX) ... Ты не пресвитер, а застаревший во зле, проклятый столетний ребенок. Тебя можно принять скорее за Эпикура, чем за монаха. Не в монастыре тебе находиться, а в амфитеатре или же в лупанарии⁸³ (римский публичный дом, — *Б. Р.*)... Замолчи, пес, прикуси, нечестивец, свой собачий язык!.. Ты не понимаешь того, что говоришь, ни того, что утверждаешь. Ты глуп, а считаешь себя умнее семи мудрецов... Научись же, по крайней мере, когда-нибудь молчать, если ты никогда не научился говорить!»⁸⁴

Другие дошедшие до нас послания представителей латинской церкви также изобилуют подобными «красотами» эпистолярного стиля. Не свободны от резких выпадов и писания константинопольского патриарха Михаила Керулария, также крайне властного и высокомерного князя церкви. Ему приписывают даже угрозу, обращенную к византийскому императору Исааку Комнелу, лишить его престола: «Я тебя создал, я тебя и уничтожу», говорил он императору.⁸⁵ Столкновение таких двух иерархов, как Гумберт и Керуларий, из которых ни один не обладал ни политической гибкостью или тактом, ни готовностью идти на уступки, неизбежно должно было привести к разрыву, тем более, что обоим свойственно было высокомерие и чванливость.

Однако такой разрыв сам по себе не имел ничего общего с тем историческим разделением церквей, которое за этим последовало. Немало было таких разрывов, ссор между дипломатическими представителями и даже между государями, не раз подобные инциденты происходили и в отношениях между Византией и Римом, но эти инциденты не вызывали серьезных исторических последствий. Очевидно, причины, приведшие в 1054 г. к разделению церквей, нельзя объяснять только таким случайным моментом, как характеры Гумберта и Михаила Керулария. Их следует искать в закономерных особенностях исторического развития Византии и Восточной Европы с одной стороны, и Западной Европы — с другой.

Еще в 1884—1885 гг. в статьях проф. Н. А. Скабалановича вопрос о разделении церквей, в отличие от множества других работ на эту тему, принадлежащих как русским, так и иностранным авторам, был поставлен более широко.⁸⁶ Автор исхо-

⁸³ Н. Canisius. *Thesaurus monumentorum ecclesiasticorum et historicorum*, Antw. (Amsterd.) 1725, t. III, стр. 314.

⁸⁴ Canisius, ук. соч., стр. 324.

⁸⁵ Ioh. Scylitzae. *Compendium historiarum*. Bonn, 1839, стр. 642.

⁸⁶ Н. А. Скабаланович. *Разделение церквей при Михаиле Керуларии*, Христианское чтение, 1885, № 1—2, стр. 111.

дил из того, что «разделение церквей может и должно быть рассматриваемо как неизбежное последствие целой совокупности обстоятельств, слагавшихся веками. Оно было подготовлено, — писал он, — на тройственной почве: народной, государственной и церковной».⁸⁷ Далее автор указывает на «этнографические различия» между востоком и западом Европы, «различие народностей», их языка, нравов, культуры, приписывая этим обстоятельствам значение основной причины происшедшего постепенно, на протяжении ряда столетий, и закончившегося в 1054 г. разделения христианской церкви.

Различия и споры догматические, обрядовые, организационные автор выводил как следствия из более глубоких оснований, справедливо приписывая им лишь производное значение, отказываясь от обычного выдвижения религиозных моментов на первое место. Это исследование, написанное с хорошим знанием источников, на широком фоне исторической картины XI в., явилось первой попыткой научной разработки этой проблемы. Многие авторы, впоследствии возвращавшиеся к ней, ушли в сравнении со Скабалановичем не вперед, а назад.

Понимая роль общих закономерностей исторического развития, сказавшихся на разделении церквей XI в., хотя и обозначив их расплывчато и неточно, Скабаланович не смог, однако, дойти до разысканий в области экономического развития и различий в этом развитии, обнаружившихся к XI в. между Западной Европой с одной стороны, Византией и Русью — с другой.

Удачную, как нам представляется, попытку в этом направлении делает советский исследователь М. Я. Сюзюмов,⁸⁸ вскрывая конкретные формы этих различий и того столкновения интересов, которое к середине XI в. характеризует отношения между Византией и Римом. Отсюда он вывел и исторические предпосылки разрыва, который привел в 1054 г. к разделению церквей.

Политическим содержанием споров и домогательств римской и византийской церквей в середине XI в. был растущий экспансионизм папства, открыто претендовавшего на признание своей высшей власти во всем христианском мире.

⁸⁷ Там же. 1884. № 11—12, стр. 626 (страница ошибочно обозначена «727»).

⁸⁸ Вопросы истории, 1956, № 8, стр. 44—57. — К сожалению, автор не уделал достаточного внимания вопросу о месте Руси в этих событиях, ограничившись лишь кратким замечанием о попытке папских послов, возвратившихся в Рим через Киев, привлечь на свою сторону русских.

Для современников в спорах между церквями действенную силу имели прежде всего культовые различия и догматические споры, которые и представлялись основными причинами расхождений. История сама показала всю неправильность такого понимания, когда впоследствии Византии и Риму неоднократно удавалось достичь примирения в своих культовых и даже догматических спорах, чем, однако, нисколько не преодолевалась образовавшаяся пропасть между ними. Непримиимость их позиций усугублялась и тем, что Запад выступал в качестве агрессивной силы, а Византия вынуждена была обороняться. Уже в середине XI в. в Византии научились видеть в западноевропейских феодалах прежде всего рыцарей, живущих войной и захватом добычи, а потому людей опасных и «гостей» нежеланных.

Особо острой стала борьба между Византией и Римом за страны юго-восточной Европы, Балканского полуострова. Еще с середины IX в., со времен папы Николая I и византийского патриарха Фотия, эта борьба приобрела напряженный характер.⁸⁹ Римская курия упорно стремилась вытеснить греко-византийское духовенство из Болгарии. Политическая борьба прикрывалась догматическими и культовыми спорами.

Греко-византийская церковь особенно резко выступала против властолюбивых притязаний Рима, против требования признать верховенство папской власти над всей церковью. Прямым поводом к окончательному разделению церквей, как уже отмечалось, явились новые требования Рима признать верховенство папы над греко-византийскими церквями южной Италии. Папа Лев IX потребовал у императора «возвращения» всех земель, перечисленных в «Константиновом даре». Патриарх в ответ составил целый «список заблуждений» латинской церкви, вызвавший гневную реакцию папы, объявившего, что «высочайший престол никем судим не может быть» (*summa sedes a nemine iudicatur*).

Переговоры папских легатов в Константинополе успеха не имели. 16 июня 1054 г. наступил разрыв. Папские легаты поло-

⁸⁹ Наиболее обстоятельная работа, пересматривающая традиционную католическую точку зрения на патриарха Фотия, опубликована крупным современным византинистом Дворником (F. Dvornik. *The Photian schism. History and Legend*. Cambridge Univ. Press, 1948). Автор использовал многочисленные, не известные до сих пор источники и пришел к выводам, опровергающим католическую традицию, идущую от Ива Шартрского и Деуседита, к выводам, кстати сказать, намеченным еще в прошлом веке рядом русских историков, как-то: академиками Ф. И. Успенским, В. Г. Васильевским.

жили во время богослужения на престол собора св. Софии акт отлучения от церкви патриарха и поддерживавших его иерархов, полный грубых выпадов и бранных слов по их адресу. Сразу же после этого легаты покинули Константинополь. Патриарх Михаил Керуларий созвал церковный собор, который провозгласил анафему легатам и запретил какое-либо церковное общение с Римом. Акт отлучения, положенный папскими легатами в соборе, был сразу же уничтожен, так что даже император не успел его прочитать.⁹⁰

В этой связи в источниках упоминается и Русь. Один из папских легатов составил «краткую памятную записку» о происшедших событиях, в которой говорится, что император Константин Мономах, желая получить точный текст отлучительной грамоты папских легатов, отправил вслед за ними своих вестников, которые и получили «вернейший» текст (*exemplar veracissimum*) «из города русских».⁹¹ Неясно, о каком городе идет речь, но если нет ошибки в позднейших списках и автор действительно писал «из города русских» (*a civitate Russorum*), то несомненно, что речь шла о Руси.⁹² Круговой маршрут легатов из Константинополя в Рим через Русь (вероятно, Киев) нельзя считать прихотью или случайностью. Очевидно, легаты делали попытку привлечь Русь на свою сторону, спеша при этом опередить греков. В этом можно видеть новое свидетельство того, что в курии придавали серьезное значение Руси и постоянно возвращались к давней идее о приобщении ее к католическому миру. Но усилия папских легатов были обречены на неудачу.

Весь строй римско-католической церкви сложился под влиянием особенностей развития западноевропейского феодализма. Своей структурой, положением и ролью высшего духовенства, строгой иерархической подчиненностью младших чинов церкви старшим, верховной властью самого папы, претендовавшего быть государем над государями, подобно императору над королями, — всем этим римская церковь воспроизводила основные черты феодальных отношений, утвердившихся в странах Западной Европы.

Вся система римской церкви, ее культ и догма были приспособлены к тому, чтобы освящать основные устои феодального строя: всеобщее закрепощение непосредственных производителей

⁹⁰ Baronius, t. XVII, стр. 90—91, § 20—21.

⁹¹ Там же, § 22.

⁹² О других предположениях см.: Голубинский, ук. соч., стр. 595, примеч. 2.

лей — крестьян, принцип господства — подчинения, власть феодальных господ. Именно поэтому в Западной Европе, говоря словами Энгельса, «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».⁹³

Социально-классовая направленность римской церкви сказывались, в частности, и в том, что она не признавала живого языка народа, относилась к нему с подчеркнутым пренебрежением, допускала богослужение только на непонятном массам латинском языке.⁹⁴ Духовенство, как правило, превращалось в неотъемлемую часть феодального класса. Католическая религия становилась религией «послушания» (*oboedientia*) верующей народной массы духовенству, стоявшему на страже классовых интересов феодалов.

Иной сложилась церковь в Византии. Как и римско-католическая, она, конечно, тоже освящала феодальные общественные отношения. Однако, своеобразие развития византийского феодализма с характерной для него сильной центральной светской властью сказывалось во всей структуре, догматике и культе греко-византийской церкви. Здесь не могла завоевать себе признания римская концепция автократической власти главы церкви, тем более, что, в отличие от Запада, в Византии не было единого главы церкви, а было несколько патриархов, равно пользовавшихся высшим церковным авторитетом. Важно и то, что византийским императорам в силу многих причин удалось превратить церковь в орудие государственной власти.

Еще менее благоприятной, чем в Византии, была почва для римской церкви на Руси. Развитие феодальных отношений отличалось здесь в X в. еще большим своеобразием. Характеризуя главную особенность древнерусского феодализма, Маркс писал, что здесь сложился «вассалитет без ленов». Действительно, нет данных, которые позволили бы обнаружить в Киевской Руси в развитой форме, «иерархическую структуру земельной собственности», характеризующую западноевропейский феодализм. Вместе с тем на Руси сложилась сильная великокняжеская власть, добивавшаяся подчинения церкви себе, власть, признанная не только в пределах русских земель, но и в других странах. Об этом убедительно свидетельствует наименование Владимира в византийских источниках «базилевсом» —

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

⁹⁴ Значение языковых различий в процессе разделения церквей отмечено за последние годы рядом авторов (Steinacker u. Bischoff — BZ, 1950, 1951, 1955; Michel — BZ, 1956, Runciman — «Eastern schism...»).

титолов, в котором Константинополь отказывал Карлу Великому, не говоря уже о германских императорах X—XI вв.

Политическое могущество Киевского государства было достаточно значительным, чтобы отразить попытки насильственного вторжения западноевропейских феодалов, вместе с которыми папская агентура могла бы надеяться проникнуть на Русь. При этих условиях лелеемые папскими политиками планы распространения влияния римской церкви на восток не могли найти реальной почвы.

Этим и следует объяснить бесплодность тех переговоров, которые папская курия и папские легаты пытались вести в Киеве, после происшедшего в Константинополе разрыва.

Глава III. РУСЬ В ПОЛИТИКЕ ПАПСКОГО МИРОДЕРЖАВИЯ В КОНЦЕ XI в.

Многочисленные попытки папства укрепиться на русской почве, предпринимавшиеся прямым и окольным путем на протяжении всего XI в., имели разнообразные формы.

Хотя за этими попытками неизменно скрывалось стремление западноевропейских феодалов — германских, польских и других — обосноваться на русских землях, папство сначала не провозглашало захватнических целей в отношении Руси, а ограничивалось дипломатическими переговорами с русскими князьями, добивалось права католической проповеди, постройки церквей, обращения в католицизм самих князей и т. п. Никаких организационных связей между Римом и Русью не существовало. Показательно, что и посольства в Рим отправлялись русскими князьями как ответные на папские посольства в Киев. В отдельных случаях католическое духовенство появлялось на Руси в обозе военного вторжения. Нет сомнения, что если бы интервентам удалось закрепиться на захваченных русских землях, римская курия не упустила бы возможности насадить там католичество.

Новое отношение папства к Руси возникает в последней четверти XI в. Внешним стимулом явились бурные события на Руси.

Еще в 1068 г., как сообщает летопись, после первого серьезного набега половцев на Русь, три брата, сыновья Ярослава Мудрого — Изяслав, Всеволод и Святослав попытались дать отпор степнякам, но, потерпев поражение, возвратились в свои владения: Изяслав и Всеволод в Киев, Святослав в Чернигов.

Народное вече в Киеве, впервые упомянутое в источниках в этой связи, потребовало от Изяслава продолжать борьбу

с половцами, но князь от этого отказался. Вспыхнуло восстание, был освобожден из заточения и провозглашен великим князем Всеслав Брючиславич, Изяслав же вынужден был спасаться бегством. Покинув Киев, он отправился к своему племяннику и кузену — польскому королю Болеславу Смелому.⁹⁵ Несколько месяцев спустя, в 1069 г., Изяслав с Болеславом во главе большого польского войска вступили в русские пределы. После бегства Всеслава они вошли в Киев, отправив часть поляков обратно. Дальше события как бы повторяют все происшедшее ровно за 50 лет до того. То же размещение поляков «на прокорм» по домам киевлян и то же вскоре начавшееся избиение ненавистных населению чужеземных захватчиков «отай» (тайно) и, наконец, такое же бегство Болеслава из Киева — «возвратился в Ляхи Болеслав, в землю свою».⁹⁶

Изяслав поддался влиянию чужеземных сил, подчинил свою политику интересам польского князя, в свою очередь находившегося под сильным воздействием католического духовенства и политики папской курии.

О том же говорит и другой источник: дошедшее до нас «Слово о вере крестьянской и о латынской», приписываемое игумену Киево-Печерского монастыря Феодосию и посвященное князю Изяславу Ярославичу.⁹⁷ В этом «Слове» автор ополчается против латинской церкви, выдвигает против нее длинный ряд обвинений. Эта полемика стоит в прямой связи с незадолго до этого происшедшим церковным расколом, опирается на послание константинопольского патриарха Михаила Керулария и носит прежде всего церковно-культовый характер (хотя в «Слове» имеются и статьи, касающиеся догматических разногласий).

Следует полагать, что появление «Слова» было вызвано беспокойством ее автора, да, очевидно, не его одного, той западной ориентацией, которая обнаруживалась в политических действиях Изяслава. «Слово», писанное в разгар событий, за которыми многие русские люди, как и его автор, видели прямую опасность распространения католической веры на Руси, было своеобразной декларацией, провозглашением политической платформы противников политики Изяслава. То, что такая платформа получила характер церковно-политический — есте-

⁹⁵ ЛЛ, стр. 163—167. — Болеслав был сыном Казимира II, женатого на Марии, сестре Ярослава — отца Изяслава. Изяслав же был женат на католичке, сестре Казимира II.

⁹⁶ Там же, стр. 169.

⁹⁷ А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, стр. 69—81.

ственно, так как в средние века вообще, а в эту раннюю пору в особенности политические идеи становились достоянием масс лишь в церковной, религиозной оболочке.

«Слово» Феодосия было не единственным документом — свидетельством этой борьбы. Рядом с ним стоит и известное «Стязанье с латиною» киевского митрополита Георгия (1062—1079 гг.).⁹⁸ Здесь во «Вступлении» резко подчеркнута связь римской церкви с немцами, и, таким образом, еще определеннее, чем в «Слове» Феодосия, подчеркиваются соображения не только церковно-культовые, но и политические.

Известно еще и третье, чрезвычайно интересное полемическое сочинение, принадлежавшее перу митрополита Иоанна II, о котором подробнее будет сказано далее. Самый факт появления на протяжении десятка лет ряда полемических сочинений против латинской, папской, церкви говорит о том, что натиск с ее стороны усилился и воспринимался на Руси как политическая акция. Это и вызывало обострение интереса у русских людей к латинской церкви, что никак нельзя объяснить как результат разделения церквей, поскольку подобных сочинений не появлялось в течение предшествовавших 15—20 лет, протекавших после 1054 г.

Это усиление антилатинской полемики можно объяснить лишь обстоятельствами сугубо политического, а не церковного характера, такими обстоятельствами, за которыми русские люди не без основания видели призраки опасности вторжения чужеземных захватчиков, угрозы не только церковного, но и политического подчинения Руси. События 60—70-х годов XI в. подтверждали эти опасения.

После того как Изяслав в 1069 г. вернулся в Киев, заручившись помощью польского короля, его положение оказалось не очень прочным. В 1073 г., когда возникли новые распри между братьями, Святослав со Всеволодом снова поднялись на Изяслава и заставили его вторично покинуть Киев. Он опять отправился за помощью к Болеславу Смелому. Эти обстоятельства, сообщаемые и нашей летописью, и польскими летописцами, заставляют полагать, что Изяслав не имел в Киеве достаточной поддержки.⁹⁹ На этот раз цена той помощи, которую хотел получить изгнанный князь, оказалась значительно большей, чем он рассчитывал. Летописец рассказывает, что из Киева Изяслав ушел «со именем многим», т. е. с богатой казной, и надеялся вернуться с большим наемным войском. Но

⁹⁸ Там же, стр. 81—91.

⁹⁹ ЛЛ, стр. 178.

польским королем Изяслав был принят холодно, во всяком случае, военной помощи Болеслав ему не оказал.

Получив в Польше отказ, Изяслав, круто меняя свою политическую ориентацию, отправился в Майнц, где обратился за помощью к императору Генриху IV, с которым Болеслав находился во враждебных отношениях. Немецкий летописец Ламберт Герсфельдский помещает об этом следующее известие, датированное им январем 1075 г.: «...прибыл в Майнц и явился к нему (императору) король русских по имени Дмитрий,¹⁰⁰ принося ему неоценимые богатства в золотых и серебряных сосудах и чрезвычайно дорогих одеждах, и просил его, чтобы он оказал ему помощь против его брата, который силой лишил его власти и удерживает ее лютой тиранией».¹⁰¹ Очевидно, что Изяслав здесь и пустил в ход столь действенное средство, как богатая казна, которую он захватил из Киева.

Просьба Изяслава к императору не осталась без последствий. В Киев было отправлено посольство во главе с Бурхардом, протопопом трирским. Он должен был повлиять на Святослава, чтобы тот прекратил «несправедливости», которые творил в отношении своего брата Изяслава, и оставил бы престол, «незаконно им захваченный». В противном случае ему угрожало, по словам императора, «в самом недалеком будущем испытать силу оружия и могущество германского государства». Святослав не побоялся угроз, видимо, неплохо осведомленный о том, в каком затруднительном положении находился в это время сам император, и прекрасно понимая, что переданные ему угрозы Генриха IV реальной почвы под собой не имеют. Да и угрозы, видимо, звучали в Киеве не так устрашающе, как на это рассчитывал Изяслав, хотя бы потому, что глава этого посольства Бухард был родным братом Оды, жены Святослава.¹⁰² На это указывает и немецкий летописец, говоря, что посол был благожелателен, так как тот, к кому он был отправлен, имел женой его сестру и поэтому он мог найти с ним общий язык.

Каковы были результаты этого посольства в Киев, можно только догадываться. Русские летописи ничего не сообщают о прибытии такого посольства, западные же хроники, хотя и упоминают о нем, но о существе дела тоже умалчивают. Ламберт сообщает, что Бурхард вскоре «возвратился от короля русских с такими богатыми дарами в золоте и серебре и дорогих одеждах, что никто и не запомнит такого другого случая.

¹⁰⁰ Имя Изяслава в крещении.

¹⁰¹ MGH, SS, V, 219.

¹⁰² MGH, SS, XVI, 320 (Annales Stadenses, a. 1112).

чтобы одновременно в германское государство было ввезено такое множество». ¹⁰³ Летописец добавляет, что это было платой киевского князя за отказ в помощи изгнанному им брату.

Между тем Изяслав в ожидании возвращения посольства не бездействовал. То ли он сумел за это время лучше разобраться в ситуации и понять, что шансы на успешность для него киевских переговоров, которые вел Бурхард, невелики, тем более, что Генриху IV было в это время совсем не до далеких киевских земель, то ли он не хотел терять времени впустую и искал новых возможностей, во всяком случае, уже ранней весной того же 1075 г. сын Изяслава — Ярополк оказывается в Риме и ищет от имени своего отца помощи у папы.

Изяслав вторично переметнулся в противоположный лагерь. Ведь между императором Генрихом IV и папой, которым под именем Григория VII с 1073 г. стал один из деятельнейших представителей церковной партии, «первый министр» пяти предшествовавших ему пап — монах Гильдебранд, разгоралась ожесточенная борьба. В руках церкви в феодальной Европе скопились огромные, притом богатейшие земли, ставшие базой и средством для осуществления далеко идущих теократических устремлений папства.

Григорий VII имел в виду сделать церковь не только совершенно независимой от всякой нецерковной власти, в том числе императорской, но и добиться огромного расширения власти самой церкви путем фактического подчинения всей светской власти, всюду и везде, власти римского папы. Прикрываясь пресловутым «Константиновым даром», не в первый раз уже используемым с такими целями, Григорий VII провозглашал идею папской универсальной теократии, идею второго всемирного господства Рима. Все владения феодальных государств должны были стать ленными владениями римской церкви, а сами государи — вассалами «св. Петра», т. е. римского папы. Это не было только пропагандистской идеей или политической декларацией, это было программой действий папской власти, проводившейся Григорием чуть ли не с первых дней его понтификата.

Григорий VII систематически осуществлял грандиозную программу подчинения римскому престолу всей Европы. Пренебрегая всякими соображениями и традициями, связанными с понятиями политической независимости, прикрываясь авторитетом церкви, он заставлял владетельных государей различных стран, одного за другим, приносить себе ленную присягу и от-

¹⁰³ MGH, SS, V, 230.

давать свои владения «в лен св. Петра». Начиная с первых лет своего понтификата, Григорий добился власти над Сардинией и Корсикой, которые рассматривались как собственность римско-католической церкви; над Сицилией, которая была объявлена под особым покровительством папы; над Чехией, где папа, воспользовавшись внутренними междоусобиями, принудил князя Яромира признать себя его вассалом; над Венгрией, где непослушный король Соломон, в наказание за то, что он оказал поддержку главному врагу папы — германскому императору Генриху IV, был подвергнут конфискации его владений в пользу «св. Петра». Алчные взоры бросал Григорий и на Францию, по адресу короля которой, Филиппа I, направлялись проклятия и угрозы, требования признания папской власти. Даже на далекую от Рима Англию распространялись папские домогательства. Папа требовал от Вильгельма Завоевателя, которому в момент насильственного утверждения новой династии папство оказало поддержку, признания верховенства папской власти.

Притязания Григория VII распространились на Германию и Данию, Ирландию и Испанию, Апулию и Калабрию, Капуя и Прованс. В круг его захватов попадает Польша и Далмация, Кроация и Арагон. В этой же связи стоят и его призывы к «крестовому походу» на Восток, под предлогом помощи Византии против нашествия сельджуков.

Это был экспансионизм широчайшего, универсального охвата, и Григорий ничуть не скрывал своих планов, этой обуревавшей его идеи. Он пытался «обосновать» эту идею, утверждая, что «светская власть — от дьявола, духовная же — от бога», а потому, чтобы изгнать дьявола и внести божественное начало в управление людьми, необходимо всю светскую власть подчинить духовной, иными словами, всех государей — папе. Наиболее широко Григорий VII защищает свою идею в пространном послании «*Quod ad perferendos*» от 15 марта 1081 г., адресованном епископу мецскому Герману.¹⁰⁴ Его концепцию разделяла и поддерживала целая группировка духовных феодалов, упорно отстаивавших и защищавших ее в большой серии памфлетов того времени. Известные сборники под названием «Книжки о споре», в которых эти памфлеты и трактаты сохранились, являются наглядным свидетельством острой борьбы, разгоревшейся вокруг этих вопросов в те годы.¹⁰⁵

¹⁰⁴ *Bibliotheca rerum germanicarum*, ed. Jaffè, II, стр. 453; RPR, № 5201.

¹⁰⁵ MGH, *Libelli de lite inter imperium et sacerdotium*, tt. I—IV. Hannoverae, 1890 и сл.

Свое обобщение эта идея Григория VII получает в знаменитом «Диктате папы», приписываемом одному из деятельных представителей григорианской партии кардиналу Деусдeditу, активно продолжавшему политику Григория и после его смерти. В «Диктате папы» устанавливаются как незыблемые положения, почти догматического значения, 27 требований.¹⁰⁶ Все они обуславливают непререкаемый высший авторитет и верховное значение папской власти. В сущности, все учение католической церкви о папской власти получило в этом документе свое выражение.

В 9-й статье «Диктата» имеется требование, чтобы «все государи» (*omnes principes*) лобызали папе ноги. В 18-й утверждается, что «решения его (папы) никем не могут быть отменены, он же сам может отменить чьи угодно решения». В 27-й за папой провозглашается право «освобождать подданных от присяги негодным владыкам». Конечно, никаких рамок у границ применению этих положений не ставилось. Прикрываясь именами апостолов Петра и Павла, Григорий VII претендовал на неограниченное право «давать и отнимать империи, королевства, княжества, герцогства, маркизаты, графства и (другие) владения всех людей».¹⁰⁷

Этот ярко выраженный экспансионизм, который становится с конца XI в. официально декларируемой и конкретно осуществляемой программой римской курии, явился закономерным результатом роста папских притязаний на светскую власть, стремления римских пап вознести свою власть как высшую над всем феодальным миром.

Открытым врагом папской политики выступил с 1074 г. германский император Генрих IV. Григорий VII задался целью подчинить и его своей власти и стал готовить силы для решительной борьбы с ним. В разгар этой подготовки в Рим прибыл посланец беглого киевского князя Изяслава — Ярополк. Хотя источники, относящиеся к этому эпизоду, немногочисленны и явно тенденциозны, все же не остается сомнений в том, что курия уделила ему большое внимание. Документы, хранящиеся в Ватиканском секретном архиве, ставшие достоянием науки в середине XIX в., когда их извлек из этого архива и опубликовал А. И. Тургенев, подтверждают сообщения летописцев XI в. (Ламберта Герсфельдского, Сигиберта из Жамблу и др.), что, однако, не делает ни документы, ни летописные известия менее тенденциозными.

¹⁰⁶ C. Mirbt. Quellen..., стр. 127, № 255.

¹⁰⁷ MGH, Legum sectio, IV, Constitutiones et acta, t. I, стр. 556.

Летописные известия сообщают, что Ярополк, явившись к папскому двору, просил от имени отца помощи в возвращении Киева и якобы дал присягу папе в том, что в случае благоприятного исхода этого дела он признает папскую власть и сделает Русь «леном св. Петра». Об этом же свидетельствует папское послание от 17 апреля 1075 г. на имя Изяслава и его жены (в послании этом, как и во всех других западноевропейских источниках, Изяслав именуется «Димитрием, королем русским»), в котором говорится: «Сын ваш, посетив город апостольский, пришел к нам и, желая из рук наших получить королевство в дар от святого Петра, выразил должную верность тому же блаженному Петру, князю апостолов... Мы согласились на просьбу и обещание сына вашего, которые казались нам справедливыми, как потому, что даны с вашего согласия, так и по искренности просителя, и передали ему кормило правления над вашим королевством от имени блаженного Петра, с тем намерением и пожеланием, чтобы святой Петр своим ходатайством перед богом хранил вас и ваше царство и все ваши блага и содействовал вам до конца жизни вашей удержать царство ваше во всяком мире, чести и славе».¹⁰⁸

Далее папа, выражая готовность и в дальнейшем оказывать такую же или подобную помощь «русскому королю», упоминал о том, что отправляет к нему своих послов, которые должны передать послание и, кроме него, «многое ненаписанное» (на словах). Всему тому, что они скажут, папа просил доверять.¹⁰⁹

Через три дня, 20 апреля того же 1075 г., папа отправляет еще одно послание, адресованное польскому королю Болеславу. В этом послании («Quoniam homo») он благодарит польского короля за богатые подношения, присланные «св. Петру», рекомендует послов, которых направляет к нему, упоминая при этом, что они умножат число польских епископов. А в заключение папа «просит и убеждает» короля возвратить «Димитрию, королю русскому», то, что было у него отнято им, королем польским, «или же его людьми».¹¹⁰ Речь шла о деньгах, которые Изяслав захватил из Киева и вынужден был оставить в Польше.

Таким образом, воспользовавшись «помощью» папы, Изяслав должен был бы потерять всякие права на власть в Киеве, которую папа «передал» его сыну Ярополку. При этой сделке оговаривалось, как первое условие, принятие католицизма,

¹⁰⁸ HRM, I, 1; RPR, I, 614, № 4955; PRU, I, 1.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ HRM, I, 2—3.

притом, по-видимому, не только самим князем, но при его содействии и всей Русью. Неизвестно, как реагировал Изяслав на результаты поездки его сына к папе. Вернее всего, что таких результатов он не ожидал, во всяком случае, вряд ли они соответствовали его желаниям.

Пока были живы его братья Всеволод и Святослав, он никак не мог передать своих прав своему сыну, так как такое грубое нарушение уже установившегося в ту пору на Руси порядка наследования феодальных владений не могло не вызвать еще более сильных осложнений в той борьбе за власть, которую вел изгнанный князь.

Положение неожиданно изменилось, когда вскоре, в 1076 г., умер сидевший в Киеве Святослав, и Изяслав беспрепятственно получил возможность снова воссесть на великокняжеский «стол».

Таким образом, все поползновения папской курии кончились и на этот раз ничем.

Тем не менее весь этот эпизод заслуживает внимания историка: впервые папские притязания получили документальное выражение, впервые папская экспансия против Руси была открыто провозглашена. С этого времени в Риме удерживалось представление, что не столь безнадежной является давняя мечта папства о проникновении на Русь и утверждении там католицизма.

Этим, очевидно, следует объяснить то, что «русское» направление папской экспансии не оставляет без внимания и противник Григория VII — антипапа Климент III. Когда в своей многолетней борьбе с Генрихом IV папа Григорий VII вторично отлучил его от церкви, объявил его низложенным и передал права на корону Рудольфу Швабскому (7 марта 1080 г.), Генрих IV, опираясь на право императорской власти утверждать римского первосвященника, объявил папой своего сторонника — архиепископа Равеннского Виберта, избранного на Брешианском соборе 1080 г. Под именем Климента III этот антипапа возглавлял определенную группу духовных феодалов (преимущественно итальянских, имевших основание бояться тяжелой руки Григория VII), поддерживавших императора, и признавался папой на протяжении целых 20 лет (1080—1100 гг.).

Положение Климента III отнюдь не было прочным; его внимание было всецело поглощено делами, непосредственно касавшимися Италии и той борьбы, которая разгорелась между двумя феодальными лагерями в эти годы. Тем более привлекает внимание тот факт, что в 1088—1089 гг. Климентом III

был прислан на Русь кардинал Григорий из церкви св. Виталиса для переговоров о «воссоединении русской церкви с римской». За принятие католицизма кардинал от имени Климента III обещал щедрые дарения и выгоды.

Датировку этого посольства можно, по-видимому, уточнить. Принимая за позднейший возможный срок 1089 г., так как в этом году умер митрополит киевский Иоанн II, который, очевидно, был автором послания к Клименту III о различиях русской, т. е. греко-православной, и латинской веры (очевидно, это послание и было развернутым ответом на папские предложения, переданные кардиналом Григорием), самым ранним сроком его приезда следует предположить 1088 г., когда император Генрих IV посватался за Евпраксию, дочь князя Всеволода Ярославича, оставшейся к этому моменту двадцатилетней вдовой после смерти своего первого мужа маркграфа саксонского Генриха Штаде. Свадьба императора с русской княжной состоялась в Кельне в 1089 г. Не исключено, что кардинал Григорий выполнял двойные дипломатические функции — и конфессионального и матримониального характера. Это тем более вероятно, что брак на Евпраксии имел для императора значение политическое и материальное: Генрих IV, очевидно, рассчитывал на помощь и финансовую поддержку своего тестя в развернувшейся после смерти Григория VII новой борьбе Империи с папством. В том же 1088 г., после недолгого понтификата Виктора III, наследовавшего Григорию VII, папой стал Урбан II, который с новой силой повел борьбу против императора и его антипапы Климента III.

В этих условиях признание Климента III духовным главой на Руси и тесное сближение ее князя с императором могло бы в огромной степени усилить позиции антипапы.¹¹¹ Очевидно, поэтому Климент III составил свое послание на Русь в гораздо более скромных тонах, чем его предшественники; он не ставил вопроса о подчинении Риму, а поднимал лишь вопрос о воссоединении церквей. Церковные историки недоумевают, почему с такими предложениями Климент обратился к Руси, а не к Византии, хотя именно там находился патриарх — глава православной церкви.¹¹² Между тем это вполне объяснимо.

Вопросы конфессиональные имели служебное значение по отношению к проблемам политическим, которые были выдвинуты на первый план. Важно было заручиться поддержкой

¹¹¹ A. Cartellieri. Der Aufstieg des Papsttums im Rahmen der Weltgeschichte (1047—1095). München—Berlin, 1937, стр. 203.

¹¹² Голубинский, ук. соч., стр. 595.

киевского князя, а условия, на которых она могла бы быть предоставлена, были вопросом второстепенным. Кроме того, вряд ли можно сомневаться, что за ближайшей задачей включения Руси в католическую сферу влияния перед алчным взором папских экспансионистов вставала и дальнейшая перспектива — подчинения Риму всей восточной церкви, т. е. утверждения его власти на землях всей юго-восточной Европы и Византии. К тому же политическое положение Византии в эти годы было достаточно плачевным, и в случае успехов Рима на Руси Византия вряд ли способна была бы противиться папской экспансии. Вот почему, следует полагать, переговоры велись в Киеве, а не в Константинополе.

Невзирая на сравнительно умеренный дух, которым проникнуто было папское послание, привезенное кардиналом Григорием, и оно не принесло его авторам в Риме ожидаемых результатов.¹¹³ Вероятнее всего, кардиналу было сказано, что ответ на римские предложения будет дан позднее, так как он должен быть серьезно продуман и подготовлен. Есть предположение, что с этим ответом, которым, очевидно, и явилось упомянутое уже «Послание митрополита Иоанна к папе римскому Клименту»,¹¹⁴ был отправлен в Рим некий Федор, видимо образованный грек, состоявший при митрополите. В летописи под 1091 г. сохранилось краткое упоминание о нем, как пришедшем «от папы из Рима».¹¹⁵

Само послание митрополита выдержано в духе греко-русской богословской полемики, сходно со «Стязаньем с латиною» и другими произведениями этой полемической литературы XI в., связанной с разделением церквей 1054 г. Оно опирается целиком на официально принятые греко-православной церковью положения об «ошибках» латинской церкви, главным образом из «Окружного послания» Фотия и послания Микхила Керуллария к антиохийскому патриарху Петру. По главному же вопросу, интересовавшему Климента III, — о воссоединении церквей — митрополит Иоанн отослал папу в Константинополь, к патриарху и собору митрополитов при нем.

¹¹³ Павлов, ук. соч., стр. 61; Приселков, ук. соч., стр. 142—147.

¹¹⁴ «К архиепископу Римскому отъ Иоанна митрополита Русского о опресноцехъ» (Учен. зап. II отд. имп. Акад. наук, кн. I, СПб., 1854, стр. 1—20).

¹¹⁵ НЛ (ПСРЛ, т. IX, стр. 116). См. «The catholic encyclopaedia» (т. XIII, стр. 254), где упомянуто о том, что Урбан II посылал к великому князю Всеволоду Ярославичу (1078—1093 гг.) «епископа Федора с мощами Николая Мирликийского в связи с установлением русской церковью праздника в честь этого святого».

Таким образом, новая попытка папства включить в орбиту своего влияния Русь была в корректной форме, но твердо и решительно отклонена.

Сохранился в источниках след еще об одном эпизоде конца XI в. Хотя этот эпизод и нельзя отнести непосредственно к цепи папских попыток утвердить свое влияние на русских землях, но он довольно ярко характеризует отношение папства к Руси в это время. Речь идет о той роли, которая была навязана уже упомянутой выше княжне Евпраксии, дочери киевского великого князя Всеволода Ярославича, ставшей летом 1089 г. императрицей Германии под новым именем Адельгейды или Пракседис.¹¹⁶ Источники сообщают, что очень скоро после брака между супругами наступил разлад, и уже в 1090 г., т. е. спустя год после брака, молодая жена императора оказалась в заточении в Вероне. Отсюда она не побоялась связаться с политическими врагами своего супруга, хотя, может быть, уже тогда инициатива исходила от них. Во всяком случае, один из главных предводителей папской партии маркграфиня Матильда Тосканская помогла молодой женщине бежать из заточения и приняла ее в своем знаменитом замке Каноссе.

Источники отмечают огромное внимание, которым окружили русскую княжну ее новоявленные «друзья» — не только маркграфиня, по возрасту годившаяся Евпраксии в матери, но и ее молодой муж, чье благоволение к княжне вряд ли носило отеческий характер. Ее решили использовать в качестве обвинительницы против Генриха IV по таким статьям, по которым самые лютые политические враги императора не могли бы ничего сказать. Сенсационность, рассчитанная на низменные чувства, обещала успех папской партии. Чтобы предоставить Евпраксии большую свободу действий, папа Урбан II расторг ее брак с императором.

Евпраксия была подучена своими наставниками и представила в 1094 г. на организованный папским легатом Гебгардом большой церковный собор в Констанце жалобу на императора, от которого ей пришлось, по ее словам, «вытерпеть в браке безобразные издевательства».¹¹⁷ Это же она повторила в начале

¹¹⁶ MGH, SS, VI, 209 (Ekkehardi Chronicon, a. 1089); MGH, SS, III, 133 (Annales Augustani, a. 1089); MGH, SS, VI, 721 (Annalista Saxo, a. 741—1139); — G. Meyer von Knonau. Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V, Bd. 4, стр. 217, 251, 423—425; Bd. 5, стр. 329. — Специальное исследование, посвященное Евпраксии, см.: С. П. Розанов. Евпраксия — Адельгейда Всеволодовна (1071—1109). Изв. АН СССР, сер. 7, Отд. гуманитарн. наук, 1929, № 8, стр. 617—646.

¹¹⁷ MGH, SS, V, 418 (Bernoldi Chronicon). — Еще подробнее сообщают о выступлении Евпраксии Annales s. Disibodi (MGH, SS, XVII, 14).

марта 1095 г. на другом соборе, созванном в Пьяченце, в котором, по уверениям хрониста, принимало участие 4 тысячи духовных и 30 тысяч светских лиц.¹¹⁸ В порядок дня собора был поставлен вопрос «О жалобах Евпраксии, жены императора Генриха, от брака освобожденной, на своего мужа».¹¹⁹ В личном выступлении перед огромной аудиторией молодая княжна и бывшая императрица обстоятельно излагала множество этих «жалоб», касавшихся интимных сторон ее супружеской жизни. Императора она обвиняла в том, что он «причинял ей неслыханные мучения в браке». Источники пространно излагают ее «жалобы», из которых неоспоримо явствует одно: несчастную женщину сделали предметом циничной, грязной сенсации в масштабе, так сказать, мировом и использовали бесцеремонно в качестве орудия политических интриг.

После этого Евпраксия никому уже больше не была нужна. Ее «покровители» во главе с папой Урбаном II и его приспешниками — маркграфиней и прочими, от нее отвернулись. Евпраксия, измученная и морально истерзанная, уехала сначала в Венгрию, а затем возвратилась в отчий дом, в Киев и в 1106 г. удалилась в монастырь, прожив после этого еще неполных три года.¹²⁰

История молодой русской княжны, которую папские клеветы использовали для своих интриг и политической борьбы, еще раз показывает, что в Риме отчетливо представляли себе могущество и богатство древней Руси, авторитетом которой папские политики пытались в иных случаях прикрывать свои корыстные планы и расчеты, не останавливаясь перед средствами в достижении своих целей.

Глава IV. ЭКСПАНСИЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ НА РУСИ В XII в.

Со времен Григория VII в планах экспансии римской церкви прочно заняло свое место «русское» направление. Стремление пап подчинить своей власти народы русской земли

¹¹⁸ MGH, SS, XII, 394 (Donizonis monachi Canusini Vita Mahtildis commitissae); Meyer von Knonau, ук. соч., Bd. 4, стр. 442, 444; MGH, SS, V, 462 (Bernoldi Chronicon). — Следует полагать, что цифры участников собора, приведенные источником, значительно преувеличены, тем не менее состав его был очень велик. По уверениям хрониста, собор происходил на открытом поле.

¹¹⁹ RPR, I, стр. 677.

¹²⁰ ПБЛ, I, стр. 186 и 187 MGH, SS, XVII, 14 (Annales s. Disibodi). Meyer v. Knonau, ук. соч., стр. 444—445; Baronius, XVII, стр. 606.

еще более усиливалось в связи с тем, что торговые сношения с Русью открывали перед глазами иностранцев мир огромных богатств и неисчерпаемых возможностей. Здесь скрещивались важнейшие торговые магистрали, связывавшие запад и восток, север и юг. «Эта богатая страна была подлинным перекрестком тогдашнего мира, где сталкивались торговые пути, народы и цивилизации всяческого характера», пишет современный историк.¹²¹ Недаром слово «Русь» в западноевропейских источниках постоянно сопровождается эпитетами «богатая», «великая», «могучая». Название это встречается во множестве эпических произведений: и в немецких сказаниях XI—XII вв., и в знаменитом эпосе французского народа — «Песне о Роланде».¹²²

Богатства великой страны на востоке все больше привлекали внимание папства. Следует отметить, что рост политической самостоятельности римских пап и их освобождение от зависимости в отношении германского императора не случайно совпадали с усилением развития в феодальной Европе товарно-денежного хозяйства. В этой связи, очевидно, столь энергичными делаются попытки папства в конце XI в. расширить сферу своего влияния и включить в нее новые страны. Известно, что в XII в. уже существовали римско-католические церкви в Новгороде, названные именем св. Николая и св. Петра.¹²³ Следы появления в начале XII в. католического духовенства и основания церквей встречаются и в источниках юго-западной Руси.

Как ни велико было стремление римской курии обосноваться на обширных и богатых русских землях, предпринять самостоятельные шаги в этом направлении папство не могло. Политическая обстановка в Западной Европе отвлекала все внимание папства к борьбе с императорской властью — сначала при Генрихе IV, затем при его сыне Генрихе V. Вследствие этого папство практически оказалось не в силах помешать росту самостоятельности высшей церковной иерархии на северо-востоке Европы. Епископы и архиепископы уже с конца XI в., а особенно в первой половине XII в. ведут себя там как вполне независимые феодальные магнаты. Помимо общеэкономических предпосылок, способствовавших в северо-восточных областях Западной Европы такому росту политического значения духов-

¹²¹ I. Barnea. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X au XII siècle. Nouv. Ét. d'hist. présentées au X Congrès des Sc. histor. (Rome 1955), Bucarest, 1955, стр. 180.

¹²² G. Lozinskij. La Russie dans la littérature française du Moyen Âge. RES, t. IX, 1929, стр. 71—89 и 253—271.

¹²³ G. Sartorius. Geschichte des hanseatischen Bundes, Th. I. Göttingen, 1802, стр. 395—396.

ной власти на местах, в укреплении власти епископов имело значение и то, что их епархии к этому времени превращаются в своего рода политические и идейные аванпосты в борьбе германских императоров со скандинавскими государствами — Данией, Швецией и Норвегией.

Маневры германских императоров Генриха V (1106—1125 гг.) и Лотаря III Саксонского (1125—1137 гг.) свидетельствуют о том, что в первую очередь они старались поддерживать интересы северо-восточных феодалов, стремившихся обеспечить свой контроль на Балтийском море, оказывая давление на политику скандинавских государств. Так, всякое стремление папской курии, направленное на укрепление ее позиций на северо-востоке Европы, наталкивалось на сопротивление обосновавшихся в этих районах светских и духовных магнатов, поддерживаемых и императорской властью.

Вместе с тем те же германские феодальные магнаты, да и сам император, не переставали искать путей и средств к дальнейшим захватам славянских земель. Для осуществления этих целей особое значение приобретало проникновение и утверждение на этих землях церкви и католического духовенства.

Таким образом, наряду со столкновением интересов духовенства и светской власти, обнаруживалось и относительное единство этих интересов и действий, коль скоро дело доходило до захвата восточных славянских и прибалтийских земель. В этих случаях император находил общий язык с папой, а папская курия — с местными магнатами, что в других случаях имело место далеко не всегда.

Все же на протяжении первых 100 лет с того момента, как в планах папской экспансии появилось «русское» направление, со времен Григория VII до 80-х годов XII в., интерес папства к Руси проявляется по-прежнему эпизодически.

Одновременно с тем, что германские феодалы неудержимо тянулись к славянским землям и с папского благословения готовились к агрессивным действиям, папы выступали вдохновителями и идейными вождями крестовых походов на восток, история которых проходит через весь XII в.

Отношения с Византией, которые в этой связи приобрели для папства особую остроту, также выдвигали перед римской курией вопрос о Руси. Как ни туманны были представления римских политиков о Руси, как ни скудны были их сведения в XII в. о ее народе, о государственном строе и о ее церковной жизни, они знали и понимали, что Русь — крупнейшая база восточной (православной, греко-византийской) церкви. А так как всякое сближение с Византией, необходимое с точки зрения

Рима для более успешного осуществления его экспансионистских целей на востоке, предполагало прежде всего сближение церквей — их воссоединение, то вполне естествен возросший интерес римской курии к Руси.

С другой стороны, для понимания характера взаимоотношений Рима и Руси в XII в. следует учесть те общеисторические условия, которые определяли развитие древнерусской государственности в этот период. Эти условия, как известно, характеризовались усилением феодальной раздробленности и связанной с нею феодальной анархией — междоусобицами князей в их непрестанной борьбе за земли, за власть. Неизбежным следствием такой политической неурядицы было ослабление экономических связей и падение торговли, в частности с Западом. Если еще последняя четверть XI в. свидетельствует о регулярных торговых караванах, отправлявшихся из Руси на Запад,¹²⁴ то в первой половине XII в. эти связи явно захирели.¹²⁵

Используя политическое ослабление Руси, в ее пределы вторгались степные кочевники, особенно половцы, неоднократно подвергавшие опустошению цветущие города и села, уводившие «в полон» тысячи людей. Постоянная опасность этих набегов заставляла русских князей создавать некое подобие военно-политического объединения, чтобы противостоять общему врагу. Эти условия формировали у русских людей основы национального самосознания и усиливали непримиримость ко всякому внешнему врагу.

Поползновения римской курии укрепить свои позиции на Востоке путем подчинения восточной церкви папству выступают отчетливо на всем протяжении XII в. В ноябре 1122 г. папа Пасхалий II отправляет к византийскому императору Алексею Комнениу легатов во главе с Мавром, епископом Амальфийским, вручившим императору пространное папское послание, в котором папа предлагал соединение церквей на основании подчинения византийского патриарха папской власти, признания им «первенства» апостолического престола и своей подчиненности ему.¹²⁶

¹²⁴ М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. *Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г.*, вып. I (XXXIV), Л., 1927, стр. 3 и сл. — Интересную карту торговых путей из Киева на Запад через Владимир-Волынский к Кракову и дальше в Прагу и Регенсбург разработал современный польский историк Стефан Кучинский (*Slavia Antiqua*, t. V, 1956, стр. 276).

¹²⁵ В. Пархоменко. Кризис варяжской державы в Киеве. *Slavia, Praha*, 1930, стр. 769.

¹²⁶ RPR, I, № 6334. — В более ранних изданиях, в том числе и в издании Яффе, этот документ неправильно датировался 1115 г.

По-видимому, в Риме полагали, что стесненные условия, создавшиеся для Византии в результате первого крестового похода, должны заставить ее пойти на уступки. Эти расчеты были необоснованными, и попытка Пасхалия II ни к чему реальному не привела. Тем более любопытно другое обстоятельство, очевидно, связанное с папским посланием византийскому императору и нас непосредственно интересующее. Именно в эти же годы киевский митрополит Никифор (1104—1121 гг.) составил «Послание к великому князю Володимеру, сыну Всеволода, сына Ярославля» (Владимиру Мономаху), в котором он в 20 пунктах излагает причины разделения церквей.¹²⁷

Очевидно, что не из отвлеченно-теоретического интереса Владимир Мономах обратился к отношениям с римской церковью. По-видимому, киевский князь считал нужным подготовиться к ответу на предложения, которые могли поступить из Рима по поводу соединения церквей, аналогичные тем, какие были в это же время направлены в Константинополь. От митрополита великий князь хотел лишь получить необходимую аргументацию церковно-богословского характера, которая должна была придать его ответу, в случае если бы таковой потребовался, полагающуюся, по обычаям времени, полноту и завершенность.

Новая вспышка интереса к Руси среди руководящих деятелей римско-католической церкви имела место в конце первой половины XII в. В 1130 г. епископ Краковский Матвей направил письмо известному в те времена фанатическому ревнителю интересов папской церкви аббату Клервосского монастыря Бернарду, впоследствии канонизированному, в котором предлагал ему заняться «обращением русских» и искоренением у них «нечестивых религиозных обычаев». «Народ же русский, — писал автор послания, — неисчислим по множеству своему, подобно звездам, веры они православной и установлений истинной религии (католической, — Б. Р.) не соблюдают».¹²⁸ Очевидно, реальных последствий это приглашение не имело: никаких данных о миссионерстве на Руси сурового ратоборца католицизма не сохранилось.¹²⁹

¹²⁷ Послание опубликовано в сборнике «Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. учрежд. при Моск. унив.» (ч. I, М., 1815, стр. 59—75).

¹²⁸ HRM, I, стр. XIII.

¹²⁹ У А. И. Тургенева, давшего в HRM выдержки из оригинала письма Матвея Краковского, хранящегося в Ватиканском секретном архиве, сказано, что послание озаглавлено: «1130 год. Послание Матвея, епископа Краковского, к св. Бернарду, аббату Клервосскому, о предположенном обращении

В послании епископа Краковского явственно слышатся воинственные призывы к открытой агрессии против русского народа и употребляются такие энергичные выражения, как «искоренить нечестивые обычаи» (*exstirpare impios ritus*) и т. п. Краковский папист выражал взгляды не только свои, но и определенной части католических политиков того времени. В этом не оставляют сомнения события, разыгравшиеся несколько позднее, когда с благословения папы Евгения III в 1147 г. германские феодалы под предводительством саксонского герцога Генриха Льва, с участием всех епископов северо-восточной Европы, затеяли кровавый «крестовый поход» против славянских племен, расселившихся за Эльбой.

Возможно, что в трагических событиях этого года известную роль сыграло даже упомянутое послание краковского епископа клервосскому аббату. Во всяком случае, сохранилось известие, что на церковном соборе во Франкфурте, происходившем в том же 1147 г., именно Бернард Клервосский выступил с иступленным призывом «уничтожить или народ славянский, или их веру».¹³⁰ Эти призывы «святого» фанатика были услышаны крестоносцами, и они стерли с земли целый славянский народ — вендов (венетов), расселявшихся по балтийскому побережью между древними славянскими реками Лабой и Одрой. Кровавая расправа немецких рыцарей под знаменем воинствующего католицизма над вендами в 1147 г. была лишь подготовительной операцией к дальнейшим захватам.

«Успехи» крестоносцев на славянских землях способствовали росту феодального самовластия, но явно ущемляли интересы папства, обманувшегося в надежде усилить свои позиции в результате этих походов.

Вместе с тем в Риме искали и обходных путей, чтобы укрепить позиции папства. Следует напомнить, что на протяжении всего XII в. папская власть переживала серьезный кризис. В Риме выросло глубокое недовольство папской администрацией. Усилился протест против тяжелых церковных налогов, против самоуправства и вымогательств папских чиновников. В 30-х годах волнения в городе принимали бурные формы.

русских» (*de suscipienda Ruthenorum conversione*). Отсюда возникла версия, будто Бернард и получил назначение миссионером на Русь. В действительности приведенное заглавие не может служить основанием ни для этого, ни для каких бы то ни было других заключений, касающихся существа вопроса, так как оно, конечно, гораздо более позднего происхождения, поскольку Бернард в нем именуется «святым», а его канонизация имела место только в 1174 г.

¹³⁰ H. Oldekop. Die Anfänge der katholischen Kirche bei den Ostsee-finnen... Reval, 1912, стр. 48; Н а у с к, ук. соч., Bd. IV, стр. 628.

Положение осложнялось и тем, что шла непрерывная борьба между претендентами на папский престол.

Политическая обстановка была в ту пору чрезвычайно сложной и достаточно напряженной не только на Востоке, но и в Европе. Начиная с середины XII в. разгорелась длительная борьба германского императора Фридриха I Барбароссы против североитальянских городов и стоявшего за их спиной папы Александра III. Император торжествовал победу: он нанес сокрушительный удар ломбардским городам, смел с лица земли их главную цитадель Милан, заставил своих противников склониться перед собой и признать верховенство своей власти. Но это вовсе не означало конца борьбы. Североитальянские города организовали в 1167 г. «Ломбардскую лигу», сплотили силы, привлекли в качестве союзника папу и сицилийского короля и стали готовиться к возобновлению военных действий против императора.

В конце июля 1167 г. войска Фридриха под предводительством двух епископов в рыцарских доспехах после жестокой восьмидневной осады ворвались в Рим и подвергли его разбою и грабежу. Тела убитых тысячами валялись по городу. Погибли замечательные памятники искусства. Не осталось почти ни одного неповрежденного здания. Император чувствовал себя на вершине своего могущества: он повелевал всем и все ему подчинялись. Папа Александр III скрылся из Рима — бежал на территорию своего союзника, сицилийского короля, в Беневент. Казалось, не было больше никаких препятствий к утверждению безраздельной и полной власти германского императора над всей Италией, над Римом, над папством.

Но императора постиг удар с совершенно неожиданной стороны. Внезапно в захваченном немцами городе разразилась страшная эпидемия. В течение 2—3 дней смерть косила ряды немцев и подорвала всю военную силу императора. Канцлер Империи, кельнский архиепископ Райнальд, ряд полководцев Барбароссы и многие тысячи его воинов погибли в только что завоеванном ими в великих усилиях Риме бесславной смертью... Фридриху не оставалось ничего другого, как спешно покинуть столицу. 6 августа он двинулся к северу и вскоре оставил пределы Италии.

Несмотря на полное поражение, которым кончился римский поход императора, германская партия продолжала активно действовать в самом Риме и в Северной Италии, имея на своей стороне многих противников папы Александра III. В Риме находился антипапа, который обосновался в Ватикане, Александр же, опираясь на поддержку английского и французского

королей, готовился в Беневенте к новой борьбе за Рим. Для этого ему необходимо было подыскать и новых союзников. Возможности во Франции и в Англии были исчерпаны. В Германии у Александра поддержки не было. Его взор обратился на восток. Уже не как могущественный повелитель «христианского мира», а как осторожный политик, стремящийся найти общий язык с возможными союзниками, папа шлет в 1169 г. своих послов на Русь. Летопись сообщает об этом эпизоде с досадной лаконичностью: «... того же лета придоша послы от римского папы».¹³¹ Неизвестно, к кому именно и куда явились послы — то ли в Киев к митрополиту, то ли во Владимир к великому князю Андрею Боголюбскому; неизвестно, каковы были официальные задачи посольства. Очевидно, папа рассчитывал на возможность привлечения русских князей к общей борьбе в Европе, а может быть, через Русь искал дипломатической поддержки в Византии.¹³²

Дало ли какой-либо реальный результат это папское посольство? Этого мы не знаем, но вероятен положительный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, вскоре в Италию к Александру III, который с весны 1170 г. переехал в город Верули, явились послы от византийского императора Мануила Комнена. Сообщение об этом сохранилось у Макария Анкир-

¹³¹ НЛ (ПСРЛ, т. IX, стр. 237).

¹³² Нельзя согласиться с тем авторами, которые делают попытку связать это посольство с собственно русскими событиями. Так, Голубинский (ук. соч., стр. 597) предполагает, что послы были присланы папой Александром III в связи с тем, что до него могли дойти слухи о несогласиях между великим князем Андреем Боголюбским и константинопольским патриархом из-за учреждения во Владимире митрополичьей кафедры, чего добивался князь. Здесь все неубедительно. Помимо того, что предположение автора построено на домыслах, так как никакой источник не дает для этого оснований, самые домыслы оторваны от действительности, от исторической почвы. В условиях 1168—1169 гг., кратко охарактеризованных выше, о которых можно сказать в отношении папы словами русской поговорки — «не до жиру, быть бы живу», сомнительно, чтобы Александр III мог интересоваться русско-византийскими противоречиями, тем более, что об этом в римской курии могли знать только по слухам. Папе Александру III в сложившейся обстановке нужен был мир с Византией и сотрудничество с ней, а не углубление раскола и обострение политических отношений. Точка зрения Голубинского характерна для церковной историографии, трактующей отношения между папой, Византией и Русью только в свете чисто церковных проблем, без учета общен исторической обстановки.

Советский историк В. Т. Пашуто полагает (Героическая борьба..., стр. 79), что задачей папских послов, которые были отправлены, по его словам, в Суздальскую Русь к Всеволоду Большое Гнездо, являлось привлечение русских к борьбе против Барбароссы, что, однако, не удалось, так как Всеволод поддерживал с императором дипломатические отношения и не склонен был их нарушать.

ского, автора XIV—XV вв. К сожалению, и он не сообщает подробностей об этом посольстве, ограничиваясь общей фразой, что посольство явилось по поводу «соединения церквей».¹³³

Поставив в связь эти два события и учитывая, что они произошли на протяжении 1—1½ лет (первое в 1169 г., а второе в 1170 г.), имея в виду всю политическую обстановку этих лет, кажется весьма вероятным, что папское посольство на Руси имело успех: было оказано давление в Константинополе и византийский император отправил своих послов в Италию. Маловероятно, чтобы в Верили переговоры касались лишь вероисповедных проблем. Скорее речь шла относительно политических мероприятий, для проведения которых и папа и Мануил могли найти общую платформу в борьбе против германского императора. Очевидно, позиция папы поддерживалась, кроме того, и сицилийским королем. Однако византийский император шел на переговоры «с камнем за пазухой». Он рассчитывал получить за поддержку против Барбароссы твердые позиции в Италии. Он мечтал восстановить Восточную империю в ее былом блеске. Но и Александр III не собирался поступиться своими позициями и вряд ли согласился бороться против деспотической власти одного императора, чтобы подчиниться всевластию другого. Эта мысль убедительно высказана византиноведом А. А. Васильевым,¹³⁴ хотя явным преувеличением возможностей папы является утверждение, что папа якобы сам «стремился к верховенству над Византийской империей».¹³⁵ Трудно себе представить, чтобы в условиях 1170 г. у скольконибудь реального политика (а в этом Александру III едва ли можно отказать) могла бы явиться идея о политической супрематии над Византией. Вернее предположить, что папа готов был бы на некоторые, частичные уступки политического характера в пользу византийского императора за достижение соглашения по церковным вопросам.¹³⁶

Об этом говорит и следующий эпизод в истории отношений между Римом и Византией в XII в. В ответ на византийское

¹³³ Грегоровиус, ук. соч., стр. 499; W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, стр. 96, примеч. 1.

¹³⁴ A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire (324—1453). Univ. of Wisconsin Press, 1952, стр. 425.

¹³⁵ Это же мнение еще до Васильева высказал Норден (ук. соч., стр. 101).

¹³⁶ Следует иметь в виду, что лишь очень условно можно разделять эти две стороны взаимных отношений между Римом и Византией в ту пору. В действительности политические и вероисповедные проблемы были тесно переплетены между собой, поскольку и те и другие имели общее основание — материальные интересы в области землевладения.

посольство в Верили, как сообщает тот же Макарий Анкирский, Александр III отправил в Константинополь двух легатов — Варлаама и Акиндина. Папские легаты привезли императору Мануилу требование о подчинении восточной церкви Риму, признании за папой апелляционных прав по всем вопросам восточной церкви и обязательного поминания папы во время богослужения.¹³⁷ Патриарх Михаил Анхиалий решительно отверг притязания папы; Мануил же, рассчитывавший, по-видимому, в дальнейшем расширить свое влияние на папу, склонен был добиваться соглашения с ним.¹³⁸ Собранный патриархом собор и слушать не хотел о каких бы то ни было уступках римской церкви и выступил так единодушно, что и император не решился воспрепятствовать собору принять решение «отлучить папу и его последователей от церкви». Отлучение было провозглашено не как полная анафема, которой предавались обычно «еретики», а с ограничением, «потому что, — как говорится в источнике, — римляне — народ великий и знаменитый».¹³⁹

Таким образом, папство еще раз проявило свое нежелание отступить от мечтаний о мировом господстве.

На Латеранском соборе 1179 г., выступая перед 320 епископами римской церкви, папа Александр III еще раз поднял пресловутый вопрос о «единении церквей» на основе подчинения папе. Присутствовавший на соборе греческий монах Нектарий решительно отверг эту идею, выступив с резкой обличительной речью против папства.

С середины XII в. наблюдается более энергичное проникновение католического духовенства на русские земли, как на северо-западе, так и на юге. В рассказе о половецком набеге на Переяславль уже в 1154 г. летопись упоминает о том, что была сожжена «лядская божница» (католический костел).¹⁴⁰ Сохранилось известие, что в 1173 г. великий князь Ярослав Изяславич частью изгнал, частью заключил в темницу находившихся в Киеве католических «аббатов, священников, монахов и всех латинян вообще».¹⁴¹ Очевидно, речь идет о репрессиях, которые могли быть вызваны только тем, что поведение поселившихся в Киеве католиков приобрело вызывающий,

¹³⁷ Leo Allatius. De Ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione. Haag, 1660, стр. 664—665.

¹³⁸ Vasiliev, ук. соч., стр. 376.

¹³⁹ Norden, ук. соч., стр. 96, примеч. 1; Грегоровиус, ук. соч., стр. 499 (здесь дана неточная датировка событий).

¹⁴⁰ ИЛ, стр. 328.

¹⁴¹ I. Dlugosz. Historiae Polonicae, t. I, стр. 539.

а может быть, и политически опасный характер. Сообщение, возможно, преувеличивает масштабы репрессий, тем более, что и его автор известен как историк, враждебный Руси, в интересах католической церкви искажавший факты. К тому же писал он много позднее — лишь в XV в.

В других источниках об этих событиях нет упоминаний. Достоверно лишь одно: что в эти годы в Киеве жили католики. Летопись наша упоминает о них под 6683 г. (1175),¹⁴² называя их «латынью».

С середины XII в. активизируется католическое наступление на Финляндию, осуществляемое в связи со шведской агрессией. Здесь разыгрывался еще один исторический вариант использования креста феодальными захватчиками. Под флагом «крестового похода» происходило истребление шведскими рыцарями племен суми, на захваченных у них землях воздвигались замки, вводилась церковная десятина, полным ходом шла «христианизация».¹⁴³ Население Финляндии мужественно боролось с обрушившимися на нее врагами. Но превосходящие силы захватчиков, их военная техника, разбойничьи методы, которые они применяли, неограниченные резервы, за счет которых пополнялись их ряды, постоянный приток материальных средств, собиравшихся в Швеции и в других странах, — все это делало неизбежным завоевание почти беззащитного маленького народа. Все же его поистине героическая борьба за свободу затянула шведско-католическое завоевание на 200 лет и доставила немало забот агрессорам.

Даже кардинал римской церкви Гергенретер не может скрыть этого обстоятельства, подчеркивая, что «обращение» финнов очень затруднялось «приверженностью народа к свободе (*Freiheitstrieb des Volkes*) и совершенной чуждостью «миссионеров» (так он называет крестоносных агрессоров), даже не знавших их языка.¹⁴⁴

Насколько велика была ненависть поработленного шведами народа к завоевателям, говорит и тот факт, что финны убили в 1158 г. епископа Генриха, возглавившего «крестовый поход», а в дальнейшем еще двух епископов, сменивших его.¹⁴⁵

Шведы в своей феодально-католической экспансии не ограничились Финляндией. В 1164 г. на 55 шнеках они появи-

¹⁴² НЛ (ПСРА, т. IX, стр. 248).

¹⁴³ И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 59; В. Т. Пашуто. Героническая борьба..., стр. 101—102.

¹⁴⁴ J. Hergenroether. Handbuch der Geschichte der katholischen Kirche, Bd. II. Freiburg i/B. 1885, стр. 711.

¹⁴⁵ В. Т. Пашуто. Героническая борьба..., стр. 102.

лись перед Ладогой. Подвергнув разорению посад вокруг крепости, они многократно, но безуспешно пытались взять ее штурмом, пока подоспевшая новгородская рать не нанесла им сокрушительный удар, уничтожив 43 шнеки. Уцелевшие бежали из пределов русской земли.¹⁴⁶ Этот поход совпал по времени с крупной агрессией против поморских славян и вендов, предпринятой коалицией, возглавляемой герцогами и королями: Генрихом Львом (Саксония), Адольфом Гольштинским, Альбрехтом Медведем Мекленбургским, Вальдемаром I Датским. Несмотря на значительные силы, феодалы были наголову разбиты в сражении при Деммине.¹⁴⁷ Таким образом, шведское нападение на Русь было как бы одним из ударов, по-видимому, согласованно намеченных организаторами очередного «крестового похода».

Следует напомнить, что папа Александр III именно по этому случаю писал, что «миссионеров» необходимо поддерживать войском.¹⁴⁸

В то же время развернулась «миссионерская» деятельность католического духовенства на западных границах Руси. Ее вели на территории Эстонии монахи-цистерцианцы под наблюдением и руководством, с одной стороны, архиепископа Лундского (Дания), с другой — шведского короля. И тот и другой принимали живейшее участие в этой деятельности: они назначили специального епископа эстонского в лице некоего монаха Фулько, которому оказала свое внимание и папская курия.¹⁴⁹

Стремясь со своей стороны содействовать скорейшему захвату эстонской земли католическими агрессорами, папа объявил «отпущение грехов» на год всем сражающимся «против эстов и других язычников в тех местах»¹⁵⁰ и в специальной булле от 17 сентября 1171 г. призывал всех верующих в Дании, Норвегии и Швеции «протянуть руку помощи епископу Фулько, всеми силами способствующего обращению неверных».¹⁵¹ Такое понимание «обращения» в христианскую веру сделалось традиционным для папской курии. Еще в 1141 г. в булле Иннокентия II на имя епископа Генриха Ольмюцского предлагалось вести проповедь христианства среди пруссов вооруженной силой, дабы ускорить «дело обращения».¹⁵² Так уже

¹⁴⁶ ЛНП, 31 и 218; Андерссон, ук. соч., стр. 58; В. Т. Пашуто, Героическая борьба..., стр. 102.

¹⁴⁷ L. R a n k e. Weltgeschichte, Bd. IV. Leipzig, 1895, стр. 217.

¹⁴⁸ O l d e k o p, ук. соч., стр. 45.

¹⁴⁹ LUB, I, №№ 2, 4; VI, №№ 2713, 2714 и Regesta №№ 1a—3.

¹⁵⁰ Там же, I, № 5.

¹⁵¹ Там же, № 6.

¹⁵² PUB, I, 1, № 3.

с середины XII в. начинает вырабатываться та форма католической экспансии, которая станет господствующей в последующее время — вооруженное наступление под знаменем креста.

Прошло 100 лет с тех пор, как папа Григорий VII впервые в истории католической церкви открыто выступил с претензиями на власть над Русью. Эти 100 лет заполнены длинной цепью попыток папства вовлечь Русь в орбиту своего влияния, главным образом путем «соединения церквей». За вероисповедными спорами, которые паписты, пользуясь любым поводом, назойливо возобновляли, скрывались политические интересы, и «соединение церквей» было лишь ширмой для присоединения земель.

Потеряв надежду на возможность мирного проникновения на русские земли, папство стало с конца 80-х годов XII в. подготавливать позиции для развернутого наступления на Русь с помощью открытого насилия и террора. Католическая экспансия на Руси вступала в новый этап.

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ВОСТОК В XIII в.

Глава I. ПАПСТВО В БОРЬБЕ ЗА РАСШИРЕНИЕ СВОЕЙ ВЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

В истории папской экспансии против Руси XIII век занимает особое место. Эпизодические попытки представителей папской церкви обосноваться на русских землях сменяются широкой полосой сплошного наступления. Борьба становится открытой, принимает острые формы. Цели папской курии все теснее сплетаются с интересами феодальных захватчиков, которым политика папства служит и опорой и орудием.

Борьба папства за влияние на Руси, как и прежде, маскируется лозунгом религиозного «обращения», «соединения церквей», «унии». «Русское» направление папской экспансии становится еще теснее связанным с борьбой за религиозно-политическую гегемонию над Востоком, над Византией.

Особое значение имело резкое изменение общей политической обстановки в связи с исходом IV крестового похода, подчинением большей части византийских владений западным рыцарям, созданием в Константинополе нового трамплина для наступления западноевропейских феодалов, под флагом католической церкви, на Восток.

Захват крестоносцами Константинополя в жестоком сражении 12—13 апреля 1204 г., ознаменовавшемся невиданным разграблением, разрушениями и массовой резней, вступление 9 мая на трон византийских императоров Балдуина Фландрского, ликвидация Византийской империи и появление Латинской империи было, конечно, представлено во всей Западной Европе как грандиозный успех западноевропейского «христианского мира».

Папа Иннокентий III тоже изображал руководителей похода — Балдуина Фландрского и Бонифация Монферратского с их разбойничавшими по всей Византии рыцарями — апостолами «истинной веры» в борьбе с «еретиками-схизматиками». Балдуина, этого первого императора Латинской империи, правда после его смерти, папа в своем послании от 10 декабря 1206 г. величал «светлой памяти Константином», а крестоносцев объявлял «благословенными богом».¹

Папа был провозглашен идейным главой всего завоевания, его приглашали самолично прибыть в Константинополь, чтобы «торжественно заложить первый камень» новой, «окончательно объединенной христианской церкви».²

Крестоносцы выступали как «воинство Христово», «во имя славы божией, во имя Христа». И благословляющая рука папы римского «освящала» все, что они творили на Востоке. Население большого государства было разорено дотла, ограблено до нитки. Никто и нигде не мог считать себя в безопасности от не знавших пощады крестоносных разбойников. Мужчин и детей продавали в рабство восточным купцам, женщин насиловали, сопротивлявшихся разбою уничтожали.

Достаточно выразительно о характере действий «крестоносцев» свидетельствует один из них — французский хронист, занявший видный пост «маршала Романии», Жоффруа Виллардуэн. В своем описании событий, предпринятом специально с целью снять с западных феодалов ответственность за бесчинства и разбой в Константинополе, он все же вынужден был писать: «... каждый из них стал творить зло на своей территории, одни в большей степени, другие в меньшей, и греки начали испытывать к ним ненависть и затаили в сердцах своих злобу».³

Все это освящала благословляющая рука папы римского. Все бесчинства, творимые крестоносцами, он объявлял «карой божией» схизматикам за то, что они презрели «истинную веру христианскую» и противились «воссоединению» церквей. Он писал, что «бог карает дурных рукою дурных» и что как ни тяжелы преступления карателей, во много раз больше вина греков, наказанных за свое отступничество.

Однако торжествовать папе было рано. Скоро завоевателям пришлось убедиться, что Византия отнюдь не подчинилась

¹ Norden, ук. соч., стр. 164, примеч. 1.

² Письмо Балдуина I к Иннокентию III (там же, стр. 165).

³ G. Villehardouin. La conquête de Constantinople. Historiens et chroniqueurs du Moyen Age, Paris, 1938, стр. 141.

власти папы. Хотя в храмах Константинополя латинский обряд сменил обряд греко-византийский, хотя главой церкви, «патриархом константинопольским» был провозглашен венецианец Томмазо Морозини, хотя во всей Византии были поставлены латинские епископы и хозяйничали французы и итальянцы, — никакого, столь ожидаемого в Риме «объединения церквей» не получилось. Делиться с папой добычей, подчиняться его далеко идущим требованиям крестоносные захватчики не собирались. Огромные богатства, накопленные за многие столетия византийской церковью, подверглись секуляризации и в течение нескольких лет почти полностью перешли в руки захватчиков.⁴ Если на Западе феодалы исправно вносили церкви десятину, то здесь, по праву завоевателей, они освободили себя от этой обязанности.⁵ Попытки Иннокентия III принудить рыцарей к восстановлению имущества и имущественных «прав» церкви имели малый успех.

Само население ни о какой унии с латинянами тоже не помышляло. Оно с нескрываемой ненавистью относилось к захватчикам и с возмущением отвергало всякие рассуждения об унии. С каким презрением византийские греки относились к своим завоевателям, дают представление слова современника событий, блестящего писателя и оратора, впитавшего в себя дух эллинской философии и восторженно преклонявшегося перед античной культурой, афинского митрополита Михаила Акомината (Хониата), который сокрушенно сетовал на то, что ценности древней культуры достались «латинским варварам, не способным понять древних авторов даже в переводе». «Скорее ослы постигнут благозвучие лиры, а навозные жуки благоухание мирта, чем латиняне гармонию и красоту речи», — писал он.⁶

Местное духовенство вместе с народом относилось к захватчикам с острой враждебностью. В разных частях страны вспыхивали восстания, заметное участие в которых принимали и священники. Иннокентий III понимал, что принудительные меры не помогут. Он отправил в Константинополь своих легатов — кардиналов Петра и Бенедикта. Уже в 1204 г. была сделана первая попытка провести переговоры в храме св. Софии в Константинополе, но она осталась безрезультатной.⁷

⁴ Norden, ук. соч., стр. 241.

⁵ Там же.

⁶ Письмо Акомината см.: Ф. Грегоровиус. История города Афин в средние века. СПб., 1900, стр. 345.

⁷ Vasiliev, ук. соч., стр. 541.

В следующем году переговоры были возобновлены. Однако лишь небольшая часть греческого духовенства согласилась принести феодальную присягу латинским правителям, а также римской церкви. Подавляющее большинство духовенства спасалось бегством на территории, оставшейся вне захвата. Греческий патриарх константинопольский Иоанн X Каматир нашел себе убежище при дворе болгарского царя. Некоторые епископы бежали в Никею к Федору Ласкарису, ставшему императором образовавшейся на северо-востоке Никейской империи.

Вскоре обнаружилось, что те, которые вступили на путь компромисса и рассчитывали покорностью завоевателям сохранить свои насиженные места, ничего не выиграли. Им приходилось унижаться и заискивать перед захватчиками, но многих все равно прогнали и лишили всех средств к существованию. Подавляющее большинство греческого духовенства резко противилось господству римско-католических прелатов. И это противодействие было тем сильнее, что они находили поддержку даже со стороны феодальных магнатов из среды завоевателей, не склонных идти на удовлетворение далеко идущих притязаний папской курии. Переговоры, которые вели папские представители в 1204—1207 гг., оставались безрезультатными. Папа и сам вступил в переписку с императором Федором Ласкарисом, предлагая ему созвать церковный собор по вопросу об унии и даже соглашаясь на проведение такого собора во владениях Ласкариса, в Никее. Папа шел на уступки. Его требования вскоре свелись к минимуму: признать верховенство Рима и подчиниться ему как главе всей христианской церкви. В остальном паписты готовы были на все согласиться. Но греки и слышать не хотели о каком-либо «подчинении папской власти».

Убедившись в бесплодности переговоров с греками, Иннокентий III в последние годы жизни перешел к более энергичным мерам. В 1213 г. он отправил легатом в Романию (Латинскую империю) кардинала Пелагия Альбанского, испанца по рождению. Легат должен был добиться любыми средствами победы католицизма на Востоке, под чем папа понимал прежде всего признание своего верховенства. Не отличаясь, по-видимому, ни талантом, ни дипломатической гибкостью, Пелагий, обосновавшись в Константинополе, принялся за выполнение этой задачи с обычной для католических «миссионеров» самоуверенностью и грубой неуклюжестью. Его приемы очень скоро вызвали недовольство, но оно только разожгло пыл фанатичного католика. Он становился все более непримиримым, а затем перешел к репрессиям, принявшим вскоре террористиче-

ский характер. Не подчинявшееся его распоряжениям о латинизации церковного культа духовенство он лишал имущества, заточал в тюрьму, заковывал церкви, изгонял монахов из монастырей и даже угрожал непокорным смертной казнью.⁸

Новый император Латинской империи Генрих пытался найти какой-либо путь примирения, но это удавалось с трудом. Между тем легат, в соответствии с папскими указаниями, сделал попытку вступить также в прямые переговоры с греческим духовенством вне Романии, возглавлявшемся своим «константинопольским патриархом», жившим в Никее, при дворе Федора Ласкариса.

Да нас дошел интересный рассказ об этих переговорах, для которых из Никей в Константинополь был прислан митрополит Эфесский, автор этого рассказа. Первая встреча с папским легатом, происходила в соборе св. Софии. Еще до открытия переговоров между греческим митрополитом и римским кардиналом произошла резкая стычка, которую митрополит не без юмора запечатлел. Когда его ввели в собор, он увидел римского кардинала восседающим на высоком кресле — подобии трона. При его приближении кардинал лишь протянул ему руку, оставаясь спокойно сидеть в своем кресле. Это взорвало митрополита и, усевшись в приготовленное для него кресло (примерно той же высоты, что и кардинальское), он сразу же выразил свое недоумение по поводу столь нелюбезного приема. «Как это, — заявил он, — Пелагий, не являющийся ни митрополитом, ни архиепископом, ни председателем собора, а только лишь епископом захудалого Альбано, не поднялся ему — экзарху всей Азии, обладателю апостолического престола, навстречу, а остался спокойно сидеть на месте». В ответ на разгневанную речь митрополита кардинал, не меняя позы, выставил вперед правую ногу, на которой был надет красный кардинальский башмак и заявил, что «тому, кто носит императорское облачение, не подобает подниматься со своего трона навстречу тем, кто приближается к ним с каким-либо ходатайством». «Мы, — заявил он, — представители римской церкви, преемники апостола Петра, унаследовали, на основании дара императора Константина, не только пурпурное облачение, которое исстари является знаком императорского достоинства, но и красные императорские башмаки». Митрополит парировал дерзкое самовозвеличение кардинала, еще более смелой попыткой «символизировать» части своего одеяния. Он также выставил свою правую ногу, затем снял с нее башмак, показал всем присут-

⁸ Norden, ук. соч., стр. 213—214.

ствующим его внутреннюю сторону, обтянутую красной кожей, и обратился к кардиналу: «Если ты чванишься своими башмаками и из-за них мнишь себя великим и равным императорам, то вот ты видишь, что и мы причастны к этому могуществу. Только мы носим этот знак — красную кожу — не напоказ — на внешней стороне башмака, так как мы пренебрегаем светским высокомерием, а смиренно, подобно Христу, обладая могуществом духовным, прячем знаки нашей светской власти, как нечто предосудительное, внутри башмака».⁹ Кичливый кардинал был обезоружен и на глазах у всех потерпел в этом словесном турнире полное поражение.

Нельзя сказать, что этот «башмачный» поединок не имел отношения к существу переговоров, непредвиденным прологом которых он оказался. Напротив, римский кардинал сразу показал, что самое главное для папской стороны — это признание политического, светского, хотя и облеченного в религиозную форму, верховенства Рима над греческой церковью.

Что касается результата переговоров, то и на этот раз значительных успехов достигнуто не было. По поводу преследования греческого духовенства в Романии, в защиту которого митрополит попытался выступить, кардинал заявил, что ему, кардиналу, следовало бы в отношении «непокорных» принять еще более крутые меры, от которых он воздерживается лишь из-за начатых переговоров с греками, и что если их результатом будет ожидаемое им подчинение императора Федора Ласкариса власти римского престола, тогда, мол, греческое духовенство получит не только все условия спокойного существования, но ему возвратят также и все церкви. Иначе говоря, папский легат снова стал на обычную для римской церкви позицию — прежде всего признание своего подчинения папству, потом все остальное. Переговоры продолжались сначала в Константинополе, а затем при дворе Феодора Ласкариса в его владениях, но как уже было сказано, без существенных результатов. Да иначе и не могло быть. Папство видело перед собой одну цель — расширение своей власти в странах по ту и другую сторону Черного моря. Исходные позиции казались закрепленными — Латинская империя на месте Византии и подчинение Болгарии с ее обширными владениями на Балканском полуострове.

В ноябре 1215 г. был созван в Риме IV Латеранский собор. Здесь, в присутствии 71 примаса, 412 епископов, 800 аббатов и прелатов и множества светских магнатов, Иннокентий III

⁹ Там же, стр. 219—220.

демонстрировал мировое могущество папской власти. Все решения собора были сформулированы от имени папы, а присутствовавшие лишь заверяли свое согласие с ними своей подписью. Центральным вопросом в работе собора было «соединение» западной и восточной церквей. Было объявлено о подчинении Риму греков, живших в тех областях Византии, где были созданы латинские епархии. Присутствовавшие на соборе латинские патриархи Константинополя, Иерусалима и Антиохии выступили с признанием папской власти. Собор запретил поставлять греческих епископов там, где уже есть латинские, запретил перекрещивать латинян, вступающих в греческую церковь, а главное — принял решение, выражавшее, казалось бы, полную победу папской власти на Востоке: «Патриархи Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима должны получить от римского папы паллиум¹⁰ как символ полноты их священства». Еще более выразительно говорилось о том, что «после римской церкви, являющейся матерью и наставницей всех верующих», константинопольская церковь занимает первое, александрийская — второе, антиохийская — третье и иерусалимская — четвертое место. Перед патриархами этих четырех церквей могут нести выносной крест всюду, где они пребывают, за исключением Рима или тех мест, где одновременно находится папа или его легат».¹¹

Эти решения должны были закрепить первенствующее положение папы римского и подчинение ему восточной церкви в той ее части, которая была ранее подвергнута латинизации. Что касается греко-византийской церкви, то папе не удалось добиться успеха в заключении с нею унии. Никея продолжала оставаться центром, сплачивавшим силы сопротивления греков латинянам-католикам. Она «сделалась центром греческого патриотизма».¹² Всякую мысль о соглашении с захватчиками здесь воспринимали как предательство. Церковная уния не меньше, чем политическое соглашение, была неприемлема для народа, жившего постоянной надеждой на свое освобождение от ига западноевропейских феодалов и папства. Расчеты, которые де-

¹⁰ Паллиум — с VIII в. знак архиепископского достоинства в виде белого шерстяного воротника с двумя длинными полосками, украшенного шестью черными крестами и надеваемого поверх священнического облачения только во время торжественного богослужения и только в своей епархии. Изготавливается из шерсти освященной овцы, благословляется и вручается только папой как знак посвящения в архиепископы или особого отличия епископам.

¹¹ C. Hefele. Conciliengeschichte, Bd. V. Freiburg i/B., 1886, стр. 882—883.

¹² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса—Энгельса, т. V, 1938, стр. 206.

лались в Риме, на то, что захват Константинополя позволит папству в короткий срок стать хозяином всей христианской церкви на Востоке, не оправдались. Католичество приобрело в результате всех усилий и жертв лишь очень ограниченное местное значение на небольшой территории.¹³

Впрочем, скудость и непрочность успехов папской политики в первые 15 лет XIII в. вряд ли были видны современникам. И сам Иннокентий III, и его окружение, видимо, считали, что папство достигло преддверия миродержавия, к которому так упорно стремились еще Григорий VII и его преемники. Им казалось, что реализуется на деле «Константинов дар». Больше того, в «Константиновом даре» шла речь о главенстве папы над странами Запада, а Иннокентий III стал главой и на Востоке, как бы приняв и вторую часть наследства древней империи.

Теория о примате папской власти над светской получила при Иннокентии III каноническое значение. Уже в первые месяцы своего понтификата в одном из своих посланий («*Sicut universitatis conditor*») он писал: «Подобно тому, как бог — создатель вселенной установил два великих светила в тверди небесной: большее, дабы днем руководило, меньшее же — ночью, так и в тверди церкви вселенской... он установил два великих достоинства — большее, дабы, подобно дням, душами руководило, и меньшее, которое, подобно ночам, руководило бы телами: таковы — папское полновластие (*auctoritas*) и королевское могущество (*potestas*). И затем — так же, как луна свет свой получает от солнца, она же меньше и количественно и качественно, но одинакова по положению и действию, так и королевское могущество от папского полновластия получает сияние своего достоинства».¹⁴ И в другом послании Иннокентия III говорится, что «папа как посредник слова божьего вознесен над императорами и королями».¹⁵

Эта идея о несравнимом превосходстве папской власти над светской проходит через всю кипучую, полную энергии семнадцатилетнюю деятельность этого крупнейшего представителя папской власти. Он заявлял, что «папа не только в духовных делах обладает высшей властью (*habet... summam potestatem*), но и в светских — великой властью от самого господа (*ab ipso Domino*)».¹⁶

И если предшественники Иннокентия III усвоили титул «наместника св. Петра», а те греки, которые после взятия во-

¹³ Norden, ук. соч., стр. 238.

¹⁴ C. Mirbt. Quellen..., стр. 141, № 273.

¹⁵ MPL, CCXVI, col. 1082.

¹⁶ RPRP, № 2657.

сточной столицы угодливо преклонились перед своими завоевателями, раболепно называли папу «тринадцатым апостолом»,¹⁷ то Иннокентий сам претендовал на большее, именую себя «заместителем Христа», «заместителем бога» (*Vicarius Christi, Vicarius Dei*).¹⁸

Стремясь осуществить свои идеи об универсальной (вселенской) теократической монархии и полноте своей власти (*plenitudo potestatis*), Иннокентий III не стеснялся в выборе средств. Он разжигал борьбу между претендентами на императорскую корону, вел двойную игру, обманывая тех, кого якобы поддерживал. Папа прибегал к использованию вооруженных сил, действуя как могущественный феодальный монарх. Его светская власть в огромной степени расширилась: датский король Вальдемар II «Победитель», польский — Болеслав, аррагонский — Педро II, болгарский — Калоиоанн признали себя вассалами папского престола, получили свои короны от папы. Подчинились папе король Леона — Альфонс IX, португальский и венгерский короли, чешский король и король Далмации. Но и над наиболее крупными государствами тогдашней Западной Европы Иннокентий простер свою власть: императорский префект в Риме вынужден был смиренно целовать ему туфлю, признав себя его вассалом, он сделался сеньором английского короля Иоанна Безземельного, он заставлял трепетать могущественного французского короля, отлученного им от церкви, Филиппа II Августа. Снаряженные им отряды рыцарей под флагом крестового похода против альбигойцев вторглись в пределы французских владений и подвергли их опустошению, снеся с лица земли десятки городов и деревень, истребив значительную часть населения южной Франции.

Иннокентий III декларировал право папы вмешиваться и решать светские дела и неограниченно повелевать всеми государями и распоряжаться их коронами. И хотя в массах народных все более зрела ненависть к папской церкви, по условиям времени принимавшая форму «еретических» движений, объявлявших папу римского «антихристом», Иннокентий все же поднял папскую власть до ее апогея, и в его время не было силы, которая способна была ему противостоять.

И все же торжество папского всемогущества было иллюзорным. Папство достигло вершины власти тогда, когда начали

¹⁷ MPG, CXL, col. 293. См.: Б. Т. Горянов. Религиозно-полемическая литература... в Византии XIII—XV вв. ВВ, 1956, т. VIII, стр. 135.

¹⁸ M. Massarrone. Il Papa, Vicarius Christi. Studi di Storia ecclesiast., v. I, Roma, 1949, стр. 427.

слабеть самые основы ее. В ряде стран Западной Европы стали формироваться новые экономические и общественные силы, развивались и вновь возникали новые центры хозяйственной жизни, росли и крепили феодальные монархии, преодолевавшие феодальную раздробленность и анархию.

Реакционная идеология церкви, служившая социально-политическим задачам прошлого, вызывала в ряде стран растущее недовольство во все более широких кругах населения, положение которого становилось все тяжелее и эксплуатация которого увеличивалась. Подавление этого недовольства, которое, как лесной пожар, погашенное в одном месте, тотчас разгоралось в другом, освящалось церковью под флагом «крестовых походов» и преследования «еретиков».

Все более лицемерной и фальшивой делалась проповедуемая церковью христианская мораль, призывавшая верующих к тому, чем полностью пренебрегало само духовенство, и содействовавшая усилению гнета и нищеты народа.

Все более стал падать авторитет церкви, и прежде всего авторитет ее руководящей силы — папства. То могущество, которого оно достигло при Иннокентии III, таило в себе начало его крушения. Его политическая активность, сугубо светские интересы, ярко выраженное феодальное обличье — все это усиливало внешнее могущество, но лишало его в глазах многих прежнего непререкаемого авторитета, роли духовного руководителя.

Уже в правление ближайших преемников Иннокентия III — Гонория III (1216—1227 гг.) и Григория IX (1227—1241 гг.) — позиции папства резко ослабели. Снова обострилась борьба с императором, которым с 1220 г. стал Фридрих II Гогенштауфен. Искусной дипломатией и тонкой политикой он повел против папства серьезное наступление. Ему удалось привлечь на свою сторону никейского императора Иоанна Ватаца (1222—1254 гг.), некоторых второстепенных греческих правителей. Эта коалиция, несмотря на многие трудности, возникшие в ходе борьбы, основательно потеснила латинян к концу правления Гонория III.

Молодой император, отличавшийся, как и его дед Фридрих I Барбаросса, неукротимой властью характера и еще большей неразборчивостью в средствах для достижения своих целей, стремился к одному — подчинить всю Германию и Италию, низвести своих противников, и прежде всего папство, до положения подвластных ему магнатов и обеспечить торжество императорской власти над папством.

После смерти Гонория III с 1227 г. папой стал, под именем Григория IX, племянник Иннокентия III — усердный продол-

жатель его теократической политики. Все 14 лет своего пребывания на папском престоле он посвятил упорной борьбе с императором и созданной им коалицией.

С 30-х годов XIII в. начинается новая полоса переговоров об унии, обмен посольствами и посланиями между Никеей и Римом.¹⁹ Переговоры носили сугубо политический характер и сводились с папской стороны к требованию признать приоритет и главенство Рима, со стороны греков — к требованию передать им Константинополь. Попытки договориться с Григорием IX кончились неудачей.

Фридрих потребовал от латинского императора Балдуина, чтобы тот признал себя его вассалом, угрожая в противном случае идти на Константинополь. В Европе спешно принимались подготовительные меры к такому походу. Борьба Фридриха против Балдуина была одновременно борьбой с папой, и наоборот — ожесточенная борьба Фридриха с папой неизбежно втягивала в сферу враждебных действий и Латинскую империю.

Несмотря на весьма энергичные меры Григория IX, экспансия на Востоке, предпринятая папством в 30—40-х годах XIII в. потерпела провал. Более того — она привела к сплочению противников папского экспансионизма и создала предпосылки, подготовившие крушение, спустя 20 лет, Латинской империи — этого форпоста феодально-католических сил Западной Европы на Востоке.

В тесной связи с папско-византийскими отношениями, определявшимися стремлением папства подчинить себе греческую церковь и тем закрепить военный захват Константинополя и создание Латинской империи, стоит и папская политика в отношении Руси в первой половине XIII в. Она также определяется стремлением папства подчинить себе русскую православную церковь и проложить этим дорогу крестоносным захватчикам из западноевропейских феодалов, мечтавших об обширных и богатых землях Восточной Европы.

Глава II. «КРЕСТОНОСНАЯ» АГРЕССИЯ В ПРИБАЛТИКЕ И ЕЕ ПОРАЖЕНИЕ

Восточная политика папства в XIII в. получила особо яркое выражение в той роли, которую папство сыграло в качестве вдохновителя и организатора широкого наступления крестонос-

¹⁹ Hefele, ук. соч., стр. 1042 и сл.

цев в Прибалтике. Папство принимало прямое участие в этой борьбе, освящая разбойные набеги и захватнические грабительские войны западноевропейских, особенно германских, феодалов против народов Поморья и Прибалтики.

Обосновавшись еще в XII в. на землях западных и поморских славян, германские рыцари, из которых главным образом состояли на первых порах отряды «крестоносных» захватчиков, продвигались дальше на восток, вторгались, с одной стороны в Пруссию, с другой — в Прибалтику.

С конца 80-х годов XII в. «крестоносные» отряды «миссионеров» все чаще совершают вооруженные нападения на территорию северо-западной Руси, преимущественно на земли полоцких и смоленских князей, на земли ливов прежде всего.

Древняя ливонская летопись конца XIII в., известная под названием «Рифмованной хроники», содержит ясное указание на то, что земли, заселенные прибалтийскими племенами, принадлежали в политическом отношении русским и русские князья получали с них дань: «Земля зелов, ливов, летов находилась в руках русских до появления „братьев“ (меченосцев, — Б. Р.), которые эти земли силой отобрали».²⁰

Наша летопись подтверждает это известие: «А се суть ин и языци, иже дань дают Руси: Чюдъ, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либь; си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ».²¹ Летопись не раз упоминает названия ряда этих племен, рассказывая о том, как они, сообщая со славянскими племенами, строили русское государство.²²

С древних времен народы Прибалтики были связаны историческими судьбами с Русью. Эти отношения укреплялись постоянными торговыми связями и значительным культурным влиянием. В языке эстов и латышей эти древние русские влияния сохранились до сих пор.²³ Уже в X—XI вв. в Прибалтику с Руси проникает и христианство, свидетельством чего остались древние захоронения, предметы культа (кресты и т. п.), найденные при раскопках. С середины XII в. немецкие купцы из Бремена, Любека и других северных городов, торговавшие различ-

²⁰ «Selhen, Liven, Letten lant / Waren in der Rusen hant / Vor der Bruder ziten komen / Der Gewalt wart im benomen» (Livländische Reimchronik, hrsg. v. Leo Meyer, Paderborn, 1876, стих 645—648).

²¹ ПСРЛ, т. I, стр. 5.

²² Там же, стр. 8, 10, 12, 32, 52.

²³ Я. Э н д з е л и. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. Изв. АН Латвийск. ССР, 1953, вып. 3, стр. 33—46.

ными товарами, добрались до устья Двины и установили эпизодические связи с Прибалтикой. Вскоре эти связи приобрели более постоянный характер, вследствие чего росло и крепло стремление немецких купцов создать себе в Прибалтике прочную базу. Из Прибалтики купцы стремились проникнуть и дальше, в пределы собственно русских земель. В 1184 г. в Новгороде был выстроен немецко-латинский купеческий двор, названный именем св. Петра, и церковь. Этот двор вступил в острую конкурентную борьбу с уже существовавшей здесь факторией готландских купцов, носившей имя св. Олафа.²⁴

На первых порах захватчиками в Прибалтике было само духовенство, в лице главным образом монахов-цистерцианцев. Действовали они, как мы уже видели, по примеру рыцарей-разбойников того времени. Вскоре на захваченных землях установились обычные формы западноевропейского феодализма: местное население превращалось в крепостных, земли отдавались в бенефициальное пожалование вассалам, строились церкви и монастыри. Так делалось не только на землях ливов, но и на землях куров, семигалов и других племен.

Яркую картину этого бесцеремонного хозяйничанья на землях прибалтов оставил Генрих Латвийский — автор пространной «Хроники Ливонии», сам являвшийся одним из участников «крестоносного» наступления на восток.

Первые шаги «миссионеров» обычно имели «мирный» характер. Так, около 1188 г. к полоцкому князю Владимиру обратился католический монах ордена августинцев Мейнард с тем, чтобы ему было разрешено вести проповедь христианства на земле ливов. Генрих Латвийский пишет о Мейнарде, что он «начал проповедовать ливам и строить церковь в Икесколе».²⁵

Действия «миссионеров» не встречали у местного населения сочувствия, напротив, вызывали сильную ненависть. Как рассказывает Генрих Латвийский, ливы едва не принесли в жертву своим богам помощника Мейнарда — Дитриха (Теодориха), а самого Мейнарда не отпускали из своей земли, опасаясь, что он приведет христианское войско. Центром своей деятельности Мейнард избрал отстроенный им замок Икесколе (Икскюль) на Двине, расположенный несколько выше ее устья.

Придавая большое значение деятельности Мейнарда, епископ бременский Гартвиг II назначил его в 1186 г. «епископом икскюльским в Руси», а через два года папа римский Кли-

²⁴ Я. Я. З у т и с. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. Историк-марксист, 1940, кн. 3, стр. 48.

²⁵ Генр. Латв. I, 3.

мент III утвердил это назначение и издал особую буллу об основании нового епископства в подчинении бременского архиепископа.²⁶ Таким образом, был создан форпост немецко-католической агрессии на востоке, откуда началось планомерное вторжение на земли, входившие в состав Руси и подвластные русским князьям.

Папская курия руководила этой «деятельностью», придавая ей немалое значение в своей общей политике. Мейнард посылал в Рим донесения о своей «миссии», и папа не скупился на благословения, похвалы и иные словесные «дары» и «милости»: помочь новоявленному епископу более существенно папа не мог. Лишь несколькими годами позже, когда неожиданная гибель императора Фридриха Барбароссы развязала руки новому папе Целестину III и когда, с другой стороны, потерпел полный провал III крестовый поход, римская курия сделала попытку оказать Мейнарду более действенную помощь.

Папа призвал к «крестовому походу» в землю ливов для насильственного их обращения в христианство. Всем, кто в таком походе примет участие, было обещано отпущение грехов. Однако народные массы в земле ливов единодушно противились всем попыткам «обращения» в католичество. Совершенно справедливо они связывали его с неизбежной окончательной потерей остатков своей свободы. Крестоносцам удалось использовать только те группы местного населения, которые уже начали выделяться как господствующая социальная верхушка: племенных вождей, старейшин рода. Источники сообщают, что Мейнард именно на них и опирался и перед смертью, осенью 1196 г., созвал их и взял с них обещание продолжить его «миссионерскую» деятельность.²⁷ Однако расчеты Мейнарда и поддерживавших его представителей местной знати не оправдались.

Преемником Мейнарда явился назначенный бременским архиепископом немецкий монах Бертольд, ранее аббат Локкумский. Он намеревался силой обратить ливов в христианство, но в первом же кровопролитном столкновении, вызванном его действиями, 24 июля 1198 г., был убит.²⁸ Его крестоносцы, правда, принудили значительную часть ливов согласиться на «обращение», но, как сообщает источник, не успели торжествующие победители скрыться на своих кораблях из виду, как ливы восстали, бросились сначала в Двину, чтобы смыть с себя ненавистное им крещение, а затем принялись за истребление

²⁶ LUB, I, №№ 9, 10.

²⁷ Генр. Латв., I, 14.

²⁸ Там же, II, 6.

столь же ненавистных монахов и попов. Созданные за предшествующие 14 лет церкви были сожжены. Все следы навязанного силой христианства были уничтожены в короткий срок.²⁹

На смену Бертольду из Бремена прибыл племянник архиепископа Альберт, названный Марком «паршивым бременским каноником».³⁰ Для Альберта вся его деятельность среди ливов была от начала и до конца предприятием военно-разбойничьего характера, в котором «проповедь», «обращение» вообще уже не играли роли. Молодой отпрыск знатной феодальной семьи графов Буксгевден фон Аппельдерн, он в духе того времени рассчитывал оружием приобрести богатство и славу.

В чьих интересах действовал Альберт Аппельдернский, достаточно ясно говорит тот факт, что из 30 лет своего епископства он 12 лет провел в Германии.³¹ Родственными и социальными узами он был тесно связан с феодальной аристократией (светской и духовной) северной Германии.

Альберт сумел заручиться более реальной, чем его предшественники, поддержкой папы, в особенности вступившего в 1198 г. на римский престол Иннокентия III, который придал разбойничьему предприятию Альберта против ливов характер «подвига благочестия». Буллой от 5 октября 1199 г. папа объявил участие в походе против ливов равнозначным выполнению обета, за который предоставлялось полное отпущение грехов,³² а спустя 5 лет, во время IV крестового похода, он другой буллой приравнял крестоносцев в Прибалтике к крестоносцам, отправляющимся в Палестину, и разрешил, в случае если был принесен обет об участии в походе «в святую землю», заменять его походом в Прибалтику.³³ Таким образом, папа официально признал так называемую «ливонскую миссию» военным предприятием и сам же призвал к оружию, обратившись с особым посланием к бременскому духовенству и к «христианам Нижней Германии», предлагая принять широкое участие в походе Альберта, объявленном при этом «великом делом веры».³⁴

²⁹ Там же, II, 8—10.

³⁰ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса—Энгельса, т. V, стр. 341.

³¹ G. A. Donner. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929, стр. 74.

³² LUB, I, № 12. — Утверждение Гаука, что в этой булле папа объявил о замене обета о паломничестве в Рим участием в походе против ливов, неверно (Науск, ук. соч., стр. 657, примеч. 2).

³³ LUB, I, № 14.

³⁴ Там же.

Епископ Альберт действовал заодно с датским королем Канутом VI и герцогом Шлезвигским Вальдемаром, которые в эти же годы опустошали земли эстов, лежавшие севернее земель ливов.³⁵ Генрих Латвийский упоминает и о германском императоре Филиппе Швабском, у которого Альберт, по-видимому, также заручился поддержкой.³⁶

После такой основательной подготовки, свидетельствовавшей о том, какое большое значение придавали властители феодальной Европы католической экспансии на восток, походу на русские земли, Альберт весной 1200 г. начал свое вторжение. Несмотря на сравнительно многочисленную рать, которую Альберт привел с собой на 23 судах, население оказало агрессорам упорное сопротивление.³⁷ Хитрый каноник смог обосноваться в этих местах только тогда, когда он использовал межплеменную вражду и натравил на ливов, совладать с сопротивлением которых сам был не в состоянии, соседнее племя земгалов,³⁸ а также, по примеру Мейнарда, привлек на свою сторону ливскую и куршскую знать.³⁹

Большую роль сыграл захват крестоносцами устья Двины и постройка здесь в 1201 г. на месте, где давно уже существовало поселение, укрепленного города, названного Ригой.⁴⁰ Отсюда легко было организовать действенный контроль над Подвиньем, с одной стороны, и над Балтикой — с другой. Папа не оставил без своей помощи и эти действия агрессоров. Генрих Латвийский сообщает, что папа запретил под страхом церковного отлучения кому-либо впредь посещать гавань семигалов.⁴¹ Это должно было обеспечить торговую монополию захваченной немцами Риги и удушить торговлю, которую местное население издавна вело из своей, какой-то другой, гавани. Интересно и другое: русские купцы, постоянно поддерживавшие с ливами и остальными местными племенами торговые отношения, не считали нужным следовать этому папскому запрещению и пытались торговать по-прежнему, отправляясь для этого в гавань земгалов. Тогда немцы «напали на них, и после того как двое,

³⁵ *Scriptores rerum danicarum*, ed. J. Langebek, t. I, Hafniae, 1792, стр. 243, 253, 342.

³⁶ Генр. Латв., III, 4.

³⁷ Там же, IV, 1—3.

³⁸ Там же, VI, 7.

³⁹ Очерки, I, стр. 780.

⁴⁰ Генр. Латв., V, I. — Насколько большое значение приобрел этот город как цитадель католических агрессоров, видно из слов епископа Николая, назвавшего его в 1243 г. «firmamentum et sustamentum fidei» (крепостью и опорой веры); см.: Н а и с к, ук. соч., стр. 658, примеч. 1.

⁴¹ Генр. Латв., IV, 6.

а именно лоцман и капитан, были схвачены и преданы жестокой смерти, прочие принуждены были вернуться».⁴²

В этих кратких сообщениях летописца дано чрезвычайно важное свидетельство о подлинном характере деятельности крестоносцев. Это было вторжение ради захвата торговли на Балтике, ради захвата земель.

Враждебные действия крестоносцев в Прибалтике были с самого начала вероломными по отношению к русским, заключившим еще в 1195 г. торговый договор «со всеми немцами, готландцами и латинянами». Договор этот, подписанный князем новгородским Ярославом Владимировичем и послом немцев в лице некоего Арбуда, был, очевидно, обновлением и расширением прежде действовавшего соглашения, на что указывает упоминаемый и подтверждаемый в договоре 1195 г. «мир старый».⁴³

Действия крестоносцев имели целью создать торговую блокаду Руси, так как главные торговые связи шли из Прибалтики в Псков, Новгород, Ладогу, Полоцк, Смоленск и другие русские города. Даже католические церковные историки вынуждены признать, что именно торговые интересы направляли католическую экспансию на восток и что поэтому, говоря словами одного из таких историков-доминиканцев, «средневековый христианин не мог никак забыть о существовании этих широких путей в языческий мир».⁴⁴

В 1202 г. был создан специальный военно-монашеский орден под названием «Братья Христова воинства», которому Иннокентий III предписал устав созданного в Палестине ордена «храмовников» и в качестве отличительного знака утвердил для нового ордена изображение красного креста и меча, нашитых на белый рыцарский плащ.⁴⁵ Отсюда и пошло позднее название ордена «меченосцы». В отличие от «храмовников», являвшихся папским орденом, «меченосцы» были орденом рижского епископа.⁴⁶

В 1207 г. было установлено, что одна треть всех захваченных в Прибалтике земель передается ордену.

Русские были главным врагом, против которого направлялась агрессия германских рыцарей и монахов. Захватчики превосходно знали, что они действуют в пределах русских вла-

⁴² Там же, IV, 7.

⁴³ LUB, VI, № 3010 и Regesta, № 12b; RLU, I, 1; Грамоты, касающиеся сношений северо-западной России с Ригой и пр. СПб., 1857, № 1.

⁴⁴ B. Jarrett. Social theories of the middle ages. (1200—1500). Westminster, 1942, стр. 215.

⁴⁵ Генр. Латв., VI, 6; Н а у с к, ук. соч., стр. 658, примеч. 2.

⁴⁶ Н а у с к, там же.

дений. Наиболее опасными их противниками были русские князья — полоцкий, псковский, смоленский, особенно же «великий князь» новгородский. Эти князья оказывали постоянную поддержку местному населению, ведущему нелегкую борьбу с захватчиками. Особенно часто русские оказывали существенную помощь своим ближайшим соседям эстам, против которых усиленно действовали датско-шведские рыцари, руководимые архиепископом Андреем Лундским, в свою очередь получившим поддержку с двух сторон — от короля датского и от папской курии. В 1206 г. папа Иннокентий III в особом послании писал архиепископу, явно подстрекая его к разбойничьему походу против эстов: «Так как ты, по правильному и благочестивому решению, отправляешься против язычников... мы препоручаем тебе в стране, которую ты с христовой помощью приведешь после уничтожения язычества к познанию веры христовой, установить католического епископа».⁴⁷

На первых порах эсты оказывали агрессорам стойкое сопротивление, особенно успешное благодаря постоянной помощи русских. Быстро подоспевавшая по Двине помощь воинов князя полоцкого не раз создавала на пути захватчиков неодолимые препятствия, отбрасывала их, заставляла искать мира. Яр코 описывает Генрих Латвийский кровопролитную борьбу, которую приходилось вести эстам в союзе с русскими против крестоносцев.

Стремясь нейтрализовать русских в начинавшейся новой войне крестоносцев с эстами, епископ Альберт заключил в 1210 г. «вечный мир» с Полоцком, обязавшись даже уплатой дани за ливов в пользу полоцкого князя («короля»), на условиях свободной торговли между немцами и русскими.⁴⁸ С другой стороны, папская агентура стремилась привлечь на свою сторону неустойчивые элементы среди населения русских городов. Известного успеха она добилась во Пскове. Ей удалось склонить на свою сторону князя Владимира Мстиславовича. В 1210 г. он вступил в союз с крестоносцами и повел совместно с ними предательскую войну против эстов, вразрез с исконно дружественными отношениями, существовавшими у псковичей, новгородцев и других русских с их нерусскими соседями на западе и севере. Политика псковского князя вызвала всеобщее возмущение, и в феврале 1212 г. он был изгнан.⁴⁹

⁴⁷ *Diplomatarium Suecanum*, t. I, Stockholm, 1829, стр. 124.

⁴⁸ Генр. Латв., XIV, 9.

⁴⁹ Там же, XV, 13.

Псковичи же совместно с новгородцами во главе с князем Мстиславом двинулись на помощь эстам, чтобы остановить продвижение крестоносцев. Нанеся им поражение и получив с них большой выкуп, русские вернулись в свои земли.⁵⁰ Кровью скреплялось боевое содружество русских с прибалтами в борьбе против общего врага.

В этой связи интересно описание летописцем осады и взятия русской ратью с помощью эстов захваченной крестоносцами крепости Отепя. 17 дней длилась осада. Из Риги на помощь запертым в крепости «тевтонам», как называет немецких захватчиков Генрих Латвийский, было послано подкрепление, но его встретили русские войска и разбили. Погибли многие знатные военачальники. Когда остальные вошли в осажденный замок, то вскоре «от множества людей и коней сделался голод в замке, недостаток съестного и сена, и стали кони объедать хвосты друг у друга».⁵¹ Через три дня после первого столкновения осажденные сдались и вынуждены были оставить захваченную ими крепость. Епископу Альберту пришлось отправить послов в Новгород к русским и в Саккалу к эстам «для утверждения мира».⁵² В 1212 г. «тевтоны» вынуждены были заключить «вечный мир» с Владимиром, князем полоцким, на том условии, что русским купцам предоставляется свободный путь по Двине, за что князь отказался от получения дани, которую исстари ливонцы выплачивали Полоцку.⁵³

Получая все новые пополнения, направляемые по призыву папы из всех концов Европы, а особенно из Германии и скандинавских стран, феодально-католические агрессоры проникали все дальше вглубь прибалтийских земель. Отчаянное сопротивление оказывало в неравной борьбе с хорошо вооруженными рыцарями местное население. Злодеяния крестоносцев с трудом поддаются описанию. «Толпы освященных убийц устремились в Лифляндию. Они купались в крови и возвращались затем с отпущением грехов и даже святыми домой или поселялись в разбойничьем вертепе попов».⁵⁴

⁵⁰ Там же, XV, 8; ПСРЛ, т. I, стр. 211 и т. IV, ч. I, стр. 184.

⁵¹ Генр. Латв., XX, 7.

⁵² Там же, XXI, 1.

⁵³ Там же, XVI, 2.

⁵⁴ G. Merkel. Die Letten, vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Leipzig, 1797, стр. 23. — Автор — страстный обличитель немецких крепостников в Прибалтике, буржуазный просветитель конца XVIII в. Книга его была издана в русском переводе в 1870 г. с цензурными сокращениями Обществом истории и древностей российских при Московском университете (см.: Э. Э. Мартинсон. История основания Тартусского университета. Изд. Ленингр. гос. ун-в., 1954, стр. 10).

Даже участники этих грабительских истребительных войн, в которых проявилась и беспощадная жестокость средневекового феодального рыцарства, и безграничное лицемерие и ханжество церковных деятелей, не могут скрыть истинный характер этих предприятий. Автор «Ливонской хроники» священник Генрих, принимавший непосредственное участие в грабительских походах, в таких словах описывает «подвиги» крестоносцев в Прибалтике: «...мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям... и стали все сжигать и опустошать. Мужского пола всех убили, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней... И возвратилось войско с большой добычей, ведя с собой бесчисленное множество быков и овец».⁵⁵

Немецкий философ и писатель, буржуазный просветитель XVIII в., Иоганн Гердер в своем капитальном сочинении по всеобщей истории культуры писал: «Судьба народов на побережье Балтийского моря составляет печальную страницу в истории человечества... Человечество ужаснется той крови, которая пролилась здесь в диких войнах».⁵⁶

Год за годом проходил в напряженной борьбе. Рижский епископ Альберт получал систематически помощь и поддержку: из Германии прибывали все новые феодальные ополчения, вооруженные отряды монахов; значительные денежные поступления шли от купцов из Дании, король которой, Вальдемар, организовал со своей стороны «крестовый поход» в Эстонию; с неослабным вниманием следили за ходом завоевательной авантюры в Прибалтике и из Рима, боявшегося потерять свою руководящую роль в ее организации.

Эти опасения имели основания. Помимо дальности расстояния до театра военных действий, на котором подвизалось «христово воинство», политическая обстановка в Прибалтике становилась для папства все более сложной. Между участниками разбойных войн против народов Прибалтики разгорелась ожесточенная борьба за добычу. Особенно обострились отношения между рижским епископом и орденом меченосцев, а также между епископом и датским королем.

Еще больше беспокоило папу явное стремление рижского (ливонского) епископа Альберта создать в Прибалтике самостоятельное церковное княжество, подобное рейнским архиепископствам. Недовольство этой политикой Альберта было в Риме

⁵⁵ Генр. Латв., XX, 2.

⁵⁶ И. Гердер. Идеи к философии истории человечества. Русск. перев., 1829.

тем большим, что рижский епископ искал поддержки у германского императора. В 1207 г. он передал императору захваченные в Прибалтике земли, получив их обратно в качестве императорского лена. Тем самым ливонский епископ стал имперским князем, а его зависимость от папства ослабела. Вероятно, этим объясняется отказ Рима возвести Альберта в сан архиепископа.⁵⁷

Столкновения между отдельными группировками в лагере крестоносцев отражали борьбу главных сил в мире западноевропейского феодализма — борьбу Империи с папством. Иннокентий III в 1211 г. отлучил императора Оттона IV от церкви и принялся за мобилизацию сил, которые могли бы нанести императору окончательный удар. Определенное место в планах папы уделялось и ордену меченосцев, который получил с его стороны материальную поддержку.⁵⁸ В ответ на это 7 июля 1212 г. Оттон IV утвердил специальным актом соглашение, заключенное между епископом и орденом о разделе захваченных ими земель⁵⁹ и тем самым еще больше укрепил свои отношения с рижской епархией. Тогда Иннокентий III перешел к решительным мерам с целью усилить папские позиции в Прибалтике.

Как упоминалось, рижские епископы (ранее икскюльские) назначались из Бремена архиепископом, который считал рижского епископа подчиненным себе (суффраганом). Сам Альберт признавал себя суффраганом бременского архиепископа.⁶⁰ Несмотря на это, папа Иннокентий III в специальном послании от 20 февраля 1213 г. неожиданно объявил, что рижское епископство подчинено ему непосредственно и не находится ни в какой зависимости от какого-либо архиепископа.⁶¹ Что же касается бременского архиепископа, который, как упомянуто, осуществлял ранее церковное руководство, то ему вменялось в обязанность помогать и поддерживать дело восточной «миссии», но без каких-либо прав на руководство.

⁵⁷ Очерки, I, стр. 575.

⁵⁸ LUB, I, № 25. — В московском архиве нами обнаружен любопытный документ о закреплении Оттоном IV 27 января 1211 г. (за два месяца до его отлучения папой) за меченосцами всех их владений, настоящих и будущих (ЦГАДА, ф. 147-а, д. № 1). Однако грамота эта не может быть признана подлинной, так как в ней упоминается «архиепископ рижский», титул, не существовавший до 1255 г.

⁵⁹ LUB, I, № 25.

⁶⁰ Hauck, ук. соч., стр. 662.

⁶¹ LUB, I, № 26; Гаук (ук. соч., стр. 662) датирует это папское распоряжение 20 февраля 1214 г. без объяснения разногласия.

Вскоре папа еще более выразительно заявил о своем намерении сохранить новозавоеванные земли в своем исключительном владении. 10—11 октября 1213 г. Иннокентий III подписывает 5 документов, направленных на укрепление папских позиций в Прибалтике.⁶² При этом курия решительно вмешивается в взаимоотношения епископа и ордена. Папа стремится противопоставить рижскому епископу других местных князей церкви, поддерживает орден в его домогательствах и требует строгого выполнения своих распоряжений.

Через три недели папа издает 6 булл, посвященных тем же вопросам и свидетельствующих о том, что в миродержавной политике Иннокентия III Прибалтике отводилось первое место.⁶³ Все эти папские распоряжения относятся к Эстонии и заканчиваются буллой, освобождающей эстонского епископа, так же как это было установлено в феврале того же года относительно епископа Риги, от зависимости со стороны какого-либо архиепископа.⁶⁴

Исключительное внимание папской курии к этим самым отдаленным, самым восточным епархиям римской церкви, неослабный интерес к событиям в Прибалтике вряд ли можно объяснить только значением этого края самого по себе. Разумеется, для западноевропейских феодалов и купечества северной Германии земли и гавани ливов, куров и эстов представляли лакомую приманку. Соблазнительной была перспектива осесть на этих землях. Немалую выгоду обещало овладение морской торговлей на Балтике. Наконец, значительный доход можно было надеяться извлечь из сбора церковной десятины — обязательного и первого последствия так называемого «обращения».

И все же возможности ограбления Прибалтики для алчных и жадных завоевателей не были безграничны. Чем дальше, тем все больше встречали они сопротивление среди местного населения. Экономический уровень развития народов Прибалтики в конце XII—начале XIII вв. был относительно высок. Здесь существовало земледелие с сошной обработкой почвы, развитое скотоводство при стойловом содержании животных, известны были и важнейшие отрасли ремесла задолго до появления немцев.⁶⁵ Эти данные решительно опровергают измышления некоторых историков о «полудиком» состоянии Прибалтики, об особой отсталости ее народов и о «культуртрегерской» роли

⁶² LUB, I, №№ 27—31.

⁶³ Там же, №№ 32—37.

⁶⁴ Там же, № 37.

⁶⁵ История Латвийской ССР, т. I, Рига, 1952, стр. 61.

крестоносцев. Ответ на эту лживую пропаганду дал в свое время еще Маркс, когда, опираясь на исторические источники, он писал, что рыцари несли в Прибалтику «христианско-германскую скотскую культуру», которая «была бы вышвырнута вон», если бы прибалтийские племена «были единодушны».⁶⁶ Между тем единства внутри этих племен не было и не могло быть. У народов Прибалтики, как и у их соседей, в интересующую нас эпоху происходило быстрое развитие феодальных отношений. Формировались основные классы феодального общества — крупные землевладельцы и зависимое от них крестьянство. Возникали даже примитивные государственные образования, хотя ни одно из них не способно было еще охватить всю территорию данной народности.⁶⁷ Тем не менее «темпы феодального развития в Восточной Прибалтике были несколько медленнее даже по сравнению с окраинными русскими землями»,⁶⁸ не говоря уж о территориях, лежавших по Днепру—Волхову, далеко ушедших вперед в своем социально-экономическом развитии.

Организаторы и вдохновители крестоносной агрессии рассматривали Прибалтику не только как самоцель, но и как трамплин для дальнейшего продвижения на восток, против Руси, которая приобрела особое значение в связи с теми политическими изменениями, которые сложились после захвата Константинополя в 1204 г. и образования Латинской империи на Востоке.

Эти изменения вызвали и изменения экономического характера. Венецианцы, извлекавшие главную выгоду из нового положения вещей, сделавшись хозяевами на средиземноморских торговых путях, парализовали торговые связи, существовавшие издавна между Западом и Востоком через южную Русь. Главная роль в торговых отношениях Руси с Западом выпала теперь на долю северорусских городов: Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка и других, особое значение приобрели пути по Волхову, Неве, Даугаве и по Балтийскому морю.

Этим и следует объяснить то большое внимание, которое уделяется в начале XIII в. на Западе прибалтийским землям. Помимо того, что они рассматривались западноевропейскими феодалами как объект грабежа и феодальной эксплуатации, они вызывали к себе особый интерес у воинствующих ратоборцев

⁶⁶ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса—Энгельса, т. V, стр. 341.

⁶⁷ История Латвийской ССР, т. I, стр. 63.

⁶⁸ Там же, стр. 49.

феодално-католической экспансии своим стратегическим значением. Создать здесь базу сосредоточения крупных сил для вторжения в пределы Руси, блокировать русские границы, взять под свой контроль торговлю на Балтике, отрезав от нее Русь и обрекая ее тем самым на экономическое удушение, представлялось многим западноевропейским политикам, и прежде всего папству, весьма заманчивой возможностью. По их расчетам, владея Прибалтикой, можно было начать наступление и на богатые русские земли с их многочисленным населением. Это сулило новые источники обогащения для феодальных захватчиков и в первую очередь для папской курии.

Пыл феодално-католических агрессоров подогревался еще и тем, что общая международная обстановка в начале XIII в. для Руси значительно ухудшилась: половцы и другие степняки отрезали ее от Черного моря и сделали почти непроходимыми древние торговые пути по Днепру и Дону; Византия захватила Северный Кавказ, Тмутаракань и часть Крыма; в начале 20-х годов появились на русской земле и турки-сельджуки, пытавшиеся было утвердиться в Крыму. На востоке против власти русских (владимиро-суздальских) князей стали подыматься мордва, мари, буртасы.⁶⁹ Усилился вражеский натиск на русские границы и с запада: венгры вторглись в Галицкую Русь; Литва, делавшая быстрые успехи в своем феодальном развитии, теснила полоцких князей, захватив их владения на запад от Двины. От внимания западных политиков не могло ускользнуть и то, что Русь раздиралась нескончаемыми феодальными распрями князей, что серьезно ослабляло ее способность к обороне от внешнего врага.

Католические агрессоры с самого начала своих захватнических действий в Прибалтике отдавали себе ясный отчет в том, что своим острием эти действия направлены против Руси. Обрекая народы Прибалтики на поток и разграбление, крестоносцы не щадили и русских. Православные церкви также подвергались разрушению, а с православным населением расправлялись, как и с нехристианами. Так же орудовали феодално-католические агрессоры и на собственно русских землях: они грабили русские города и села, разрушали церкви, захватывали в качестве добычи и церковные колокола, и иконы, и прочее церковное убранство.⁷⁰ Тысячи русских людей были истреблены или уведены в плен.

⁶⁹ В. Т. Пашуто. Героическая борьба..., стр. 81.

⁷⁰ Генр. Латв., XIII, 4.

Немецкий хронист рассказывает, как «братья-рыцари» пошли в «Руссию» и как занимались там убийством и грабежом. В 1219 г. крестоносцами было совершено нападение на Псков: «Стали грабить деревни, убивать мужчин, брать в плен женщин и обратили в пустыню всю местность вокруг Пскова, а когда они вернулись, пошли другие и нанесли такой же вред и всякий раз уносили много добычи».⁷¹ Делались попытки обосноваться на исконных русских землях и хозяйничать здесь: «...они поселились в русской земле, устраивали засады на полях, в лесах и деревнях, захватывали и убивали людей, не давая покоя, уводили коней и скот и женщин их».⁷²

Спустя два года (в 1221 г.) «братья-рыцари» из Риги, погнав с собой орды местных лэтов, вступили, как рассказывает летописец, «в королевство Новгородское и разорили всю окрестную местность, сожгли дома и деревни, много народу увели в плен, а иных убили».⁷³

Эти факты, во множестве приводимые в источниках (особенно у Генриха Латвийского, который со своими грубо-наивными представлениями типичного «крестоносца» — феодального разбойника — не считал даже нужным эти факты смягчить), показывают, что религиозные соображения не играли никакой роли в разбойных действиях крестоносцев и что главной их целью были грабеж и порабощение населения.

Епископ Альберт, рыцари ордена упорно стремились установить в Прибалтике свое полное владычество. Особой буллой от 28 октября 1219 г. Гонорий III подтвердил за епископом ливонским «права» на владение Эстонией и Земгалией,⁷⁴ зная, конечно, что земли эти входили в состав владений русских князей.

Но как ни опустошительны были эти набеги, агрессия крестоносцев на русских землях с русским населением неизменно кончалась провалом. Об этом свидетельствует тот же Генрих Латвийский. Сохранились сообщения об успешном отражении натиска рыцарей в эти годы и в русских летописях. В 1221 г. во главе с князем Всеволодом Мстиславичем новгородская рать совершила пространно описанный Генрихом успешный поход на Венден.⁷⁵ Помимо новгородцев, в походе приняли участие мно-

⁷¹ Там же, XXIII, 5.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, XXV, 5.

⁷⁴ LUB, I, № 45.

⁷⁵ Генр. Латв., XXV, 3—4, 6. — Имя князя, отсутствующее в тексте, убедительно определяет С. А. Аннинский в комментариях к «Хронике Ливонии» (стр. 562, примеч. 338); ср.: Очерки, I, стр. 790. Город Венден — в русских источниках Кесь (латв. Цесис).

гие, собравшиеся «из других городов России», общим числом 12 тыс. человек. Они разбили немцев под Венденом, дошли до окрестностей Риги, наказали захватчиков и вернулись обратно. Весь поход был проведен в союзе с литовцами.⁷⁶

Таким образом, местное население Прибалтики видело в русских людях своих защитников в общей борьбе с немецко-католическими агрессорами. Прибалты, особенно эсты, обращались за помощью к своим восточным соседям, когда на них обрушивалась опасность с запада. Так, в 1216—1218 гг. русские полки, сформированные в Новгороде и Пскове, в союзе с эстами основательно оттеснили немцев из захваченных ими земель. Епископу Альберту пришлось обратиться за помощью к датскому королю Вальдемару.⁷⁷

В 1222 г., когда эсты, доведенные до крайности нескончаемыми насилиями, которые чинили крестоносцы (здесь орудовали не только немцы, но и датчане), подняли большое восстание, на помощь им пришли русские. Борьба приобрела такой ожесточенный характер, что только в сентябре 1223 г. епископу Альберту совместно с орденом и датчанами удалось подавить восстание: русская помощь не могла быть усилена, так как на юге Руси показались монгольские орды.⁷⁸

Агрессоры во всех случаях проявляли особую враждебность к русским. В 1222 г. папа издал буллу, в которой предписывал ливонским судьям преследовать русских, проживающих в Ливонии и «оказывающих пренебрежение к католичеству». Булла обязывала силой принуждать русских подчиниться требованиям римско-католической церкви.⁷⁹

Генрих Латвийский рассказывает, как была разграблена церковь недалеко от Новгорода, как крестоносцы «захватили иконы, колокола, кадила и тому подобное и вернулись к войску с большой добычей». Характерно, что боевым кличем крестоносцев были слова: «Бери, грабь, бей!». Этому кличу они обучали и местное население, которое заставляли участвовать в их разбойничьих походах.⁸⁰

Епископ Альберт, не рассчитывая на собственные силы, пытался заручиться поддержкой извне. В 1220 г. он обратился к императору Фридриху II, который, однако, «уделил епископу не много благожелательного внимания», но «убеждал его и уговаривал держаться мира и дружбы с датчанами и рус-

⁷⁶ Генр. Латв., XXV, 3.

⁷⁷ Там же, XXII, 1 и XXIII, 2.

⁷⁸ Там же, XXVI, 1.

⁷⁹ HRM, I, № 12.

⁸⁰ Генр. Латв., XXV, 5, 4.

скими».⁸¹ Император готовился к серьезной борьбе с папством и не желал ввязываться при этих условиях в трудную борьбу на востоке или считал ее, во всяком случае, преждевременной.

Возможно, что рижский епископ или папа толкнул и шведов в сторону Прибалтики. Уже в начале XIII в. тогдашний король Швеции Сверкер воевал против русских, о чем имеются известия в русских летописях. Сын же его, Юхан, вместе с ярлом Карлом отправились в 1220 г. во главе сильного флота к берегам Эстонии, где в это время активно развернули свои наступательные действия датчане.⁸² Усилившееся внимание к Прибалтике со стороны папской курии можно видеть и в том, что за 25 лет, охватывающих понтификаты Гонория III и Григория IX, с 1216 по 1240 г., насчитывается свыше 40 папских посланий по делам Ливонии,⁸³ среди них — привилегии меченосцам, провозглашения «покровительства св. Петра» над ливонцами, назначение проповедников, провозглашение «крестовых походов» в «святую землю, вновь приобретенную в Ливонии», назначение епископов, легатов и т. п.

Руководство на расстоянии оказалось все же недостаточным, и папа счел необходимым направить в Прибалтику (а заодно и в другие страны северо-западной Европы) для проведения папской политики на месте особоуполномоченного «апостольского легата» в лице епископа Вильгельма Моденского (ставшего позднее и кардиналом), который на протяжении целого ряда лет действовал здесь, подчиняя себе конкурирующих партнеров немецко-датской католической экспансии.

Впервые этот папский дипломат, не раз бывавший легатом в разных странах, появляется в Риге летом 1225 г. по приглашению епископа Альберта.⁸⁴ Ловкий политик, он сумел быстро оценить сложную обстановку, создавшуюся в Ливонии, оттеснил епископа Альберта, отклонив его домогательства о превращении епископства в архиепископство, и, действуя именем папы, фактически сам стал руководить католической церковью в Ливонии. В качестве противовеса Альберту, легат поддерживал и укреплял авторитет ордена и в известной мере оказывал поддержку притязаниям датского короля.⁸⁵ Папский легат действовал по древнему римскому правилу: «разделяй и властвуй!». Нельзя отрицать, что эта тактика давала известные результаты.

⁸¹ Там же, XXV, 4.

⁸² И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 58—59.

⁸³ Большинство из них напечатано в: HRM, I, стр. 5—51; LUB, I, стр. 44—221.

⁸⁴ Генр. Латв., XXIX, 2.

⁸⁵ Доннер, ук. соч.

Вильгельм Моденский добился в Ливонии укрепления папского авторитета, а ряд земель объявил непосредственным владением римского первосвященника.⁸⁶ Его именем он создавал новую администрацию, назначал старейшин и судей, и сам творил суд по жалобам местного населения. Вместе с тем папский легат вмешивался и в ход военных событий. Зимой 1226/27 г. он организовал кровавое истребление населения острова Эзель, описание чего у летописца представляет потрясающую картину жестокости и вероломства немецко-католических агрессоров по отношению к мирному незащищенному народу.⁸⁷

Одновременно с отправкой Вильгельма Моденского в качестве «апостолического легата» в Прибалтику и в прямой связи с его миссией 3 января 1225 г. Гонорий III опубликовал буллу, в которой объявил всех новообращенных в Пруссии и Ливонии подчиненными римско-католической церкви и притом «совершенно свободными», в том смысле, что «они не могут и не должны подчиняться никакой другой власти, кроме власти папы римского».⁸⁸

Аналогичный акт был издан папским легатом по прибытии в Ригу. В декабре 1225 г. он выдал «Привилегию» городу Риге, распространявшуюся не только на ее коренных жителей, но и на «всех тех, кто пожелает вступить в число горожан», и гарантировавшую также «личную свободу». Эти распоряжения папской власти имели двойной смысл. С одной стороны, с помощью такой приманки рассчитывали привлечь новых участников разбойничьих «крестоносных» походов; с другой же стороны, этими актами папство предостерегало охотников до легкой наживы, вроде короля датского, императора Фридриха II и т. п., недвусмысленно заявляя о своих «правах» на эти земли и население. Вильгельм Моденский пытался превратить захваченную Ливонию в своеобразное церковное государство, управляемое папской курией. Подобное же княжество он пытался создать и на территории Эстонии, захваченной в 1219 г. датчанами. Пользуясь тем, что датский король Вальдемар II, ведя неудачную войну за северную Германию, находился с 1223 г. в плену, Вильгельм Моденский решил включить и эту часть Прибалтики в состав папских владений. Наконец, более чем вероятно, что легат стремился предпринять и некоторые меры относительно Руси. Раздраженные постоянным вероломством немецко-католических захватчиков, то и дело заключавших мир,

⁸⁶ Генр. Латв., XXIX, 7; Д о н н е г, ук. соч., стр. 79.

⁸⁷ Генр. Латв., XXX.

⁸⁸ LUB, I, № 71; Д о н н е г, ук. соч., стр. 73 и 81.

который они тут же новыми нападениями и нарушали, русские сделали попытку воздействовать на них через легата. Генрих Латвийский сообщает: «Когда русские в Новгороде и других городах также слышали, что в Риге находится легат апостольского престола, они отправили к нему своих послов, прося утвердить мир, давно уже заключенный с тевтонами».⁸⁹

В 1226 г. папский легат, считая, что ему в достаточной мере удалось укрепить позиции Рима в Прибалтике, подытожил результаты своей двухлетней деятельности, добившись трехстороннего соглашения между епископом рижским, орденом и городом Ригой о дальнейших мерах по «обращению» и завоеванию Прибалтики. В марте—апреле 1226 г. он в пяти посланиях сформулировал основные положения этого соглашения. Оно установило границы земель, отдаваемых в управление каждой из этих сторон, но было построено на принципе неоспоримого приоритета и прямой заинтересованности папской власти в прибалтийских делах и имело в виду обеспечить подчинение всей Прибалтики папскому престолу.⁹⁰

Последующие события показали, однако, что планы римской курии шли много дальше. Они намечали широкую экспансию, направленную непосредственно против Руси и русского народа. Но, как было ясно папскому легату, для осуществления этих планов необходимо было прежде всего организовать самый лагерь католической экспансии. С этим он и отбыл из Прибалтики, очевидно, полагая, что заложил основы мира и порядка в католическом лагере. Перед отъездом он издал ряд распоряжений о мерах устранения конфликтов, которые могли бы вспыхнуть между захватчиками. Легатом были назначены и арбитры, которым поручалось разрешать споры.⁹¹

После отъезда Вильгельма Моденского внимание курии к Прибалтике не ослабевает. Папа стремится направить в Прибалтику новые отряды крестоносцев (послания от 27 и 28 ноября 1226 г.),⁹² утверждает распоряжения своего легата о дележе захваченных земель (послание от 11 декабря 1226 г.).⁹³ Он обязывает «новообращенных» противостоять, «как язычникам, так и русским» (послание от 17 января 1227 г.).⁹⁴

Лицемерие папской политики в отношении Руси и русского народа ярко иллюстрируется другим посланием папы, датиро-

⁸⁹ Генр. Латв., XXIX, 4.

⁹⁰ LUB, I, №№ 78, 79, 80, 83 и 84.

⁹¹ Там же, №№ 85—89.

⁹² Там же, №№ 91 и 92.

⁹³ Там же, № 93.

⁹⁴ Там же, № 94.

ванным тем же числом. Это послание непосредственно связано со встречей Вильгельма Моденского в августе 1225 г. с представителями от русских городов, о чем легат не преминул уведомить курию, а может быть, доложил об этом лично по возвращении туда в конце 1226 или начале 1227 г. На основании этого сообщения папа Гонорий III и обратился со специальной буллой «*Gaudemus in Domino*» «ко всем королям Руси», в которой, посылая им «привет и добрые пожелания», писал: «Радуюсь в госпде, услышав, что послы ваши, приходившие к достопочтенному брату нашему, моденскому епископу, легату апостольского престола, смиренно просили его посетить лично ваши страны: потому что вы готовы принять здравое учение и совершенно отречься от всех заблуждений, которым, как говорят, подвергались по недостатку проповедников и за которые господь, в гнев своем против вас, часто поражал вас различными бедствиями и поразит еще более, если вы не возвратитесь с пути заблуждений на путь истинный... Посему, желая узнать от вас самих, точно ли вы хотите иметь легата римской церкви, чтобы принять от него наставление в католической вере, без которой никто не может спастись... мы просим, молим и убеждаем всех вас сообщить нам письмами и через верных послов вашу искреннюю волю. А пока поддерживайте прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии и не препятствуйте им распространять веру христианскую, дабы вы не подпали под немилость божью и апостольского престола, который легко может, когда пожелает, обречь вас мщению. но лучше заслужить вам, в щедрости божией, истинным послушанием и добровольным подчинением — милость и любовь обоих».⁹⁵

Эту буллу от 17 января 1227 г. можно поставить в один ряд с буллой Григория VII. И та и другая составлены по принципу: выдавать желаемое за действительное. В 1075 г. Григорий VII утверждал, что княжич Ярополк преподнес ему в дар Русь (которая Ярополку никак не принадлежала), в 1227 г. Гонорий III утверждает, будто русские князья (названные «королями») изъявили готовность «совершенно отречься от всех заблуждений», что на языке папской курии означало — «готовы принять католическую веру». Это папское утверждение было вымышленным. В этом не оставляет сомнения сама булла Гонория III. Ведь если бы папа верил в свое утверждение, для чего было бы ему заполнять свое послание множеством угроз, вплоть до «кары божией» в случае неповиновения. За исключением первых нескольких строк, в которых автор не-

⁹⁵ HRM, I, № 21; LUB, I, № 95.

уклюже и неубедительно делает попытку представить себя «добрым пастырем заблудших овец», все послание написано в резком тоне, характерном для папских требований в отношении «неверных», «еретиков» и т. п. Никакого успеха эта булла на Руси не имела. Она была пустой декларацией, и, по-видимому, так ее и расценили на Руси. Ни в каких русских источниках это папское обращение отражения не нашло.⁹⁶

Послание к русским князьям было, очевидно, последней попыткой папы Гонория III помочь, чем он мог, крестоносцам в Прибалтике. Через два месяца он умер, и папский престол занял Григорий IX. Уже на третий день своего понтификата новый папа издал очередную буллу по вопросам, касающимся споров в Прибалтике,⁹⁷ а 5 мая того же 1227 г. в другой булле он обратился к «новообращенным» и снова объявил их принятыми «под покровительство св. Петра» и папского престола и при этом опять сделал оговорку, что «они остаются в состоянии свободы и не подчинены никому, кроме одного Христа и римской церкви».⁹⁸

Следующий важный шаг в ливонских делах папа предпринимает в начале 1228 г. Буллой 14 февраля Григорий IX объявил о принятии под свое покровительство (по обычной формуле: «под покровительство св. Петра и наше принимаем...») «воинов христовых», т. е. рыцарей ордена меченосцев, «вместе со всем их имуществом, которым они владеют или в будущем будут владеть».⁹⁹ Этот акт означал также «заявку» папства на прибалтийские земли, на верховные феодальные права над ними. Но теперь имелись в виду земли, уже превращенные в сеньориальные владения, в феодальные лены рыцарями-кре-

⁹⁶ Эта булла (как и послание Григория VII) до сих пор выдается католическими авторами за неопровержимое свидетельство исконного католичества на Руси (см.: PRU, I, praef.).

⁹⁷ LUB, I, № 96. — Эта булла ярко демонстрирует бесплодность мероприятий, с такими большими усилиями проведенных Вильгельмом Моденским. Снова разгорались споры, которые папский легат считал улаженными, и «еще до лета полностью потерпела крушение „местная“ политика Вильгельма Моденского в Ливонии» (см.: V. Niitemaa. Die undeutsche Frage in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. Annal. Acad. Sc. Fennicae, Helsinki, 1949, стр. 41).

⁹⁸ LUB, I, № 97; RPRP, I, № 7894. — На то, что термин «свобода» имеет в этих папских документах особое значение, указал уже Ниитемаа (ук. соч., стр. 31). О личной свободе здесь и речи не было: меченосцы, желая обеспечить себя дешевой рабочей силой, обращали местное население просто в рабов (там же, стр. 38).

⁹⁹ LUB, I, № 99. — Дата, поставленная Бунге (15 февраля), впоследствии уточнена. Год издания буллы не может считаться твердо установленным. Возможен и 1234 или 1236 г. (LUB, I, Regesta № 112).

стоносами. Папа провозглашал себя их сюзереном, верховным феодальным владыкой, объявляя их под своим «патроцинием» (внесудебная защита, покровительство).

В ответ на эти действия папской курии с целью укрепить свои позиции в Прибалтике энергичные шаги предпринимает и императорский лагерь. Сын Фридриха II, Генрих VII, коронованный в 1221 г. немецкой короной в качестве «короля римлян», посланием от 1 июля 1228 г. передал в дар ордену меченосцев «ревельскую провинцию с ревельским замком, а также провинции Ерве, Гарриен и Виронию».¹⁰⁰ Тем самым Генрих VII также заявлял верховные феодальные права на некоторую часть прибалтийских земель, которыми считал себя вправе полностью распоряжаться.

В 1229 г., после тридцатилетнего хозяйничания в Ливонии, превратившись из бременского каноника в имперского князя (с 1224 г. Ливония вошла в состав Империи) и могущественного духовного князя, умер епископ рижский Альберт. Трения, которые усиливались еще при нем, вылились после его смерти в непримиримую вражду трех главных хозяев захваченной страны: епископа, города и ордена. С другой стороны, то и дело вспыхивали восстания местного населения, пытавшегося сбросить с себя ненавистное иго. Все чаще совершались и дерзкие набеги немецких рыцарей на русские земли.

Все попытки папы Григория IX положить конец взаимной борьбе в «новом божьем доме», как в Риме напыщенно именовали завоеванные области Прибалтики, кончались полной неудачей.

Еще одно обстоятельство справедливо считалось в Риме весьма опасным. В течение уже 20 с лишним лет в бременской провинции горел пожар крестьянского восстания — так называемых штедингов. Восстание охватило многие крестьянские общины, которые сравнительно недавно потеряли свободу и подвергались закрепощению. Крестьяне упорно боролись против феодальных пут, и сломить их боевой дух не удавалось. Они отказались платить десятину бременскому архиепископу, не побоявшись и вооруженных сил, которые «пастырь церкви» в этом случае счел необходимым направить для их «увещевания», не говоря уже о церковном отлучении и объявлении их «еретиками». В 1229 г. восставшие крестьяне разгромили рыцарей, посланных против них епископом Гергардом II. После этого папа объявил для борьбы с ними крестовый поход. Но и крестоносцам мужественные крестьяне наносили жестокие по-

¹⁰⁰ LUB, I, № 100.

ражения. Зимой 1232/33 г. они отбросили войско крестоносцев и подступили к самому Бремену. Осенью 1233 г. крестоносцы потерпели поражение и при этом потеряли своего предводителя графа Бурхарда Ольденбургского.

Папа не скупился на буллы, призывавшие к еще более решительным действиям. В Бремене собралось огромное феодальное войско, жадное до крови и грабежей.

Крестоносные убийцы, посланные Григорием IX, предводительствуемые знатнейшими германскими феодалами, учинили поголовную резню среди свободных немецких крестьян — штедингов — за их нежелание подчиниться бременскому архиепископу и надеть на себя ярмо крепостничества. В битве при Альтенеше 27 мая 1234 г. конные рыцарские орды истребили свыше 6 тысяч героически защищавшихся крестьян. Пленных сжигали живыми, как «еретиков». А здесь же, на пригорке, стояло духовенство с крестом и знаменем и благочестиво распевало гимны «во славу милостивого бога».¹⁰¹

Несмотря на террор, крестоносцам не скоро удалось добиться покорности и подчинения пруссов. Потребовалось еще целых 50 лет, прежде чем упорное сопротивление свободолюбивого народа было сломлено и завоевание Пруссии закончилось (в 1283 г.). Подавляющая часть населения была уничтожена, а захваченные земли заселены немецкими колонистами.

В Прибалтике успехи папских крестоносцев тоже были не блестящи. В первые годы правления Григория IX разгорелась война в самом лагере агрессоров: меченосцы захватили в Эстонии земли, занятые ранее датчанами, а частью и те, которые были объявлены прямым владением «апостольского престола» (Вирония, Ерве, Гарриен). Никакие протесты папского легата Балдуина Альнского, находившегося здесь после Вильгельма Моденского, не помогли. Орден занял Ревель (Таллин), а те силы, которые смог собрать легат, были перебиты. «Трупы были свалены в церкви в виде огромной пирамиды» — сообщает источник.¹⁰²

Датчане со своей стороны также предприняли энергичные действия. Вступив в союз с графом гольштинским Адольфом, король Дании Вальдемар II решил отрезать Прибалтику от сношений с Западом. Любекская гавань, этот «ключ к Ливонии», была заперта с помощью нескольких затопленных судов.¹⁰³ Ливонские крестоносцы оказались лишенными всякой

¹⁰¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса—Энгельса. т. V, стр. 278.

¹⁰² Цит. по: Очерки, II, стр. 578.

¹⁰³ Д о н н е г, ук. соч., стр. 165.

возможности получать пополнение с Запада. В течение ряда лет не удавалось ликвидировать разгоревшийся конфликт.

Все это ослабило в 1229—1234 гг. активность крестоносцев и в направлении на Русь. Правда, в Риме еще продолжали разжигать враждебность к Руси, и Григорий IX направляет в начале 1229 г. 5 булл, свидетельствующих об этих усилиях папства, в Любек, Ригу, Готланд, Динамюнде и Линчепинг (Швеция).¹⁰⁴ Все они содержали категорическое требование добиться прекращения всякой торговли с русскими с тем, чтобы отрезать Новгород от Запада и лишить Русь возможности получать необходимый для изготовления оружия металл, шедший оттуда, или же готовое оружие. Эти попытки папства держать Русь под блокадой повторялись и в дальнейшем.¹⁰⁵

Но усилия папства добиться политической и экономической изоляции Руси не увенчались успехом. Заинтересованность немецкого купечества в поддержании торговых связей с Новгородом, Псковом и другими центрами северо-западной Руси была столь велика, что, вопреки папским требованиям, вскоре после того как Рим разослал свои буллы, два из адресатов — Рига и Готланд — заключили с князем Смоленским Мстиславом Давыдовичем договор о мирных взаимоотношениях, торговле и «взаимном благоприятствовании».¹⁰⁶

Обращает на себя внимание, что в пространном договоре нет никаких упоминаний о вопросах вероисповедных или церковных. Это доказывает лишний раз, насколько такие вопросы были несущественны в реальных отношениях между русскими и западными государствами и лишь искусственно раздувались самой католической церковью в целях политической пропаганды. Купечество Любека, Бремена, Готланда и других мест искало мирных отношений и укрепления давних экономических связей с Русью, особенно с Новгородом — крупнейшим центром, контролировавшим всю торговлю с Востоком.¹⁰⁷

¹⁰⁴ *Diplomatarium Suecanum*, t. I, Stockholm, 1829, №№ 206, 250, 253; И. П. Шаскольский. Папская курия — главный организатор крестово-носной агрессии 1240—1242 гг. против Руси. Историч. зап., № 37, 1951, стр. 173.

¹⁰⁵ Шаскольский, ук. соч.

¹⁰⁶ LUB, I, № 101; Договорная грамота смоленского князя с Ригой и Готским берегом. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрение... И. Срезневского, СПб., 1863, стр. 223—225. — Насколько большое значение имел этот договор, свидетельствует тот факт, что в самый разгар подготовки широкого военного наступления западноевропейских феодалов на русские земли, в 1240 г., он все же возобновляется в результате новых переговоров между обеими сторонами (LUB, VI, № 3014 и *Regesta* № 189b, стр. 145).

¹⁰⁷ Очерки, I, стр. 781, 864.

По-видимому, под известным влиянием этих купеческих элементов, особенно сильных в Риге, оказался действовавший в Прибалтике новый папский легат Балдуин Альнский.¹⁰⁸ Этот цистерцианский монах, сменивший Вильгельма Моденского, пользовался большим доверием папы, неоднократно защищавшим его от резких нападок, которым Балдуин Альнский подвергался со стороны многочисленных своих недругов в Прибалтике, особенно в лице ордена, а также и нового рижского епископа Николая. Тем не менее его политика в Прибалтике расходилась с общим политическим курсом римской курии, направленным на развитие католической экспансии на востоке и захват новых земель. Мероприятия Балдуина Альнского по-прежнему преследовали цель создать и укрепить папское церковное княжество, в состав которого он стремился включить новые владения. Но, очевидно, он не считал лучшим методом достижения этой цели истребительную войну и грабеж. Он предпочитал методы убеждения, санивая на свою сторону более податливые группы местного населения из числа более крупных землевладельцев, хотя он не исключал и применения насилия в тех случаях, когда встречал сопротивление. Балдуин видел в рыцарях не только грубых захватчиков — вояк, проливающих кровь невинных людей из-за добычи, но и опасных для папства конкурентов, хотя и прикрывающихся папским знаменем, но преследующих узкокорыстные цели, которые расходились с интересами папства. Наконец, Балдуин явно воздерживался от усиления агрессивных действий, направленных против соседей, в частности против Руси.

Политика Балдуина Альнского вызывала резкое недовольство среди агрессивно настроенных крестоносцев в Ливонии, которым удалось подчинить своему влиянию нового рижского епископа Николая. Вскоре между ним и легатом создались чрезвычайно натянутые отношения. Балдуин отправился в Рим искать поддержки и сумел ее там найти, вызвав у папы еще большее доверие к себе, особенно, когда он представил заключенный им с куронами договор, в котором они изъявляли свое согласие подчиниться папскому престолу.¹⁰⁹ Вернулся Балдуин в Прибалтику облеченным еще большими полномочиями, чем те, которыми он обладал ранее. Однако политическая линия легата была по-прежнему неприемлема для действительных

¹⁰⁸ Формально он имел полномочия наместника легата. Легатом же являлся кардинал Отто. Однако на протяжении всего его легатства действующим лицом был именно Балдуин.

¹⁰⁹ LUB, I, №№ 103, 104, 124 и Regesta №№ 117 и 118.

хозяев положения, которыми были захватившие прибалтийские земли и стремившиеся к дальнейшему расширению своих владений на востоке именитые «крестоносные» феодалы светского и духовного звания. Они добились того, что в феврале 1234 г. папа лишил Балдуина всех его легатских полномочий. В Риме сочли наиболее пригодным лицом, которое могло бы наладить расстроившийся механизм папской политики на северо-востоке, все того же епископа Моденского.

В марте 1234 г. Вильгельм Моденский отправился вторично на северо-восток в качестве полномочного «апостолического легата». Началась его поездка с явного провала: все его попытки миром покончить со штедингами остались безрезультатными. Восстание продолжалось. Не удалось Вильгельму Моденскому добиться и снятия датчанами морской блокады на Балтике, и папе пришлось прибегнуть к угрозе интердикта и отлучения, чтобы воздействовать на непослушного короля.

Поздним летом 1234 г. новый папский легат прибыл в Ригу и немедленно принялся за проведение ряда мероприятий, имевших целью навести порядок в лагере крестоносцев.¹¹⁰ Прежде всего он сменил рижского епископа, назначив вместо отставленного Николая из ордена цистерцианцев доминиканца Генриха.¹¹¹

Эта смена показательна. В этот же период во всей «миссионерской» деятельности папства цистерцианские монахи заменяются монахами так называемого ордена проповедников (доминиканцев), лишь незадолго до этого возникшего и в короткое время захватившего в свои руки монополию «борьбы за веру». В сентябре 1230 г. папа издал особую буллу о передаче доминиканцам проповеди «крестовых походов» в Пруссию, отобрав эту миссию у цистерцианцев,¹¹² а через три года доминиканцы начинают проникать и в Ливонию, в короткое время вытеснив и оттуда своих предшественников — цистерцианцев, которые вслед за Мейнардом шли в Прибалтику, рассматривая ее как свою монопольную вотчину.¹¹³ Цистерцианцы действовали в интересах местной церковной власти, особенно в интересах рижского епископа, на них он опирался в борьбе с меченосцами, а подчас и с папским легатом. Между тем орден доминиканцев был папским орденом. Григорий IX сделал его главным орудием своей идейно-политической борьбы с императором Фрид-

¹¹⁰ Donner, ук. соч., стр. 168.

¹¹¹ Там же, стр. 170; LUB, VI, № 2722.

¹¹² Hauck, ук. соч., т. IV, стр. 679.

¹¹³ PUB, I, № 31; Hauck, ук. соч., т. IV, стр. 679.

рихом II. Доминиканцы составляли кадры папских агитаторов на местах. И теперь, направляя их в Прибалтику, папа возлагал на них большие надежды.¹¹⁴

Усилением роли доминиканцев в Прибалтике Вильгельм Моденский стремился укрепить идейно-политическую базу папства. Но для выполнения дальнейших целей намеченной программы этого было мало. В обстановке жестокой истребительной войны, которая уже столетия не прекращалась в Прибалтике и в которой за последние годы феодально-католические агрессоры стали явно терять свои позиции, необходимо было прежде всего укрепить военно-политические кадры. До этого времени они состояли главным образом из рыцарей-меченосцев; однако постоянные грабительские войны, сделавшиеся их профессиональным занятием, внесли глубокое моральное разложение в ряды этого «христово воинства», а их положение крупных землевладельцев, осевших на захваченных ими территориях, не позволяло папе рассчитывать на них как на «верных сынов».

Между тем уже во времена первого легатства Вильгельма Моденского у меченосцев появились конкуренты в лице рыцарей Тевтонского ордена. Еще в 1226 г. польский князь Конрад Мазовецкий, который вел постоянные войны со своими соседями, обратился за помощью к немецкому ордену «братьев св. Марии» (Тевтонскому ордену), образовавшемуся еще в начале XII в. в Иерусалиме и объявленному папой Климентом III в 1191 г. состоящим под особым покровительством «апостолического престола».¹¹⁵ Не добившись в войне с сельджуками успеха, немецкие рыцари охотно приняли предложение Конрада, оказавшееся для Польши и других народов северо-восточной Европы роковым, так как в лице этого ордена появился самый опасный враг — ударная сила западноевропейского феодализма в его восточной экспансии.

В 1230 г. с благословения папы, опубликовавшего по этому поводу 5 булл, тевтонцы начали кровавую истребительную войну против пруссов с целью окончательного захвата их земель.¹¹⁶ Орден добился от папы передачи ему в «вечное владе-

¹¹⁴ T. Manteuffel. *Papiestwo i cystersi...* Warszawa, 1955, стр. 97.

¹¹⁵ LUB, VI, № 3113. — Обращает на себя внимание тот факт, что в том же 1226 г. меченосцы заключают договор с городом Ригой и торжественно объявляют о мире между ними и взаимном благоприствании (LUB, VI, № 2717). Это было попыткой в известной мере противодействовать явному укреплению в Прибалтике позиций папства с помощью появившихся здесь тевтонских рыцарей.

¹¹⁶ VMPL, I, №№ 38—42.

ние» Кульмской земли, полученной орденом еще раньше от Конрада Мазовецкого, и Пруссии, которую еще предстояло завоевать.¹¹⁷

Одновременно орден заручился в лице своего весьма энергичного и властолюбивого гроссмейстера Германа фон Зальца поддержкой сначала германского императора Филиппа Швабского, ведшего в эту пору острую борьбу с папой, а позднее — его преемника германского императора Фридриха II.¹¹⁸ Между ними были также установлены сеньориально-вассальные отношения. Однако имея трех сюзеренов (третьим был Конрад Мазовецкий), орден действовал вполне самостоятельно и, не стесняясь в средствах, добивался расширения подвластных ему земель и укрепления своих политических позиций. В 1233 г. тевтонцы положили конец существованию особого рыцарско-монашеского ордена «Добринских братьев», созданного ранее Конрадом Мазовецким в качестве своей военной опоры.¹¹⁹ По соглашению с Конрадом, достигнутому в результате посредничества Вильгельма Моденского, Тевтонский орден получил обширные земельные владения и ряд привилегий, что в общем значительно усилило его политическую и военную мощь.

Явившись снова в конце 1234 г. в Прибалтику как папский легат, Вильгельм Моденский вступил в переговоры с Германом фон Зальца о дальнейшем расширении власти Тевтонского ордена. Это могло быть достигнуто только за счет ордена меченосцев, ставшего к этому времени главной военной силой в «крестоносном» лагере. Он являлся формально орденом епископским, между тем тевтонцы ни в какой, не только фактической, но и формальной зависимости от местной церкви не находились. К тому же меченосцы все больше теряли авторитет даже в глазах высшего местного духовенства, для которого орден меченосцев перестал служить надежной защитной силой. В этих условиях уничтожение этого ордена сделалось реальной целью для папских политиков, и прежде всего для Вильгельма Моденского. Достижение этой цели облегчилось трагическими для меченосцев военными событиями.

Еще в 1234 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович решил положить конец принимавшим все более дерзкий характер набегам немецких вооруженных отрядов на русские

¹¹⁷ PUB, I, № 108.

¹¹⁸ LUB, VI, № 3115в и Regesta № 19с.

¹¹⁹ Это объединение орденов было оформлено позднее (19 октября 1235 г.) буллой Григория IX (LUB, I, № 118).

земли. Собрав значительную рать, он подошел к городу Юрьеву и нанес рыцарям жестокое поражение у реки Эмайыги (Эмбах). Разгром, который потерпели в этом сражении меченосцы, явился подготовкой их окончательного военного крушения. Оно произошло через два года (22 сентября 1236 г.) в решительной битве с литовцами и земгалами.¹²⁰ На этот раз меченосцы были окончательно разбиты. В бою погиб магистр ордена Волквин, 48 знатных рыцарей — комтуров и других начальников отрядов и множество рядовых крестоносцев.

Значение этого разгрома для судьбы «крестоносной» миссии в Прибалтике было чрезвычайно велико: в течение короткого времени все завоевания крестоносцев были поставлены под угрозу. В разных районах поднимались восстания против немцев. Куры и земгалы сбросили с себя ненавистное иго, очистили свои земли от всяких следов христианства и вернулись к своим древним верованиям. Католический лагерь потерял свою главную военную силу.

Вспокоившееся духовенство в лице трех епископов обратилось к папе с мольбой о помощи. Реально она могла выразиться лишь в одном: в предоставлении Тевтонскому ордену того места, которое раньше занимали меченосцы. При этом было очевидно, что позиции местного духовенства будут еще более ослаблены, если хозяином положения станут рыцари ордена, а влияние папства на все дела в Прибалтике значительно возрастет.

Появление Тевтонского ордена в Прибалтике означало новый крупный шаг в усилении наступления западноевропейского феодализма на восток, совершавшегося под знаменем папства. Непосредственный представитель Григория IX, его полномочный легат Вильгельм Моденский был «крестным отцом» этого очередного предприятия римской курии.

Однако необходимо иметь в виду, что Тевтонский орден вовсе не был слепым орудием в руках папства. В острой борьбе, разгоревшейся в эти годы между папством и германским императором Фридрихом II, гроссмейстер ордена Герман фон Зальца сумел установить с обеими сторонами — и с папством, и с Империей — особо выгодные для ордена отношения. И Григорий IX, и Фридрих II торжественно подтвердили права и привилегии

¹²⁰ Место сражения не может считаться окончательно установленным. Обычно принимают Шауляй в Литве, но имеется и другое предположение — Вецсауле у Бауска, на территории Латвии в верховьях реки Лиелупе (История Латвийской ССР, т. I, стр. 100).

ордена, в силу которых он становился в значительной мере независимым и самостоятельным.¹²¹

В своей восточной политике папство нашло в Тевтонском ордене верную опору. Этому способствовало, конечно, то обстоятельство, что здесь интересы папства и Империи совпадали, поскольку они выражали стремление западноевропейских феодалов к дальнейшему усилению экспансии на восток и контролю над торговыми путями на Балтике.

Вместе с тем Тевтонский орден доставлял папству с самого начала много неприятностей. Если и раньше в Прибалтике нередко вспыхивали конфликты внутри католического лагеря, то с появлением тевтонских рыцарей эти конфликты приняли постоянный характер. Целая серия папских посланий выразительно свидетельствует о том, какое самоуправство проявляли жадные до добычи «братья-рыцари», как захватывали они земли и имущество не только у местного населения, у которого, видимо, и захватить-то было уже больше нечего, но и у тех крестоносцев, которые раньше их успели поживиться добром, отобранным у ливов, куров, эстов и других народностей.

После разгрома литовскими войсками в битве под Шауляй 22 сентября 1236 г. орден меченосцев вскоре был окончательно ликвидирован. Остатки его были слиты с Тевтонским орденом. По этому поводу Григорий IX 12—14 мая 1237 г. подписал несколько посланий, одно из которых было адресовано легату, Вильгельму Моденскому, другие — епископам рижскому, дерптскому (в городе Тарту) и острова Эзель.¹²²

Орден ставился под особое покровительство «апостольского престола». В Риме считали, что тем самым приведены в готовность отборные кадры для крупных военных действий, намечавшихся на ближайшее будущее. Папа потребовал от своего легата в Прибалтике принять необходимые меры для установления прочного мира в католическом лагере, в частности с Вальдемаром Датским, и обеспечить возвращение последнему Ревеля, захваченного ранее, как уже говорилось, Тевтонским орденом.¹²³ В течение 1237 г. легат побывал в Польше и Пруссии, разъезжал по Ливонии, совершил поездку в Эстонию и проявил особый интерес к Финляндии.¹²⁴

Наряду с попытками добиться умиротворения внутри собственного лагеря церковь в лице папского легата пытается также

¹²¹ Е. А. Косминский. Ледовое побоище. Вестн. АН СССР, 1942, № 4, стр. 91.

¹²² HRM, I, №№ 53, 54; LUB, I, № 149.

¹²³ LUB, I, №№ 150, 152.

¹²⁴ Д о н н е г, ук. соч., стр. 213 и 222.

несколько ослабить враждебность к крестоносцам со стороны населения. Два послания Григория IX на имя легата Вильгельма бросают яркий свет на положение народных масс Прибалтики под тяжелым гнетом «миссионеров». 7 марта 1238 г. папа требует, чтобы «язычники, обращаемые в христианство, не подвергались бы порабощению»,¹²⁵ а на следующий день, как бы в разъяснение и явно в ограничение своего предыдущего послания, Григорий IX пишет о том, чтобы «обращаемые в христианство рабы получали бы от господ хотя бы столько свободы, чтобы они могли ходить в церковь на богослужение».¹²⁶

Церковные власти в Риме понимали, что алчность крестоносцев может и в Прибалтике довести до всеобщего восстания и сорвать дальнейшее расширение католической экспансии на востоке. Необходимо было принять меры, чтобы укрепить свой тыл, чтобы умиротворить прибалтов. Этим и следует объяснить заботу папы и его легата о «смягчении» положения местного населения.¹²⁷ Под руководством папского легата, проявившего большую энергию, принимались разнообразные меры, чтобы добиться консолидации сил католического лагеря, укрепления его позиций в Ливонии. Эти усилия, однако, не были просто стремлением к умиротворению, о котором столь усердно ратовал на словах папа римский и его легат.хлопоты Вильгельма Моденского сводились к тому, чтобы добиться сплочения всего католического лагеря, расположившегося у границ северной и северо-западной Руси, с тем, чтобы в дальнейшем начать планомерное наступление в глубь страны. Это и было основной задачей папского легата. Он направляет свои усилия на то, чтобы найти в Новгороде или во Пскове какую-нибудь группировку, на которую католические агрессоры могли бы рассчитывать. Как показали дальнейшие события, эти усилия не остались безрезультатными.

Еще в 1228 г. во Пскове нашлись бояре-изменники, которые, как сообщает летопись, заключили союз с немцами.¹²⁸

¹²⁵ HRM, I, № 48.

¹²⁶ Там же, № 49.

¹²⁷ В этом свете разоблачаются попытки некоторых авторов истолковывать эти факты как свидетельство о якобы гуманном отношении папской власти и Вильгельма Моденского как ее представителя к населению Прибалтики (см.: Д о п п е г, ук. соч.).

¹²⁸ Очевидно, к этому времени относится сообщение, хранящееся, по-видимому, в Ватиканском архиве, о письме папы Гонория III в Псков с уговором насчет принятия католической веры (см.: The catholic encyclopaedia, v. XIII, N. Y., 1911, стр. 254).

Позднее им удалось привлечь на свою сторону самого посадника Твердилу Ивановича.¹²⁹ Спустя несколько лет и в Новгороде нашлась кучка бояр во главе с бывшим тысяцким Борисом Негочевичем («борисова чадь», как их именует летопись), которые пытались в 1232 г. произвести в Новгороде и Пскове переворот, а когда это им не удалось, сбежали к немцам и сомкнулись с крестоносными захватчиками.¹³⁰

Подобные изменники, очевидно, подкупленные агентами Вильгельма Моденского, объявились и в последующие годы. О них летопись сообщает, что они «перевет держаче с немци», фактически отдали Псков крестоносцам,¹³¹ которые тотчас повели на русской земле такую же грабительскую войну, какую вели в Прибалтике.

Таким образом, усилиями папского легата был создан не только политический, но и военно-стратегический плацдарм на западных границах Руси.

Аналогичные меры были предприняты им и с другой стороны — в Финляндии. В этой стране, являвшейся ближайшим северным соседом Руси, была также создана база для католического наступления на Русь. В том же направлении, в каком действовал епископ ливонский Альберт, здесь с 1220 г. развернул свою активность епископ Томас. В Риме стремились превратить финляндскую католическую «миссию» в еще один — северный — плацдарм для наступления на Русь. Гонорий III в письме к епископу Томасу в 1221 г. предлагал запретить католикам вести торговлю с карелами и русскими, что являлось уже не раз примененным курией средством борьбы с Новгородом.¹³²

В начале 1229 г. 6 папских посланий, на протяжении трех недель (с конца января до середины февраля) адресованных епископам рижскому и любекскому, аббату цистерцианского монастыря на острове Готланд и другим представителям католической церкви в районе Балтики, предписывали оказать поддержку усилиям католической миссии в Финляндии и для этого прежде всего парализовать торговлю с русскими. Стремясь, как обычно, «загрести жар чужими руками», папские представители в Финляндии натравливали племена тавастов (так называли племя емь) на новгородские владения, а когда новгородцы в тесном союзе с карелами оказывали тавастам отпор,

¹²⁹ Очерки, I, стр. 845—846.

¹³⁰ Там же, стр. 823.

¹³¹ ЛНП, стр. 77; ПСРЛ, т. IV, стр. 228.

¹³² Diplomatarium Suecanum, t. I; Stockholm, 1829, № 206.

папа и вся его агентура поднимали шум о «русской агрессии». В действительности, во всех действиях папской курии нельзя не видеть целеустремленной политики подготовки большого наступления на Русь, и прежде всего на богатый Новгород. Призывом к войне против Руси являлась, по существу, папская булла от 24 ноября 1232 г. о финляндских делах. В ней Григорий IX обращался к ливонским рыцарям-меченосцам и предлагал им «в согласии с финляндским епископством» перенести свою деятельность в Финляндию «против неверных русских». ¹³³ Финляндия вошла и в число стран, на которые распространялись полномочия Вильгельма Моденского как «апостольского легата» при его второй поездке на север в 1234 г.

Еще большее внимание уделил Финляндии папский легат в 1237—1238 гг. К этому времени Вильгельм Моденский заканчивал в большой спешке создание антирусской коалиции. Оставалось закрепить достигнутые соглашения соответствующим договором ее участников, в котором были бы определены условия действий, сроки и задания для каждого из них. Это и было осуществлено 7 июня 1238 г. в Стенби, где находилась резиденция датского короля Вальдемара II и куда прибыли для заключения такого договора папский легат Вильгельм Моденский и магистр Тевтонского ордена в Ливонии Германн Балк. ¹³⁴ Договор «разрешал» вопрос об Эстонии: орден уступал королю Ревель и ряд других крепостей и местностей на земле эстов и обязался в дальнейшем неизменно оказывать поддержку королю. При этом устанавливалось, что две трети завоеванных земель будут принадлежать королю, а треть — ордену. Большое место занимали в договоре вопросы, касавшиеся взыскания с населения церковной десятины и других церковных поборов. ¹³⁵

Значение Стенбийского договора в истории феодально-католической экспансии, развивавшейся под эгидой римской курии, чрезвычайно велико. Этот договор укрепил созданный папскими усилиями единый фронт католических агрессоров, обосновавшихся на западе и на севере вдоль границ Руси. Участники коалиции готовились развернуть наступление на Новгород, рассчитывая при этом на политическую борьбу, обострившуюся в Новгороде и Пскове во второй половине 30-х годов. В наступлении должны были принять участие все три главных участника коалиции: датские крестоносцы в Эстонии, орденские

¹³³ LUB, I, № 128.

¹³⁴ Там же, № 160; И. П. Шаскольский. Папская курия... стр. 182—184.

¹³⁵ Там же.

силы в Ливонии и крестоносцы, обосновавшиеся в Финляндии, которые должны были получить еще подкрепления из Швеции. Совместными силами предполагалось захватить важнейший торговый путь, связывавший Балтику с Новгородом по Неве.¹³⁶ Разработанный папским легатом план, по всей вероятности, утвержденный в Стенби, свидетельствует о том, насколько серьезно ставился вопрос о войне против Руси.¹³⁷ Несомненно, что одновременно имелось в виду насильственно навязать русским также католическую веру.¹³⁸

Что общие основы соглашения в Стенби были разработаны Вильгельмом Моденским в тесном единстве с папой Григорием IX, подтверждает булла от 9 декабря 1237 г., в которой папа обратился к архиепископу Швеции и его суффраганам-епископам — с призывом организовать «крестовый поход» в Финляндию «на помощь епископу Томасу» «против тавастов» и их «близких соседей».¹³⁹ Очевидно, что, призывая крестоносцев уничтожать «врагов креста», папа имел в виду наряду с тавастами также карелов и русских, в союзе с которыми тавасты в эти годы энергично противились католической экспансии.

Папская курия и ранее не упускала случая для разжигания враждебного отношения к русским. В своих более ранних посланиях папа не скрывает этого. Так, буллой от 3 февраля 1232 г. на имя своего легата Балдуина Альнского он запрещает всем христианам в Прибалтике без разрешения курии заключать мир или перемирие с русскими или «язычниками».¹⁴⁰ Еще более откровенна папская булла от 24 ноября 1232 г., в которой Григорий IX требовал от меченосцев в Ливонии поспешить в Финляндию, чтобы «защитить новое насаждение христианской веры против неверных русских».¹⁴¹ Лицемерные слова этого воззвания были типичной маскировкой подготавливаемой агрессии. В папской булле от 27 февраля 1233 г.¹⁴² русские (Rutheni) открыто названы «врагами» (inimici).¹⁴³

¹³⁶ Доннер, ук. соч., стр. 224.

¹³⁷ Почти все исследователи сходятся на том, что, кроме опубликованного соглашения, в Стенби была достигнута договоренность и о согласованном нападении на Русь (см.: Доннер, ук. соч., стр. 228 и др.; И. П. Шаскольский. Папская курия..., стр. 182).

¹³⁸ Доннер, ук. соч., стр. 224—225.

¹³⁹ И. П. Шаскольский. Папская курия..., стр. 186—187.

¹⁴⁰ LUB, I, № 121.

¹⁴¹ Там же, № 128. Значение этого документа показал уже И. П. Шаскольский (Папская курия..., стр. 173).

¹⁴² В HRM это послание ошибочно датировано 1232 г. (I, № 36).

¹⁴³ VMPL, I, № 46; HRM, I, 36.

Учитывая эту, нескрываемую даже враждебность папства к русским в 1230-х годах, трудно отказаться от мысли, что под «близкими соседями» тавастов, против которых папа призывает в булле от 9 декабря 1237 г. своих крестоносцев, понимались русские.¹⁴⁴

Ряд папских булл свидетельствует также о том, что наряду с подготовкой широкой агрессии извне, курия стремилась обеспечить свои замыслы и созданием базы внутри Руси. Для этой цели были широко использованы доминиканцы. В каком направлении развивалась их деятельность, благословляемая папой, можно понять из буллы Григория IX от 15 марта 1233 г., в силу которой доминиканцам, отправившимся на Русь, предоставлялась индульгенция и им самим разрешалось давать отпущение (*facultas absolvendi*) поджигателям или убийцам клириков.¹⁴⁵ Папа пишет и о необходимости создания латинской епархии на Руси, ссылаясь при этом на то, что там существует «множество латинских церквей, не имеющих священников».¹⁴⁶

Однако надежды Рима не оправдались. Никакой базы внутри Руси, на которую вражеские силы в своем широко задуманном наступлении могли бы опереться, у них не оказалось, и борьба, как известно, свелась к столкновению на бранном поле.

Лихорадочную поспешность, с которой Вильгельм Моденский действовал при создании антирусской коалиции и организовывал стенбийский сговор ее участников, следует объяснить желанием использовать благоприятные для Рима условия, сложив-

¹⁴⁴ И. П. Шаскольский, оспаривающий это предположение (Папская курия..., стр. 186—188), как нам представляется, недостаточно учел всю обстановку в целом. Правда, в своей более поздней работе он показывает антирусскую направленность папской политики в это время более четко (И. П. Шаскольский. Борьба Александра Невского против крестовоносной агрессии конца 40—50-х годов XIII в. Историч. зап., № 43, 1953, стр. 183—184. См. также: В. Т. Пашуто, Героическая борьба..., стр. 174).

¹⁴⁵ VMPL, I, № 48; PRU, I, № 8; HRM, I, № 38. — В другом послании папа также проявляет особую заботу о поджигателях и убийцах, которых разрешается прощать в случае их участия в крестовом походе в Прибалтику или в Пруссию (PUB, I, 1, № 89).

¹⁴⁶ PRU, I, № 6. — Текст этой буллы, адресованной 12 мая 1232 г. провинциальному приору ордена доминиканцев в Польше, опубликован с пропусками многих мест (по-видимому, непрочтенных). Можно понять, что папа пишет на основании донесения, поступившего к нему от гнезненского архиепископа, в котором тот ему сообщал, что на Русь в качестве доминиканских монахов прибыли из различных стран преступные элементы — убийцы, грабители и т. п. и что это вызывает сильное недовольство среди местных католиков. Поэтому архиепископ считает необходимым создать отдельную епархию, которая взяла бы в свои руки «дело насаждения веры» (католической, — Б. Р.) на Руси и он спрашивает на это согласия курии.

шиеся на Русь в 1237—1238 гг. С востока, через Волгу на Рязань и дальше в глубь страны надвинулись грозной тучей татаро-монгольские полчища, угрожавшие самому существованию русского государства. Католическим агрессорам, стремившимся обосноваться в западных районах Руси, этот момент, когда силы всей русской земли были напряжены в ожесточенной борьбе со свирепыми кочевниками, естественно, представлялся особенно подходящим.

Организаторы немецко-датско-шведской католической агрессии на Русь в 1240 г. рассчитывали на вторжение в ее пределы с двух сторон: с севера, откуда готовились напасть шведские силы под предводительством ярлов Ульфа Фаси и Биргера, и с северо-запада, где действовал Тевтонский орден. Очевидно, предполагалось, что нападение произойдет в одни и те же сроки, но тевтонские рыцари опоздали, а шведы, пройдя по Неве до устья реки Ижоры, не сумели использовать преимуществ внезапного нападения.¹⁴⁷

Заблаговременно расставленная новгородскими князьями охрана Финского залива и берегов Невы, сообщила немедленно в Новгород об опасности. Молодой князь Александр Ярославич, «не мешкая нимало», во главе немногочисленной, но мужественной дружины своей, обрушил на шведов 15 июля 1240 г. внезапный удар такой силы и вместе с тем настолько продуманный с точки зрения боевой тактики, что шведы были наголову разбиты. Князь Александр сразился с самим Биргером, шведским полководцем и предводителем всего похода, и нанес ему тяжелую рану копьем. «Возложи печать на лице острым своим копьем», — рассказывает летописец, оставивший описание знаменитой Невской битвы. Немногим удалось бежать. «Останов же их, — говорит летописец, — побеже посрамлени». Русские, собрав трупы знатных рыцарей, «накладше корабля два» и «пустоша и (их) к морю», где они и затонули. Трупы же остальных, «ископавшие яму, вметаша (их) в ню (нее) бещисла». Эта замечательная победа прославила молодого князя и сорвала планы нападения католических агрессоров на Русь с севера.

В конце августа—начале сентября того же 1240 г. немецкие рыцари вторглись в русские земли с запада. Немцам удалось захватить крепость Изборск. Выступивший на помощь Изборску псковский отряд был разбит, и рыцари осадили Псков. Измен-

¹⁴⁷ См.: Доннер, ук. соч., стр. 226; И. П. Шаскольский. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. Изв. АН СССР, сер. истор. и философ., т. VIII, № 3, 1951, стр. 257—276; Очерки, I, стр. 841.

ники-бояре, во главе с псковским посадником Твердилой Ивановичем, открыли немцам ворота, и город был захвачен врагом. Завладев Псковом, немецко-католические рыцари стали все глубже вторгаться в новгородские владения, подойдя к самому городу на расстояние 30—40 верст. Одновременно они стремились захватить берега Невы, ладожские земли и Карелию. На побережье Финского залива они построили крепость Копорье и, опираясь на нее, развернули дальнейшее наступление. Беспощадному разорению подвергалось местное население. Сопротивлявшихся крестоносные разбойники массами истребляли. С Запада шли все новые подкрепления крестоносному войску. Папская курия неослабно следила за ходом событий.

Особый интерес представляет в этой связи булла Григория IX от 14 декабря 1240 г., направленная лундскому архиепископу Уффону — главе католической церкви в Дании и его суффраганам.¹⁴⁸ Папа предложил развернуть в Дании проповедь «крестового похода» против «неверных», якобы угрожающих христианам в Эстонии. Под «неверными» курия снова имела в виду русских. Эта булла была, по-видимому, вызвана сообщением о тяжелом поражении, которое понесли шведские рыцари на Неве в июле этого года.¹⁴⁹ Чтобы как-нибудь возместить понесенные ими потери, папа и взывал к помощи датчан, которые, однако, не спешили отозваться. Можно отметить, что в Дании наблюдалась известная тяга к союзу с русскими и к поддержанию как экономических, так и политических отношений.

Григорий IX «передал» захваченные крестоносцами русские земли эзельскому епископу Генриху. А тот в апреле 1241 г. заключил договор с рыцарями, по которому он оставлял за собой часть взимавшейся в пользу церкви десятины, а все права на управление, рыбную ловлю и прочее передавал им.¹⁵⁰ Епископ в своей грамоте о заключении указанного соглашения объясняет, что он передает им право на все остальные поборы, так как «на них падает труд, издержки и опасность при покорении язычников».¹⁵¹ Тем самым епископ лишний раз свидетельствовал о том, какой характер носила «крестоносная» миссия среди народов Прибалтики, от которой русский народ был избавлен благодаря героическому отпору, организованному Александром Невским.

¹⁴⁸ LUB, I, № 167; RPRP, I, № 10974.

¹⁴⁹ И. П. Шаскольский. Папская курия..., стр. 186.

¹⁵⁰ LUB, III, №№ 169а, 190а.

¹⁵¹ Там же. — Для утверждения всех этих мероприятий епископ Генрих совершил поездку в Рим (Donner, ук. соч., стр. 229).

В Новгороде, где боярская верхушка еще в 1240 г. не поладила с молодым князем Александром, вследствие этого уехавшим к отцу в Переяславль, вспыхнуло широкое недовольство против бояр. Народ потребовал возвращения Александра в Новгород. С присущей ему решительностью и мужеством, вернувшийся вскоре князь возглавил борьбу против немецко-католического нашествия. Он привлек к этой борьбе не только новгородцев и русскую рать, пришедшую на подмогу из других земель, но и карелов, ижорцев, литовцев и другие народности. В 1241 г. внезапным ударом он захватил у немцев Копорье и нанес им сильное поражение в районе побережья Финского залива, оттеснив их обратно к реке Нарове.

Известие об успехах русской рати подняло дух местного населения Прибалтики. Вспыхнули восстания в земле эстов, подавить которые крестоносцам не удавалось. Из Рима шли сообщения о присылке новых пополнений. Широко развернулась проповедь «крестового похода». Папа направил 6 июля 1241 г. буллу королю норвежскому с предложением содействовать «крестовому походу... против язычников в землях соседних»,¹⁵² что в то время означало, конечно, Прибалтику, районы Финского залива, где развернулась большая война против Руси. Неудачное для папства начало ее тем более активизировало деятельность курии.

Подстрекая норвежского короля к походу «во славу матери нашей, святой римско-католической церкви», папа изъявляет в этой булле согласие на замену крестового похода по обету в «святую землю» — походом против «соседних язычников».¹⁵³

В самом начале 1242 г. Александр Невский, проведя тщательную подготовку, смело двинулся навстречу немцам. Обманув их расчеты, он захватил Псков и Изборск. Учинив расправу над предателями, укрепив свой тыл, князь прошел дальше на северо-запад, прямо к границе захваченной крестоносцами эстонской земли.

Таким образом, весной 1242 г. русские войска находились западнее Чудского озера, соединявшегося узким протоком с Псковским озером. У этого узкого протока, известного под названием «Узмень», и произошли решающие события. Молодой князь, показавший себя как стратег и полководец, блестяще осуществил глубоко продуманную военную операцию. В его плане были учтены все обстоятельства: и особенности немецкого военного строя «свиньей», и условия местности, и состоя-

¹⁵² RPRP, I, № 11045. Raynaldi, a. 1241, § 41.

¹⁵³ Там же.

ние льда на озере, а главное — моральный дух и боевые качества войск. 5 апреля 1242 г. враг был встречен на льду. По имеющимся источникам можно понять, что немцы, обманутые неожиданным, смелым построением русского войска, могли считать себя уже победителями, преодолев полки, расположившиеся в центре, когда они оказались под внезапным мощным ударом флангов, выйти из-под которого уже не могли. Победа русского войска, в котором участвовали не только новгородцы и псковичи, но и «низовцы» — войска, присланные Ярославом Всеволодовичем, отцом Александра Невского, под начальством брата Александра — Андрея, была решающей и окончательной.

Рыцари потеряли 500 убитыми и 50 плененными. Многие пошли под лед, который выдерживал тяжесть русских пехотинцев, но проламывался под закованной в тяжелые доспехи рыцарской конницей крестоносцев. Тысячи «кнехтов» — немецкой пехоты — остались на льду Чудского озера. Ярко описывает это беспрецедентное в истории средних веков сражение древний русский книжник: «...и бысть съча зла на немци и на чюдъ, и трускъ отъ копей ломление и звукъ страшень отъ мечного съчения, яко и езеру померзъшу двинути ся, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо ся кровію».¹⁵⁴

Значение Ледового побоища в истории борьбы против католической экспансии трудно переоценить. Блистательная победа Александра Невского спасла Русь, а вместе с ней и соседние народы от угрозы немецко-католического нашествия, от подчинения западноевропейским феодалам. Немецко-католическое продвижение на восток было остановлено, а главные военные силы агрессоров понесли жесточайший урон. Хвастливые рыцари, с пренебрежением относившиеся ко всем народам, на которые они собирались надеть ярмо, сделались предметом насмешек.

Орден выслал своих послов в Новгород, где в 1243 г. был подписан мирный договор, в котором рыцари торжественно заявляли о своем отказе от всяких территориальных притязаний и соглашались на обмен пленными.¹⁵⁵

¹⁵⁴ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 64—65; В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. (Памятники древней письменности и искусства, т. CLXXX), 1913, ч. II, стр. 6, 40, 80—81, 131.

¹⁵⁵ Вместе с тем католические агрессоры принимают также меры, направленные к новому сплочению своих сил. Свидетельством этого может служить соглашение, заключенное 1 октября 1243 г. между епископами Риги, Тарту, Эзеля и заместителем магистра Тевтонского ордена в Ливонии, о взаимной защите и помощи (LUB, VI, № 2725 и Regesta № 198a).

Победа русских на льду Чудского озера вдохновила на борьбу стоившее под тяжелым игом немецких крестоносцев население земель, захваченных орденом. Во многих местах вспыхивали восстания против ордена. В Пруссии восставшее население, которое возглавил славянский князь в Поморье Свантополк, родственник галицко-волинского князя Даниила Романовича, вышло совершенно из-под власти немецко-католических захватчиков. На помощь пруссам пришел литовский князь Миндовг. Свантополк, поддержанный Миндовгом, нанес ордену жестокое поражение. «Почти вся Пруссия окрашена кровью», — рассказывает об этом восстании летопись.¹⁵⁶

Десять лет потребовалось ордену, чтобы в дальнейшем восстановить свою власть в Пруссии, и только массовое, чудовищное по форме и масштабам истребление пруссов дало ему возможность подавить восстание.

Полный разгром, который потерпели немецкие рыцари Тевтонского ордена на льду Чудского озера, не скоро был забыт. «Прохвосты были окончательно отброшены от русской границы».¹⁵⁷ Рыцари и после этого еще совершали набеги, вторжения и временные захваты некоторых русских городов. Но это были отдельные эпизоды.

С какой бы алчностью ни тянулись после этого германские феодалы к русским землям, к богатым русским городам, стратегических планов завоевания Руси в средние века уже никто больше в Западной Европе не решался всерьез ни разрабатывать, ни предлагать.

Глава III. ПАПСТВО И ЮЖНАЯ РУСЬ

Одновременно с агрессией против северной и северо-западной Руси папство предпринимало активные действия и на южнорусском направлении, рассчитывая, не без основания, в случае успеха этих операций, оказать тем самым сильное давление и на Византию. Вместе с тем южная Русь привлекала римскую курию и сама по себе. Киев хотя и стал уже с середины XII в. приходить в упадок, но не потерял еще своего значения крупного международного торгового центра. В нашей летописи сохранились сообщения, свидетельствующие о том, что в XII—XIII вв. Киевская Русь продолжает поддерживать систематические торговые сношения с Западом. В связи с этим

¹⁵⁶ SRP, III, гл. 32, стр. 67.

¹⁵⁷ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса—Энгельса, т. V, стр. 344.

в ряде городов появились и осели «латиняне», делались попытки строить католические церкви, для службы в которых прибывали католические священники из стран Западной Европы.

Сохранилось немало известий о торговле Киева с Регенсбургом (Ратисбона), о купеческих караванах, совершавших рейсы по этому пути.¹⁵⁸ В Регенсбурге существовали особые купеческие корпорации «русариев». Наиболее прочными сделались торговые связи с Галицкой Русью, откуда товары шли и в Венгрию, и в Чехию, и в Германию. Именно оживленной торговлей, благодаря выгодному географическому положению, Галицко-Волынская Русь обязана своему экономическому расцвету и укреплению своей политической роли в конце XI—начале XII в.

С интересами части венгерских, чешских, польских феодалов, жадных до новых земель, стремившихся поживиться за счет соседей, совпадали вождения папской курии. Духовные и светские феодальные магнаты легко находили общий язык. Галицко-Волынское русское княжество, потом Киевщина, а отсюда в самую глубь далекой и богатой страны — так рисовались в их воображении этапы католической экспансии.

В 1188 г. венгерскому королевичу Андрею удалось на короткое время захватить власть в Галиции. Бесчинства и насилия феодальных захватчиков подняли против них весь народ, и через два года они были изгнаны оттуда вместе со своим королевичем.¹⁵⁹ Вскоре в Галицкой земле утвердился князь Роман Мстиславич, которому удалось в 1200—1201 гг. присоединить к своим владениям и Киев, после чего он принял титул «великого князя». Сильный и энергичный князь укрепил отношения с Византией и со своими западными соседями, принудив их к сохранению мира. Роману Галицкому удалось добиться политического объединения юго-западной Руси, с которым должны были считаться и прочие русские князья и феодальные правители Запада.

Исход IV крестового похода, взятие Константинополя крестоносцами и создание в 1204 г. Латинской империи резко изменили расстановку политических сил. Прерваны были и экономические связи Византии, в частности с южной, Киевской Русью. Это сыграло большую роль в усиливавшемся упадке экономического и политического значения Киева и вместе с тем

¹⁵⁸ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen, Wien, Bd. X, 1853, стр. 92 и 95.

¹⁵⁹ ИЛ; ПСРЛ, т. II, стр. 137 и сл.

способствовало экономическому развитию Галицко-Волынской земли, лежавшей на западной границе южной Руси, и росту ее политического значения. Именно поэтому на нее и обращает свое особое внимание папская курия.

Соблазнительной была идея окатоличения Галицко-Волынского княжества в качестве шага к дальнейшей экспансии против Руси.

В 1204 г. Иннокентий III прислал своих послов к Роману Мстиславичу, которые убеждали князя принять католичество, пытаясь соблазнить тем, что в этом случае папа римский утвердит за ним королевский титул и «отдаст под его власть всю Русь». В летописи сохранилось сообщение об этих предложениях папы: «... и услышав, как Роман победил венгров и поляков и подчинил себе всю Русь, послал к нему своих послов, убеждая его принять латинскую веру, обещая ему города и королевский титул на Руси. Роман отклонил это письмо, но они настаивали перед ним, не стыдясь, ласковыми словами». Тогда князь, как рассказывает летописец, вынул меч и в ответ на речи посла о могуществе и богатстве папы сказал: «Таков ли меч Петров у папы? Если он имеет такой, то он может давать города, но я, пока имею этот у бедра, не имею нужды иначе брать (города, — *Б. Р.*), как только кровью — по примеру отцов и дедов наших, расширивших и приумноживших землю русскую».¹⁶⁰

Роман отверг унию и, если верить польскому летописцу, выступил вскоре открытым врагом католичества, угрожая якобы «совершенно уничтожить римско-католическую веру» в Польше.¹⁶¹ Действительно, началась новая война Романа с малопольским (краковским) королем Лешко, являвшимся участником папской коалиции в борьбе с Гогенштауфенами. Галицкий князь вторгся в пределы Польши, успешно сокрушая вражеское сопротивление. Однако в 1205 г. под Завихостом Роман Мстиславич погиб, коварно убитый поляками, внезапно напавшими на него во время уже начавшихся переговоров.

О новой попытке обратить Русь того времени в католичество свидетельствует послание Иннокентия III, хранящееся

¹⁶⁰ Летопись Кенигсбергская. РИБ, ч. I, СПб., 1767, стр. 300; В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен. Книга 3-я, 1774, стр. 344—345. — Существуют сомнения в достоверности летописного сказания (см.: Голубинский, ук. соч., стр. 598, примеч. 1), но доводы неубедительны: если и согласиться, что послы были не из Рима, а из Польши, — это отнюдь не исключает возможности передачи ими папских предложений князю Роману.

¹⁶¹ Dlugosz, ук. соч., т. I, стр. 596.

в ватиканском архиве, датированное 7 октября 1207 г.¹⁶² Папа адресует свое послание «духовенству и мирянам в России» и настоятельно убеждает их «возвратиться от своих заблуждений на путь истины, от которого они упорно отклоняются». Далее он сообщает об отправке на Русь специального легата, кардинала Виталиса, которому папа поручает «искоренять и разрушать, строить и созидать, что найдет необходимым». Кардиналу поручалось приобщить Русь к католицизму и подчинить ее Риму. «Хотя вы, — писал папа в этом послании, — до сих пор были удалены от сосцов вашей матери, как дети чужие, но мы по возложенной на нас, недостойных, от бога пастырской обязанности просвещать народ его, не можем подавить в себе отеческих чувств и не заботиться о том, чтобы здравыми убеждениями и наставлениями привести в соответствие члены, сообразно вашей главе... О, если бы вы захотели уразуметь, понять, предвидеть до конца и, прогнав мрак от умов своих, возвратились с неверного пути на истинный путь и покорились бы учительству того, кого Спаситель наш поставил главою и учителем всей церкви!». Сказав затем, что апостол Петр поставлен был главою и учителем церкви и что Христос назвал его «скалой, на которой зиждется церковь», и вручил ему «ключи царства небесного», Иннокентий переходит к главному положению о том, что папы — преемники Петра и что вне римской церкви невозможно «спасение». После 1204 г., принесшего победу латинскому мечу на Востоке, у папы появляется новый аргумент: «Обратимся к настоящему: вот теперь греческая империя и церковь почти вся вернулась к почитанию апостольского престола и смиренно приемлет от него повеления и повинуется приказу; разве не будет несозвучным, если часть (т. е. русская церковь, — *Б. Р.*) не будет сообразоваться со своим целым и отдельное не будет в соответствии с общим».

Понимая, что подобные сетования не отличаются большой убедительностью, папа использует и другие аргументы. Он напоминает, что нынешнее положение на Востоке достигнуто ценой жестокой борьбы, в которой грекам пришлось испытать немалые трудности, пока они, как «заблудшие овцы», не были «приведены к пастырю своему». При этом делается прямой намек на то, что «пастушество» осуществлялось не с помощью хворостины и свирели, а мечом и огнем. Считая такое прямое запугивание, по-видимому, наиболее действенным доводом, папа заключает свое послание выражением уверенности, что теперь русские уразумеют « всю благодетельность подчинения папской власти »

и окажут «легату апостольского престола», облеченному папой всеми полномочиями, доверие и послушание, дабы привести «дочь к матери», «заблудших овец в овчарню», «члены к главе». За всеми этими традиционными на языке католической пропаганды метафорическими фигурами скрывалось требование признать главенство Рима и подчиниться ему.

Хотя текст этого послания имеется, как сказано, в папском архиве, можно сомневаться в том, что оно было отправлено. Ничего не известно и о папском легате в эти годы. В русских источниках никаких следов всей этой папской затеи нет.

Католическая экспансия против Руси все теснее сплеталась с интервенцией венгерских и польских королей, с их вмешательством в дела Галицкой Руси. В 1214 г. венгерский король Андрей II в союзе с малопольским королем Лешко Белым вторгся в Галичину и захватил ее. Королем был провозглашен пятилетний сын Андрея — Каломан. Чтобы упрочить захват, Андрей предложил папе утвердить коронацию и осуществить в Галичине церковную унию.¹⁶³ Естественно, что в Риме эти проекты венгерского короля были поддержаны охотно. В Галицкую Русь выехала целая рать латинского духовенства, были изгнаны православные священники, началось принудительное «обращение» в католичество. Венгерские оккупанты встретили ожесточенное сопротивление в народе. Пытаясь его сломить, они перешли к террору. Православные церкви подвергались разрушению. На их месте воздвигались католические костелы. В Никоновской летописи, как всегда, лаконично и бесстрастно, все эти события изложены в таких словах: «Того же лета 6722 (1214 г., — Б. Р.) Угорский король посади сына своего в Галиче, и церкви претвори в латынскую службу».¹⁶⁴

В западных летописях сохранились более пространные сообщения и, в частности, текст письма, которое король Андрей послал папе Иннокентию по поводу захвата им Галицкой Руси и предлагаемой унии.¹⁶⁵

¹⁶³ Прокатолические авторы стараются уверить, что король Андрей предлагал унию якобы по инициативе самого галицкого населения. Между тем известно, что население встретило унию открытой борьбой. Особенно наивно звучат рассуждения по этому поводу у украинского униата Чубатого, пытающегося доказывать это нелепое утверждение тем, что «при необычайной набожности» короля «трудно допустить, щоб він вводив у блуд папу в такий важний справі» (М. Чубатий. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії. Зап. Наукового товариства ім. Шевченка, т. СХХІІІ—СХХІV, Львів, 1917, стр. 17).

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. X, стр. 66.

¹⁶⁵ A. Theiner et F. Miklosich. Monumenta vetera historica Hungariam sacram illustrantia, t. I. Romae, 1859, № 1.

Как ни выражали в католическом лагере свое удовлетворение достигнутой «унией» и успехами венгров на Руси, их действительное положение было весьма трудным. Политическое усиление венгерского короля неизбежно вносило серьезное осложнение в общую систему международных отношений того времени и вызывало беспокойство у ряда соседей. Еще важнее было то, что венгры вызывали к себе все большую ненависть в местном населении, которое только ждало случая, чтобы выступить против захватчиков и выгнать их прочь. Первая такая попытка была сделана в 1215 г., о чем король тотчас же сообщил папе.¹⁶⁶ С немалым напряжением сил королю удалось на этот раз подавить восстание. Но ненадолго.

В 1219 г. у Галича появился новгородский князь Мстислав Удалой, заслуживший свое прозвание бесстрашием и кипучей энергией, с которой он вел борьбу с врагами русской земли. Навстречу князю двинулось местное население, восставшее против венгерско-католического владычества, и в короткий срок захватчики были дружными усилиями изгнаны из русских пределов.

Тем кончилась разбившаяся о народное сопротивление первая попытка церковной унии на Украине, вернее — насильственного введения католического культа с помощью венгерского оружия.¹⁶⁷ Высокая активность народных масс, проявившаяся в изгнании венгров и в решительном отказе от католической веры, напугала реакционную боярскую верхушку, и она решительно выступила против политики Мстислава, в известной степени опиравшегося на городское население. Бояре заставили князя изменить политический курс и вступить в соглашение с венграми. По этому соглашению Мстислав отдавал свою дочь за сына венгерского короля Андрея II и назначал ей в приданое галицкую землю. Это означало уступку исконных русских областей венграм и создание плацдарма для еще более широкой католической экспансии на Руси.

В новом обращении папы Григория IX («*Quia Christi vicarii*») к одному из русских князей, датированном 18 июля 1231 г.,¹⁶⁸ папа ссылается на якобы дошедшее до него известие

¹⁶⁶ Monumenta Hungariae historica, Codex diplomaticum, v. XI, Pest, 1868, стр. 227.

¹⁶⁷ Тем не менее католическая и униатская пропаганда пытается утверждать, что в 1214—1222 гг. состоялась первая уния на галицкой земле. «Була то перша унія...», — пишет Чубатый (ук. соч., стр. 25), хотя сам же и признает, что «уния» эта «була сторичною ефемеридою». Автора мало смущает, что концы с концами в его рассуждениях не сходятся.

¹⁶⁸ HRM, I, № 33. — Чубатый (ук. соч., № 6, стр. 82) неправильно указывает, будто в HRM послание ошибочно датировано 1233 г. Там при-

о готовности князя «оказать почтение и повиновение апостольскому престолу». Высказав свою радость по этому поводу, папа убеждает князя принять католичество, не скупясь при этом на щедрые обещания. Он пишет: «...так как мы были извещены епископом прусским, что ты, христианский государь, но придерживаешься греческих и русских обрядов и культа, как их придерживаются и другие в царстве твоём, и что ты возжелал оказать почтение и повиновение апостольскому престолу и нам, мы, искренне желая спасения твоей души и всякого тебе успеха, благополучия и чести, молим и увещеваем в госпoде твою светлость... чтобы ты благочестиво принял и соблюдал культ и обряды латинских христиан, подчинив себя и все твое царство, из любви к Христу, сладостной власти римской церкви, матери всех верных, которая предполагает иметь тебя в церкви божией как великого государя и любить как избранного сына».

По общему тону послание Григория IX заметно отличается от прежних папских посланий на Русь. Здесь нет обычных угроз и подчеркнутого пренебрежения к исповедуемому русскими православием. Можно думать, что смягченная форма обращения была результатом неудач экспансионистской политики папства.

С 20-х годов XIII в. папство широко использовало для католической пропаганды «нищенствующие» монашеские ордена, особенно орден братьев-проповедников (доминиканцев), утвержденный папой Гонорием III в 1220 г. Основным содержанием пропаганды доминиканцев была идея римских пап, особенно Иннокентия III, об универсальной теократии (папское миродержавие) и о приведении всех народов под власть папы римского. Появляются первые группы доминиканских монахов и

ведена та же дата, что и у Чубатого, — 1231 г. Имя адресата не выяснено. Из известных двух редакций этого послания в одной из них (по кодексу Марини — HRM, I, № 33) читаем: «Georgio illustri regi Russiae» — «Георгию пресветлому королю Руси». А. И. Тургенев, опубликовавший это послание, понимает под Георгием великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Также понимает адресата и В. Т. Пашуто (Героическая борьба..., стр. 79—80). Однако в другой редакции (Альбертранди — PRU, I, № 5, стр. 19—20) имени короля нет. Адресат читается: «illustri regi Russiae». В этой же редакции послание воспроизведено у Чубатого (ук. соч., № 6, стр. 81—82), который, следуя Абрахаму (Wl. Abraham. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi, t. I. Lwow, 1904, стр. 106—107), пытается доказать, что адресатом являлся Даниил Романович Галицкий, ведший в эти годы упорную борьбу за Галич против венгров и части южнорусских князей и галицких бояр. Отсюда Чубатый (ук. соч., стр. 29) делает вывод, что послание Григория IX является попыткой привлечь Украину к церковной унии с Римом. Мнение Чубатого разделяет и Пашкевич (Н. Paszkiewicz. The origin of Russia. London, 1954, стр. 299), однако для принятия его все же необходимы дополнительные аргументы.

в южной Руси. Одной из них удалось получить согласие князя Владимира Рюриковича на постройку близ Киева монастыря Девы Марии (Богородицкий). Это была, по-видимому, очень активная миссионерская община, во главе которой стоял Яцек (Гиацинт) Одровонж. Спутниками его были некий Бернард и Иаков-Римлянин, посвященные Григорием IX в сан «епископа русских» с примечательной оговоркой: «без постоянной кафедры».¹⁶⁹ Доминиканцы появились в Киеве в 1222—1224 гг. Католическая пропаганда сделала Яцека легендарным героем миссионерских «подвигов», в рассказах о которых микроскопические зерна исторической правды тонут в море пустых и нелепых вымыслов.

Заслугой Одровонжа католические авторы считают якобы успешность его миссионерства на Руси; рассказывают, что во время своего четырехлетнего пребывания в Киеве он будто успел обратить в католичество множество православных и пользовался расположением киевского князя.¹⁷⁰ Известно, однако, что в 1233 г. киевский князь Владимир Рюрикович выгнал доминиканцев вместе с их приором из Киева как папских агентов, пытавшихся вести враждебную князю и церкви деятельность.¹⁷¹ Об этом рассказывает польский историк Длугош.¹⁷² Очевидно, что от такой расправы, которую князь счел необходимой в отношении доминиканской братии, далеко до «милостей и расположения», о которых пишут другие католические авторы.

Католическая церковь создала из Одровонжа «апостола Руси», приписала ему множество самых невероятных чудес и наконец объявила его «святым». Этим церковь не столько отметила успехи его «деятельности», так как они были, очевидно, не слишком велики, сколько подчеркнула трудности, с которыми папским «миссионерам» приходилось сталкиваться на Руси. Русские люди распознавали под личиной католических проповедников людей, действовавших в интересах чужеземных сил, враждебных русскому народу. Именно поэтому миссию католической пропаганды на Руси папству нужно было как-то облагородить, освятить. Этому и служили (и продолжают служить и поныне) легенды о Яцке Одровонже. Остается впечатление, что авторы этих легенд стремились сочинить как можно больше

¹⁶⁹ Указание об этом дает Бзовий в своем панегирическом сочинении о Яцке (Гиацинте).

¹⁷⁰ См.: J. Zatk o. The Union of Suzdal, 1222—1252. Journ. ecclesiast. hist., v. VIII, № 1, April, 1957, стр. 33—52.

¹⁷¹ В этой связи папа издал буллу об «обидах», причиняемых в Киеве представителям римской церкви (HRM, I, № 40).

¹⁷² D l u g o ś z, ук. соч., т. II, стр. 649.

неправдоподобного, вздорного и нелепого. Даже доминиканцы, которые в XVII в. пустили все эти нелепости в литературный оборот, не могли скрыть своих сомнений относительно их достоверности, и один из них, сообщив о «чудесах», приписываемых Яцку, добавляет, что эти рассказы имеют лишь «некоторую вероятность». Католические же авторы последних 100 лет передают эти басни в самом серьезном тоне, распространяют картинки, изображающие «чудеса» Яцка, и числят его среди наиболее почитаемых «святых».

Вопреки действительности, католическая пропаганда изображала «миссионеров» на Руси желанными и долгожданнами проповедниками и «учителями», а страну и народы, ее населяющие, — готовыми к обращению в «истинную веру». Эти легенды были созданы, а затем усиленно распространялись монахами-доминиканцами, искаживавшими русские земли в ту пору вдоль и поперек. Одну из таких легенд рассказывает некий доминиканский венгерский монах Юлиан. По сохранившейся записи о его путешествии по Руси (эту запись сделал позднее, с его слов, другой доминиканец по имени Рихард), он с несколькими спутниками двинулся летом 1236 г. на восток через Русь и дошел до земли «мордванов» (мордва), живших «между Волгой, Окой и Рязанской землей». Здесь, как он рассказывает, его, католического монаха, оказывается, давно ждали. «Узнав от своих пророков, — заявляет он, — что им (мордванам, — Б. Р.) предстоит стать христианами, они посылали к князю великой Ландемарии (Лаудамерия — город Владимир, — Б. Р.) — это соседняя с ними русская страна, чтобы он послал к ним священников, которые окрестили бы их». Но тот (князь владимирский) якобы ответил: «Не мне надлежит это делать, а папе римскому. Ведь близко время, когда все мы должны будем принять веру римской церкви и подчиниться ее власти».¹⁷³

Эти легенды как нельзя лучше показывают, насколько грубы и наивны были методы, с помощью которых католическая церковь пыталась пробить себе дорогу на Руси. Хорошо известно, насколько далека еще была в это время мордва от того, чтобы добровольно подчиниться власти русских князей.

Как раз в те годы, к которым относится рассказ венгерского доминиканца, приурочено сообщение нашей летописи о походе на мордву владимирского князя Юрия Всеволодовича с князь-

¹⁷³ «О существовании великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина папы Григория IX». — Опубликовано: С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Историч. архив АН СССР, 1940, т. III, стр. 82.

ями рязанским и муромским. В этом походе русские встретили ожесточенное сопротивление, которое с трудом сломили: «...пожгли неприятельские села и перебили мордвы много», — говорит летописец.¹⁷⁴ И даже через 145 лет мордва все еще упорно сопротивлялась завоеванию.¹⁷⁵

Исторические факты свидетельствуют о том, что рассказы католических монахов были плодом досужей фантазии.

Упорная борьба, которую в течение почти 20 лет вели против венгерско-католического вторжения на Галичину русские люди, значительно обострялась тем, что в ней сталкивались не только национальные и религиозные противоречия, но и противоречия классовые. Боярство, стремившееся к самовластному хозяйничанию на «своих» землях, резко противилось централизаторским тенденциям княжеской власти и в борьбе с ней подчас смыкалось с иноземцами. Ярким примером может служить поведение одного из противников Даниила Галицкого — крупного боярина Судислава Бернатовича, перебежавшего неоднократно на сторону венгров и поддерживавшего католиков.

В тесной связи с основной политической линией, которую проводил Даниил Галицкий, стоит и его внешняя политика. В борьбе против венгерского короля Белы IV, являвшегося ревностным сторонником папства и в союзе с ним воевавшего против императора Фридриха II Гогенштауфена, Даниил был поддержан сторонниками Гогенштауфенов — польским князем Конрадом Мазовецким и Австрией. Добившись искусной политической поддержки и в Литве, Даниил успешно вел борьбу против попыток венгерско-католического вторжения на Галичину и к 1238 г. завершил объединение ее земель под своей властью.¹⁷⁶

Однако усилия Даниила Галицкого, направленные на обеспечение хозяйственного и культурного роста юго-западной Руси, потерпели крушение вследствие начавшегося с 1237 г. грозного татарского нашествия на Русь. После взятия Киева 19 ноября 1240 г. полчища Бату устремились к Галичу. Несмотря на мужественную защиту своей земли, на которую поднялось население Галичины и весь русский народ против сильного и беспощадного врага, татаро-монголы заняли Галич, Владимир-Волынский и «инии грады мнози, им же несть числа».¹⁷⁷ Захваченные земли подвергались полному разорению, население во многих городах и селениях было истреблено.

¹⁷⁴ Очерки, I, стр. 726.

¹⁷⁵ Там же, II, стр. 434.

¹⁷⁶ В. Т. Пашут о. Героическая борьба..., стр. 74.

¹⁷⁷ Очерки, I, стр. 836.

Вал всесокрушающего нашествия катился дальше на запад. Страшному опустошению подверглись Польша и Венгрия, а затем Хорватия и Далмация, Сербия и Болгария. В Англии, Франции и Северной Германии велась лихорадочная подготовка к борьбе с непобедимым врагом. Все попытки остановить нашествие были тщетными. Многочисленное, разноречное феодальное войско, собравшееся со всех концов Европы, пытавшееся остановить татар у Лигница, в восточной Чехии, было наголову разбито монголами 9 апреля 1241 г. Тремя днями позднее шестидесятитысячная армия венгерского короля Бела IV была разгромлена на реке Сабо.¹⁷⁸

Европа, казалось, лежала беспомощной и беззащитной перед врагом, не знавшим ни милости, ни пощады. Даже в далекой Англии скупые строки хронистов запечатлели паническое состояние, охватившее массы населения. Об этом сообщают Матвей Парижский и автор Буртонских анналов,¹⁷⁹ продолжатель Гервазия Кентерберрийского¹⁸⁰ и ряд других хронистов.

Однако совсем неожиданно татаро-монголы, пройдя через южные страны Европы, повернули на восток и ушли в степи Причерноморья и Заволжья. Современники не понимали, что произошло. Многие видели в этих событиях чудо. В церквах служили молебны и приписывали спасение западноевропейских народов заслугам католичества.

Между тем действительные причины неожиданного исхода столь грозно начавшегося нашествия татаро-монголов заключалось просто в том, что силы их были истощены. Каждый город и каждое селение на Руси татарам приходилось брать в жестокое бою. В кровопролитных сражениях проходили дни, недели и месяцы. Татарам потребовалось более трех лет, чтобы совладать с сопротивлением на русских землях. И все же им пришлось отказаться от попытки подчинить себе северо-западную Русь, несмотря на то, что именно сюда направляли в это же время свои удары немецко-католические агрессоры.

Вследствие непрестанной борьбы, которую татарам приходилось вести на Руси, они не смогли развернуть свое опустошительное наступление далеко на запад, не могли остаться там. Когда татары вторглись в Польшу, Венгрию, Чехию, оказалось достаточным шести недель, чтобы опустошить и разграбить эти страны. Но захватить их или даже подчинить своей власти они не могли, так как в тылу у них оставалась Русь — страна завое-

¹⁷⁸ Там же, стр. 837.

¹⁷⁹ MGH, SS, XXVIII, 207 и 292.

¹⁸⁰ Там же, XXVII, 310.

ванная, но не покоренная. Завоеватели были обессилены, победители были сломлены стойкостью и мужеством русских людей, их беззаветной храбростью и героизмом. Этим Русь ослабила татарский натиск на Запад, защитила соседние народы.

Эту великую историческую миссию, выполненную русским народом, первым понял Пушкин. «России определено было высокое предназначение. Ее невообразимые равнины, — писал поэт, — проглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь, а возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».¹⁸¹

А через 100 лет другой замечательный русский поэт В. Я. Брюсов выразил пушкинскую мысль в стихах:¹⁸²

Россия! В злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потоку
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингизхановой пяты?

Мужественную борьбу с татарами вел и галицкий князь Даниил Романович, не давая им осесть на юго-западных землях и сдерживая их движение на Запад. Но именно в это время против галицкого князя создавалась коалиция западноевропейских феодалов во главе с королем венгерским Белой IV и польским князем Болеславом. Католические агрессоры (венгерские и польские рыцари, феодальная знать, наконец венгерский король были тесно связаны с католическим духовенством) считали момент благоприятным, поскольку в борьбе с татарами силы русских ослабели.

Опасность наступления польско-венгерских рыцарей усиливалась еще тем, что против Даниила шел и один из русских князей — Ростислав Михайлович, князь черниговский, который, как и его отец, давно вел борьбу за галицкие земли. Опираясь на реакционное боярство, опасавшееся энергичной объединительной политики Даниила Галицкого, Ростислав вступил в союз с венгерским королем и женился на его дочери. Против галицкого князя выступила грозная коалиция, потерпевшая, однако, вскоре полное поражение в битве под Ярославом 17 августа 1245 г. В жаркой схватке польско-венгерские фео-

¹⁸¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. VII, Изд. АН СССР, 1949, стр. 307.

¹⁸² В. Брюсов, Избр. соч., т. I, 1955, стр. 447.

дамы были разгромлены и обратились в бегство. Множество рыцарей полегло на поле боя, другие бежали. Из трех полководцев лишь Ростислав успел скрыться. Фильний (начальник венгерского войска) и Флориан (командовавший польскими рыцарями) были захвачены в плен.¹⁸³

В то время как на Руси шла героическая борьба против татар, с одной стороны, и против западноевропейских феодальных захватчиков — с другой, папская курия изошрялась в маневрах, имевших целью продвинуть католическую сферу влияния дальше на восток. Появилось новое отношение и к татарам, которое вытеснило прежний панический страх перед ними.

С установлением татаро-монгольского ига на русских землях, когда татарский хан заявил себя верховным правителем Руси и его баскаки хозяйничали в русских городах и селах, а русские князья должны были к нему являться за «ярлыком» на княжение, открывалась возможность, как считали в папской курии, через голову Руси непосредственно с помощью татарского хана осуществить старую цель папства — распространение католицизма на Русь. Не исключалась и такая перспектива, как обращение и самих татар в католичество. В этом случае все бы решалось само собой: признание папского верховенства и насильственное обращение непокорной Руси по приказу папы и хана. Но и в том случае, если татары отвергли бы «соблазнительную» возможность стать слугами «наместника Христа на земле», папские дипломаты считали возможным договориться с татарами о признании за папой церковного главенства над русскими. Папские дипломаты надеялись убедить татар в том, что им самим будет выгоднее, если над Русью утвердится власть папы.

Вместе с тем сближение с татарами могло бы привести к известному ослаблению татарской опасности для стран, в которых папская церковь уже утвердилась, как например в Венгрии, Чехии, Польше, Прибалтике.

Третьей целью, несомненно также чрезвычайно соблазнительной для папства, должно было быть привлечение татар для совместной борьбы против Никейской империи и ее союзников, поскольку в середине 40-х годов положение под Константинополем становилось для латинян критическим.

И, наконец, четвертая цель, которую папские дипломаты видели перед собой, завязывая переговоры с татарами, сводилась к попытке вовлечь их в борьбу с турками-сельджуками, что позволило бы папству по-новому взяться за организацию

¹⁸³ ИЛ; ПСРА, т. II, стб. 803—805.

«крестовых походов» в «святую землю», потерявших ввиду своей бесплодности всякую популярность в Европе.¹⁸⁴

Папская курия вела двойную игру: с одной стороны, призвала к сплочению сил против татар, стремясь показать себя вдохновителем защиты Европы от грозной татарской опасности, а с другой — заигрывала с татарами, пыталась с их помощью реализовать свои собственные цели: это означало прежде всего вовлечение их в борьбу за подчинение себе Руси.

Кроме того союз или соглашение с татарами могло бы помочь папству и в другом, первостепенном по значению вопросе. В то время еще продолжалась ожесточенная борьба папства с германским императором. Император Фридрих II, которого папа отлучил от церкви, занял в 1240 г. своими войсками Церковную область и готовился вступить в Рим. В августе того же года папа Григорий IX разослал извещения о созыве на пасху следующего года вселенского церковного собора в Риме, на котором он намерен был нанести императору уничтожающий удар: Фридрих должен был быть проклят и низложен. Папа уже намечал нового, «своего», императора. Свыше сотни князей церкви, во главе с двумя кардиналами, собравшиеся из Испании, Франции и верхней Италии, отправились в Рим на генуэзских кораблях для участия в соборе, но 2 мая 1241 г. корабли были настигнуты императорским флотом, частью уничтожены, частью захвачены в плен. В разгар подготовки Фридрихом II нового удара 22 августа пришла весть о том, что Григорий IX, достигший почти 100 лет, умер.

Новый папа Иннокентий IV все 11 лет своего понтификата провел в жестокой борьбе с императором за власть. Стремясь обеспечить себе свободу действий, которой папа лишен был в Риме, где находились силы императора, Иннокентий, сменив папское облачение на одеяние знатного магната, став снова генуэзским графом Синибальдо Фиески, темной июньской ночью 1244 г. сел на коня и сопровождаемый немногочисленным эскортом из верных людей ускакал в направлении Чивита Веккиа. Здесь его ждали генуэзские корабли.¹⁸⁵ Через два дня папа был вне досягаемости, а затем обосновался в Лионе, возвратившись в Рим лишь после смерти Фридриха II. Из Лиона папа и повел свое политическое наступление против императора. Вселенский церковный собор, который не удалось собрать Григорию IX в Риме в 1241 г., четырьмя годами позднее созвал

¹⁸⁴ См.: В. Т. Пашуто. Героическая борьба..., стр. 208.

¹⁸⁵ Грегоровиус, ук. соч., т. V, стр. 166.

Иннокентий IV в Лионе для выполнения прежней задачи: лишения императора власти.

Наряду с этой первоочередной для папства задачей перед Лионским собором, открывшимся в конце июня 1245 г., известным как XIII вселенский церковный собор, была поставлена и другая задача — провозглашение унии западной и восточной церквей. В политической обстановке того времени уния была одним из маневров папства в ходе ожесточенной борьбы, которую оно вело против императора Фридриха II и других своих противников. Уния была призвана демонстрировать единство всей христианской церкви под властью папы, чего в действительности вовсе не было. Напротив, именно постоянное стремление папства подчинить себе всё новые страны и народы приводило к обострению отношений между ними.

По сути дела, все вопросы, обсуждавшиеся на Лионском соборе, сводились к одной проблеме, которая для папства в тот исторический момент была решающей: обеспечение успехов папской политики на Востоке. К этой проблеме прямо относились три главных вопроса: 1) о крестовом походе в Палестину и освобождении Иерусалима, снова захваченного турками в сентябре 1244 г.; 2) о судьбе Латинской империи и Константинополя, под стенами которого стояли греко-византийские отряды во главе с никейским императором Иоанном Ватацом; 3) о необходимости более организованного отпора татарам, подвергавшим прямой опасности ряд западноевропейских стран, в пределы которых они уже производили опустошительные вторжения.¹⁸⁶ Четвертый вопрос, который был по своему значению, в сущности, первым — и потому, что о нем папа говорил в первую очередь, и потому, что он вызвал наиболее острые столкновения между присутствующими на соборе, был вопрос о германском императоре Фридрихе II.

Собор закончился осуждением и новым церковным отлучением императора. Однако реального значения этот акт почти не имел. Папа по-прежнему не был в состоянии действительно бороться со своим противником, он по-прежнему должен был оставаться в Лионе, не решаясь вернуться в свою столицу.

На соборе присутствовал император Латинской империи Балдуин II и два латинских патриарха (константинопольский и антиохийский). Они и «представляли» греческую церковь, вступавшую в «унию» с церковью латинской. По существу, имело место просто признание этими представителями Латинской империи власти над собой папы римского. Слова о «соеди-

¹⁸⁶ Hergenroether, ук. соч., стр. 570.

нении», «возвращении в лоно матери» и т. п. должны были прикрыть тот факт, что почти вся Византия никакого участия в этом не принимала и никакой «унии» не признала. Наоборот, все происходившее на Лионском соборе, и прежде всего речи самого папы, еще более обострили и без того враждебные отношения между латинским и греческим духовенством.

Видное место занял на соборе вопрос о татарской опасности. Папа в своем выступлении говорил о том, что татарское нашествие затопило Польшу, Русь, Венгрию и другие христианские страны, где бесчисленны жертвы неистовства татар, не разбирающих ни пола, ни возраста, что такая же опасность стоит перед остальной Европой и что необходимо безотлагательно организовать им решительный отпор. В постановлениях собора предписывалось установить на всех дорогах и тропах, по которым враг мог бы проникнуть на Запад, постоянную бдительную охрану, вырыть ямы, воздвигнуть стены и башни и т. д., а в случае появления татар немедленно поставить об этом в известность папу, дабы он мог принять все необходимые меры и призвать весь христианский мир к борьбе с врагом.¹⁸⁷

В связи с обсуждением вопроса о татарах на соборе выступил и некий «представитель Руси». Сообщение об этом сохранилось только в двух английских хрониках: у Матвея Парижского и в Буртонских анналах, где оно изложено очень кратко и недостаточно ясно. Сообщается, что «среди других прелатов явился на собор в Лионе русский архиепископ по имени Петр, который, как утверждают некоторые, вернувшиеся с собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни древнееврейского языка, однако превосходно излагал с помощью переводчика Евангелие».¹⁸⁸ Об этом «архиепископе Петре» говорится, что он был изгнан татарами из своей страны и прибыл в Лион просить помощи.

Имеется ряд догадок о том, кем мог быть этот «архиепископ Петр».¹⁸⁹ Убедительным представляется предположение, уже высказанное в советской литературе, что выступавший на соборе «представитель Руси» был Петр Акерович — игумен одного из киевских монастырей (Спас на Берестове), отправившийся на собор, возможно, не по своей инициативе, а по полномочию

¹⁸⁷ Hefele, ук. соч., стр. 994.

¹⁸⁸ MGH, SS, XXVII, 474; Mansi, XXIII, 610.

¹⁸⁹ Н. Дашкевич. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством. Университетские известия, Киев, 1884, № 8, стр. 146 и сл.; Чубатий, ук. соч., стр. 37—39; В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М., 1950, стр. 58—60, 62.

от князя черниговского Михаила Всеволодовича, владевшего в ту пору Киевом и искавшего помощи против татар.¹⁹⁰

Феодалные правители в Западной Европе и сам папа отнюдь не спешили с помощью восточноевропейским странам против татар. Хотя на Лионском соборе 1245 г. Иннокентий IV и говорил, что вся Европа стоит под угрозой разделить участь Руси, Польши, Венгрии и потому должна немедленно провести общие меры обороны, тем не менее папские дипломаты на деле подходили к этим вопросам совсем по-иному. Римская курия прежде всего рассматривала вопрос о татарах с точки зрения того, не может ли их нашествие облегчить Риму расширение границ его власти.

Еще за три месяца до обсуждения татарского вопроса на Лионском соборе Иннокентий IV отправил на Восток специальную миссию во главе с францисканским монахом Джiovанни дель Плано Карпини.¹⁹¹ Ему было дано сложное и тонкое дипломатическое поручение. Официально миссия должна была передать монгольскому императору (великому хану) предложение принять христианскую (католическую) веру и установить прочные мирные отношения с Западной Европой. По существу же Карпини должен был на месте познакомиться с положением на Востоке, собрать сведения о силе и могуществе монголов, разведать об их военных и политических целях и планах. На пути в далекую Монголию легату было дано поручение посетить также и русских князей.

Помимо светских правителей, Карпини должен был по заданию курии встретиться с представителями высшего духовенства и склонять их к церковному подчинению папской власти. С этой целью он был снабжен посланием Иннокентия IV «Cum simus super» от 25 марта 1245 г., адресованным «всем патриархам, архиепископам, епископам в землях болгар, валахов, ха-

¹⁹⁰ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 62.

¹⁹¹ У В. Т. Пашуто в статье «О политике папской курии на Руси (XIII в.)» (Вопросы истории, 1949, № 5, стр. 61), а также в «Очерках...» (стр. 251) сказано, что миссия Плано Карпини отправлена была «после Лионского собора». Однако письмо папы к монгольскому хану («regi et populo Tartarorum»), которое вез Карпини в Каракорум, датировано еще 13 марта 1245 г. (письмо упоминается в папских регистрах — MGH, Epistolae saeculi XIII, v. II, стр. 76; E. Berger. Registres d'Innocent IV. Paris, 1887, стр. 208). За неделю же до этого письма (5 марта) в курии было изготовлено еще одно папское послание с тем же адресом, в котором упоминается в качестве представителя папы его исповедник Лаврентий Португальский, очевидно, намечавшийся для отправки в Монголию, но в последний момент замененный Карпини. Лаврентий же был вскоре направлен в качестве папского легата на Ближний Восток (G. Soranzo. Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Milano, 1930, стр. 113—114).

заров, славян, сербов, аланов, готов, иберов, грузин, армян, нубийцев, несториан и других христиан Востока, любящих и боящихся бога».¹⁹² Среди многочисленных народов, поименованных в этом послании, мы не находим русских, хотя они могли подразумеваться под славянами. Во всяком случае, нет сомнения в том, что именно русские интересовали курию в первую очередь. Свидетельствует об этом другая папская булла — «Cum hoga undecima», изданная четырьмя днями ранее. Она обращена к ордену францисканцев и поручает им в качестве специального задания действовать среди «русских схизматиков» с тем, чтобы обратить их в католичество.¹⁹³

Таким образом, весной 1245 г. в папской курии был выработан план, в соответствии с которым решено одновременно вести переговоры в двух диаметрально противоположных направлениях: и с русскими и с татарами. Но и в том и в другом случае цель переговоров была одна и та же — «обращение» Руси или, вернее, подчинение ее папе римскому. Плано Карпини должен был добиваться согласия на это у русских князей: у Даниила Романовича, князя галицкого, и у Ярослава Всеволодовича, владими́ро-суздальского князя. За подчинение папской власти обещана была помощь против татар.

С другой же стороны, папский посол, очевидно, был уполномочен вести переговоры и с самими татарами об условиях такой сделки, которая предоставила бы папе реальную власть над Русью. У нас нет достоверных сообщений о содержании этих переговоров, но, рассматривая обстоятельства миссии папского посла, можно создать себе представление об этом.

Плано Карпини был испытанным папским дипломатом, известным своей энергичной деятельностью в ордене францисканцев, в котором занимал различные должности в ряде стран: Испании, Германии, Польше. Он был провинциалом ордена (глава местной организации в границах отдельного государства) в Саксонии. Спутниками Плано в его миссии на Восток были два францисканца — Стефан из Чехии и Бенедикт из Польши. Последний выполнял функцию переводчика и оставил сообщение об этом посольстве.¹⁹⁴ По этому сообщению, Плано Карпини

¹⁹² Булла напечатана в: J. H. Sbaralea. Bullarium franciscanum romanorum pontificum constitutiones, epistolas ac diplomata continens..., v. I, Roma, 1759, стр. 362, № 81.

¹⁹³ Там же, стр. 360, № 80.

¹⁹⁴ Johanni de Plano Carpini. Historia Mongalorum. Recueil de voyages et de mémoires publié par la Société de géographie, t. IV, livre 2, Paris, 1839. Русск. перев.: Джiovанни дель Плано Карпини. История монголов. М., 1957.

отправился из Лиона 16 апреля 1245 г. через Чехию в Краков, где в декабре того же года встретился у князя мазовецкого и куявского Конрада с прибывшим туда к этому времени братом Даниила Галицкого — Васильком.¹⁹⁵

В связи с прибытием папских легатов в Кракове состоялся княжеский съезд с участием, по-видимому, самого короля польского, герцога сандомирского и краковского Болеслава V Стыдливого, герцога мазовецкого Конрада и герцогини краковской Гремиславы — матери короля и в то же время тещи Василько Романовича. Был здесь, как сообщает Карпини, и сын Конрада Мазовецкого Болеслав, а также некоторые польские магнаты, как краковский епископ Ян Прандота и др.¹⁹⁶ Весьма вероятно, что помимо этих лиц в «конференции» приняли участие также королева Кинга — дочь венгерского короля Белы IV, аббатисса одного из монастырей близ Кракова и сестра короля Саломея — вдова Коломана, правителя Галича в годы венгерской оккупации. Наконец, в этот список, очевидно, следует включить также жену герцога Конрада Агафию, которая была дочерью князя Святослава Игоревича, сидевшего ранее во Владимире, а затем в Перемышле. Она же была двоюродной бабкой князей галицко-волинских — Василько и Даниила Романовичей.¹⁹⁷ У присутствующих были весьма различные политические интересы, некоторые из них находились во враждебных отношениях между собой, но в данном случае все оказались объединенными в одном стремлении, совпадавшем с миссией Плано Карпини. Навязать церковную унию галицко-волинским князьям, окатоличить с их помощью южную Русь мирным путем, поскольку попытки насильственного введения католицизма уже неоднократно срывались, — отвечало интересам каждого из участников этой краковской «конференции».

По-видимому, каких-то политических результатов Карпини в Кракове достиг. Во всяком случае, между ним и Василько Романовичем установились, как он сообщает, весьма дружеские отношения. Щедро одаренный герцогом Конрадом и епископом, он продолжил свой путь на Русь и провел несколько

¹⁹⁵ Конрад был, по-видимому, одним из главных посредников между Карпини и галицким князем (см.: B. Włodarski. Rola Konrada Masowieckiego w stosunkach polsko-russkich. Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie, t. XIX, 1937, стр. 111—131).

¹⁹⁶ Об их присутствии в Кракове сообщает Карпини (ук. соч., глава последняя, § 1), а также Матвей Меховский (Трактат о двух Сарматиях. М., 1936, стр. 57 и 138).

¹⁹⁷ B. Szcześniak. The mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratislavia to Halicz. Journ. ecclesiast. hist., v. VII, № 1, April, 1956, стр. 16—17.

дней в Галиче при дворе князя Василька. Здесь, по словам Бенедикта, Плано Карпини выступил перед епископами, собранными по его просьбе. Он зачитал адресованное им послание папы («Cum simus super»), в котором тот убеждал их «вернуться к единству святой матери церкви». В этом же убеждали и сами послы, «насколько могли», и князя, и епископов, и всех других, которые присутствовали на этом собрании.¹⁹⁸ Но, продолжает источник, в это время брат Василька, князь Даниил, был занят походом против татар. Поэтому Карпини не смог получить окончательного ответа.

Из сказанного ясно, что миссия Карпини имела целью отнюдь не только переговоры с татарами.

Посол вез папские письма и в адрес великого хана, а также золотоордынскому хану Бату. Карпини через Киев отправился на нижнюю Волгу в Сарай, оттуда, минуя Аральское море, — в Монголию к устью реки Орхон в Каракорум — столицу великого хана. В Каракоруме Плано Карпини ничего не добился, хотя принят он был достаточно благожелательно, получив доступ к новоизбранному хану Гуюку благодаря христианским сановникам при ханском дворе. Но грамота, которую Плано Карпини от имени Гуюка привез папе, содержала требование, чтобы он и все его «верные» подчинились власти того, кто «силою Вечного Неба» является «Великим ханом всего великого народа».¹⁹⁹

В курии, однако, не отказывались от планов привлечь монголов для борьбы против турок. Вслед за миссией Плано Карпини к татарам на Восток была отправлена еще другая миссия, на этот раз доминиканская — под руководством Ансельма Асцелина.²⁰⁰ С ним отправились три спутника — Александр, Альберт и Симон, еще двое присоединилось в пути — Гвичардо Кремонский и Андрэ Лонжюмо. Последний имел полномочия и от французского короля Людовика IX. Миссия добралась до Ирана, где встречалась с монгольским полководцем Байду, с которым и вела переговоры.²⁰¹ Хотя из Монголии и прибыло ответное посольство в Европу, соглашения достигнуто не было.²⁰²

¹⁹⁸ Raynaldi, a. 1245, § 15; Карпини, ук. соч., стр. 66—67.

¹⁹⁹ Письмо Гуюка папе было обнаружено в 1920 г. в Ватиканском архиве и опубликовано известным французским ученым Пеллио в 1923 г. (P. Pelliot. Les Mongols et la Papauté. Orient chrétien, 3-me sér., v. III, № 1—2). См.: Карпини, ук. соч., стр. 13 и 220.

²⁰⁰ Carpini, ук. соч., стр. 464.

²⁰¹ A. Rowbotham. Missionar and Mandarin. London, 1954, стр. 306.

²⁰² Ch. Dawson. The Mongol mission (XIII—XIV c-ies). London—N. Y., 1955, стр. 246; Soranzo, ук. соч., стр. 114—115.

Не помогла и новая миссия, отправившаяся к великому хану в 1250 г. в составе Иоанна Каркассонского, того же Андрэ Лонжюмо и его брата.²⁰³ Через Тавриз и Талас (ныне город Джамбул Казахской ССР) они пробрались в монгольские степи и вели переговоры со вдовой хана Гуюка, которая, охотно приняв дары от французского короля, передала ему требование признать себя под властью великого хана.²⁰⁴

Через несколько лет, в 1253 г., Иннокентий IV совместно с Людовиком IX отправили в Монголию еще одну миссию под руководством францисканца Гильома де Рубрука, который оставил подробное описание своего путешествия из Константинополя, через земли кипчаков на Алтай и далее на Каракорум, где он был принят ханом Мункэ. В ханской столице Рубрук повстречался с рядом европейцев — мужчин и женщин, в том числе и с русским зодчим, женатым на уроженке Лотарингии. Рубрук упоминает о христианской церкви в Каракоруме, где он провел торжественное богослужение, а затем выступил в религиозном диспуте с местными христианами-несторианами.²⁰⁵

Реальный же результат миссии Рубрука был столь же ничтожным, как и миссий его предшественников. Королю Франции Людовику IX Рубрук привез послание от великого хана, которое начиналось такими словами: «Существует заповедь вечного бога: на небе есть один только вечный бог, над землею есть только единый владыка — Чингис-хан, сын божий».²⁰⁶ Было ясно, что планы Запада на то, что удастся перехитрить монголов, в частности планы папской курии об использовании монголов в целях своей традиционной политики — экспансии против Руси, оказались построенными на песке.

Трудное положение, в котором находилась юго-западная Русь, зажата в клещах вражеских сил — татарской орды, с одной стороны, венгерско-польских католических агрессоров — с другой, заставило Даниила Галицкого сделать попытку воспользоваться предложением папской курии, переданным через Плано Карпини. В конце февраля 1246 г., «далеко за Киевом», он встретился с Даниилом, возвращавшимся из ханской ставки. Это место, судя по словам Карпини, лежало где-то у Дона во владениях татарского вождя Картана, зятя Бату.²⁰⁷ Там и состоялись переговоры с галицким князем.

²⁰³ Е. Реггоу. *Moyen Age...* Paris, 1954, стр. 342.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. В кн.: Карпини, ук. соч., стр. 171—173.

²⁰⁶ Там же, стр. 180; Реггоу, ук. соч., стр. 367.

²⁰⁷ Карпини, ук. соч., стр. 81—82.

Никаких подробностей об этих переговорах в источниках не сохранилось. Однако результаты их, сказавшиеся в непродолжительном времени, позволяют догадаться об их содержании. Разумеется, папский легат выполнил свое поручение и передал князю предложение заключить унию с римской церковью. Очевидно, Даниил, после переговоров с Бату, придавал серьезное значение возможности упрочить мир на своих западных границах, особенно, поскольку можно было надеяться на военную помощь в случае татарских набегов. Окончательного ответа он все же Карпини не дал, но по прибытии в Галич отправил посольство к папе, очевидно, с изложением своих условий, на которых готов был согласиться на унию. Среди этих условий, следует думать, важнейшими были требования территориальные (возвращение земель, захваченных венгерским королем и польскими князьями) и культовые (право сохранить обряды греческой церкви). Ответ папы был положительным, и в августе—сентябре 1247 г. курия оформила в виде целой серии посланий присоединение галицкого князя к римской церкви.

Буллой «Cum a nobis» на имя Даниила и Василька от 27 августа 1247 г. папа, идя навстречу «справедливым просьбам о возвращении владений, земель и другого имущества, перешедшего к ним по наследству или принадлежащего им по иному праву, которое другие государи несправедливо удерживают», предоставил галицким князьям свободу действий в возвращении отнятого у них, если понадобится и с помощью «светского могущества», т. е. вооруженной силой или иным способом, под угрозой строгих кар нарушителям этого предписания.²⁰⁸

Если учесть, что в это время Даниил вел войну с венгерским королем Белой IV, станет ясным, что письмо Иннокентия было своеобразным изъяснением со стороны папы своей благожелательно-нейтральной позиции, которая могла бы даже стать союзнической. В другом послании («Exigentibus vestrae devotionis»), датированном тем же числом, папа подтверждает суверенность прав трех галицких князей (Даниила, его сына и его брата Василька), строго воспрещая кому-либо из крестоносцев или других духовных лиц приобретать земли на территории этих трех князей без их на то согласия.²⁰⁹

Наконец в булле «Cum te de cetero specialem», также от 27 августа того же года, адресованной Даниилу Галицкому, папа дал согласие на совершение службы на заквашенном хлебе, т. е. по обряду греческой церкви.²¹⁰ Не возражает папа и про-

²⁰⁸ HRM, I, № 67; PRU, I, № 20; RPRP, № 12668.

²⁰⁹ HRM, I, № 69; PRU, I, № 21; RPRP, № 12670.

²¹⁰ HRM, I, № 68; PRU, I, № 22; RPRP, № 12669.

тив других установившихся на Руси религиозных обрядов, «если они не противоречат католической вере».

Что касается последней оговорки, то легко понять, что она имела только формальное значение, если вспомнить, с каким ожесточением католические аббаты вели устную и письменную полемику с греко-православным духовенством хотя бы по тому же вопросу о квашеном хлебе, изображая такой обряд как глубочайшее извращение христианской веры и придавая этому вопросу догматическое значение. Теперь же, во имя намеченных им политических целей, папа легко и даже «охотно», как сказано в упомянутом письме, отказался от этого, доселе столь непреложного требования.

На следующий день после опубликования этих трех булл курия издала еще два папских послания в адрес «легата апостольского престола архиепископа Пруссии, Ливонии и Эстонии», — «*Devotionis tuae*» и «*Cum tibi*», в силу которых ему предоставлялось право посвящать в священники и епископы «*in Russiae partibus*» (в областях Руси) незаконнорожденных, что каноническими законами не разрешалось.²¹¹

Папским легатом и архиепископом был незадолго до того назначенный Альберт Суербеер. Ему адресована также булла «*Sicut omnes*» от 7 сентября 1247 г., в которой папа поручает ему «привести короля, духовенство и вельмож русских в соединение с католической церковью». В этом послании папа ссылается на то, что Даниил (названный по имени) письменно и через специальных послов обратился к нему с просьбой «привести его самого и его государство в церковное единство с римской церковью, которая является главой и наставницей всех других». Папа предлагает архиепископу самолично отправиться на Русь, чтобы привести к церковному единению короля, архиепископов, епископов и других знатных его королевства, после того как они полностью отречутся от схизмы.²¹²

²¹¹ HRM, I, №№ 70 и 71; PRU, I, №№ 23 и 24; RPRP, №№ 12671 и 12672.

²¹² «*carissimus in Christo filius noster Daniel Rex Russiae illustris... per litteras speciales et nuntios, quos propter hoc transmisit nuper ad nostram presentiam cum humilitate ac instantia postulavit a nobis, ut ipsum et totam gentem ac Regnum ejus... ad unitatem ecclesiasticam et devotionem Ecclesiae Romanae, quae aliarum omnium caput est et magistra, recipere... curaremus. Quocirca monemus quatenus personaliter ad partes illas accedens... tam ipse (Rex), quam Archiepiscopi, et Episcopi, et alii Magnates Regni sui, scismate quolibet penitus abjurato, promiserint et juraverint se de cetero in unitate fidei... eos... reconcilies et tanquam speciales et devotos filios incorpores predictae Romanae Ecclesiae, quae mater est omnium unitati (HRM, I, № 72; PRU, I, № 26; LUB, I, № 195; RPRP, № 12686).*

В другом папском послании от того же числа, также на имя Суербеера, именуемого «архиепископом Руси»,²¹³ Ливонии и Эстонии», ему предоставляется право носить паллиум на Руси («utendi palleo in partibus Russiae»).²¹⁴ О таких же правах, предоставленных папой легату архиепископу Суербееру на территории Руси («... так как мы предоставили тебе полное право назначать епископов как в Пруссии, так и на Руси») идет речь и в послании от 27 августа 1247 г.²¹⁵ Тем самым папа подтверждал свою претензию на церковную власть над русскими землями.

Все эти папские буллы конца августа—начала сентября должны были способствовать скорейшему утверждению католичества на Галицко-Волынской Руси.

Папа шел на уступки в религиозно-культовых вопросах, он понимал, что самое главное для него в данном случае — политическое подчинение русского князя. Оно, казалось, было достигнуто. В булле от 12 сентября 1247 г. («Etsi proropamus»), адресованной Даниилу и Василько, папа пишет о принятии им обоих князей и их семейств, а также всякого их владения и имущества, как движимого, так и недвижимого, «под покровительство св. Петра и наше» (т. е. папы).²¹⁶

Особый интерес представляет папское послание майнцскому архиепископу, датированное следующим днем.²¹⁷ Иннокентий предлагает архиепископу отметить заслуги некоего клирика Гецелона из Вильсторфа, который отличился в курии по делам, связанным с Даниилом Галицким. Еще важнее, что в этом письме упоминается о посольстве, которое направил к папе для переговоров галицкий князь. В составе этого посольства были, как сказано в папском послании, аббат монастыря св. Даниила Григорий и два доминиканца, обозначенные инициалами «Г. и А».²¹⁸ Об этих доминиканцах папа упоминает в другом, более раннем послании. Один из них — «брат Алексей», другой же — его товарищ, «который был с ним в Чехии», как сказано в этом папском послании.²¹⁹ Имя его уточнить пока не удастся. В последнее время выдвинуто предположение, что это был

²¹³ В рукописи сборника Марини вместо «Russiae» стоит «Pruscie».

²¹⁴ HRM, I, № 73; PRU, I, № 27; RPRP, № 12687.

²¹⁵ «Cum tibi, tam in Prussia, quam in Russia ordinandi episcopos plenam concesserimus facultatem» (HRM, I, № 71; PRU, I, № 24; RPRP, № 12672).

²¹⁶ HRM, I, № 74; PRU, I, № 25; RPRP, № 12688.

²¹⁷ HRM, I, № 75; RPRP, № 12689.

²¹⁸ Монастырь св. Даниила, очевидно, был основан Даниилом Романовичем.

²¹⁹ См. ниже, стр. 164.

Гиацинт (Яцек) Одровонж,²²⁰ однако данных, подкрепляющих эту версию, не приведено.

О том, что на Руси не придавали серьезного значения унии, говорит тот факт, что при Данииле Галицком безотлучно пребывал с 1242 г. назначенный им в митрополиты православный епископ Кирилл, которого князь и представил как своего кандидата на утверждение константинопольского патриарха, лишь только стала ясной вся бесплодность переговоров с римской курией (1248—1249 гг.).²²¹

Насколько двуличную политику в отношении Руси проводила в ходе этих переговоров папская курия, свидетельствует, в частности, письмо Иннокентия IV, посланное им в 1246 г. венгерскому королю Беле IV, в котором папа упрекает последнего, в связи с предполагавшимся браком между его дочерью Констанцией и сыном Даниила Галицкого Львом Данииловичем, за то, что «браком с восточными государями он оскверняет чистоту христианской веры».²²²

Следует отметить и чрезвычайно сложную военно-политическую обстановку в Западной Европе в эти годы. Борьба между папством и Фридрихом II, в частности борьба за Константинополь, достигла большого напряжения, и папство в этих условиях не располагало такими ресурсами, которые позволили бы ему помочь Руси против татар, даже если бы оно хотело это сделать.

Однако папская курия воздерживалась от активной помощи странам Восточной Европы против татар, предоставляя последним все большую свободу действий. Этой ценой папские дипломаты оплачивали помощь монголов против «сарацин» на Ближнем Востоке.²²³ Именно поэтому при достаточно частых обращениях папы с посланиями к Даниилу в Лионе не принималось, однако, никаких мер к организации той «помощи против татар», которая должна была явиться главным вкладом папства в «союзные» отношения с галицким князем. Дело не шло

²²⁰ Zatkó, ук. соч., стр. 44.

²²¹ См.: Голубинский, ук. соч., т. II, 1-й полутом, стр. 53—54.

²²² См.: Средние века, т. V, М., 1954, стр. 405.

²²³ Большой интерес представляет по этому вопросу работа венгерского историка Эммы Ледерер, которая в статье «Международные отношения в период татарского нашествия» (журнал «Szazadok», 1952, № 2, стр. 327—363, — цит. по рецензии в сборнике «Средние века», т. V, стр. 405—409) вскрыла «предательскую роль, которую сыграла католическая церковь», и опровергла тем самым ложную версию буржуазной историографии о якобы антимоногольской политике папской курии, которую пытаются отстаивать Соранцо, Затко, Щесняк и другие (см. цитированные выше работы этих авторов).

дальше дипломатических любезностей, обмена послами и т. п. Князь Даниил, видимо, скоро понял истинный характер папской политики и, не порывая с папой официально, дал недвусмысленно понять, что ему нужны от курии не пышные титулы, не восхваления и громкие обещания, а действенная помощь против татар.

В Лионе стремились удержать Даниила под своим влиянием. В начале 1248 г. ему направляется очередное послание с просьбой немедленно уведомлять рыцарей Тевтонского ордена о набегах татар, так как «опасностей легче избежать, если против них заблаговременно воздвигнуть щит».²²⁴ Но никаких попыток мобилизовать европейское рыцарство против татар сделано не было, никаких распоряжений по этому поводу не было дано и Тевтонскому ордену. Неудивительно, что Даниил, убедившись в совершенной бесплодности отношений с папой, в конце концов порвал их. Папа пытался соблазнить его королевским венцом, но Даниил отверг эти предложения и прекратил сношения с курией. Открыто князь выразил свое отношение ко всем этим проискам папства в 1249 г., когда, по словам польского историка Длугоша, он прогнал явившегося к нему от папы епископа арманацкого Войцеха (Адальберта), предназначенного курией в русские архиепископы.²²⁵

Когда попытки обратить князя Даниила в католичество не принесли результатов и на предложение дать ему королевский титул он ответил, что нуждается не в титуле, а в реальной (военной) помощи против татар,²²⁶ в папской курии стали искать новых путей для утверждения римской церкви на Руси.

Глава IV. ПАПСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

После того как планы феодально-католической экспансии против Руси потерпели крушение — на северо-западе в результате Ледового побоища, на юго-западе после битвы под Ярославом, — на западных границах Руси наступило некоторое затишье. Полного спокойствия не было, однако военное наступление западноевропейских феодалов приостановилось.

Это отнюдь не означало, что на Западе забыли о Руси или перестали бы интересоваться возможностью обосноваться на ее землях. Дело было в другом. Убедившись в том, что русские

²²⁴ HRM, I, № 77; PRU, I, № 30; RPRP, № 12814.

²²⁵ Długosz, ук. соч., т. I, стр. 705 и 713.

²²⁶ Raynaldi, ук. соч., а. 1249, § 15.

готовы дать решительный отпор любой попытке агрессии со стороны Запада (несмотря на значительное истощение внутренних сил в стране в результате многолетней ожесточенной борьбы с татарами), западноевропейские политики прибегли к средствам дипломатического характера, перенесли главное внимание на настойчиво повторяемые попытки склонить русских князей к сближению с Западом, особенно к признанию католицизма, к заключению унии с римской церковью, что открыло бы агрессорам двери внутрь страны. В этом можно видеть главную задачу папской курии в ее отношениях с русскими князьями в первые два десятилетия после установления на Руси татаро-монгольского ига.

Одновременно с переговорами, которые с 1245 г. папство вело с галицкими князьями, аналогичные связи оно установило и с другим русским князем. Об этом свидетельствует серия из 7 папских посланий, которые все датированы 3 мая 1246 г. Все эти послания говорят о церковной унии одного из русских князей и о принятии его под покровительство римской церкви. В письме «Cum te, ac Regnum» папа пишет князю: «Мы охотно идем навстречу твоим желаниям и с готовностью внемлем... просьбам твоим».²²⁷ И дальше: «Благосклонные к твоим ходатайствам, мы принимаем тебя лично и упомянутое царство под защиту св. Петра и нашу и утверждаем настоящей грамотой покровительство».²²⁸

Кто же был этот русский князь, вступивший в начале 1246 г. в переписку с папой и принявший его «покровительство»? В самих посланиях (за исключением одного) имя русского князя не упоминается, в адресате фигурирует почетная формула: «Светлейшему королю русскому» (*Regi Russiae illustri*). В одном лишь случае упомянуто имя «короля» — «Ioanni» (Ивану). Однако ни А. И. Тургенев, впервые опубликовавший эти письма, ни последующие исследователи не приняли этого имени во внимание, сочли его ошибкой и приписали все эти письма другому адресату. До недавнего времени за него единодушно принимали Даниила Галицкого и связывали всю майскую серию папских посланий 1246 г. с августовско-сентябрьской 1247 г., упуская из виду, что при этом неизбежно должен возникнуть вопрос о том, почему письма 1247 г. явно повторяют по содержанию письма предыдущего года и притом ни разу на них не

²²⁷ «...votis tuis libenter annuimus, et petitiones tuas... favorabiliter exaudimus» (HRM, I, № 62; PRU, I, № 16; RPRP, № 12094).

²²⁸ «Tuis itaque supplicationibus inclinati, personam tuam et Regnum predictum sub beati Petri et nostra protectione suscipimus, et presentis scripti patrocinio communimus».

ссылаются, как это обычно бывало в практике папской курии в подобных случаях.

Лишь в самое последнее время вопрос об адресате этих папских посланий получил другое решение, по-видимому, более убедительное, хотя и нельзя согласиться со всеми теми выводами, которые сделаны на основании этой новой версии. Новое решение вопроса, в сущности, наиболее простое — оно сводится к тому, чтобы принять за адресата всей серии папских посланий 1246 г. того русского князя по имени Иван, который и назван в одном из них. Таким князем Иваном был один из братьев Ярослава Всеволодовича, занявшего после гибели великого князя Юрия Всеволодовича в битве с татарами на реке Сити (в марте 1238 г.) великокняжеский стол. Иван Всеволодович был князем Стародубским (на Клязьме, близ Суздаля).

Как известно, Ярослав зимой 1245/46 г. был вызван в ханскую ставку под предлогом утверждения его на великое княжение. Отправившись сначала к хану Бату на Волгу, Ярослав вынужден был, по требованию татар, продолжить свое путешествие и явиться к великому хану в Каракорум. Здесь его застал и Плано Карпини, который об этой встрече упоминает в своей «Истории». Никаких подробностей о своих переговорах с князем Карпини не сообщает, но можно быть уверенным в том, что, находясь в Каракоруме вместе с великим князем всей Руси, папский легат не упустил возможности выполнить поручение, ради которого он отправился на Восток. Вряд ли можно считать пустым вымыслом утверждение Иннокентия IV, имеющееся в его послании от 23 января 1248 г. на имя Александра Невского о том, что Ярослав принял католичество. Папа указывает и на источник своих сведений в лице Плано Карпини. С его слов он сообщает далее, что Ярослав «смирненно и почтительно признал послушание римской церкви, матери своей», и принес обет папскому легату.²²⁹

Любопытно свидетельство Бзовия, который сообщает (без указания своего источника), будто Ярослав «принял от Карпини монашеское платье и устав св. Франциска и, отрекшись от мира, сделал большие успехи в монашеском житие и в святости».²³⁰ Если и не доверять этому сообщению, поскольку его автор не пользуется репутацией точного и надежного свидетеля, готовность Ярослава пойти на какое-то соглашение с предста-

²²⁹ «...sui obedientiae Romanae ecclesiae matris suae in ejusdem fratris manibus devote, ac humiliter se devovit» (HRM, I, № 78).

²³⁰ «...habitu religionis et poenitentiae S. Francisci suscepisset et abdicato saeculo magnos profectus in disciplina regulari et sanctitate fecisset» (A. Bzovius. Annales Ecclesiastici, t. XIII, стр. 567).

вителем папы и, очевидно, согласие на принятие им католичества вряд ли можно оспаривать. Нельзя думать, что слова папы в его послании к Александру Невскому об его отце были пустым вымыслом. Ведь с Монголией поддерживались постоянные связи, и князь легко мог проверить эти утверждения папы.²³¹

Можно полагать, что расчеты на помощь Запада против татар, которую папа обещал организовать под условием признания католичества на Руси, были у Ярослава еще до отъезда в Монголию. По-видимому, была намечена и отправка посольства в Лион, которое, однако, сам Ярослав снарядить не успел. Поэтому он перед отъездом мог передать выполнение этого плана своему младшему брату Ивану, сидевшему в Стародубе, уполномочив его на ведение дальнейших переговоров с папой. Этим и объясняется, что папа адресовал свои послания малоизвестному мелкому князю в Суздальской земле, величая его «королем Руси», поскольку тот выступал (в переговорах с папой) от имени великого князя.²³²

Теперь может получить разрешение и остававшийся неясным вопрос о папских посланиях 3 мая 1246 г.

Предположение, что непоименованным адресатом этих посланий был Даниил Галицкий, которое до сих пор принимали почти все, касавшиеся этого вопроса, наталкивалось на серьезные возражения. Ведь известно, что Плано Карпини встретился с Даниилом лишь далеко в степи около Дона, притом не ранее начала марта. Очевидно, что Даниил мог прибыть в Галич самое раннее в конце марта. И если предположить, что князь тут же отправил посольство к папе (такая поспешность совершенно невероятна), то, считая, что путь до Лиона должен был занять по крайней мере шесть недель (в действительности такое путешествие требовало в условиях весеннего бездорожья значительно большего времени), послы Даниила могли прибыть в Лион лишь к 5—10 мая. Во всяком случае, обратное послание папы к Даниилу никак не могло быть датировано 3 мая 1246 г. Учитывая эти неувязки в сроках, некоторые авторы вынуждены были допустить версию, будто Даниил обратился к папе по собственной инициативе, независимо от Плано Карпини и до его приезда. Однако это совсем уж невероятно, поскольку Даниил осенью 1245 г. находился еще в состоянии войны со своими западными соседями, опиравшимися на поддержку папы.

²³¹ Об этом писал уже В. Т. Пашуто (Очерки..., стр. 269).

²³² Эту версию выдвинул в 1957 г. Затко (ук. соч., стр. 33—52).

Если же принять новую версию, предположив, что Иван Стародубский завязал переговоры с папой, все сроки легко увязать. Посольство могло быть отправлено еще в декабре 1245 г. или в самом начале 1246 г., прибыло оно в Лион в марте или даже в начале апреля. Таким образом, датировка ответных папских посланий 3 мая 1246 г. получает убедительное обоснование.

Что касается содержания этих обращений, они обычные: в одном из них («Cum te as»), адресованном «пресветлому королю Руси», папа заявляет о своем согласии, в ответ на просьбу князя, признавшего папский авторитет, принять его под свое покровительство.²³³ В другом («Cum is qui»), адресованном «Иоанну, королю», папа сообщает об отправке к нему легата, которого предлагает принять в качестве советчика и помощника как по делам церковным, в проведении унии с римской церковью, так и в организации борьбы против татарских набегов.²³⁴ Третье послание по содержанию идентично предыдущему, адресовано же оно самому легату, «архиепископу Пруссии и Эстонии», по имени, однако, не названному. В этом послании папа предлагает архиепископу выполнять функции полномочного представителя римской церкви на Руси и поручает ему «уничтожать и разрушать, рассеивать и разорять, воздвигать и насаждать все, что по наитию божьему сочтет нужным упорядочить».²³⁵

Аналогично двум предыдущим и четвертое папское послание, также начинающееся словами «Cum is qui», адресованное «всем верующим в Христа на Руси», к которым папа обращается с призывом содействовать церковной унии с римской церковью. Специальной буллой папа уполномочивает своего легата, того же архиепископа Пруссии, Ливонии и Эстонии²³⁶ по имени Генрих,²³⁷ поставлять «латинских епископов из доминиканцев,

²³³ HRM, I, № 62; PRU, I, 16; RPRP, № 12094.

²³⁴ HRM, I, № 65; PRU, I, № 13; RPRP, № 12097.

²³⁵ «...ut evellas et destruas, dissipes et disperdas, edifices et plantes, prout secundum Deum videris expedire» (HRM, I, № 66; PRU, I, № 14; LUB, I, № 191; RPRP, № 12098).

²³⁶ HRM, I, № 61; PRU, I, № 15; RPRP, № 12093; LUB, I, № 190. — В одном из списков этой буллы адресат назван архиепископом Руси и Эстонии.

²³⁷ Адресат неясен. Архиепископом в Прибалтике был, незадолго до этого назначенный, Альберт Суербеер. Генрих же мог быть в это время лишь один: епископ Курляндский Генрих Люцельберг, получивший назначение в сентябре 1245 г. Его и принимает Затко (ук. соч., стр. 43). Во всяком случае, адрес в этом послании ошибочный, так как этот Генрих не был ни легатом, ни архиепископом.

францисканцев или из других монашеских орденов, а также из священников» и посвящать их именем апостолической власти.

Последние два папских послания того же дня имеют почти одинаковое содержание. Одно из них адресовано монахам-доминиканцам — «брату Алексию и его товарищу, который был с ним в Чехии», и предписывает им отправиться к «дражайшему во Христе сыну нашему... пресветлому королю Руси», чтобы безотлучно пребывать при нем. При этом указывается, что папа предоставляет этим монахам такую же полноту прав, какой пользовались те, которые «были направлены к татарам» (имеются в виду Платон Карпини и его спутник Бенедикт Польский).²³⁸

Другое же послание («*Cupientes tuis*»), адресованное самому «пресветлому королю Руси», ставит его в известность об отправке к нему этих двух монахов. Первые же слова этого послания: «Стремясь удовлетворить твоим желаниям и насколько мы можем во всем исполнить с богом волю твою», подчеркивают, что папа этим мероприятием отвечает на просьбу самого «короля».²³⁹

Таким образом, серия майских посланий папы свидетельствует достаточно убедительно о том, что суздальские князья решили вступить в соглашение с папством, рассчитывая, что этим путем можно заручиться поддержкой для военного отражения новых татарских набегов.

Что же касается церковной унии, то о ней, по-видимому, на Руси серьезно не думали, во всяком случае, никаких шагов, направленных на изменение существовавших церковных порядков, предпринято не было. Папские же уполномоченные, наоборот, стремились к одной лишь унии, отделяясь в вопросе о татарах общими фразами и неопределенными обещаниями в будущем. Такое различие в основной позиции делало всякое соглашение бесплодным и лишало намеченные с обеих сторон планы какой бы то ни было реальности.²⁴⁰

²³⁸ HRM, I, № 64; PRU, I, № 18; RPRP, № 12096.

²³⁹ «*Cupientes tuis votis annuere, ac volentes in omnibus quantum cum Deo possumus, tuae satisfacere voluntati*» (HRM, I, № 63; PRU, I, № 17; RPRP, № 12095).

²⁴⁰ В свете этих фактов сама собой опровергается идея о «суздальской унии 1222—1252 гг.», выдвинутая в работе Затко. То же касается и утверждений об «унии» папства с Галицкой Русью во времена Даниила Романовича. С другой стороны, как уже сказано было, не выдерживает критики и идея об «антимонгольском блоке» Иннокентия IV. Во всех событиях этих лет нельзя найти ни одного реального шага, который свидетельствовал бы о серьезном стремлении папской курии организовать, а тем более привести в действие такой «блок», о котором некоторые современные авторы, как

В этой связи следует понимать появление такого документа, как уже упомянутое выше папское послание от 23 января 1248 г. («*Pater futuri saeculi*»), адресованное Александру Невскому.²⁴¹ Письмо начинается с заявления, что папский посол Иоанн де Плано Карпини, встретив при дворе татарского хана отца Александра Ярослава Всеволодовича, великого князя владимирского, сообщил, что, якобы Ярослав «подобно овце, долго по пустыне блуждавшей и в конце концов нашедшей свою овчарню», признал ныне римскую церковь. Охваченный желанием, продолжает папа, чтобы «и сын стал участником блаженства своего отца и воспринял и это наследство своего родителя», он, папа, «убеждает, просит и настаивает на том, чтобы князь Александр последовал отцовскому примеру и признал бы римскую церковь матерью и выразил бы повиновение римскому первосвященнику и апостольскому престолу». Далее излагаются те «выгоды», которые князь Александр, по уверениям папы, из этого извлечет. Прежде всего папа сулит ему «блаженство в вечной жизни, как нетленный плод этого» (т. е. повиновения папе). Папа обещает князю «среди других католических государей оказать ему особое почтение и всегда проявлять особое старание об умножении его славы». После напыщенных фраз, в которых выражены эти «соблазнительные» обещания, в заключительной части пространного папского послания значатся и более конкретные пункты: помощь против татар, которую должны князю оказать... тевтонские рыцари, величаемые папой «надежным щитом». Для этого Александру, лишь незадолго до этого давшему предметный урок зарвавшимся рыцарям, предлагалось в случае появления татар сразу же известить орден об опасности вражеского нападения, «чтобы с божьей помощью ее отразить».

Хотя Александр Ярославич уже убедился, сколь «надежным щитом» могут быть тевтонские рыцари и, видимо, отдавая себе ясный отчет в том, что обещанная папой «божья помощь» в случае татарского нападения это еще не все, что необходимо для его отражения, все же счел целесообразным в какой-то форме поддержать новую инициативу папской курии. Ответ Александра нам не известен. О нем можно лишь догадываться на основании второго папского послания к Александру Невскому от 15 сентября 1248 г.

Этот документ свидетельствует о новой попытке выдавать желаемое за действительное. Он написан так, как если бы Щесняк и Затко пишут в «*Journal of ecclesiastical history*» (см. цитированные статьи).

²⁴¹ HRM, I, № 78. — Имеется сообщение о том же в ЛНП (стр. 305—306).

Александр уже принял католическую веру и выразил согласие повиноваться папе: «Открыл господь духовные очи твои» — такими словами начинается послание.²⁴² От легата своего, пишет папа, он узнал, что князь «стремится приблизиться к дверям рая». Однако ключи от них «переданы богом Петру и его наместникам (*successoribus eius*) — папам римским», с тем, чтобы пройти через них могли бы лишь те, «кто признает римскую церковь матерью веры нашей» (*nisi Romanam ecclesiam matrem nostr(a)e fidei recognoscat*). А потому, продолжает папа, он предлагает князю «в знак своего истинного повиновения воздвигнуть католический кафедральный собор во Пскове» (*in ipsius ob(o)edienti(a)e signum affectans in Pleskove civitate tua latinorum ecclesiam erigere cathedralem*). В заключение папа обращается с просьбой принять архиепископа, желающего лично посетить князя, и привлечь его в качестве советника при сооружении собора.

Первые слова папского послания используются прокатолическими авторами как доказательство того, что Александр Невский принял церковную унию и согласился на проведение ее на Руси.²⁴³ Между тем ход событий говорит о другом. Возможно, что на первое послание папы Александр и не ответил прямым отказом, не желая отталкивать от себя возможного, хотя и маловероятного союзника в борьбе против татар. Благожелательный тон его ответа мог возбудить у папских дипломатов давние надежды и, торопя события, они составили второе послание Александру в таком духе, как если бы «обращение» его уже состоялось. Однако летом 1248 г. Александр совместно с братом своим Андреем побывал в Каракоруме. Когда в конце года он возвратился на Русь, его и ждало второе папское послание. Ожидал князя и папский легат в лице Альберта Суербеера, явившегося по папскому предписанию, чтобы оформить «унию» и «обращение» Александра в католическую веру. Однако из этой затеи снова ничего не получилось. Очевидно, князь решительно отверг папские притязания. Это вынуждены признать и современные прокатолические авторы. Так, в противоречии с собственными утверждениями о якобы существовавшей «суздальской унии», Затко пишет, что Александр отверг папские претензии. При этом автор довольно правдоподобно анализирует аспекты позиции Александра.²⁴⁴

²⁴² «*Aperuit Dominus oculos tuae mentis*» (VMPL, I, № 96; LUB, III, Regesta, стр. 16, № 233a; RPRP, № 13023).

²⁴³ The catholic encyclopaedia, t. XIII, N. Y., 1911, стр. 255; Затко, ук. соч., стр. 50 и др.

²⁴⁴ Затко, ук. соч., стр. 51.

Несомненно, что хотя Александр Невский и мог поддерживать дипломатическую переписку с курией, он относился к папству с подозрительностью и недоверчивостью. С другой стороны, он воочию убедился в Каракоруме в большой военной силе татар и должен был неизбежно прийти к неутешительным выводам при сравнении ее с военной силой Запада. Наконец, он убедился и в том, что ему лично грозит смертельная опасность, если он вступит в заговор против татар, о чем свидетельствовала гибель его отца, подробности которой не могли остаться ему неизвестными во время его пребывания в Каракоруме. Это не означает, конечно, что Александр спасал только свою жизнь. Достаточно хорошо известно, как на протяжении всей своей деятельности прославленный русский князь многократно рисковал жизнью и в ратных делах, и в той же монгольской ставке. В силу всех этих причин Александр должен был прийти к выводу, что в данных условиях западная и вместе с тем антимонгольская ориентация могла бы привести всю Русь к неисчислимым бедствиям и настоящей катастрофе, и потому отклонил всякие предложения римской курии и присланного ею легата.

Однако через несколько лет курия возобновила свои попытки «обращения» Руси. Сохранилось сообщение в «Житии Александра Невского», что 8 февраля 1252 г. к князю явились два кардинала в качестве папских послов, названные «Галд и Гемонт». В списках католической иерархии таких имен ни кардинальских, ни епископских нет. Тем не менее рассказ об этом посольстве, по-видимому, заслуживает доверия. Летопись сообщает, что папские послы заявили Александру, что он прослыл в их землях как князь «честна и дивна», а земля его «велика есть». Они предложили князю ознакомиться с учением католической церкви. На это Александр якобы ответил кратким хронологическим обзором всего хода мировой истории — «от Адама и до... седьмого собора», и заявил, что «вся сие добре сведаем, а от вас учение не принимаем».²⁴⁵ Так излагает древний автор «Жития» отказ Александра Невского вступить в переговоры с папой.

О безуспешной миссии папских послов к Александру Невскому свидетельствует также сохранившееся от XIII в. «Исповедание веры святого Александра Невского». Значительная часть этого произведения посвящена вопросу о различиях между православием и католичеством. В основном, автор находит эти различия в культе. Подробно останавливаясь на литургике, он усма-

²⁴⁵ Софийская первая летопись под годом 6759 (1251). ПСРЛ, т. V, изд. 2-е, Л., 1925, стр. 238.

тривает в ней многие извращения католицизма и на этом строит свои обвинения в нечестивости «преокаянных латынян». Касаясь их попыток склонить Александра к католичеству, автор рассказывает, как князь отверг их домогательства, «они же, папезнии посланцы, посрамившися отъидоша в путь свой, ничтоже успевше».

Несмотря на явную неудачу, к которой привели папство «обращение» Даниила Галицкого и послания к Александру Невскому, папские дипломаты не хотели расстаться со своей мечтой о приобщении Руси к католичеству.

Сохранилось сообщение польского летописца об обращении в 1250 г. папской курии к краковскому архиепископу с предложением принять меры к распространению католичества на территории Руси, «если его епархия с нею граничит».²⁴⁶ Внимание папской дипломатии снова обратилось к юго-западной Руси, где утвердилась власть Даниила Галицкого. В 1252 г. сын Даниила Роман женился на наследнице австрийского герцогства Гертруде, вдове маркграфа Баденского. К этому времени изменились и отношения между Даниилом и венгерским королем Белой IV. Между ними произошло политическое сближение, и совместно с малопольским королем Болеславом Стыдливым и силезским князем Владиславом они создали большой военно-политический союз против воинственного чешского короля Пшемисла II. Последнего активно поддерживала папская курия.

Таким образом, давно лелеемые в Лионе планы привлечь Даниила на свою сторону приобрели в глазах папских дипломатов конкретный политический смысл: было очень важно отвлечь Даниила от античешской коалиции и тем укрепить положение чешского короля. С другой стороны, в это время снова ухудшились отношения Даниила с татарами, которые снова устремились на запад. В южной Руси действовал татарский воевода Куремса, приближавшийся к владениям галицкого князя. В курии учли складывавшиеся благоприятно для нее обстоятельства и через венгерского короля возобновили давление на Даниила Романовича, стремясь склонить его к союзу с папой.

В то же время Иннокентий IV совместно со своим союзником французским королем Людовиком IX, лишь недавно вернувшимся из плена, в который он попал во время крестового похода против египетского султана, отправил, как выше уже было отмечено, в Золотую Орду и к великому хану Мункэ новое посольство во главе с Рубруком. Главной задачей этого посольства было склонить монголов к войне против турок, а заодно

²⁴⁶ Dlugosz, ук. соч., т. I, стр. 715.

и против Никейской империи. Но Даниил прекрасно понимал, насколько опасными для Руси были бы совместные действия монголов и папы на Ближнем Востоке и в районе Черного моря. В Сарай, к золотоордынскому хану было отправлено специальное посольство, которое должно было противодействовать сговору между монголами и папой.

Между тем борьба с Пшемислом II разгоралась. Даниил Галицкий возглавил поход против него и вторгся в 1253 г. в глубь его владений — в Моравию, с севера, и осадил Опаву. Одновременно с южной стороны должны были помочь венгерские войска Белы IV, а на верхнюю Австрию в это же время сделал нападение герцог баварский. Положение Пшемисла сильно ухудшилось.

Под давлением Иннокентия IV между Пшемислом и Белой IV был заключен мир, и русские войска, как и войска остальных союзников, оставили пределы владений Пшемисла. Это несколько ослабило политические позиции Даниила Галицкого. В то же время с Востока усиливалась волна татарской активности. В курии решили возобновить свои настояния перед князем галицким. Уже на обратном пути его из похода в Моравию, когда он остановился в Кракове у своего союзника Болеслава Стыдливового, его встретили папские послы, пытавшиеся вступить с ним в переговоры. Но, как сообщает наша летопись, Даниил от этого отказался, сославшись на то, что вести переговоры на чужой земле ему не подобает.²⁴⁷

Папские послы последовали за князем и вскоре в городе Дорогичине (на Западном Буге) добились, наконец, согласия на свои предложения. По-видимому, энергичное давление на русского князя оказал и венгерский король, и польские князья. Нужно также учесть, какое огромное значение придавалось титулатуре в ту пору расцвета феодальных отношений и господства общественной и политической иерархии. Кроме того, у самого порога владений галицкого князя стояли полчища Куремсы. Папские послы во главе с нунцием Пруссии и Ливонии Опи́зо из Мессаны обещали от имени Иннокентия IV организацию большого крестового похода против татар в помощь русским. Даниил соглашался на папские предложения нехотя, с видимым сомнением. С большой торжественностью папское посольство вручило ему королевскую корону, о чем наша летопись сообщает в таких словах: «Опи́за же приде, венец нося, обещавався яко помощь имети та от папы — оному же — одинаково не хо-

тяшу».²⁴⁸ Однако помощи от папы Даниил не дождался. Крестового похода против татар организовано не было, и Даниил Галицкий сражался с ними сам. Грозная опасность нашествия татар, благодаря мужеству и бесстрашию ратных людей князя, благодаря его собственному умелому военному руководству, была в 1254 г. отбита. «Воздвиже рать противу татаром», Даниил уничтожил «города, сидящие за татары»,²⁴⁹ и, отразив нападение Куремсы, в дальнейшем «николико же не бояся Куремсы».²⁵⁰

Невыполнение папской курией своих торжественных договорных обязательств по отношению к Даниилу повлекло за собой и недопущение какого бы то ни было вмешательства папской агентуры в дела юго-западной Руси и, в частности, решительный отказ от латинизации церкви.

Лицемерие папской политики в отношении Руси и в этом случае ярко иллюстрирует булла Иннокентия IV от 23 июня 1253 г. В дни, когда он отправлял своих послов, чтобы уговорить русского князя принять королевскую корону, и рассылался перед ним в лстивых уверениях, в этой булле, адресованной доминиканцам, предлагалось усилить пропаганду католичества «в землях сарацин, язычников, болгар, греков, куман, эфиопов, хазар, русских (разрядка наша, — Б. Р.), нубийцев, индийцев и т. п.» и рекомендовалось применять всяческие методы убеждения и принуждения, чтобы добиться успеха. Эта булла отражала пренебрежительное отношение к населению Руси со стороны папской курии.²⁵¹

Когда в папской курии убедились, что «обращение» Даниила окончилось ничем, была сделана попытка поднять в Европе крестовый поход на «непослушного папе короля». Но и из этой затеи тоже ничего не получилось. После десятилетних неустанных домогательств Иннокентию IV пришлось в последний год своего понтификата (1254) отступить от юго-западной Руси.

Сохранилось еще одно сообщение об обращении папства к Даниилу Галицкому. Оно датировано 13 февраля 1257 г. Папа Александр IV, сменивший в 1254 г. Иннокентия IV, напоминает в послании галицкому князю, что «церковь возвысила его до вершины королевского величия, совершив священное помазание миром и возложив на главу его королевскую корону», а он «духовные и мирские благодеяния церкви предал забвению и

²⁴⁸ Там же, стб. 827.

²⁴⁹ Там же, стб. 838.

²⁵⁰ Там же, стб. 846.

²⁵¹ Булла напечатана в: Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum, I, Roma, 1729, стр. 237.

к милостям ее оказался совершенно неблагодарным», не выражая должной заботы о ней. Устрашая «погибелью души», папа переходит от упреков и обвинений к увещаниям: папа ждет «повиновения» римско-католической церкви, «заботы» о ней. Вручить Даниилу это послание, как говорится в его заключительной части, уполномочены два епископа — оломуцкий и братиславский, которым поручалось, наложив на князя церковное взыскание, вернуть его на «истинный путь».²⁵²

Послание Александра IV произвело, очевидно, столь же малый эффект, как и аналогичные обращения его предшественника. Во всяком случае, о каком-либо ответе Даниила Галицкого на это письмо или о каком-либо изменении его политики в отношении папской курии никаких данных нет.

С середины XIII в. феодально-католическая экспансия против Руси явно выдохлась. Попытки западноевропейских феодальных сил проникнуть на русские земли приобрели характер эпизодических вторжений. Папство постепенно утрачивает свое значение организующей и вдохновляющей силы феодально-католического наступления на восток.

В то же время папство вновь возвращается к идее о церковной унии. Понимая, что решения Лионского собора 1245 г. нисколько не продвинули реального осуществления этой, столь желанной цели, папа Иннокентий IV попытался воздействовать на никейского императора Иоанна Ватаца с помощью венгерской королевы, энергично взявшейся за это дело. Через двух францисканцев королева сообщила в январе 1247 г. Иннокентию, что она предприняла шаги, чтобы «вернуть Ватаца и его народ церкви». Папа ответил письмом, в котором просил ее отправить к Ватацу послов.²⁵³ В мае 1249 г. курия устанавливает с Ватацем и прямые связи, отправив к нему посольство во главе с генералом францисканцев Иоанном Пармским. Переговоры имели на этот раз известный успех. Несмотря на политические и родственные связи с Фридрихом II, Ватац, соблазненный, по-видимому, перспективой получить Константинополь, был готов изменить своему тестю. Он отправил в 1250 г. посольство в Лион.

Однако Фридрих II, который уже ранее выражал резкое недовольство зятем в связи с его переговорами с курией и предупреждал его, что он всячески воспрепятствует этим переговорам, перехватил посольство никейского императора. Биограф Иннокентия IV Николай Курбийский сообщает, что когда послы прибыли на территорию Италии, в Апулию, «они были на пол-

²⁵² HRM, I, № 95.

²⁵³ Norden, ук. соч., стр. 362, примеч. 2.

тора года задержаны Фридрихом, противником церкви, так как он не мог допустить соглашения между греческой и латинской церквами».²⁵⁴ Лишь в ноябре 1251 г. в Перуджии имели место переговоры папы Иннокентия IV с посольством Ватаца, выпущенным из плена после смерти Фридриха II его наследником в Сицилийском королевстве Манфредом. Сговориться было, очевидно, не так легко, и переговоры пришлось продолжить сначала папскому посольству в Никее, а затем новому греческому посольству, прибывшему в 1253 г. во главе с двумя архиепископами в Рим.²⁵⁵ Но и оно оказалось, подобно посольству 1249 г., задержанным на длительный срок в южной Италии и лишь в начале 1254 г. достигло Рима.

Не вдаваясь в подробности этих и последующих переговоров между Иннокентием IV, а затем его преемником Александром IV и греками, отметим лишь один существенный момент. Наименьшее значение в этих переговорах имели религиозные разногласия, даже по вопросу о подчинении греческой церкви римской или признании верховной власти пап, на что теперь греческая церковь готова была согласиться. Преодолены были также и догматические разногласия, как пресловутый спор о «filioque» (понимании происхождения «святого духа»). И этот спор, по утверждению церковных историков, якобы являвшийся главным препятствием к единению христианских церквей, оказывалось возможным решить: папа соглашался на опущение «filioque» в тексте «исповедания веры». Все дело сводилось теперь к вопросам сугубо политическим, территориальным и по этим вопросам велись в основном переговоры греко-папскими посольствами с 1249 по 1258 г.

Когда в 1254 г. умерли и Иннокентий IV и Иоанн Ватац, переговоры продолжались их преемниками — папой Александром IV и Федором II Ласкарисом. Одновременно продолжались и военные действия греков против Константинополя и Латинской империи, в ходе которых положение феодально-католических захватчиков становилось все более затруднительным. Изменение в обстановке произошло в 1258 г., когда умер Федор II Ласкарис и трон никейских императоров был захвачен Михаилом Палеологом. Он одержал над своими противниками большую победу при Пелагонии в 1259 г., имевшую далеко идущие последствия. Через два года Михаил Палеолог торжественно

²⁵⁴ J. Muratori. Scriptores rerum italicarum, t. III, pars 1, стр. 592 К.

²⁵⁵ Норден (ук. соч., стр. 367, примеч. 2) считает, что должно было быть еще одно греческое посольство, предшествовавшее папскому посольству в Никею.

вступил в Константинополь, покончив с латинским владычеством на Востоке, и восстановил власть византийских императоров в «Новом Риме». Папство потерпело огромное поражение: был потерян восточный форпост феодально-католической экспансии. Перестала существовать Латинская империя. Временно пришлось отказаться и от идеи церковной унии.

Обнаружились и другие неудачи политики римской курии, в частности и в ее новых попытках проникнуть на Русь. Руководствуясь политическими соображениями, курия пыталась создать на соседних с Русью землях опорные базы, рассчитывая использовать их в дальнейшем для распространения своего влияния на Руси. В этих целях Рим не преминул использовать в середине XIII в. также и литовцев. Тевтонский орден, отброшенный мощным ударом Александра Невского от русской границы, пытался возместить свои потери за счет литовских земель. В 40-х годах XIII в. нападения крестоносцев стали все более частыми.

В Литве в эту пору складывается единое раннефеодальное государство — великое княжество Литовское. Организуя отпор немецким захватчикам, литовцы соорудили на границах своих земель множество больших крепостей, вокруг которых возник ряд городов. Опираясь на эти укрепления, литовские князья отражали натиски немецких рыцарей и сами совершали набеги на соседние земли.

В источниках первой половины XIII в. сохранилось немало свидетельств активного участия литовцев в восстаниях соседних племен (земгалов, ливов и др.) против немецких рыцарей. После разгрома, которому литовцы подвергли рыцарские полчища меченосцев в 1236 г. в битве при Шауляй, продвижение захватчиков было парализовано. Ледовое же побоище, в котором русские полки Александра Невского наголову разбили немецких рыцарей Тевтонского ордена, приостановило его окончательно.

Героическая борьба русского народа против татарских орд защитила Литву от страшных опустошений, которые ей грозили. Однако литовский князь Миндовг, используя благоприятные для Литвы внешнеполитические условия и рассчитывая на ослабление Руси в борьбе с татарами, начал присоединять к Литве пограничные русские земли, находившиеся во владениях Новгорода и Пскова, Полоцка и Смоленска, а затем вторгся в пределы Волынской земли. В ответ Даниил Галицкий занял ряд литовских городов, вступил в союз с враждебными Миндовгу литовскими князьями, заключил соглашение с Ригой и нанес Миндовгу ряд серьезных ударов.

В поисках союзников против Руси, с одной стороны, и против Риги, с другой, Миндовг вступил в переговоры с орденом. Магистр ордена Стирланд загорелся идеей превращения Литовского княжества в плацдарм католической экспансии и согласился оказать литовскому князю помощь, за которую Миндовг обязался принять католичество. К папе были отправлены литовские послы.

В курии возможность противопоставить Даниилу еще одного католического государя была принята с ликованием. Папа Иннокентий IV послал Миндовгу королевскую корону, посланием от 16 июля 1251 г. поручил епископу кульмскому Гейденриху венчать Миндовга.²⁵⁶ Папа пишет послание «дражайшему во Христе сыну, светлейшему королю Литвы» о принятии его под покровительство католической церкви.²⁵⁷ Послание начинается с выражения восторженных чувств, вызванных у папы «радостной вестью» о принятом литовским князем решении, которую передали «особые и чрезвычайные послы» его, прибывшие к папскому двору. Разумеется, папа с великой готовностью «принимает под покровительство святого Петра» князя и его владения, равно как его жену, детей и все его семейство, «дабы никто не осмелился нанести ему какую-либо обиду или причинить неприятности».

Кульмскому епископу в тот же день (в курии это был поистине «литовский» день) было направлено распоряжение об установлении в Литве католичества, о постройке кафедрального собора, наставлении епископов и проведении других необходимых мероприятий. В заключительной части послания курия сочла необходимым упомянуть и о строгих наказаниях, которым епископ должен подвергнуть противодействующих или восставших против указанных мероприятий.²⁵⁸ Папская курия хорошо знала, какую ненависть в народе вызовет введение католичества. Об этом свидетельствует еще один документ из той же серии папских посланий. Он датирован днем раньше, 15 июля 1251 г., и адресован также Гейденриху, кульмскому епископу. Это послание содержит требование, чтобы епископ принял меры к «умеренному, без давления» взысканию в Литве полагающейся церковной десятины, чтобы не вызывать в народе «раздражения» и «отвращения» и не подать повода к «возмущениям» и «волнениям», а проводить эти сборы с «мягкостью».²⁵⁹ Документ этот свидетельствует о том, какое противодействие католическая

²⁵⁶ HRM, I, № 84; RPRP, № 14353.

²⁵⁷ HRM, I, № 82; RPRP, № 14351.

²⁵⁸ HRM, I, № 85; RPRP, № 14354.

²⁵⁹ HRM, I, № 81; RPRP, № 14350.

церковь встречала в народных массах Литвы на пути своей экспансии.

Большие надежды, с которыми папская курия связывала обращение Миндовга и его Литовского княжества в католичество, не оправдались. Уже в следующем, 1252 г. Даниилу Галицкому удалось нанести Миндовгу ряд поражений и принудить литовского «короля» к невыгодному для него миру и к возвращению Руси оккупированных территорий. Мир был скреплен, по обычаям времени, политическим браком сына Даниила Шварна и дочери Миндовга.

Свою сделку с курией Миндовг рассматривал как удачный маневр в борьбе за сохранение Литвой самостоятельности, которой больше всего угрожал орден.

Однако орден не прекращал своей борьбы с Литвой. В 1253 г. рыцари захватили литовскую Клайпеду и воздвигли здесь крепость Мемель. Этим они отрезали Литву от выхода через Неман в море. Борьба Литвы и ордена приняла еще более ожесточенный характер. В нее втянулись под предводительством «короля» ливы, эсты и курши. Орден также собирал под свои знамена подмогу — создавалось пестрое по составу «крестоносное» войско из прусских, ливонских, датских и ревельских рыцарей. Тогда папская курия попыталась повернуть ход событий — направить Миндовга на Русь, толкнуть его на захват русских земель.

Яркий луч света бросает на эту коварную политику Рима послание папы Александра IV Миндовгу, королю литовскому, от 6 марта 1255 г. («Cum sicut»). В этом не слишком пространном послании папа «апостолической властью» утверждает за Миндовгом и его наследниками владение теми землями, которые тот отвоевал от Руси, с тем, что литовский король подчинит население завоеванных земель своей власти и христианской (католической) вере.²⁶⁰ Одновременно папа отправил литовскому королю второе послание, в котором приветствовал его, восхваляя за «ревность в вере христианской» и утверждал за его сыном королевский титул.²⁶¹

Во всем этом видно непонимание папскими дипломатами действительного соотношения сил на востоке. Об этом свидетельствует и заявление Гильома Рубрука, возвратившегося в это время из разведывательной миссии в Монголию, будто Русь можно было бы легко завоевать силами тевтонских рыцарей. «Братья Тевтонского ордена, — писал он, — ... легко по-

²⁶⁰ HRM, I, № 93; RPRP, № 15721.

²⁶¹ VMPL, I, № 123; RPRP, № 15720.

корили бы Руссию, если бы принялись за это. Ибо, если бы татары узнали, что великий священник, то есть папа, поднимает против них крестовый поход, они все убежали бы в свои пустыни».²⁶² В этих словах получила отражение обычная для папских дипломатов переоценка своих сил и неумение видеть силы, им противостоящие.

Миндовг оказался более реальным политиком, чем папские дипломаты. Несмотря на уговоры папской курии, он хорошо видел, что опасность, угрожающая существованию литовского народа, быстро нарастала со стороны ордена, собиравшего крупные силы для наступления на Литву. В 1260 г. произошло решающее столкновение. В битве у озера Дурбе литовские силы нанесли рыцарям поражение. На поле боя остались главные предводители — магистры прусский и ливонский, герцог, начальствовавший над ревельским отрядом, и до 150 других рыцарей. Было уничтожено многотысячное войско, собранное орденом. Немедленно после этой замечательной победы против немецко-католических захватчиков поднялось восстание, которое в короткое время охватило почти всю территорию, занятую немцами. Чтобы довести дело до конца, необходимо было тесное сплочение между восставшими и основными литовскими силами, находившимися в распоряжении Миндовга.

Миндовг понял, что он достигнет большего, если пойдет с народом против агрессии немецких рыцарей, чем оставаясь католиком, окажется рядом с орденом против народа, и решил круто изменить свою политику. Он возглавил восстание, порвал сношения с курией, изгнал католическое духовенство и покончил с папской агентурой, пытавшейся ему противодействовать.²⁶³ Затем он отправил послов к Александру Невскому с предложением совместной борьбы. Русский князь вступил с Миндовгом в союз и стал готовить большой поход для окончательного уничтожения крестоносцев. В 1262 г. этот поход состоялся, но так как литовцы действовали несогласованно, его результат оказался меньше возможного.

Большое русское войско Александра Невского подошло к городу Тарту, который безуспешно пытались отстоять немецкие рыцари. Взяв город приступом, но не дождавшись обусловленной планом похода поддержки со стороны литовцев, которые ушли в другом направлении, русская рать возвратилась в Новгород.²⁶⁴ Во всяком случае, наступлению немецко-католи-

²⁶² Г. де Рубрук, ук. соч., стр. 108.

²⁶³ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 248; Очерки, I, стр. 893.

²⁶⁴ В. Т. Пашуто. Героическая борьба..., стр. 233—234.

ческих захватчиков еще раз был нанесен сильный удар, а планы папства о превращении Литвы в орудие католической экспансии против Руси были сорваны.

Вскоре после этого в Новгород прибыли немецкие послы из Риги, Любека и с острова Готланд и просили о заключении мира и возобновлении торговли. Был подписан договор на основе соглашений XII в.; он так и назывался — «Старый мир». Немцы торжественно отказались от всяких дальнейших завоеваний, обязались прекратить всякую блокаду балтийских берегов, обещали не чинить препятствий торговле русских купцов.²⁶⁵ Этим мирным соглашением прославленный князь завершил великое дело своей жизни, начатое им еще у берегов Невы: он защитил Русь от немецко-католических захватчиков и упрочил ее северные и западные рубежи. Самому Александру Ярославичу уже не довелось присутствовать при торжестве новгородцев по случаю заключения мира с немцами: он в четвертый раз отправился в ханскую ставку отстаивать интересы русской земли и умер на обратном пути из Орды в одном из волжских городов.

Развернув в середине XIII в. широкое наступление против Руси по всей западной ее границе, католические агрессоры пытались активизировать свои действия и на северных ее рубежах. Уже с 1247—1248 гг., когда правителем Швеции сделался ярл Биргер, шведские феодалы стали готовиться к новым завоеваниям в Финляндии. Как всегда военный захват лицемерно прикрывался «христианизацией». В 1249—1250 гг. был проведен «крестовый поход», были завоеваны племена емь, занимавшие южные районы страны, и для укрепления своих позиций шведы построили здесь крепость Тавастгус.²⁶⁶

Через шесть лет, заручившись поддержкой и со стороны Дании, шведы приступили ко второму этапу своей экспансии: начали наступление на Русь. Летопись сообщает под годом 1256: «придоша sweи и емь и кумь и Дидман²⁶⁷ со своей волюстью и множество рати».²⁶⁸ Захватчики стали закрепляться на реке Нарове. Узнав о приблизившейся опасности, новгородцы начали спешно принимать меры. Было собрано много войска, послали во Владимир-Суздальский за Александром Ярославичем. Как всегда в момент опасности, он, не теряя вре-

²⁶⁵ ГВНиП, стр. 56—57.

²⁶⁶ И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 59; В. Т. Пашуто. Героическая борьба..., стр. 227.

²⁶⁷ Дитрих фон Кивель, предводитель ревальских рыцарей, вассал датского короля Христофора I.

²⁶⁸ Очерки, I, стр. 887.

мени, явился и собирался повести новгородцев в новый поход, но шведы и датчане, рассчитывавшие на легкую военную прогулку и не ожидавшие, по-видимому, такой маневренности со стороны русских, предпочли ретироваться: «побегоша за море».²⁶⁹ Александр понимал, что, если не предупредить событий, агрессоры соберут большие силы и совершат новое нападение. Поэтому зимой 1256 г. он предпринял трудный поход в глубь Финляндии. Шведы не могли оказать сопротивления боевой мощи и военному искусству хотя и небольшого, но испытанного войска Александра. Русские встретили благожелательное отношение местного населения, уже испытывавшего тяготы шведско-католического гнета. Отказываясь от насильственно навязанного им католицизма, финны (емь) переходили на сторону русских, поддерживая их против шведов.²⁷⁰ Успех похода Александра Невского был новым ударом по планам организаторов католической экспансии. Убедительно свидетельствует об этом послание папы Александра IV, в котором он с сокрушением вынужден был подтвердить, что местное население оказало русским поддержку.²⁷¹

Последним по времени крупным эпизодом XIII в. в истории католической экспансии против Руси является столкновение между датскими крестоносцами и новгородцами в феврале 1268 г. Обеспокоенные тем, что на границах их владений утверждаются датчане, воздвигая все новые укрепления, новгородцы предприняли большой поход, предварительно заключив с рыцарями ордена договор о нейтралитете. Войдя в пределы Эстонии, новгородская рать дошла до Раквере («Раковора» в наших источниках). Рыцари Тевтонского ордена, вероломно нарушив договор с новгородцами, поспешили на помощь датчанам, с которыми, к слову сказать, они постоянно враждовали. 8 февраля новгородское войско нанесло сильное поражение соединенным силам вражеских отрядов. Летопись сообщает: «Страшно побоище, яко не видали ни отцы, ни деды», и упоминает, что в знак победы новгородцы три дня «стояли на костях».²⁷²

Значение этого столкновения и его неожиданный для крестоносных захватчиков исход выходили за рамки местных интересов. Об этом свидетельствует послание магистра Тевтонского ордена Конрада фон Мандерен от 30 мая того же 1268 г. Магистр упоминает в нем о соглашении, достигнутом

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ И. П. Шаскольский. Борьба Александра Невского... стр. 199.

²⁷¹ Там же, стр. 194—200.

²⁷² ЛНП, стр. 87.

между ливонскими феодальными владельцами, с одной стороны, и горожанами Любека и купеческой общиной — с другой, о том, чтобы в этом году (1268) «русским из Новгорода», которых он называет «врагами веры», купцы своих товаров не предоставляли. Настаивая на выполнении этого соглашения, магистр недвусмысленно намекает на возможность войны «христианского мира» (*universitas christianorum*) с русскими.²⁷³

Борьба с русскими изображалась орденом как общекатолическое предприятие. В нее пытались втянуть и купечество северогерманских городов, от которого требовали бойкота русской торговли даже в условиях «мирного» времени.

В конце XIII в. курия энергично поддерживает агрессивные действия шведских феодалов в их новых попытках укрепиться в Финляндии и создать здесь трамплин для нападения на Карелию и Русь.

Таким образом «русское направление» в истории папской экспансии на востоке в XIII в. приобрело исключительное значение.

Превратившись в относительно самостоятельную, могущественную силу в тогдашнем западноевропейском мире, папство, преследуя собственные интересы, но используя при этом «военно-монашеские» ордена, подчинявшие себе вооруженной силой богатые области Прибалтики, пыталось в первой половине XIII в. создать на северо-востоке Европы обширное «церковное государство», управляемое непосредственно из Рима через местные церковные власти. Однако, при попытках осуществления этого плана папству неизбежно пришлось столкнуться со стремлением местного высшего духовенства и главным образом Тевтонского ордена ограничить владельческие права курии, придать им характер общего «покровительства» и формальной супрематии. Это столкновение интересов породило серьезные противоречия внутри феодально-католического лагеря, не позволившие агрессорам создать единый фронт для наступления на русские земли.

Натолкнувшись на решительный отпор на Руси и в восточной Прибалтике, западноевропейские феодалы вынуждены были во второй половине XIII в. прекратить повторные попытки широкой военной экспансии, которые под руководством папства предпринимались ими на протяжении почти 100 лет.

²⁷³ LUB, I, № 408.

КРИЗИС И КРУШЕНИЕ ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РУСИ В XIV—XV вв.

Глава I. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ПРИБАЛТИКЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV в.

Новый период в истории католической экспансии, отмеченный явным ослаблением завоевательных усилий папства и даже его стремлений к церковной унии, начинается с конца XIII в.

В длительной борьбе с императорской властью папство сумело организовать силы, которые в 60-х годах XIII в. сокрушили империю Гогенштауфенов. Папство, по-видимому, достигло вершины своего могущества. Победа над германским императором устраняла как будто бы главное препятствие к утверждению теократических притязаний Рима.

Утратив с потерей Константинополя и Латинской империи свои главные позиции на Востоке, папство, казалось бы, могло беспрепятственно упрочить свои позиции в самой Европе. Однако эти расчеты не оправдались. Очень скоро стало ясным, что главным препятствием для папства на пути к всемогуществу была вовсе не империя Гогенштауфенов, а реальная историческая обстановка, с которой папское стремление к миродержавию оказалось в непримиримом противоречии.

Папство могло быть сильным и претендовать на господство, пока оно оставалось единственным «интернациональным центром феодальной системы» Западной Европы, где сталкивались в ожесточенной борьбе противоречивые интересы самовластных феодалов. Однако в XIII в. возникли такие феодальные монархии, как Франция и Англия, укрепились королевская власть и во многих других странах Западной Европы. В лице королевской власти появилась новая авторитарная сила, которая в каждом государстве стремилась поставить церковь в зависимость

от себя и ограничить притязания папства. Она давала защиту классу феодалов, возводила их классовый интерес в закон, поддерживала их стремления к новым захватам. Если раньше феодализм освящала только церковь и богословские трактаты Фомы Аквинского должны были служить в качестве феодальной конституции, то в XIII—XIV вв. на службе королевской власти появились еще юристы-легисты, глубоко и всесторонне отстаивавшие интересы господствующего класса.

Что не менее важно — изменилась и матерьяльная база церкви. Период крестовых походов, как известно, ознаменовался значительным ростом торговли, а папская казна сделалась крупнейшим мировым финансовым и кредитным центром. Церковные поборы, особенно церковная десятина, взимаемая в размере $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{10}$ части годового дохода каждой пребанды (духовное феодальное владение),¹ представляли собой богатейший источник доходов римской курии. В конце XIII в. общая сумма церковной десятины, поступавшей за год в распоряжение курии, составляла около 800 тысяч фунтов (серебра), сумму, в три раза превышавшую доходы французской короны.²

Однако в условиях развивающегося производства и торговли, расширяющегося денежного обмена, бурного роста многих городов и активной роли горожан церковь теряет свои прежние экономические и политические позиции. Ее политические идеи, и прежде всего постоянное стремление к неограниченной экспансии, не находят более той поддержки, которой они пользовались, когда на общественной арене почти монопольную роль в качестве хозяев положения играли феодалы.

В ряде стран, и особенно в Италии, в XIII в. выдвинулись новые силы в лице патрициата городов и крупного купечества. Их отношения с церковью оказались сложнее, и между ними далеко не всегда существовало взаимопонимание.

Таким образом, папство, как будто добившееся огромной исторической победы в двухсотлетней борьбе с Империей, закончившейся гибелью последней, само потеряло свое прежнее положение, оказалось подорванным в самых основах своего исторического существования.

Политическое поражение Гогенштауфенов, завершившееся обезглавлением в 1268 г. проклятого папой шестнадцатилетнего Конрадина, внука Фридриха II, было и поражением самого папства. Авторитет теократической власти пал, реальная сила папства значительно ослабела.

¹ Н. F e i n e. Kirchliche Rechtsgeschichte, Bd. I. Die Katholische Kirche, Weimar, 1955, стр. 306.

² Там же, стр. 307.

Григорий X сделал еще одну попытку поднять этот авторитет, укрепить позиции папства на созванном им II Лионском соборе (1274 г.). Здесь снова была декларирована уния с восточной церковью, устроен торжественный прием послам монгольского императора, провозглашен новый крестовый поход в Палестину.

Но все эти усилия остались тщетными. Папство все больше становилось орудием политики французских феодальных группировок. Уже Мартин IV был креатурой Карла Анжуйского, после победы над Гогенштауфенами овладевшего королевством обеих Сицилий и хозяйничавшего в южной Италии. В угоду Карлу папа отлучил от церкви византийского императора, облегчая воинственному королю организацию завоевательного похода на восток и рассчитывая на новое усиление католической экспансии, на этот раз силами французских рыцарей.

Однако события 31 марта 1282 г., когда в Палермо началось всеобщее народное восстание, вошедшее в историю под названием «сицилийской вечерни», изменили все планы и проекты. Массовое истребление французских феодальных захватчиков и изгнание их из пределов страны были ответом народа Италии на папскую политику подчинения Франции.

Тем не менее французское влияние на папство, сказавшееся уже в 70-х годах XIII в., не ослабевало.

С появлением на папском престоле Бонифация VIII (1294—1303 гг.) отношения между папством и Францией обострились до последней степени.

Бонифаций VIII продолжал линию таких наиболее властолюбивых средневековых пап, мечтавших о всемирном господстве, какими были Григорий VII или Иннокентий III. В 1296 г. Бонифаций издал свою знаменитую буллу «Clericis laicos», в которой запрещал императорам, королям, князьям или кому-либо другому под угрозой строгих церковных кар облагать духовенство налогом.³ Однако заявив этим претензию на монопольное право распоряжаться доходами церкви в любой стране, он толкнул всю финансовую политику папства по наклонной плоскости, так как прямым следствием папских требований явился отказ Франции, где протест короля Филиппа IV против папских притязаний нашел широкую поддержку в различных общественных прослойках, а затем и Англии платить курии какие бы то ни было взносы, а вместе с тем — решительное стремление окончательно освободиться от папской зависимости.⁴

³ С. Mirbt. Quellen. ., стр. 161.

⁴ Feine, ук. соч., стр. 412.

Так же энергично были отвергнуты и политические претензии папы, выраженные им в известной булле «*Unam sanctam*», изданной в ходе его ожесточенной борьбы с Филиппом IV. В этой булле, датированной 18 ноября 1302 г., папа не только возвращается к идее своих предшественников о превосходстве духовной власти над светской, папы над государями, но прямо заявляет о том, что папа владеет «двумя мечами» — духовным так же, как и светским. А это означало, что папе принадлежит право предоставлять трон и корону любому государю, а также у любого отнимать их. Императорская власть объявлялась инструментом папской вселенской власти.⁵ Заканчивается булла утверждением, что «всякая тварь человеческая подчинена папе в силу необходимости спасения».⁶

Претензии папской власти, провозглашенные в послании Бонифация VIII, явились наиболее полным выражением идеи папского миродержавия, какое только имело место в истории. Неудивительно и то впечатление, которое она вызвала в лагере противников папства. Уже и раньше французский король в ответ на претензии папы велел сжечь присланную ему буллу и писал ему издевательский ответ: «Филипп, божьей милостью король французов, Бонифацию, мнящему себя папой. Да будет известно вашему великому чванству (*fatuitas*), что, как светская власть, мы никому не подчинены... Те же, кто думают иначе, те, дураки и безумцы».⁷

После буллы «*Unam sanctam*» и последовавшего за нею отлучения Филиппа от церкви, объявления его низложенным и «передачи» папой короны Франции (на словах, конечно) ничтожному Альбрехту Габсбургскому, носившему титул германского императора, французский король решил арестовать носителя папской тиары. Однако посланные короля столь энергично выполнили свою миссию, что Бонифаций от понесенных им обид и потрясений умер.

Смерть папы была вместе с тем окончательным крушением идеи папского миродержавия. Это был действительный конец более чем двухсотлетней борьбы между папской и светской властью. Последний эпизод этой борьбы напоминает ее начало: Бонифаций VIII подражает Григорию VII, Филипп IV — Генриху IV. Но, как часто случалось в истории, повторение событий было чисто внешним, существо же их совершенно раз-

⁵ Там же, стр. 399.

⁶ C. Mirbt. Quellen..., № 309, стр. 164.

⁷ E. Lavisse. Histoire de France. Paris, 1911, t. III, part 2, стр. 149.

личным. Уместно вспомнить мысль Маркса, что «... все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды...: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса».⁸ Именно такими и были события 1301—1303 гг.

Отныне папство могло продолжить свое существование, только окончательно отказавшись от миродержавной программы средневековых пап. Только перейдя на положение орудия могущественной власти, только сделавшись инструментом в политике французских королей, папство могло найти новые формы существования. Это и случилось.

После краткого шестимесячного понтификата ничтожного Бенедикта XI папой был избран французский кардинал Бертран де Го, архиепископ бордосский. Новый папа отказался выехать в Рим, а потребовал приезда кардиналов во Францию. Впервые за всю историю папства папа короновался не в Риме. Торжественная церемония состоялась 14 ноября 1305 г. в Лионе, в присутствии короля Франции и королевской знати. Новый папа принял имя Климента V.

Климент V не только не появился в Риме, где все дела вершили назначенные им полномочные викарии (наместники), но в 1309 г. окончательно перевел папскую резиденцию из Рима в Авиньон, город, находившийся на границе с Францией и с 1273 г. принадлежавший папам. Начался семидесятилетний период в истории папства, известный под названием «авиньонского пленения пап», после которого наступил сорокалетний раскол папской церкви, когда одновременно существовало двое пап — один в Авиньоне, другой в Риме. Лишь в 1415 г. на Констанцском соборе была предпринята попытка восстановить единство церкви на Западе. Но и после этого было еще далеко до действительного укрепления папской власти.

В течение всего этого времени на папском троне восседали политики и воины. Их интересы и внимание были целиком направлены на дела итальянские, и прежде всего на свои собственные и своих многочисленных родичей. Вне Италии всякие поползновения пап на политическое вмешательство встречали решительный отпор, теперь уже не только в быстро усиливавшейся Франции, которая, преодолев феодальную раздробленность и выйдя из Столетней войны, шла быстрым шагом к абсолютной монархии, но и в Англии, и даже в феодально-раздробленной и политически слабой Германии, где папских эмиссаров также встречали без энтузиазма.

⁸ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8. М., 1957, стр. 323.

Таким образом, XIV и XV вв. в истории католической церкви являются периодом долгого кризиса папства, периодом упадка и бессилия. Идея всемирного господства пап и подчинения им светских государей отошла в прошлое.

Крушение средневековой концепции папской власти как власти миродержавной, происшедшее в XIV в., было настолько явным, что его понимали и современники событий. Так, Петр Дюбуа, магистр Парижского университета, автор ряда книг, проникнутых смелым духом нового, входившего в жизнь средневековой Европы в связи с развитием городской жизни и ростом городской культуры, писал о том, что прежний взгляд на христианство как на «союз государей под духовной гегемонией папы», чья власть распространяется на все, как светские, так и духовные интересы людей, сделался «пустым призраком».⁹ Он настаивает на том, что папство должно открыто отказаться от всяких притязаний на светскую власть, от всех попыток восстановить свое бывшее могущество, должно отказаться от территориальных претензий.

Конечно, ни Петр Дюбуа, ни подавляющее большинство его современников не понимали под этим умаление роли папства как руководящей силы католической церкви и признавали ее авторитет как высшей моральной, воспитательной и идеологической силы современного им общества. Больше того, они считали, что только отказом от светского господства папство может обеспечить за собой упрочение авторитета такой моральной силы. Они признавали и необходимость укрепления и распространения этого морального авторитета папства не только в странах Западной Европы, но и на Востоке, снова возвращаясь к вопросу об единстве двух христианских церквей. Но теперь речь могла идти только о религиозном объединении. А такое понимание было, как известно, чуждо папству. Во всех своих стремлениях к унии оно всегда выдвигало на первый план подчинение папской власти и лишь этим в действительности и интересовалось.

Потеряв всякую самостоятельность, превратившись в один из рычагов французской политики, папам нельзя было всерьез думать о восточной экспансии в прежних формах. Это, однако, не означало, что Русь и подступы к ней — Прибалтика, Галиция, Литва — совсем выпали из сферы внимания папской курии. Как ни ослабел авторитет носителей тиары, католическая экспансия на восточных рубежах западноевропейского мира про-

⁹ P. Du Bois. De recuperatione terrae sanctae. Paris, 1891, стр. 33.

должалась, принимая в зависимости от обстоятельств места и времени различные формы.

Рига продолжала быть крупнейшим в Прибалтике центром не только оживленной торговой деятельности, но и важнейшим центром католического миссионерства на северо-востоке, которое стремилось, под руководством местного епископата, развивать свою деятельность в соседних странах. В этой связи Рига не выходила из круга интересов папской курии.

Главной заботой, непрестанно заставлявшей папство вмешиваться в дела Прибалтики, была в начале XIV в. не столько организация дальнейшей экспансии на восток, сколько стремление упорядочить отношения между различными ее агентами, не перестававшими жестоко враждовать в борьбе за захваченные ими земли и имущество.

В основном в Прибалтике действовали три силы католического лагеря: 1) церковное руководство под главенством архиепископа рижского и трех епископов, ему подчиненных: дерптского (тартусского), эзельского и курляндского; 2) немецкий орден (Ливонский, являвшийся ответвлением Тевтонского); 3) вассалы короля Дании. Формально все они признавали верховное руководство папства, изъявляли во всех своих посланиях готовность беспрекословно ему повиноваться. В действительности же они преследовали собственные, глубоко своекорыстные интересы. Обстановка в католическом лагере на протяжении долгих десятилетий была напряженная, то и дело вызывавшая военные столкновения.

Борьба внутри собственного лагеря постоянно переплетается с повторяющимися нападениями, а иногда и более широкими военными операциями против соседей — литовцев и русских в особенности. Факты говорят, что ради выступления против своих соседей враждующим силам внутри католического лагеря быстро удавалось найти общий язык и на время прекращать взаимную борьбу. Такой характер имел союз, заключенный 25 февраля 1304 г. между орденом, датскими рыцарями и епископами дерптским и эзельским против «неверных, т. е. русских и литовских язычников».¹⁰ Союз этот не потерял своего значения даже через 45 лет, когда шведский король Магнус, подготавливая новую агрессию против Руси, обновляет его специальной грамотой.¹¹

Договор 1304 г. выдержан в крайне энергичных тонах. Союз объявляется принудительным и обязывает всех, не только при-

¹⁰ «...infidelium, scilicet Ruthenorum et paganorum Lethowinorum» (LUB, II, № 608).

¹¹ Там же и Regesta № 1049.

нявших в нем участие, но и тех, кто оставался еще в стороне, в частности архиепископа рижского, присоединиться к нему. В том же случае, если добровольного присоединения не последует, то договаривающиеся стороны обязывались и клялись, что они применяют всяческую силу, пока не добьются такого «соглашения». Такие же меры оговорены были в отношении тех, кто в дальнейшем вздумал бы отойти от союза.

Очень интересно упоминание о «всех тех, особенно рижских горожанах, которые осмелятся, пренебрегая этим соглашением, поддерживать торговлю с русскими или язычниками». Их должно, по словам договора, рассматривать как «опасных врагов, к которым необходимо применить открытое принуждение силой».¹²

Даже по понятиям того времени этот договор был не столько соглашением о военном союзе, сколько разбойничьим сговором, имевшим целью терроризировать всю Прибалтику и обеспечить «союзникам» безраздельный экономический и политический контроль над нею. Главным инициатором и вдохновителем этого сговора являлся орден. Можно усомниться, в какой степени этот договор имел реальную силу. Во всяком случае, его грозные статьи не заставили рижан ни присоединиться к нему, ни посчитаться с ним. Торговые связи с русскими, с Новгородом, являвшиеся основой экономического процветания Риги, да и всей Прибалтики, не прекратились, а в ответ на имевшие, очевидно, место попытки помешать им, последовало внушительное выступление датского короля Эриха Менведа. В специальном указе от 18 мая 1305 г. король твердо гарантирует всем купцам в Прибалтике, вплоть до реки Наровы (до русской границы), неограниченную свободу торговли и, в частности, оговаривает право беспрепятственного проезда в Новгород.¹³ Характерно, что, как говорится в королевском указе, это распоряжение вызвано просьбами горожан северонемецких городов — Ростока, Любека и Штральзунда. Это свидетельствует о том большом жизненном значении, которое приобрела для западных стран прибалтийская торговля и, в частности, торговля с Русью.

Орден пытался усилить свой контроль над этой торговлей. В этой связи следует рассматривать покупку орденом у цистерцианских монахов монастыря Дюнамюнде, превращенного в крепость, господствовавшую над нижним течением Двины и контролировавшую непосредственно торговлю Риги.¹⁴ Естественно,

¹² Там же.

¹³ LUB, II, № 613 и Regesta №№ 705, 706.

¹⁴ Там же, № 616 и Regesta № 710.

что рижане возбудили спор с орденом по поводу этой покупки. Дело дошло до военного столкновения, в котором рижане, несмотря на помощь со стороны литовцев, потерпели поражение под Дубеном в 1305 г. Не желая все же примириться с новым положением вещей, рижане перенесли свой спор в Авиньон.¹⁵ Здесь рижский архиепископ Фридрих фон Пернштейн изложил папе жалобы на бесчинства, творимые орденом, но представитель последнего все обвинения просто отверг.¹⁶

Насколько трудно было обуздать тевтонских рыцарей, свидетельствует дальнейшее развитие этого спора. После длительного расследования папа Климент V лишь в 1312 г. вынес решение по этому делу. Оно подтвердило целиком обвинение, выдвинутое рижанами. Орден должен был подвергнуться серьезным карам: отлучению, интердикту, штрафу и т. д. Но орден сумел добиться нового расследования, воздействовать на посланного папой кардинала Джакомо Колонна.¹⁷ Откупившись через него от всех наказаний, орден возобновил свои бесчинства, вносившие расстройство в экономическую жизнь Прибалтики.¹⁸ Что же касается Дюнамюнде, то, как ни боролись рижане за сохранение его, в 1319 г. папа, вопреки возражениям архиепископа рижского, утвердил за орденом владение этим монастырем-крепостью.¹⁹

Еще до этого, 23 апреля 1316 г., было заключено соглашение между орденом во главе с магистром, рижским духовенством в лице «всего церковного капитула», однако без участия архиепископа, и владельческими рыцарями — вассалами рижской церкви. Это соглашение было аналогичным договору от 25 февраля 1304 г. и носило такой же разбойничий характер. И здесь было упомянуто, что соглашение направлено против Руси и Литвы под двойным предлогом: во-первых, «для защиты» от якобы грозящей с их стороны опасности, во-вторых, ради «укрепления христианской веры», что являлось неизменным словесным прикрытием агрессивных действий. Договор требовал соблюдения установленных статей и грозил за их нарушение тягчайшими карами: заранее объявлял нарушителей клятвопреступниками, бесчестными, незаконными, лишенными права выступать в каких бы то ни было правовых актах, а кроме того, подлежащими огромному штрафу — в размере 10 тысяч

¹⁵ В. Г. Васильевский. Обращение Гедимина. ЖМНП, 1872. ч. CLIX, отд. II, стр. 149.

¹⁶ LUB, II, № 616 и Regesta № 714.

¹⁷ Там же, № 643 и Regesta № 743.

¹⁸ VMPL, I, № 204; LUB, II, № 630 и Regesta № 728.

¹⁹ LUB, II, № 670 и Regesta № 785.

марок серебром. При этом оговаривалось, что из штрафных сумм одна треть должна отчисляться в пользу папской курии.²⁰ Несмотря на возведенные в договоре «благочестивые» его цели, несмотря и на то, что курия получала прямую выгоду от него, новый папа Иоанн XXII специальной буллой от 21 декабря 1317 г. и особыми посланиями в адрес ордена и рижского капитула аннулировал этот договор, объявил его «недействительным и ничтожным» и под страхом отлучения запретил заключение подобных соглашений впредь. Все клятвы и обязательства, принесенные участниками этого соглашения, папа объявил потерявшими силу.²¹

Папа руководствовался вовсе не соображениями гуманности и сострадания к жертвам разбойничьего сговора прибалтийских феодалов. Дело обстояло проще: насилия, чинимые немецкими рыцарями, привели местное население в состояние такой возбужденности, вызвали такое негодование, что это стало угрожать самым основам немецко-католического господства в Прибалтике. Папа сам картинно описывает разгул орденских братьев, «не знающих пощады ни к полу, ни к возрасту, творящих беззакония и доводящих многих до того, что они возвращаются к язычеству», не желая вследствие обид и притеснений, чинимых орденом, оставаться в христианской вере. «Они, — заявляет папа в своей булле от 23 февраля 1318 г., — страдают больше от безбожия христиан, чем от враждебности язычников».²² Нужно ли более убедительное свидетельство того, что представляло собой господство крестоносцев в Прибалтике?

Бесчинства ордена терроризировали и саму церковь. Этим и объясняется столь энергичное вмешательство папы в эти дела. Под угрозой лишения всех постов и имуществ, а в случае дальнейшего неповиновения — под страхом отлучения от церкви, папа потребовал от ордена немедленного прекращения беззаконий, возвращения всего того, что было самочинно захвачено, недопущения чего бы то ни было подобного в будущем и явки его представителей к папскому престолу для ответа на предъявленные обвинения.²³

Однако борьба с орденом была делом непростым. Он имел, по-видимому, сильных и авторитетных заступников и в папской курии. Действуя сначала методом затяжек и проволочек, представители ордена через некоторое время перешли от обороны

²⁰ Там же, № 654 и Regesta № 758.

²¹ Там же, №№ 659, 660 и Regesta №№ 765, 766; VMPL, I, № 214.

²² LUB, II, № 661 и Regesta № 769.

²³ Там же.

к нападению и летом следующего, 1319 г., представили папе длинный список тяжких обвинений по адресу рижской церкви, не прекращающей, мол, «свои незаконные посягательства» на имущество ордена. Этим ходом орден добился превращения угрожавшего ему чрезвычайного процесса в обычную бюрократическую тяжбу, одну из тех, вести которые папские куриалы были непревзойденными мастерами. В особых буллах, изданных по этому случаю, папа назначил до десятка расследователей и судей, привлекая архиепископов и епископов из всех стран Европы.²⁴

Все эти действия, предпринятые Иоанном XXII сначала с большой горячностью, вскоре, под давлением скрытых сил, пущенных в ход орденом, были основательно заторможены, никаких результатов не дали и общее положение вещей в Прибалтике не изменили. Во всяком случае, с 1321 г. обострилась борьба между орденом и архиепископом рижским Фридрихом фон Пернштейном. Архиепископ выступает в интересах города, и горожане предпринимают энергичные меры, чтобы защитить себя от насилий, творимых орденом. Разгоревшаяся борьба вышла за рамки прежних стычек и вскоре приняла характер открытой войны. Архиепископ вступает в союз и с литовцами, которые не меньше рижан страдали от постоянных злодеяний немецких рыцарей.

Как ни далека была от Рима арена, где разыгрывались эти события, в папской курии не упускали их из виду и следили за всякой возможностью использовать их в своих целях. Такая возможность, как казалось папским дипломатам, представилась на рубеже первой и второй четверти XIV в.

Глава II. ПАПСТВО И ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ГЕДИМИНЕ

Воспользовавшись ослаблением политической силы ряда русских феодальных княжеств в результате их борьбы друг с другом, литовский князь Гедимин (1316—1341 гг.) широко развернул свою агрессию на восток. Наступление Литвы и захват ею ряда русских областей облегчались тем, что отдельные русские князья в своих феодальных междоусобицах сами обращались за помощью к литовскому князю. Постепенно под литовское господство подпали территории Белоруссии и часть украинских земель. Вслед за присоединением еще в начале XIV в. Полоцка и Полоцкой земли, литовские феодалы захватили при Гедимине

²⁴ Там же, № 669 и Regesta № 780—784.

Минск и Витебск и, овладев Турово-Пинским княжеством, дошли до границ Киевской и Чернигово-Северской земли, достигнув левобережья Днепра.²⁵ Захватив эти исконно русские земли, Гедимин стал называть себя «королем Литвы и Руси» и принял активное участие в феодальных междоусобиях русских князей, поддерживая Тверь против Москвы, Псков против Новгорода.

Расширение Литовского государства и усиление великокняжеской власти в Литве было связано и с тем, что в росте могущества Литвы местные феодалы рассчитывали найти опору для борьбы с татарами, а еще больше — с немецкими рыцарями, не перестававшими угрожать своими захватническими действиями. Орден не был уже способен к ведению больших войн на востоке, к совершению дальних походов, но он не прекращал постоянных нападений, частичных захватов отдельных городов или земель, особенно близлежащих. Эти набеги повторялись все чаще.

В 1309 г. резиденция великого магистра Тевтонского ордена была из Венеции перенесена в Мариенбург, в устье Вислы, и это послужило как бы сигналом к новой активизации наступательных действий ордена против Польши — в Поморье и против Литвы. Орден укрепил свои позиции в Прибалтике на территории от Вислы до Наровы, отрезав от моря Польшу, Литву и русские земли. Заодно орден добивался также захвата датских владений в северной части Эстонии с Ревельским замком, из-за чего еще в XIII в. шла долгая и упорная борьба.

Немецкая агрессия становилась все более угрожающей для Литвы, и в 20-х годах XIV в. князь Гедимин в поисках заступничества и помощи против дерзких нападений ордена решил обратиться к папе римскому.

Папская политика в эту пору находилась под сильным влиянием французских королей, мало интересовавшихся планами восточной феодально-католической экспансии. С другой стороны, усиление Тевтонского ордена и его ответвления — Ливонского ордена в Прибалтике — ставило, как мы видели, в очень стесненное положение рижское архиепископство, которое в папской курии продолжали рассматривать как миссионерский центр на северо-востоке Европы и базу для дальнейшего проникновения католической церкви на восток. С Ригой поддерживалась оживленная связь, и курия пыталась сохранить за собой руководство действиями «миссионеров» в Прибалтике.

²⁵ Очерки, II, стр. 518—522.

В этой связи следует понять обращение папы Иоанна XXII (1316—1334 гг.) вскоре по вступлении его на папский престол, к литовскому князю Гедимину (3 февраля 1317 г.). Пространное послание исполнено богословско-схоластических рассуждений об «истинности» догматов римско-католической церкви. Здесь нет ни исторических ссылок, ни политических посулов, лишь в заключении этого религиозно-поучительного наставления говорится о смысле всего писания в таких словах: «...если ухо твое ты склонишь к просьбам и увещаниям нашим и благочестиво обратишься к богу, сердце наше многожды возрадуется в госпoде» и «ты найдешь отверстыми врата милостей апостолического престола для возвеличения чести твоей». Напыщенными речами папа пытался воздействовать на князя и туманными обещаниями побудить его к подчинению римскому престолу.²⁶ Такое отвлеченно-схоластическое послание вряд ли могло вызвать при дворе литовского князя живой интерес, и неудивительно, что оно осталось без ответа.

Тем же днем датировано другое папское послание, обращенное к «русским князьям» (*Ducibus Ruthenorum*). По-видимому, имелись в виду мелкие князья на Украине, которых папа призывал «вступить в единение с римско-католической церковью».²⁷

Очевидно, что с самого начала понтификата Иоанна XXII в курии снова пробудился интерес к «русскому вопросу». Вышедший из среды кагорских ростовщиков и спекулянтов, Иоанн XXII известен необычайной изобретательностью, с которой он взялся за налаживание финансовых дел папства, понесшего в начале XIV в. в ряде западноевропейских стран значительные потери. В стремлении компенсировать эти потери Иоанн XXII и обратил внимание на Русь, являвшуюся не только обширной страной с многочисленным населением, но и ближайшим соседом католических западноевропейских государств.

Между тем положение в Ливонии становилось все напряженнее. Самочинству рыцарей, грабивших горожан или совершавших свои «рейзы» (набеги) на земли, подвластные литовскому князю, не было конца. Само собой получалось, что рижане объединялись с литовцами в постоянной борьбе, которую и тем и другим приходилось вести против ордена.

²⁶ Это письмо, впервые извлеченное из Ватиканского архива (*Regesta Vaticana*, t. 63, f. 358, n. 104), напечатано в: Wl. Abraham. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi, t. I, Lwow, 1904, стр. 365; PUB. II, № 174. См.: H. Spliet. Die Briefe Gedimins. Sinsheim, 1953, стр. 10.

²⁷ PRU. I, № 36.

Третьей стороной, самым ходом событий включавшейся в борьбу против рыцарей как общего врага, были русские, жившие вне литовских владений, прежде всего новгородцы и псковичи. Основой, скреплявшей их общий фронт, были экономические связи — прочные и давние, приобретшие характер постоянных, взаимовыгодных экономических сношений.²⁸ Бесчинства рыцарей наносили серьезный вред этим экономическим интересам, и поэтому рыцари возбуждали против себя ненависть и местного населения, и его ближайших соседей, а также рижского духовенства, заинтересованного в этих торговых сношениях.²⁹

Общими силами литовцы и русские, поддерживаемые местным населением в Прибалтике, не раз наносили рыцарям чувствительные ответные удары. Тяжелые потери понесли немцы весной 1322 г., когда пытались организовать очередную «рейзу» в земли литовцев. Рыцари забили тревогу, и папа Иоанн XXII вынужден был для пополнения поредевших рядов «защитников веры» объявить проповедь «крестового похода» для поддержания «верных» в Пруссии и Ливонии. Проповедь поручалась ордену доминиканцев, о чем курия изготовила специальную буллу.³⁰ Крестоносцы во главе с мелкими немецкими и польскими князьями, общим числом, как утверждает летописец, 20 тысяч человек, обрушились на земли жмуди. Описывая грабеж, разрушения и массовую резню, которые учинили рыцари, летописец ордена сообщает, что «не были пощажены даже неразумные мальчишки».³¹

Развернувшаяся в странах Западной Европы, в особенности в Германии, Чехии и Польше, проповедь «крестового похода», особые «милости», которые церковь предоставляла отправляющимся с этой целью в Ливонию, создавали для литовцев опасное положение и заставляли Гедимина искать из него выхода, по крайней мере возможности получить передышку. Гедимин решил обратиться к папе, чтобы добиться его поддержки против ордена.³² Многое подталкивало его к этому решению: дав-

²⁸ В Новгороде в это время существовали «гостиные дворы» для иноземных купцов при католических церквях: св. Петра и св. Олафа (Spliet, ук. соч., стр. 8).

²⁹ Торговые связи Риги с Западной Европой простирались в это время через Нижнюю Германию и Скандинавию до самой Англии и Франции (Spliet, ук. соч., стр. 9).

³⁰ LUB, II, Regesta № 800.

³¹ SRP, I, 186.

³² Интересны письма рижан к Гедимину, в которых они настаивают на том, чтобы князь, а также его подручный Давид Гродненский ни в коем

ление, которое на протяжении ряда лет пытался оказывать на него рижский архиепископ, папское послание от 3 февраля 1317 г., проповедь нищенствующих монахов, которых он допустил в свои земли, где они развернули активную деятельность, добившись даже положения советников короля, но прежде всего — здравый государственный ум, позволивший ему понять трудное положение папской власти в Прибалтике в связи с разгоревшейся борьбой папы с императором. Все эти стимулы способствовали формированию плана крупного дипломатического маневра, который Гедимин начал своим письмом 25 января 1323 г., адресованном из Вильны папе римскому в Авиньон.³³

Письмо представляет собой пространную жалобу на орден с перечислением беззаконий, совершенных рыцарями за последнее время. Этими насилиями, которыми рыцари возбудили против себя ненависть мирного населения, Гедимин объясняет то, что князья литовские отступили от христианства, в свое время принятого Миндовгом и начавшего распространяться в стране: «... жестокие оскорбления и постоянное вероломство рыцарей немецкого ордена заставили и его отступить от христианства и нас принуждают до сих пор оставаться в заблуждениях, унаследованных от предков». Далее Гедимин приводит ряд фактов бесчинства рыцарей: «... разоряя и превращая в пустыню земли моих подданных, они говорят, что это делается для защиты христианства», писал он. Князь особо подчеркивал свою веротерпимость и полную свободу христианской проповеди, какой пользуются в его землях монахи нищенствующих орденов: «Если я веду войны против христиан, то не для того, чтобы разрушить католическую веру, а лишь ради своей собственной защиты, отражая обиду и насилие, как это делают все христианские короли и князья». После картинного описания бедствий, причиняемых орденом, и уверений в проявленной им до сих пор полной лояльности к католицизму, князь просит папу обратить внимание «на наше печальное положение» и заявляет: «... мы готовы вам во всем повиноваться, подобно всем прочим христианским государям, мы готовы принять католическую веру, если только мы ничем не будем при этом обязаны вышеуказанным палачам, т. е. вышеуказанным Магистру и рыцарям». В заключительной части письма Гедимин заявляет, что он «избирает папу в качестве отца себе, своим детям и потомкам»

случае не заключали бы мира с орденом без участия города и архиепископа Риги (LUB, VI, № 3068 и Regesta № 803b; RLU, № 53).

³³ Письмо это включено в папскую буллу от 1 июня 1324 г. (HRM, I, № 109 и VMPL, I, № 290).

и просит «прислать к нему своего легата».³⁴ Письмо Гедимина рисовало перед римскими политиками реальные перспективы неожиданных значительных приобретений.

Однако общеполитическая обстановка для папства была слишком сложной и искушенные папские дипломаты не спешили с конкретными мерами. Они боялись обострить положение еще больше, так как открытая враждебность в отношении ордена могла бы усилить лагерь главного врага папы в эти годы — германского императора Людовика Баварского, толкнув орден на союз с ним.

Между тем Гедимин энергично пытался расширить круг своих сторонников, на поддержку которых он мог бы опереться. Одновременно с письмом в Авиньон он обращается с посланием «ко всем почитателям христианства, рассеянным по всему миру, мужчинам и женщинам, а особенно к важнейшим городам: Любеку, Штральзунду, Бремену, Магдебургу и Кельну».³⁵ Ясно, что города эти выбраны не случайно: все они, наиболее тесно связанные с Ригой и вообще с Прибалтикой, были весьма заинтересованы в устранении всех помех на пути свободной торговли в этих районах. Отметим, что все поименованные города — главные члены Ганзейского союза, начинающего складываться в эту пору.

Справедливо придавая первостепенное значение тому, что бесчинства немецких рыцарей создают невыносимые условия для купцов, поддерживающих торговые связи между Западом и Востоком, Гедимин, искавший со стороны папской курии помощи против рыцарей, вместе с тем не забывал о том значении, какое имели вопросы, связанные с развитием торговли в Прибалтике. Более того, он учитывал и тягу к колонизации во многих районах Германии и в некоторых других странах, где люди, стонавшие под гнетом феодалов, искали лучшего места под солнцем.

Письмо свое он писал как манифест, объявив всему миру о льготах и вольностях, которые он предоставляет каждому, кто пожелает переселиться в его владения: «Мы открываем всем и каждому, кто имеет к тому добрую волю, свободный доступ в земли, владения и царство наше воинам, оруженосцам, купцам, ремесленникам всякого рода: кузнецам, тележникам, сапожникам, кожевникам, мельникам, мелким торговцам — всем им мы готовы дать земли, каждому по его достоинству. Те, которые захотят поселиться у нас как земледельцы, могут пользо-

³⁴ Там же.

³⁵ RLU, № 54; LUB, VI, № 3069 и Regesta № 805c.

ваться нашей землею в продолжение десяти лет без всякой подати. Купцам мы открываем беспрепятственный вход и выход в наших владениях, без всяких пошлин и повинностей. Все вообще переселенцы будут пользоваться правами города Риги, если только по совету знающих людей они не найдут более выгодным для себя избрать право какого-либо другого города. Мы желаем с настоящего времени укрепить вечным союзом мир, братство и любовь со всеми последователями Христа».

Гедимин заявлял также, что он готов с охотой принять у себя епископов, священников и монахов любого ордена, только бы их жизнь не была порочной и «не были бы они подобны тем, которые строят монастыри, собирая пожертвования у добрых людей, а потом (эти монастыри, — *Б. Р.*) продают».³⁶ В конце послания выражена просьба о том, чтобы городские власти повелели бы списать копию с него и немедленно отослали бы эту копию в соседний город с тем, чтобы обо всем сказанном было бы «ведомо всем».

Таким широковещательным обращением Гедимин серьезно укреплял свои позиции. За этим первым шагом, последовали и другие. В мае того же 1323 г. литовский князь делает новую попытку обеспечить себе поддержку со стороны курии, рижской церкви и широкой общественности Западной Европы в борьбе с орденом и в своем стремлении усилить его политическую изоляцию. С этой целью он рассылает почти одновременно 4 письма.

Первое из этих писем, точная дата которого неизвестна, адресовано Гедимином, «королем литовцев и многих русских», как он себя именовал,³⁷ папе Иоанну XXII.³⁸ В основном оно повторяет январское письмо к папе и написано в духе миролюбия и доброжелательства по отношению к католической церкви и католикам. Автор заявляет, что рыцари ордена постоянно препятствовали и продолжают препятствовать попыткам сближения его с церковными властями, при этом они утверждают,

³⁶ Здесь Гедимин делает намек на продажу монахами Дюнамюнде своего монастыря рыцарям ордена.

³⁷ LUB, II, № 687 и Regesta № 808; RLU, № 56. — Таково же именование Гедимины в имперских и папских посланиях («rex Letwinorum et multorum Ruthenorum»).

³⁸ Ряд авторов не признает подлинности этого послания. Последний из исследователей, занимавшийся этим вопросом, Герберт Сплит считает (ук. соч., стр. 12), что было бы невероятно, даже нелепо («widersinnig»), посылать два письма так скоро одно за другим (конец января и май), да к тому же с почти одинаковым содержанием (ук. соч., стр. 21). В большой литературе, посвященной этому вопросу, имеются сильные доводы у сторонников обеих точек зрения.

что «защищают христианскую веру». Между тем он, Гедимин, в своей стране не только не враждует с христианами, но напротив предоставляет полную свободу проповеди монахам францисканцам и доминиканцам, которых он держит и при своем дворе в качестве советников. В заключение князь просит папу войти «в его горестное положение» (*in flebilem statum nostrum*) и объявляет себя готовым «во всем повиноваться и принять католическую веру, как другие христианские государи», поскольку, добавляет он, он ни в чем «не будет зависим от вышеупомянутых мучителей, т. е. Магистра и братьев».

Хотя письмо кажется оборванным и не имеет обычных заключительных формул, оно тем не менее, очевидно, существовало, так как Гедимин ссылается на него в трех других письмах, разосланных им почти одновременно с этим. Подтверждается и его содержание, которое подробно излагается в папской булле от 1 июня 1324 г.³⁹

Таким образом, Гедимин обратился в мае 1323 г. вторично к папе, изъявляя готовность стать под его власть и выражая свое согласие принять католическую веру.

К этому сводилось содержание майского письма к папе, приписываемого Гедими́ну, а также трех других писем от его же имени, которые, как уже упомянуто, были разосланы также в мае. Датированные 26 мая того же 1323 года, они вкратце повторяют письмо папе, об отправке которого и сообщают: в одном — «ученым и благочестивым мужам, магистрам Ордена проповедников (доминиканцев, — *Б. Р.*) всех провинций, либо приорам, всем братьям, особенно же магистру Саксонскому и приорам, стоящим под его началом»,⁴⁰ в другом же — представителям ордена «меньших братьев» (францисканцев), поименованных также подробно, и снова — «особенно же начальнику Саксонии»⁴¹ (саксонской провинции ордена францисканцев).

Последнее из серии майских писем Гедими́на обращено, как и его письмо от 25 января того же года, к городам Любек, Росток, Штральзунд, Грейфсвальден, Штеттин, о. Готланд «к купцам и ремесленникам всякого состояния».⁴² Оно и по содержанию сходно с этим январским письмом, адресованным «ко всем христианам», а также с майскими письмами монашеским орденам. Центральное место в нем уделяется широкому провозглашению свободы веры и многих льгот, которые будут

³⁹ LUB, VI, № 3069.

⁴⁰ Там же, II, № 688 и Regesta № 809.

⁴¹ Там же, № 689 и Regesta № 810.

⁴² Там же, № 690 и Regesta № 811.

предоставлены каждому, кто переселился бы во владения короля. И здесь князь просит свое послание широко обнародовать и, списав с него копию, отослать без промедления в другие города, чтобы «воля наша была бы возглашена всем».

Сохранился еще один документ, связанный с этими тремя письмами. Это нотариальный акт, составленный в городе Любеке 18 июля того же 1323 г. общественным нотариусом Иоанном Бременским и заверенный целым рядом лиц, в том, что два члена рижского городского совета, Генрих Кальмар и Иоанн Роген, предъявили три письма Гедимины, адресованные доминиканцам, францисканцам и городам Любек, Росток и другим. Эти письма, содержание которых текстуально излагается и совпадает с упомянутыми письмами, признаются подлинными, составленными по должной форме и снабженными подробно описываемой печатью литовского короля Гедимины.⁴³

Письма Гедимины получили распространение и вскоре оказали свое воздействие на политическую обстановку в Прибалтике. Своей миролюбивой политикой Гедимин содействовал значительному усилению позиций пролитовской группировки среди рижского населения. 10 августа 1323 г. представители сословий собрались в Эрмесе, где обсудили и приняли мирные предложения Гедимины.⁴⁴ Спустя же два месяца (2 октября) на этой основе Гедимин заключил в Вильне мир с полномочными представителями ливонских и эстонских феодалов.

Сохранилась королевская грамота и встречная грамота самих послов по этому поводу. Из этих документов становится ясным, что Гедимин одержал над орденом крупную политическую победу. Наряду с представителями архиепископа и епископов-суффраганов (дерптского и эзельского), а также рижского капитула и городских властей Риги и Дерпта, мирное соглашение подписали и представители датских феодалов (королевских васалов) и обоих нищенствующих орденов — доминиканцев и францисканцев, а самое главное — и представители Ливонского ордена.

Следует отметить, что Гедимин в своей грамоте упоминает прежде всего русских — «айшоуты, саменты, псковичи и все нам подчиненные рутены» (русские), в чьих интересах заключен этот «прочный мир».⁴⁵ Условия соглашения предусматривают пол-

⁴³ Там же, № 690 и Regesta № 812.

⁴⁴ Spliet, ук. соч., стр. 25.

⁴⁵ LUB, II, №№ 693, 694 и Regesta №№ 815, 816. — Высказанные по поводу этих документов сомнения в подлинности, по-видимому, неосновательны, поскольку весь текст соглашения помещен в булле папы

ную свободу передвижения по всем сухопутным и водным путям сообщения, а также свободу торговли, исключительно мирное разрешение всяких могущих возникнуть конфликтов, законность и право для каждого в соответствии с законами каждой страны. Одним из пунктов соглашения является взаимное обязательство возвращать беглых крепостных. Это относилось, очевидно, главным образом к Литве и свидетельствует о развитии в ней феодальных отношений.

Позиции Гедимины укрепились, соотношение сил между ним и орденом резко изменилось в его пользу. Вместе с тем выгоду из майских писем Гедимины извлек и рижский архиепископ, который мог в папской курии представить новую позицию короля как результат своего влияния на него и своего церковного рвення. Тем самым архиепископ опровергал жалобы на него со стороны ордена, обвинявшего его в «сговоре с язычниками», как его враги стремились изобразить добрососедские отношения между Ригой и Вильно.

В ордене были очень обеспокоены тем, какое впечатление письма Гедимины произведут на всем Западе, и особенно в Авиньоне. С лихорадочной активностью орден предпринял свои контрмеры. Об этом свидетельствует новая серия документов от октября 1323 по январь 1324 г. В течение этих трех месяцев в папскую курию поступает ряд единых по своему значению, общих по духу и аналогичных по содержанию писем, посвященных миру, заключенному с Гедимином. Все эти письма явно инспирированы орденом, хотя орден сам или его прямые представители открыто и не выступают. Это понятно, поскольку, как упоминалось, орден также принял участие в мирном соглашении 1323 г. Но это участие было вынужденным. Мирные отношения налагали узду на агрессивную политику рыцарей, что их отнюдь не устраивало. Они принимают энергичные меры, чтобы скомпрометировать этот мир, изобразить Гедимины «врагом христианства», коварно таящим опасные замыслы. Вторая задача, которой орден добивался, — снять с себя те обвинения, которые возводили на него майские письма Гедимины, особенно по вопросу об «обращении» литовцев. В условиях того времени обвинение в том, что своими действиями орден не только тормозил распространение христианства в Литве, но содействовал возвращению уже «обращенных» к язычеству, звучало достаточно серьезно и могло повлечь за собой крутые меры церковного руководства.

Этим и следует объяснить поток писем и официальных заверений в защиту ордена. 16 октября 1323 г. такого рода послание, составленное в очень энергичном тоне, публикует епископ эрмеландский (Пруссия) совместно с остальными руководителями и всем капитулом этой епархии.⁴⁶ Авторы не скрывают своей задачи и объясняют свое выступление желанием оправдать орден от обвинения в том, что он препятствовал литовцам принять христианство. Они пишут, что всякие обвинения против ордена не заслуживают доверия. Несколькими днями позднее (24 октября) тот же епископ, совместно с другими прусскими епископами — самландским и помезанским, а также пробстом кульмским (епархия была до декабря вакантной) и другими представителями этих епархий, публикует послание, обращенное ко всему духовенству Прибалтики, к феодалам, рыцарям и вассалам, к городским советам Риги, Дерпта, Ревеля и других городов и ко всем общинам, в котором в патетических выражениях объявляет, что мир, заключенный с литовцами, является «делом дьявола» и что он приведет к гибели не только их самих, но и Пруссию, а потому пусть, пока еще не поздно, все откажутся от этого мирного соглашения.⁴⁷

Еще месяцем позже выступил представитель ордена францисканцев, глава прусской провинции этого ордена, Николай, который обратился совместно со своими подначальными, к папе с ходатайством за Тевтонский орден, возводя на Гедимины тяжкие обвинения.⁴⁸ Аналогичное послание Николай публикует «ко всем верным христианам».⁴⁹ 17 января 1324 г. письмо, дословно повторяющее эти послания Николая, направляют в папскую курию в Авиньон аббаты двух монастырей: оливского — Павел и пёльплинского — Иордан.⁵⁰

Одновременно орден предпринял и другой маневр. Желая иметь спокойный тыл на случай дальнейшего обострения отношений с Литвой, орден добивался умиротворения на востоке. С Новгородом был заключен договор, в котором объявлялся «вечный союз» (*ewige Vorbindige*) и взаимопомощь против литовцев, а также их союзников.⁵¹

⁴⁶ LUB, II, № 695 и Regesta № 817.

⁴⁷ Там же, № 696 и Regesta № 819; RLU, № 59.

⁴⁸ LUB, II, № 696 и Regesta № 822.

⁴⁹ Там же, № 698 и Regesta № 821; RLU, № 60.

⁵⁰ LUB, II, № 699 и Regesta № 824.

⁵¹ Там же, № 685 и Regesta № 806; RLU, № 55. — Опубликован не самый текст договора, а сообщение о нем 6 представителей ордена, подписавших его. Неясна точная дата документа. В нем говорится, что договор был заключен в 1323 г. в последнюю пятницу перед «святым христовым

Между тем и Гедимин не сидел сложа руки. Стремясь закрепить достигнутое им в Прибалтике более выгодное соотношение сил, он старался заручиться поддержкой папы. В Авиньоне дело об «обращении» литовского короля было принято настолько серьезно, что Иоанн XXII счел нужным еще 7 ноября 1323 г. сообщить своему фактическому патрону — французскому королю Карлу IV о том, что Гедимин написал ему о своей готовности подчиниться римской церкви и просил прислать к нему полномочных легатов.⁵²

В пользу Гедимины действовала и значительно возросшая напряженность отношений между Авиньоном и орденом. Дело в том, что «прочный мир», как он был назван в договоре 2 октября 1323 г., призванном упорядочить отношения в Прибалтике, вовсе не оказался прочным. Враждебные столкновения не прекращались, население по-прежнему страдало от бесчинств и грабежей. Виновником, как легко догадаться, был орден, для которого, как уже сказано, заключение мира было лишь вынужденной необходимостью и являлось помехой в разворачивании их наступательных действий на восток.

Однако заручиться поддержкой в курии на этот раз ордену не удалось. Дело осложнилось для него политической борьбой, которую в 1323—1324 гг. Иоанну XXII приходилось вести с германским императором Людовиком Баварским. Последнего поддержала часть итальянских городов — Милан, Триент и другие. В конце 1323 г. эта борьба приняла особенно острый характер. Папа вызвал Людовика к себе на суд, приказал вывесить о том объявление в кафедральном соборе Авиньона. Император апеллировал в манифесте к Европе на папское решение. В своей борьбе с папой он использовал выдающегося ученого своего времени Марсилия Падуанского.

Между тем Тевтонский орден являлся одним из орудий имперской политики, хотя и действовавшим достаточно самостоятельно. Связи немецких рыцарей в Прибалтике с феодалами собственно Германии были очень тесными и заставляли орден идти в курсе имперской политики. Естественно, что это возбуждало сильное недовольство в курии. С другой стороны, враждебность между орденом и рижским архиепископством также создавала для ордена невыгодные условия в Авиньоне. Этим

днем» («vor des heiligen kerstes dage»). В литературе существует разногласие относительно этого выражения. Авторы, понимающие под ним «Сретение», празднуемое 2 февраля, приходят к датировке документа 28 января. Другие, понимающие под ним «Рождество», что кажется более правдоподобным, датируют его 23 декабря.

⁵² LUB, II, № 697 и Regesta № 820.

необходимо объяснить то, что несмотря на энергичные меры, которые принял в это время орден, чтобы подорвать обвинения, возведенные на него Гедимином, в курии на этот раз одержали верх защитники архиепископа и орден оказался осужденным.

10 февраля 1324 г. папа издал буллу, явившуюся грозным обвинительным актом против ордена. В ней говорилось о поступивших к папе серьезных жалобах на орден, которые, хотя руководители ордена (магистры и комтуры) их и отвергают, требуют прямого папского вмешательства, поскольку касаются дела всей церкви. Далее одна за другой перечислялись эти жалобы, рисующие картину дикого самоуправства и насилия, жестокой эксплуатации местного населения рыцарями ордена. Булла упоминала и о сговоре 1316 г. и подтверждала объявленное уже ранее аннулирование этого и всякого подобного соглашения. Орден обвинялся в том, что он препятствовал проповеднической и «миссионерской» деятельности доминиканцев и особенно францисканцев, что чинил помехи в сношениях с папой представителей римской церкви, а также папских легатов, что захватил имущество и права рижского архиепископа и других церковных феодалов, а также имущество и права города Риги и его граждан, что препятствовал свободному проезду паломников и других христиан, направляющихся в Ригу, что совершал нападения на них и подвергал их задержанию.⁵³ Булла упоминала о том, что рыцари держатся многих враждебных христианству языческих обычаев, практикуют добивание раненых, трупосожжение, гадание, прорицания и т. п. Все эти и многие другие упомянутые в папской булле проступки предлагалось под страхом строгих наказаний, вплоть до отлучения, немедленно прекратить, впредь не допускать, все незаконно захваченное возвратить владельцам.⁵⁴ Булла ярко освещает тот режим бесправия и насилия, который немецкие рыцари установили в Прибалтике, рассматривая ее как завоеванную страну, где все принадлежит завоевателю, а те, кто смеет сопротивляться, подлежат физическому уничтожению. Папа выступил против «методов» экспансии ордена, понимая, что они грозят сорвать вообще все дело проникновения католицизма на восток, тем более, что папа получал новые сообщения о готовящемся официальном подчинении литовского короля римской церкви.

В начале 1324 г. Гедимин поручил францисканцам Геннекину и Бертольд, помогавшим ему в его сношениях с Западом, составить письмо к папе с просьбой прислать своих легатов. Ку-

⁵³ VMPL, I, № 279; LUB, II, № 700 и Regesta № 825.

⁵⁴ Там же.

рия отправила к Гедимину двух полномочных папских нунциев, — епископа алетского (электенского) Варфоломея и аббата Бернарда из Бенедиктинского монастыря св. Теофреда в городе Пюи. По этому случаю была изготовлена целая серия папских посланий, оповещавших весь «христианский мир» о таком важном событии, как «обращение короля литовцев и многих русских». Всего курией было изготовлено 11 посланий, датированных 1 июня 1324 г. и касавшихся поездки нунциев в Вильну.⁵⁵

На первых порах дело шло как будто к благоприятному для папы концу. Нунции отправились по назначению. 22 сентября они прибыли в Ригу с намерением отправиться в Вильну, где должна была состояться церемония крещения короля и его приближенных. Предварительно они отправили к королю своих уполномоченных, которым поручалось провести подготовительные мероприятия.

В Риге нунции опубликовали 20 октября послание, обращенное к ордену, в котором требовали неукоснительного соблюдения мирного соглашения 1323 г. под угрозой строгих наказаний, вплоть до отлучения и интердикта. При этом, как указывалось в послании, эти наказания могли быть сняты только самим папой или же авторами послания.⁵⁶

Одновременно и папская курия 31 августа того же 1324 г. опубликовала буллу, утверждающую мирный договор ливонских феодалов с Гедимином от 2 октября 1323 г. и также требовавшую строгого соблюдения этого соглашения.⁵⁷

Посольство, отправленное папскими нунциями в Вильну, возвратилось 25 ноября 1324 г. в Ригу, принеся с собой ошеломляющее сообщение: Гедимин не только не собирается «обращаться», но объявляет письмо папе подложным. Он, оказывается, вовсе не велел писать то, что в письме было написано, и никаких папских легатов он не ждет. Более того, их самих — уполномоченных — Гедимин не пожелал принять иначе, как на официальной аудиенции, в присутствии своих приближенных, и поэтому они не могли передать ему всего того, на что были уполномочены.

Боясь, видимо, как бы их самих не сочли виновниками неудачного исхода миссии, послы нунциев просили, чтобы Гедимин отправил с ними в Ригу своего посла, который сам сообщил

⁵⁵ HRM, I, №№ 101—111; LUB, II, №№ 703—705 и Regesta №№ 828—830; RLU, № 63, 64.

⁵⁶ LUB, II, № 708 и Regesta № 833; RLU, № 66.

⁵⁷ LUB, II, № 707 и Regesta № 832.

бы об ответе Гедимины. Этот посол и облегчил их задачу, заявив папским представителям все, что было сказано князем.⁵⁸ Он подчеркнул, что хотя князь не имеет намерения креститься, как, в сущности, не имел такого намерения и ранее, однако по-прежнему никаких препятствий католическому духовенству чинить не собирается, если только оно само не будет нарушать законные порядки государства. Об этом сообщает даже резко враждебный Гедимину Петр Дусбургский.⁵⁹

Таким образом стало ясно, что все планы, связывавшиеся с намеченным «крещением» Гедимины, рухнули.⁶⁰ После краха этой затеи необходимо было как самому архиепископу Фридриху, приложившему немалые усилия к этому делу, так и папским нунциям принять меры к тому, чтобы оправдать себя в глазах папы. Вину за все происшедшее должен был понести орден, который беспрерывными жестокими насилиями скомпрометировал католическую миссию в Прибалтике. Конечно, была в этом значительная доля правды, но независимо от действий ордена католическая экспансия была глубоко ненавистна народам Прибалтики, рыцари же многократно усиливали эту ненависть. Лишь только выехали из Вильны послы папских нунциев в сопровождении посла Гедимины, чтобы доставить в Ригу ответ литовского князя, как он послал сильные отряды против рыцарей. Эти отряды отбросили врага, вторглись в Розитенский округ и нанесли здесь ливонским рыцарям серьезный удар.⁶¹

Вновь обострившаяся борьба позволяла архиепископу и нунциям с большой убедительностью изобразить виновными во всем только рыцарей. Весной 1325 г. этот план был приведен в исполнение. В торжественной обстановке, в присутствии папского нунция аббата Бернарда, всего духовенства и огромного числа прихожан, в соборной церкви Риги архиепископ Фридрих провозгласил церковное проклятие магистру Ливонского ордена и всему ордену и объявил все их владения под интердиктом. Церемония была проведена трижды — 4, 5 и 7 апреля, о чем сохранилась нотариальная запись в Рижском архиве. Соответственное оповещение было прибито на воротах рижского собора, зачитано на площадях и разослано по всем церквам рижского архиепископства.⁶²

⁵⁸ RLU, № 67.

⁵⁹ SRP, I, 192.

⁶⁰ Подробное изложение всех обстоятельств дела сохранилось в отчете города Риги за ноябрь 1324 г. (LUB, VI, № 3073 и Regesta № 835b).

⁶¹ SRP, I, 192; RLU, № 69.

⁶² Codex diplomaticus prussicus, hrsg. v. J. Voigt, Bd. II, № CXI. Königsberg, 1842; LUB, II, № 710 и Regesta № 837.

Более подробно обстоятельства всего этого эпизода выясняются из донесения, составленного в ноябре 1324 г. послами папских нунциев и архиепископа Фридриха по их возвращении из Вильны. В сохранившемся черновике этого донесения⁶³ излагаются все переговоры в Вильне и обстоятельства, связанные с майскими письмами Гедимины.

Авторы донесения утверждают, что хотя князь и знал об отправке писем, но точный текст их ему не был известен, а того, что в них сказано, он «писать не велел». Против приписываемого ему якобы желания принять христианство он решительно возражал, а свои слова о том, что он готов считать папу «вместо отца», объяснил тем, что папа старше его по возрасту, а таких он почитает как отца, а младшего себя считает сыном, равных себе — братом.

Дальше, по донесению послов, Гедимин заявил: «...пусть христиане (католики, — Б. Р.) чтут бога по своему обычаю, русские — по своему обряду, поляки — по своему, а мы чтим бога по нашему обряду, и все имеем единого бога». Одним словом, «смысл писем» (*tenorem litterarum*) он подтвердил, за исключением только вопроса о его крещении, так как он «не желает креститься». При этом он высказался в таких словах: «Что вы мне говорите о христианах? Где найти больше беззакония, большую несправедливость, насилие, губительство, стяжательство, чем среди христиан, и особенно среди тех, которые, как крестоносцы, представляются набожными, а творят одно зло, хватают епископов, держат их в заточении, в бедственном состоянии, пока не выговорят за них удовлетворяющего их возмещения, некоторых изгоняют, клириков и монахов убивают, причиняют величайшие бедствия рижской общине». И далее Гедимин говорил о том, как рыцари неверны слову, даже присяге, постоянно нарушают мир, как убивают мирных послов, отправляемых им.

Было бы неверно понять весь этот эпизод только как результат своеобразного подлога, совершенного францисканцем, писавшим письмо от имени короля, как неверно и предположение, что Гедимин заранее продумал всю эту мистификацию.

Свет на действительный смысл событий бросает заключительная часть донесения, в которой авторы сообщают, что, как им по секрету сообщили в Вильне, «пруссские братья (рыцари ордена, — Б. Р.) дали много тканей и всякого добра вождям самейтов (жмуди) с тем, чтобы они выступили против короля (Гедимины) и заявили ему, что если он примет веру (католи-

ческую), они его вместе с его родичами свергнут и в союзе с братьями Тевтонского ордена изгонят из королевства и полностью истребят. Угрожали королю подобным образом и русские, и вследствие всего этого король и отказался от принятия веры (католической), и поэтому не было больше и речи о крещении». ⁶⁴

Помимо рыцарей, натравивших, по словам авторов донесения, жмудинов и русских против Гедимины, действовал в том же направлении и доминиканец Николай, состоявший также в числе Гедиминовых советников и изображавший ему в мрачных красках перспективы подчинения власти папы или рижского архиепископа, которые, мол, совершенно бессильны против ордена. Вместо этого он якобы тайно советовал Гедимину сблизиться с каким-либо сильным государем — королем венгерским или чешским, которые могли бы оказать ему защиту и поддержку. Интересно также сообщение уполномоченных об их беседе с переводчиком Гедимины, тоже францисканцем, Геннекином, который решительно утверждал, что князь имел вполне серьезное намерение принять католичество и что он с большой охотой велел писать письма (майские). Почему же князь отступил от этого намерения, он объяснить не мог, сославшись на дьявола, «посеявшего свое семя».

Донесение приоткрывает, таким образом, завесу над острой борьбой, развернувшейся при дворе литовского князя в связи с папской экспансией на востоке.

Столкнулись не только сторонники и противники этой экспансии, но вместе с основными противоречиями выявились и сплелись в общий клубок и острые противоречия между архиепископом и орденом, и борьба между доминиканцами и францисканцами. Политическая борьба, разгоревшаяся в крупных масштабах в Европе, борьба между папой и Людовиком Баварским, преломленная через вражду рижской церкви и Ливонского ордена, через монашеское соперничество доминиканцев и францисканцев, получила свое отражение при дворе литовского князя в Вильне.

Авторы донесения сообщают еще об одной интересной стороне этого дела. По их словам, когда 7 ноября, через два дня после первой официальной встречи с Гедимином, они попросили вторичной аудиенции, выразив желание поговорить с князем без свидетелей, им было отвечено, что это невозможно и что вообще встретиться с ними князь больше не сможет, поскольку в Вильно прибыли татарские послы, с которыми он ведет пере-

⁶⁴ Там же, № 67, стр. 47.

говоры. Эти послы были присланы могущественным ханом Золотой Орды Узбеком, находившимся, однако, во враждебных отношениях с великим ханом, с которым папская курия, как известно, пыталась в эти годы вступить в связь. При этих обстоятельствах прием Гедимином представителей папских послов, а тем более самих послов, находившихся в Риге, мог бы осложнить ход переговоров с послами Узбека, чего Гедимин никак не хотел, стремясь заложить основу мирных отношений с грозным ханом Золотой Орды.

Этот эпизод еще полнее раскрывает сложную политическую обстановку, в которой Гедимину, очевидно, не оставалось никакого другого выхода, как отказаться от прежних обещаний и от переговоров с представителями папской курии.

Папство оказалось, таким образом, перед совершенно неожиданным для него крушением, казалось, совсем реальных планов значительного расширения своей власти на востоке.

В конце мая, после восьмимесячного совершенно бесплодного пребывания в Риге, папские послы отправились в обратный путь, потребовав напоследок, чтобы епископы и орден уплатили бы им 380 золотых гульденов. Так как орден остался глух к требованиям представителей «апостолического престола», они предали его, главным образом для самоутешения, новому проклятию.⁶⁵

Насколько папская курия была скомпрометирована всем происшедшим, ясно из того, что ни имя Гедимины, ни злополучные «майские письма» ни в каких папских посланиях, ни в письмах рижского архиепископа, ни в писаниях францисканцев более не упоминаются.

Что касается Гедимины, то он продолжал борьбу против своего главного врага — Ливонского ордена. Отражая оружием посягательства рыцарей и вторгаясь в пределы их владений, производя временами серьезные опустошения, литовский князь упорно боролся и за усиление политической изоляции ордена. Он рассылал послания с обвинениями против рыцарей, стремясь возможно шире разгласить факты нарушения мира 1323 г. со стороны ордена и уличая его в вероломстве и предательстве.⁶⁶

Гедимин рассматривал вопросы религиозные прежде всего как вопросы политические. А так как важнейшей политической задачей он считал закрепление своих позиций на подвластных ему землях и учитывал, очевидно, что значительная часть этих

⁶⁵ LUB, II, № 712.

⁶⁶ RLU, №№ 69, 71; LUB, VI, № 3075.

его владений связана с Литвой достаточно слабо, будучи по своим национальным, историческим и культурным традициям исконно русской, то он проявлял веротерпимость и терпимость национальную. В Вильно были основаны два католических монастыря, проповедовали доминиканские монахи, католические священники. Вместе с тем Гедимин не препятствовал распространению православия, строительству православных церквей. Сын его исповедовал православие, хотя сам Гедимин, очевидно, христианской веры не придерживался — ни православной, ни католической. Борьбу с орденом Гедимину пришлось вести до конца своей жизни, хотя в последние годы рыцари, сильно ослабленные в ходе этой борьбы, успешной для Литвы, значительно умили свой пыл и не решались на прежние попытки больших захватов на территории, подвластной литовскому князю.

Глава III. АНТИРУССКАЯ ПОЛИТИКА ПАПСКОЙ КУРИИ В XIV И НАЧАЛЕ XV в.

Неожиданный исход авантюры с «обращением» Гедимины заставил курию временно отказаться от надежды установить свое влияние на обширных литовско-русских землях. Правда, летом 1327 г. Иоанн XXII снова обращает взоры в эту сторону: в своем послании королю польскому Владиславу Локотку он предлагает обратиться в католичество, как он его называет, «князя Руси Болеслава, внучатого племянника твоего» (*properos tuus*).⁶⁷ Болеслав был зятем и единомышленником Гедимины. В дальнейшем, добившись княжеской власти на Украине, он вел борьбу с боярами, которые в конце концов отравили его. В другом послании, адресованном самому Болеславу, папа также убеждает его насчет «единой веры».⁶⁸ Но это единичный, не имевший серьезного значения факт.

По-прежнему внимание папства к восточным границам его сферы влияния во второй четверти XIV в. привлекала Прибалтика. Здесь основательно укрепились позиции Тевтонского ордена, и Авиньону пришлось с этим мириться. В сложной и временами трудной борьбе, которую курия снова была вынуждена вести в эти годы с императором, рыцари заставили церковную власть пойти на большие уступки. В 1330 г. было заключено перемирие в длительной войне, происходившей между орденом, с одной стороны, Ригой и архиепископством — с дру-

⁶⁷ HRM, I, № 112; VMPL, I, № 383; PRU, I, № 40.

⁶⁸ HRM, I, № 113; VMPL, I, № 384; PRU, I, № 41.

гой.⁶⁹ И хотя магистр ордена Эбергард Мангеймский подтвердил все привилегии города, перемирие было связано с явным ущемлением позиций последнего. Ливония обязалась ежегодными значительными платежами в пользу ордена,⁷⁰ а вскоре имперским указом Людовика IV Баварского ордену были предоставлены и права власти и суда в городе.⁷¹ Все эти уступки рыцарям курия принимала как неминуемое зло или необходимую жертву ради того, чтобы не порвать отношений с орденом.

Однако при новом папе Бенедикте XII (1334—1342 гг.) курия начинает усиливать противодействие притязаниям ордена в Прибалтике. Рыцарей объявляют незаконно захватившими владения рижской церкви и именем папского престола им предлагается возвратить все захваченное.⁷² В ответ на возросшую активность церковных властей орден добился от императора передачи ему в 1339 г. всей Эстонии с Ревелем (Таллин) и Ревельским замком.⁷³ Так как земли эти находились во владении датского короля Вальдемара II, была проведена сложная матримониально-политическая комбинация: Вальдемар уступил Эстонию сыну императора в качестве приданого за своей сестрой Маргаритой,⁷⁴ а император в те же дни обратился с посланием к своему сыну, предлагая ему вступить в переговоры с орденом о совершении этой сделки.⁷⁵ В результате Эстония сделалась владением Тевтонского ордена, заплатившего в течение 5 лет датскому королю за нее ничтожную сумму — 19 тысяч марок серебром.⁷⁶ В 1347 г. король датский Вальдемар III официально известил папу Климента VI о состоявшейся продаже Эстонии Тевтонскому ордену.⁷⁷ Папе не осталось ничего другого, как утвердить эту сделку, невзирая на то, что папским позициям в Прибалтике был нанесен ощутительный удар.⁷⁸

Существует еще один документ, могущий свидетельствовать о том, как широко развернул свою экспансию в Прибалтике Тевтонский орден. Это грамота императора Людовика Баварского, которой он «дарует» ордену всю Литву с Жмудью, Русью

⁶⁹ LUB, II, №№ 740, 741.

⁷⁰ Там же, № 745.

⁷¹ Там же, № 749.

⁷² Там же, №№ 773, 778.

⁷³ Там же, № 786.

⁷⁴ Там же, №№ 790, 798.

⁷⁵ Там же, № 791.

⁷⁶ Там же, №№ 805, 814, 850, 852, 855.

⁷⁷ Там же, № 877.

⁷⁸ Там же, № 885; HRM. I. № 115.

и др.⁷⁹ Уже давно высказаны серьезные сомнения о подлинности такого, единственного в своем роде, документа, который, если бы был подлинным, мог бы явиться лишь иллюстрацией поразительной невежественности некоторых политических деятелей того времени, не отдававших себе отчета в реальном положении вещей.

Ослабление папских позиций в Прибалтике усиливало позиции ордена. Его верховный магистр признавался уже с этого времени имперским князем.⁸⁰ Все это побуждало орден к активности. Как всегда, прикрываясь фальшивым флагом «насаждения веры», рыцари принялись с новой силой неистовствовать в своих «владениях». Особенно бесчинствовали они в эстонских землях. Если раньше они подвергали эстонцев опустошительным набегам как враги, то теперь они свирепствовали здесь как «хозяева».

Эстонский народ не вытерпел издевательств и летом 1343 г. поднялся в единодушном протесте против своих мучителей. Началось народное восстание, в короткий срок охватившее почти всю страну. Рыцари были застигнуты врасплох. Многие были уничтожены. В условиях вспыхнувшего восстания, прежние трения между феодалами были забыты. Духовенство и феодалы в Эстонии, а также именитые горожане Ревеля поддержали рыцарей, с которыми незадолго до того находились в длительном раздоре.⁸¹ Не только местное духовенство, но и папская курия стояла, конечно, целиком на стороне ордена в его борьбе с эстонским народом. Восстание рассматривалось как безбожное, еретическое выступление, а кровавое его подавление как дело благочестия, заслуга перед верой и церковью. Интересное свидетельство об этом сохранилось в папской булле от 9 февраля 1346 г. В ней архиепископу рижскому предлагается предоставить диспенсацию (освобождение от наказания) некоему схоластику по поводу совершенного им в 1343 г. убийства одного эста, отказавшегося от католичества.⁸² В этом документе интересно указание на то, что восставшие отказывались от католической веры, которая в их сознании теснейшим образом сплеталась с иноземным угнетением и феодальной эксплуатацией.

⁷⁹ RLU, № 79. См.: M. Hein. Die Verleihung Lithauens an den Deutschen Orden durch Kaiser Ludwig von Bayern im J. 1337, *Altpreuss. Forsch.*, Bd. 19, 1942, стр. 36—54.

⁸⁰ I. Ficker. *Vom Reichsfürstenstande*, Bd. I, Innsbruck, 1861, стр. 97 и 281.

⁸¹ LUB, II, № 820.

⁸² L. Arbusow. *Römischer Arbeitsbericht*, II. *Acta Universitatis Latviens*. Bd. XX, 1929, стр. 530, № 74a.

В папской курии отдавали себе отчет в том, насколько опасны выступления угнетаемого населения и для католической миссии. В 1327 г. Иоанн XXII в специальной булле потребовал от архиепископа гнезненского и епископа любушского, чтобы они тщательно следили за «пограничными с Русью областями» (*circa finem Russiae*), дабы предупредить возможные там восстания, против которых он обязывал применять решительные меры.⁸³ У папы были основания опасаться ненависти народов Прибалтики к католическим «миссионерам», в которых простые люди распознавали агентов вражеских сил. Об этом свидетельствовали не только эстонские события 1343 г., но и события в Вильне в 1332 г., когда возмущенное население истребило 14 папских агентов, францисканских монахов.⁸⁴ То же имело место в украинских городах. Даже небеспристрастный польский историк Длугош пишет, что ненависть к католицизму, принудительно навязанному литовско-русскому населению, находившемуся под польским владычеством, была столь велика, что оно искало против польско-католических угнетателей помощи у татар. На территории, захваченной в 40-х годах XIV в. поляками, закрывались православные церкви или их превращали в католические; русско-украинское духовенство подвергалось жестоким преследованиям. Особого интереса заслуживает сообщение о том, что в Галиче православную церковь называли «крестьянской церковью», в противоположность католической церкви, которую воспринимали как церковь господ.⁸⁵

Спустя 25 лет после провала планов папской курии, которые были связаны с «обращением» Гедимины, папа Климент VI предпринял новое наступление на Русь, на этот раз с севера. Он поддержал шведского короля Магнуса Эриксона, вознамерившегося захватить Прибалтику. Король начал в 1348 г. агрессию против Новгорода, окончившуюся для шведских рыцарей в 1351 г. поражением, после которого Магнус вынужден был заключить с новгородцами мир на условиях полного отказа от агрессии. За несколько месяцев до плачевного исхода своей военной авантюры Магнус постарался заручиться помощью папы. В связи с этим 14 марта 1351 г. в папской курии было составлено 7 булл, имевших целью помочь Магнусу в его войне против русских.

Одна из них была адресована епископам эзельскому, дерптскому и препозиту рижской церкви, которым предлагалось при-

⁸³ VMPL, I, № 376; PRU, I, № 39.

⁸⁴ The catholic encyclopaedia, N. Y., 1911, v. XIII, стр. 255.

⁸⁵ Ed. Winter. Byzanz und Rom im Kampf um die Ukraine (955—1939). Leipzig, 1942, стр. 35.

нять строгие меры к недопущению продажи оружия, железа, лошадей и продовольствия русским — «врагам католической веры».⁸⁶ В этой булле рисуются всевозможные ужасы, которые якобы ожидают чуть ли не весь «христианский мир», если русские не будут побеждены Магнусом, названным в булле «дражайшим во Христе сыном нашим, великим королем Швеции». О русских говорится, что они «нападают с чудовищной свирепостью, истребляя одних мечами, других повешением на деревьях, третьих укусами собак, а четвертых умерщвляя в невообразимых пытках». В этой грубой и лживой антирусской агитации звучит давняя острая вражда папства к Руси и русскому народу.

Вторая булла в адрес ордена предлагала рыцарям оказать шведскому королю помощь в его войне против русских.⁸⁷ В третьем и четвертом посланиях папа адресуется к польским прелатам.

Своими посланиями папа стремился создать единый фронт антирусской агрессии, связав шведское наступление с захватническими действиями польского короля Казимира III, вторгшегося в галицкую землю и насильственно водворявшего здесь католичество. Папа в своей булле устанавливает на четыре года во владениях Казимира особый сбор, в размере $\frac{1}{10}$ всех церковных доходов, на помощь польскому королю в его «священном» деле «обращения русских», т. е. попросту на войну против Руси.⁸⁸ Наконец, пятое, шестое и седьмое послания содержат распоряжения, адресованные архиепископам трех скандинавских церквей с их суффраганами, о том, что, по просьбе шведского короля, «крестоносцам против русских» даруется такое же отпущение грехов, какое получали крестоносцы, отправлявшиеся в Палестину.⁸⁹ В другом распоряжении папа хлопочет о посылке на южную Русь доминиканских монахов для католической проповеди.⁹⁰

Если Климент VI проявил столько энергии в оказании помощи шведскому королю в его нападении на Русь, то его преемник Иннокентий VI всемерно готов был помочь тевтонским рыцарям в новом нападении на русские земли, которое ими предпринималось. С этой целью папа направляет 23 ноября 1353 г. два послания: одно герцогу мазовецкому,⁹¹ другое

⁸⁶ VMPL, I, № 700; LUB, VI, № 2846 и Regesta № 1103a.

⁸⁷ VMPL, I, № 701; LUB, VI, № 2847 и Regesta № 1103b.

⁸⁸ VMPL, I, №№ 702 и 703; PRU, I, № 43.

⁸⁹ HRM, I, № 166. См.: Arbusow, ук. соч., стр. 558, № 162a—с.

⁹⁰ VMPL, I, № 964; PRU, I, № 58.

⁹¹ VMPL, I, № 727; PRU, I, № 46.

венгерской королеве Елизавете,⁹² требуя от обоих, чтобы они не допускали среди своих подданных благожелательного отношения к литовцам и русским, против которых собирается воевать орден.

Несколько позже (в 1356 г.) тот же папа издал буллу, запрещавшую ливонским купцам торговать с русскими.⁹³ Через 10 лет об этом запрете упоминается в переписке советов города Любека и Штральзунда.⁹⁴

Насильственное насаждение католичества на южнорусских землях, захваченных польской короной, связано особенно с именем папы Григория XI (1371—1378 гг.). Едва лишь вступив на папский престол, он издал буллу в адрес гнезненского архиепископа и его суффраганов, в которой требует от них особого внимания к францисканцам, «ведущим проповедь в русских областях» (*in partibus Russiae*).⁹⁵ В послании от 19 июля 1372 г., адресованном епископу краковскому, папа уже прямо предлагает отстранить «схизматических епископов» от их церквей.⁹⁶ В булле 1373 г. подобное же указание дается монахам-францисканцам, и наконец в булле от 13 февраля 1375 г. («*Debitum pastoralis officii*») папа приказывает удалить православных епископов с кафедр в Перемышле, Галиче, Владимире-Волынском и Холме и передать эти кафедры католикам, подчинив их епископу любушскому.⁹⁷ При этом упоминается, что кафедральные соборы каждого из указанных городов принадлежали ранее «схизматикам и еретикам», как папские куриалы называли русских. Все папское послание выдержано в резко враждебном тоне. В нем предъявляется требование «полностью истребить всякие заблуждения этого рода» (имеется в виду православная вера) на Руси.

Что агрессивность папской церкви в ее стремлении обосноваться на южнорусских землях возрастала и что, с другой стороны, все сильнее становилось народное сопротивление этой религиозно-политической агрессии, доказывает, по нашему мнению, папская булла от 3 марта того же 1375 г. на имя архиепископа гнезненского и его суффраганов, в которой курия предлагает сообщить им свое мнение о целесообразности перенесения архиепископской кафедры латинской церкви из Галича во

⁹² VMPL, I, № 728; PRU, I, № 47.

⁹³ VMPL, I, № 765.

⁹⁴ LUB, II, № 1037.

⁹⁵ VMPL, I, № 900; PRU, I, № 52.

⁹⁶ HRM, I, № 118; VMPL, I, № 910; PRU, I, № 54.

⁹⁷ VMPL, I, № 964; PRU, I, № 58.

Львов.⁹⁸ За этим, казалось бы чисто административным вопросом можно, однако, рассмотреть серьезные трудности, которые испытывало католическое духовенство на южнорусских землях. Главным обстоятельством, диктовавшим необходимость перенесения церковного центра из Галича, было, как об этом сказано в папской булле, отсутствие городских стен, что делало архиепископство беззащитным «перед татарами с одной стороны, литовцами и схизматиками (русскими, — *Б. Р.*) — с другой».⁹⁹ Во Львове же стены были хорошо укреплены, а главное — можно было больше довериться его населению, которое «резко выделяется, будучи более довольным и благожелательным к архиепископству».¹⁰⁰

Другим, не менее убедительным свидетельством напряженных отношений, сложившихся у католического духовенства с местным населением, может служить малоизвестное папское послание 1381 г.,¹⁰¹ предписывающее магистру ордена доминиканцев назначить специального инквизитора «для Руси и Валахии».¹⁰² В булле подчеркивается право и обязанность инквизитора, пользуясь всеми средствами, какими инквизиция располагает, искоренять «заблуждения» на Руси¹⁰³ и особенно бороться с проявлениями недовольства или возмущениями против апостолической власти.

Методы расправы католической церкви с инакомыслящими папа пытался перенести с Запада на Русь.

Несколько позднее, в 1387 г., тот же папа предложил насильственно обращать в католичество русских на землях подвластных католическим князьям в Литве, Польше и т. п., применяя со всей строгостью принудительные меры вплоть до телесных наказаний. Одновременно, в том же году, папа отправил своих послов на Русь для переговоров. Об этом сохранилось глухое сообщение в литовской рукописи.¹⁰⁴

⁹⁸ VMPL, I, № 967; PRU, I, № 60.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ «et populo plenus extitit, sufficientior et aptior pro sede archiepiscopali» (там же). — Эта папская булла была опубликована еще в HRM, где она ошибочно датирована 1232 г. и приписана Григорию IX вместо Григория XI (HRM, I, № 37). Грубую ошибку А. И. Тургенева изобличает самое содержание документа, в котором идет речь о татарах, нападающих на галицкие земли, и прямо говорится о правителе Галича Владиславе Опольском, по инициативе которого и поднят был вопрос о перенесении архиепископства и который правил в 1375 г.

¹⁰¹ Название месяца и число в сохранившемся тексте буллы опущены.

¹⁰² HRMS, № 164.

¹⁰³ «ad extirpandos errores in Russia» (там же).

¹⁰⁴ См.: Д. А. Толстой. Римский католицизм в России, т. I. СПб., 1876, стр. 7.

Настойчивость, с которой католическое духовенство действовало в соседних с Русью землях, давала известные результаты. В связи с политической унией (Кревской) Польши и Литвы, заключенной в 1385 г., все литовцы были обязаны принять католичество.

Снова ожили папские планы распространения католичества на Руси. Любушский епископ рассматривает ее как сферу своего влияния и в одном из своих посланий заявляет, что «вся Русь принадлежит любушской епархии».¹⁰⁵

Не раз возвращалось папство и в XIV в. к своей идее о «восточной унии», неизменно рассматривая ее как путь к гегемонии над Византией и Русью. Эти предложения (о признании главенства папы) привезли в Константинополь легаты Бенедикта XII в 1334 г.¹⁰⁶ Они же были предметом переговоров в Авиньоне в 1339 г., когда туда прибыл из Константинополя посол императора Варлаам Калабрийский, который заявил в своем выступлении латинянам: «Не столько различия в догматах отделяют от вас сердца греков, сколько ненависть против латинян, вошедшая в их души из-за многих больших бедствий, которым греки в различные времена подвергались от латинян и еще теперь иногда подвергаются. Пока эта ненависть не будет уничтожена — уния не может состояться».¹⁰⁷

Новые переговоры по поводу унии пытался повести и папа Климент VI, который предлагал императору Иоанну VI Кантакузину собрать вселенский собор для этой цели. Император на эти призывы не отозвался. Но уже следующий папа, Иннокентий VI, добился от византийского императора Иоанна Палеолога I значительных уступок. Император в 1356 г. принес папе клятву в верности и повиновении как верховному главе церкви и обещал предоставить епископские кафедры лицам, готовым повиноваться папе. Он предлагал папе основать в Константинополе три школы для духовенства и даже поставил первым в списке будущих питомцев этих школ имя своего сына.¹⁰⁸

А спустя еще 13 лет император Иоанн V Палеолог, отправившись в Рим, выразил папе Урбану V полное признание его супрематии и подписал личную унию с папской церковью.¹⁰⁹

¹⁰⁵ «tota Russia pertinuit ad episcopatum Lubicensem» (В. Магеевский. История первобытной христианской церкви у славян. Варшава, 1840, стр. 153 и 232, примеч. 374).

¹⁰⁶ Norden, ук. соч., стр. 702.

¹⁰⁷ MPG, CLI, col. 1336. См.: BB, т. VIII, стр. 134.

¹⁰⁸ Raynaldi, a. 1353, § 20/I и a. 1356, § 33—35.

¹⁰⁹ A. A. Vasiliev. Il viaggio dell'Imperatore Bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'Unione di Roma del 1369. Studi Bizantini e Neellenici, 1931, (III) стр. 151—193.

Все эти «успехи» папской политики, однако, оставались пустой декларацией. Никакого сближения между католичеством и греками не происходило, никакой реальной власти папа на Востоке не получил. В самой Византии уступки императора папству вызывали резкий протест.¹¹⁰ Главной же причиной бесплодности усилий папства было то, что при всех этих переговорах об унии римской и греко-византийской церкви оно игнорировало русскую церковь и русское государство, в то время как по территории и населению Русь давно сделалась важнейшей частью всего греко-византийского (православного) мира.

Быстро растущее к концу XIV в. значение Москвы как центра складывающегося в Восточной Европе мощного государства, ее роль как объединяющей силы, сплачивающей воедино феодальные княжества Руси, освобождение от татарского ига, — все это способствовало укреплению традиционных связей с Константинополем. Во второй половине XIV в. оживляются торговые сношения с Византией через черноморские колонии в Кафе и Судак, возрождается русская торговая колония в Константинополе, хотя и существовавшая издревле, но после татарского нашествия фактически прекратившая свое существование. Интересные сведения об этом сохранились в «Хождении митрополита Пимена в Царьград» (1389 г.).¹¹¹

Экономические, политические и культурные связи московской Руси с Византией получили идеологическое закрепление в вероисповедной общности обеих стран, другой стороной которой была чуждость странам католическим.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что сепаратистская антимосковская политика в ряде русских княжеств, особенно в Полоцке, Пскове и Новгороде, оказывалась в XIV в. окрашенной подчас и в прокатолические тона. Бросается в глаза, что в этих центрах росло влияние католической пропаганды, строились новые католические церкви, в большем числе появлялись монахи различных орденов. Основой этих процессов были сравнительно оживленные торговые сношения Полоцка и Новгорода с Прибалтикой, экономические интересы этих торговых центров, направленные на запад.¹¹²

¹¹⁰ Католический временник, вып. 1, Париж, 1927, стр. 30.

¹¹¹ М. Н. Тихомиров. Византия и Московская Русь. Историч. журн., 1945, № 1—2, стр. 9—10.

¹¹² И. Тихомиров. Торговые сношения Полоцка с Ливонией в XIV в. ЖМНП, 1877, ч. СХСIV, отд. II, стр. 232—239; М. П. Лесников. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV—начале XV в. Историч. зап., № 39, 1952, стр. 259—278.

Все же, когда перед русскими людьми появлялась внешняя опасность, эти интересы отдельных групп населения отступали перед общими задачами сплочения сил формировавшейся нации, в ее стремлении отстоять свою независимость. Это ярко показали события начала XV в. В исторической Грюнвальдской (Танненбергской) битве 15 июля 1410 г., когда немецкие рыцари в последний раз попытались прорваться на Восток, Тевтонский орден понес полное поражение от соединенных сил польско-литовско-чешско-русских войск. Хорошо известно, что решающий перелом в ходе сражения определило неожиданное для немцев выступление смоленских полков под начальством князя Юрия Лугвиниевича. Смоляне поддержали дрогнувшие было польско-литовские полки, приняв на себя главный удар врага, выстояли в критический момент боя и тем самым повернули битву к роковому для немцев исходу. Даже в германской шовинистической литературе битва под Грюнвальдом оценивается как тяжелый удар, понесенный орденом, вследствие которого дальнейшие попытки наступления немецких рыцарей на восток были окончательно пресечены.¹¹³

Значение этого поражения ордена достаточно ясно характеризуют слова крупного исследователя истории борьбы за Балтику Ю. В. Готье — «дальнейшая история Тевтонского ордена является историей его падения».¹¹⁴

Полстолетия после Грюнвальдской битвы привели орден к потере своей независимости: он признал себя вассалом Польши и великого княжества Литовского. У рыцарей остались только низовья Вислы, Немана и часть соединяющего их морского побережья.¹¹⁵

Крушение Тевтонского ордена было одновременно тяжелым ударом по позициям папской курии. Независимо от того, каковы были в тот или иной исторический момент взаимоотношения между папством и орденом, приобретавшие временами весьма напряженный характер, власть ордена в Прибалтике означала активную экспансию папской церкви на востоке. Самый характер ордена как рыцарско-монашеской организации способствовал такой экспансии. С ослаблением военных сил ордена, с падением его политического авторитета неизбежно ослабевал натиск католической пропаганды на восточных границах этого немецко-католического аванпоста.

¹¹³ Н. Aubin. Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches... HVJ, 1933, Н. 2, стр. 266.

¹¹⁴ Ю. В. Готье. Балтийский вопрос в XIII—XVI вв. Историк-марксист, 1941, кн. 6, стр. 89.

¹¹⁵ Там же.

Показательно и то, что в таких центрах, как Вильно, Полоцк, Витебск, создавалась благоприятная почва для антикатолических выступлений. Об этом говорит восторженный прием, который жители этих городов оказали Иерониму Пражскому — сподвижнику великого чешского реформатора Яна Гуса, когда он в 1413 г. совершал поездку по этим городам. Некоторые соратники и ученики Гуса были тесно связаны с Русью и Украиной.¹¹⁶

Однако политика правящих кругов польско-литовского государства во главе с королем Ягайло (1386—1434 гг.) делала снова резкий поворот в сторону западных соседей и, в частности, благоприятствовала новому усилению агрессивного католицизма. Способствовала этому еще в конце XIV в. своим религиозным рвением королева Ядвига, а после ее смерти (в 1399 г.) и сам Ягайло, хотя он лишь незадолго до этого (с 1386 г.) принял католическую веру. Его двоюродный брат Витовт, правивший его именем литовскими и русскими областями, держался иной ориентации и стремился заручиться поддержкой православного духовенства, не слишком благоволя к католикам. Не добившись осуществления своего плана об утверждении константинопольским патриархом Киева как митрополичьего центра и представленного им кандидата в качестве митрополита, Витовт, после того как патриарх назначил московским общерусским митрополитом грека Фотия (1408 г.), созвал в 1415 г. в Новогрудке восемь западнорусских и украинских епископов, избравших из своей среды киевского митрополита в лице Григория Цамблака.¹¹⁷

Новоизбранный митрополит в сопровождении внушительного числа епископов и прочего духовенства, а также и представителей светской знати, общим числом около 300 человек, явился 19 февраля 1418 г. на Констанцский собор с тем, чтобы вступить в унию с католической церковью. При этом намечалась уния с сохранением большей части православной обрядности, однако с признанием папы вместо патриарха во главе церкви.¹¹⁸ Среди сторонников унии были и более крайние ревнители католичества, настаивавшие на «*reductio ad ritum latinum*» (принятии латинской обрядности). Однако всем этим планам, даже тем, которые поддерживались умеренными сторонниками унии, не суждено было осуществиться. На аудиенции у папы Мартина V

¹¹⁶ Winter, ук. соч., стр. 43.

¹¹⁷ Там же, стр. 38; H. Jablonowski. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955, стр. 76.

¹¹⁸ Winter, ук. соч., стр. 39.

25 февраля 1418 г. Цамблак произнес большую речь на латинском языке, в которой предложил в целях заключения унии созвать собор с тем, «чтобы с обеих сторон собрались сведущие и опытные в законах, разбирающиеся в вопросах веры и в несогласиях между этим народом и святой римской церковью».¹¹⁹

Цамблак имел в виду православное население Литвы, т. е. в основной массе — русских, населявших области, входившие в состав польско-литовского государства. Несмотря на всю соблазнительность для папской курии такого расширения ее сферы влияния, какое обещала возможность предложенной Цамблаком унии, от более конкретных шагов в этом направлении пришлось отказаться, так как слишком очевидной была вся сложность осуществления этой затеи. Противоречия интересов были чересчур острыми, единства достичь не удавалось. Представители украинского духовенства понимали, что гораздо важнее укрепить отношения с Константинополем, чем искать иллюзорного соглашения с Римом. Между тем патриарх объявил киевского митрополита послушником. Договориться на соборе о сохранении православной обрядности было невозможно, так как основное требование — «причастие под обоими видами» — было отвергнуто, а главный его проповедник Ян Гус был подвергнут сожжению, после чего поддерживать такое требование на этом соборе, было, конечно, бессмысленно.

Хотя в своей речи Цамблак заявлял, будто среди русских «имеются многие, которые желают этой святой церковной унии», однако ясно, что митрополит представлял папе картину действительных отношений в розовом свете, выдавая желаемое за сущее.¹²⁰

Русское население об унии ничего не хотело знать. Небольшая группа сторонников унии имелась в составе посольства Цамблака, однако ничего общего с массой населения эта группа не имела. Так, ничего не достигнув, Григорий Цамблак возвратился в Киев, а через несколько лет умер (в 1420 г.).

Папская курия не упускает по-прежнему из своего внимания русские земли. В конце февраля 1415 г., незадолго до своего низложения за многие преступления по постановлению Констанцского собора, папа Иоанн XXIII назначил Ягайло и Ви-

¹¹⁹ «ut utrimque congregentur periti et experti juris, qui discernant de negociis fidei et hanc differenciam inter illam gentem cum sancta Romana ecclesia» (Acta Concilii Constantinensis, ed. H. Finke, t. II, Münster, 1898, стр. 167; Jabłowski, ук. соч., стр. 86).

¹²⁰ «qui cupiunt hanc sanctam unionem ecclesiae» (Acta Concilii Constantinensis, ed. H. Finke, t. II, Münster, 1898, стр. 167; Jabłowski, ук. соч., стр. 88).

товта генеральными викариями во владениях Новгорода и Пскова,¹²¹ что, правда, не имело какого-либо реального значения, если не считать постройки новой католической церкви в Новгороде для иностранных «гостей»,¹²² но свидетельствовало о том, что папы все же не забывали о восточной экспансии. Назначение, произведенное Иоанном XXIII, было впоследствии подтверждено его преемником Мартином V (1418 г.).¹²³

Если в Новгороде и Пскове назначение Ягайло и Витовта имело только номинальное значение, то обращение Витовта в католичество имело реальные последствия в самой Литве. Папство неослабно следило за ходом распространения католичества в этой стране, особенно в 1421—1423 гг.

Интересные документы, связанные с этим и до сих пор, по-видимому, не опубликованные, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА). Они представляют собой заверенные списки различных посланий из секретного архива Тевтонского ордена, находившегося в Кенигсберге. Списки эти изготовлены там в 1813 г., очевидно, по требованию Н. М. Карамзина, который использовал часть из них в своей «Истории государства Российского».

В послании от 31 мая 1421 г. папа Мартин V запрещает рижскому архиепископу и его суффраганам создавать какие-либо ограничения самаитам (жмуди), русским и литовцам, принявшим в государстве Витовта католичество. Этим неопитам (в тексте «poscofitae») должно быть обеспечено, как сказано в булле, всякое покровительство и безопасность.¹²⁴ Несколько позднее, 11 сентября 1421 г., другой буллой папа провозглашает приобщение к римско-католической церкви самаитов, обращенных «благодаря содействию короля польского Владислава и князя литовского Витовта».¹²⁵ О тех же новообращенных поданных Витовта пишет и ливонский магистр в своих посланиях великому магистру и архиепископу рижскому.¹²⁶ В 1423 г. великий магистр сообщает ливонскому магистру о посольствах к нему от князя литовского Витовта и от короля (Ягайло) и запрашивает его мнение о целесообразности отправки посольства на Русь.¹²⁷ Несколько позднее, в 1424 г., тот же великий

¹²¹ H. Bellée. Polen und die römische Kurie in den Jahren 1414—1424. Berlin—Leipzig, 1914, стр. 6.

¹²² См.: Толстой, ук. соч., стр. 15.

¹²³ HRM, I, №№ 119 и 120.

¹²⁴ ЦГАДА, ф. 147/1, д. № 5.

¹²⁵ Там же, д. № 7.

¹²⁶ Там же, д. №№ 9 и 10.

¹²⁷ Там же, д. № 16.

магистр запрашивает из Мариенбурга ливонского маршала о том, не собирается ли Витовт воевать с русскими.¹²⁸

По-видимому, орден, как и папская курия, не переставал возвращаться к вопросу о русских землях, ища возможности проникновения на Русь то путем дипломатических интриг, то путем войны.

Глава IV. ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ 1439 г., ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ И КРУШЕНИЕ ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОКЕ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Упадок средневекового папства, обозначившийся уже со второй половины XIII в., завершился крушением самой идеи папской власти, в понимании средневековья, в конце XIV—начале XV в. Раскол («схизма») католической церкви с двумя папами — в Риме и в Авиньоне, каждый из которых объявлял другого узурпатором, в короткое время лишил папство почти всякого авторитета. Оно вызывало к себе резко критическое отношение даже в лагере самой католической церкви. Видные ее представители, особенно во Франции, — Жан Жерсон, богослов Парижского университета, ученые прелаты Пьер д'Альи, Николай Кузанский и другие, становятся выразителями широкого движения, требующего поставить папскую власть под контроль церковных соборов.

Это «соборное движение» не ограничивается теоретической борьбой, оно добивается и некоторых практических успехов. Созыв в 1409 г. нового вселенского собора в Пизе, после столетнего перерыва (с 1311 г.) положил начало почти непрерывной сорокалетней полосе вселенских соборов (Пизанский, Констанцский, Павийский, Сиенский, Базельский, Феррарский, Флорентийский и Римский). Один этот факт свидетельствовал о глубоком кризисе папской власти. Еще ярче говорили об этом действия соборов, вплотную занимавшихся реорганизацией всего строя католической церкви.

В этих условиях вопросы, связанные с восточной экспансией отступили на второй план, хотя на соборах они иногда и всплывали. Так, на Констанцском соборе в феврале 1416 г. бурно обсуждался вопрос о враждебных отношениях между Тевтонским орденом и польско-литовским государством. Ничего реального это обсуждение не дало, если не считать рекомендации не прибегать к войне для разрешения споров, продлить заключенное ранее перемирие и не нарушать его, для чего собор отправил своих послов к обеим сторонам. На Базельском со-

¹²⁸ Там же, д. № 43.

боре в октябре 1431 г. снова разбирался спор между Польшей, орденом и Литвой. И на этот раз собор был бессилен оказать какое бы то ни было реальное воздействие на ход событий и ограничился новой отправкой послов с выражением своих сетований по поводу возобновившихся военных действий.¹²⁹ Через три года тот же вопрос опять встал перед собором.

Не раз обращался Базельский собор и к вопросу об унии церквей. В октябре 1431 г. собор предложил папе написать польскому королю Ягайло и литовскому великому князю Свидригайло, «чтобы они способствовали приведению русских к унии и отправили бы (послов, — *Б. Р.*) на собор.¹³⁰ Неизвестно, писал ли папа на восток, но непосредственные сношения собора с литовским князем завязались довольно активно и продолжались до 1435 г., когда после своего военного поражения 1 сентября в битве с войсками Сигизмунда Кейстутовича у реки Свенты Свидригайло потерял авторитет в глазах собора.¹³¹

Переписка между Базелем и Вильно неоспоримо доказывает, что идея унии получила известную поддержку в части феодальной (боярской) знати на Литве. Так, в письме Свидригайла Базельскому собору от 14 июля 1433 г. говорится, что он, Свидригайло, всеми средствами убеждения воздействует на «князей, воевод и знатных русских» (*principes, duces et seniores Ruthenorum*), чтобы склонить их к унии с римской церковью и чтобы они отправили своих послов на собор.¹³² Сохранилось и другое письмо от 22 марта 1433 г., в котором к Базельскому собору по тому же поводу обращаются сторонники Свидригайлы, именующие себя «князьями, знатыми, боярами, военными, городскими (людьми, — *Б. Р.*) и горожанами русских земель» (*principes, nobiles, boiari, militares, civitates et oppidani terrarum Russiae*).¹³³ Несмотря на упоминание о «городских людях» и «горожанах», среди подписей нет представителей действительно городского населения, все подписи сделаны знатыми — боярами и воеводами, связанными с правящими кругами. Нет и подписей духовенства.¹³⁴

Однако в 1434 г. русский митрополит Герасим, поставленный в предшествующем году константинопольским патриархом

¹²⁹ K. Forstreuter. *Preussen und Russland im Mittelalter*. Osteurop. Forsch., N. F., Bd. 25, Königsberg—Berlin, 1938, стр. 40 и сл.

¹³⁰ Jablonowski, ук. соч., стр. 89.

¹³¹ Там же.

¹³² Mansi, XXX, col. 627.

¹³³ Jablonowski, ук. соч., стр. 90.

¹³⁴ Там же.

и вернувшийся в Смоленск (до поставления он был здесь епископом),¹³⁵ поддержал инициативу Свидригайлы и отправил посольство к папе Евгению IV, которое заверило его в готовности Герасима заключить унию.

Папа ответил письмом 20 октября 1434 г.,¹³⁶ потребовав созыва местного собора православного русско-литовского духовенства, который принял бы формальное решение об унии, после чего предлагал оформить ее в Риме. Отвечал ли митрополит папе, неизвестно. Вскоре Герасим, обвиненный в поддержке врагов Свидригайлы, был арестован и предан сожжению. На этом оборвались, очевидно, переговоры об унии с представителями русско-литовского духовенства.¹³⁷

Однако этот вопрос не выходил из круга внимания Базельского собора. Председатель собора папский кардинал Джулиано Чезарини выступил в июле 1434 г. с большой речью на эту тему, закончив ее призывом преодолеть разногласия и добиться заключения унии.¹³⁸ О том же пишет и папа Евгений IV в послании собору от 20 октября того же года.¹³⁹

Затем в течение трех лет шли переговоры между Базелем и Римом с одной стороны и Константинополем с другой о подготовке совместного собора с участием как латинского, так и греческого духовенства.¹⁴⁰ После долгих споров по ряду вопросов, в частности и по вопросу о месте, в котором собрался бы такой совместный собор, было достигнуто предварительное согласование различных точек зрения.

Собор открылся 8 января 1438 г. в городе Ферраре, а с 26 февраля следующего года он продолжил свою деятельность во Флоренции, куда был перенесен под предлогом эпидемии чумы, разразившейся в Ферраре. На этом соборе обсуждалась и, как казалось, была решена стародавняя проблема католической церкви, которую без преувеличения можно считать важнейшей в политике папства на протяжении столетий, — «соединение» восточной и западной церквей. Не в первый раз церковный собор утверждал унию. Она была провозглашена уже на I Лионском соборе в 1245 г. и на II Лионском соборе

¹³⁵ ПЛ, стр. 42.

¹³⁶ Jabłonowski, ук. соч., стр. 91.

¹³⁷ Яблоновский подчеркивает, что Герасима, несмотря на имеющееся письмо папы к нему, нельзя считать ревностным сторонником унии. Переговоры имели, очевидно, только предварительный, формальный характер (Jabłonowski, ук. соч., стр. 91—92).

¹³⁸ Eug. Ciccioni. Studi storici sul Concilio di Firenze, 1869. parte I, стр. LXVIII—LXXIX.

¹³⁹ Там же, CV—CVI.

¹⁴⁰ Там же, стр. 58—202.

в 1274 г. Известно, сколь призрачными и бесплодными оказались эти решения. Но и на этот раз «уния» не стала более жизненной.

На феррарско-флорентийском соборе вопрос о соединении церквей занял центральное место. Предложенная правящими византийскими кругами, во главе с императором Иоанном VIII Палеологом, уния с Римом была ценой, за которую Византия надеялась получить военную помощь Запада против турок-османов, фактически уже подступивших к самой столице Империи. Император был уже данником турецкого султана и видел перед собой неминуемую угрозу окончательной гибели Империи.

После долгих предварительных переговоров, которые с лета 1434 г. уполномоченные императора вели с заседавшим в это время Базельским собором, Иоанн VIII, отчаявшись найти спасение иным путем, решил пойти на унию с католической церковью. Выехав в 1437 г. из Константинополя, император отправился, однако, не на Базельский собор, а к папе Евгению IV, который вел с собором серьезную борьбу. Летом 1437 г. собор предложил папе явиться в Базель на суд по ряду предъявленных ему обвинений. В ответ папа опубликовал буллу о переносе собора в Феррару, где он рассчитывал стать хозяином положения, тем более, что в перспективе имелся такой шанс, как уния с греками.

Этой сложной обстановкой и воспользовался император, решившийся пойти на унию, но стремившийся добиться за это от папства возможно больших уступок. Было очевидно, что позиции Евгения IV слабее, чем у Базельского собора, что папа более заинтересован в достижении соглашения, и потому от него можно было ждать большего.

Споры между папой и собором в Базеле привели к новому расколу, часть прелатов во главе с председателем собора кардиналом Чезарини переехала в Феррару. 8 января 1438 г. папа открыл в этом итальянском городе собор, на котором должен был решаться вопрос об унии церквей. На соборе присутствовали представители греческой церкви, прибывшие вместе с императором Иоанном VIII и константинопольским патриархом Иосифом. В их числе были представители и трех других восточных патриархов (сами они отказались поехать), до 20 архиереев, клирики Софийского собора и несколько ученых богословов. Прибыли представители из Валахии и Грузии.¹⁴¹

¹⁴¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 771.

Позднее (8 октября 1438 г.) прибыли и представители от русской церкви. Во главе их стоял незадолго до этого назначенный из Константинополя русским митрополитом грек словацкого происхождения Исидор, занявший в последующих событиях одно из первых мест. С Исидором приехало до 200 человек, между которыми, однако, был лишь один высший представитель церкви — суздальский епископ Авраамий. Многочисленность русских представителей подчеркивала, что для церковной унии с восточной церковью особое значение имела уния с церковью русской. Для обеих сторон вопрос об унии на Феррарско-флорентийском соборе был вопросом чисто политическим.

Если для греков уния имела практическое значение единственно в том, что только под этим условием можно было рассчитывать, через посредничество папы, на помощь от европейских государств против наседавших все более турок, то для Рима Византия в политическом отношении уже не могла являться в это время главной целью: в Риме достаточно понимали обстановку, чтобы не обольщаться пустой надеждой на уничтожение турецкого владычества на Востоке. Больше того, приходилось серьезно опасаться дальнейшего турецкого нашествия на Европу.

Что же в таком случае составляло для Рима политическую цель унии в 1439 г.? Эту цель следует видеть прежде всего в Руси, в подчинении папству стран и народов, подвластных московскому великому князю. В этом только и мог быть реальный смысл церковной унии для папства и для тех сил феодальной Европы, которые стояли за ним. Привлечение Московской Руси в папский лагерь являлось для этих политиков осуществлением самых смелых мечтаний. При этом условии можно было вернуться к надеждам противостоять туркам, отстоять Константинополь, остановить их нашествие на Балканах, создать им прямую угрозу с севера и востока. С другой стороны, папство неожиданно для себя оказывалось перед осуществлением своих многовековых устремлений на восток.

Наконец, такое укрепление папского лагеря должно было существенно изменить соотношение сил между ним и его политическими противниками, поддерживавшими враждебный папству Базельский собор. И с этой точки зрения позиция Москвы была также очень важна для Рима, тем более, что Польша вследствие политики Ягеллонов перестала в это время быть «верной дочерью» в глазах римской курии.

Католическая версия истории Флорентийского собора дошла до нас в своеобразной форме диалога, составленного

папским чиновником Андреа ди Санта Кроче и дополненного в 1638 г. библиотекарем Ватикана Джустиниано. Этот документ, хотя он и содержит некоторые ценные указания, в общем очень субъективен, неточен и не может дать ясной картины всех событий.¹⁴²

Главным источником по истории Флорентийского собора обычно считается труд грека Сиропула, опубликованный еще в XVII в. Робертом Крейтоном. Сиропул был главным экклесиархом собора св. Софии в Константинополе, одним из крупных греческих церковных деятелей из числа пяти ближайших советников и помощников константинопольского «вселенского» патриарха, так называемых «ставрофоров». Он принимал активное участие во всех работах собора и составил его историю, имеющую мемуарный характер. Она носит выразительное название: «Правдивая история несправедливой унии между греками и латинянами».¹⁴³ Однако уже давно установлено, что изложение Сиропула тенденциозно и сильно искажает действительный ход событий. В значительной мере виновником этих искажений был издавший Сиропула Крейтон.¹⁴⁴ Страдают тенденциозностью также греческие «Деяния Флорентийского собора» — плод усилий ученых секретарей и проунионистской редакционной обработки, вошедшие в многотомный свод католической истории соборов Манзи.¹⁴⁵ Сохранились также описания деятельности Флорентийского собора, принадлежащие перу русских участников событий, — епископа суздальского Авраамия¹⁴⁶ и суздальского иерея (он называет себя священноино-

¹⁴² Mansi, XXXIB, col. 1431 и сл. См.: Th. Fromann. Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung. Halle a/S, 1872, стр. 43—45.

¹⁴³ Sylvestros Syropulos. Vera historia unionis non verae inter graecos et latinos... Ed. R. Creighton, Hagae—Comitis, 1660. — Название дано издателем, в рукописи оно отсутствует.

¹⁴⁴ Fromann, ук. соч., стр. 52—56.

¹⁴⁵ Acta Concilii Florentini — см.: Mansi, XXXIA. — В настоящее время началось новое издание греческих «Деяний» (Quae supersunt Acta Graecorum Concilii Florentini, ed. Josef Gill, v. V, fasc. I—II, pars 1—2. Res Ferrariae Gesta. Res Florentiae Gesta. Roma, 1953). Автором этих «Деяний» долгое время признавали Виссариона Никейского (Гефеле, Лекерк, Васт). В новых исследованиях (Жилье, Лоран, Гофманн и др.) доказано авторство греко-латинского сторонника унии Дорофея Митиленского. Это предположение было выдвинуто еще Фроманом (ук. соч., стр. 68—79). Подробнее см.: D. J. Geanakoplos. The Council of Florence (1438—1439) and the problem of union between the Greek and Latin Churches. Church History, 1955, XXIV, Dec., № 4, стр. 338, примеч. 14.

¹⁴⁶ «Исхождение Авраамия Суздальского на осьмый собор...» (см.: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, стр. 400—406). — Рассказ

ком) Симеона.¹⁴⁷ Около 1461 г. неизвестным автором на Руси была написана еще одна история собора, известная под названием «Слово избрано...».¹⁴⁸

Кроме упомянутых, особый интерес вызывает сочинение некоего русского клирика, изданное еще в 1598 г. в городе Остроге, являвшемся в ту пору крупным центром юго-западного русского православия.¹⁴⁹ Это сочинение существенно дополняет другие сохранившиеся источники по истории Флорентийского собора и дает яркую картину того бесчинства, под знаком которого было проведено оформление флорентийской унии. Рукопись этого сочинения была еще в 30-х годах прошлого века обнаружена в Ватиканском архиве и кратко описана русским исследователем С. Шевыревым.¹⁵⁰

«История» острожского клирика сообщает многие подробности, важные для понимания политики папства на Флорентийском соборе в отношении Московской Руси, роли митрополита Исидора и общего характера собора, оценку которого автор дал уже названием своего сочинения. Особый интерес вызывает сообщение о том, как Исидор появился в Москве в роли «митрополита киевского и всея Руси», вопреки явному нежеланию великого князя Василия Васильевича II и московских иерархов. Оказывается, что это назначение, произведенное греческим патриархом, было результатом особого ходатайства папы римского.¹⁵¹ Если учесть, что прямые обращения папы к патриарху — явление чрезвычайно редкое, а такое прямое вмешательство в дела греко-византийской церкви просто беспрецедентно, становится ясным, что должны были существовать особые серьезные причины, заставившие папу предпринять этот шаг. Нам представляется несомненным, что папа выполнял намеченный уже ранее план вовлечения Руси в союз с западной церковью. Не исключена возможность того, что и патриарх

о соборе во второй Софийской хронике — ПСРЛ, т. VI, стр. 151—163 и в Воскресенской хронике — ПСРЛ, т. III, стр. 100—109.

¹⁴⁷ «Повесть Симеона Суздальского». Имеются две редакции, напечатанные Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике» (т. VI, стр. 27—70), а также в кн.: А. Павлов. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 198—210.

¹⁴⁸ См.: Попов, ук. соч., стр. 359—395.

¹⁴⁹ История о листрийском, то есть разбойническом, Феррарском, або Флоренском соборе. Острог, 1598. См.: РИБ, XIX, СПб., 1903, стб. 433—476.

¹⁵⁰ С. Шевырев. Новые известия о Флорентийском соборе, извлеченные из ватиканской рукописи. ЖМНП, 1841, ч. XXIX, отд. II, стр. 60—79.

¹⁵¹ РИБ, XIX, стб. 437.

был в какой-то мере посвящен в тайные планы курии и потому пошел на такой шаг, как явное нарушение воли великого князя, который после смерти в 1431 г. митрополита Фотия представил в Константинополь на утверждение своего кандидата, рязанского епископа Иону, фактически отправлявшего уже несколько лет функции митрополита.¹⁵²

В острожской (условное наименование) «Истории» говорится о грамоте, привезенной Исидором в Константинополь, в которой папа просил посвятить Исидора «не омешкивающи на архиепископство русской столицы».¹⁵³ Патриарх Иосиф, очевидно, уже готовившийся к проведению унии, удовлетворил просьбу папы, и Исидор получил назначение в Москву.¹⁵⁴

Однако вскоре прибыл в Константинополь и московский кандидат Иона с ходатайством от великого князя, ничего еще не знавшего о состоявшемся назначении Исидора. Патриарх не мог отказать московскому князю и дал посвящение в качестве митрополита русского также и Ионе с оговоркой, что данное посвящение будет иметь силу, «когда богу будет угодно или смертью или каким-либо другим случаем устранить Исидора от митрополии».¹⁵⁵

Таким образом, в Москве оказался митрополит русской церкви, чуждый и враждебный не только русскому народу, но и стране, культуре ее народа и даже церкви, которую он «представлял». Исидор пробыл в Москве всего четыре месяца, с первого дня занятый подготовкой отъезда в Италию для участия в соборе, план которого, по-видимому, разрабатывался в Риме совместно с ним. Как сообщают источники, Исидора в Москве усиленно убеждали не ехать в Италию, но он не слушал никаких увещаний. В свете упомянутых подробностей относительно назначения Исидора на Русь его поведение в Москве до отъезда в Италию становится более понятным.

В лице Исидора папство имело на Флорентийском соборе ревностного проводника унионистской политики в среде греческого духовенства. Такую же роль выполнял и Виссарион Никейский, а также Дорофей Митиленский. Однако среди них именно Исидор являлся главным орудием сторонников унии. В сущности, по главному вопросу — об унии церквей — собор ожидал его приезда. Серьезные прения по этому вопросу начались лишь после прибытия русской делегации.

¹⁵² Там же, стб. 436—437.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, стб. 438.

¹⁵⁵ Там же.

Сиропул оставил подробное описание всех бесконечных заседаний, переговоров, прений. С патетическими речами выступали сторонники унии — от греков более всего «русский» митрополит Исидор и Виссарион Никейский. Противоположную позицию упорно отстаивал третий главный оратор от греков — Марк Евгеник Эфесский. Трудно было защитникам непримиримых точек зрения прийти к соглашению. Главное, что их разделяло, были не канонические и догматические споры, которым официально посвящалась большая часть времени, а политическая сторона дела — неизбежное в случае согласия на унию подчинение Востока папской власти. Понимая, насколько критическим было положение Византийской империи, представлявшей собой уже почти только один Константинополь, поскольку остальные ее территории были захвачены турками, понимая, что, совершенно истощенная, она не имеет надежды спастись от угрозы окончательного завоевания, большинство греков все же противилось унии.

Острожская «История» сообщает интересные подробности о работах собора, особенно о самом заключении соглашения об унии.

По словам автора рукописи, когда паписты увидели, что, несмотря на все их усилия — и убеждения, и угрозы, они все же не могут склонить греков к принятию выдвинутых ими требований, прежде всего о признании папского примата, они впали в уныние и не знали, что им делать дальше. Тогда к папе обратился великий магистр ордена родосских рыцарей Ипатий и предложил применить к членам собора силу. Евгений IV согласился, и рыцари приступили к делу. Далее рассказывается о том, как ночью, накануне назначенного в церкви Санта Марии Новелла подписания унии, были разосланы специальные вестники ко всем католическим и проунионистским участникам собора с сообщением о том, что они должны явиться наутро не в церковь, а в папский дворец, куда якобы перенесена церемония подписания унии. В церковь же собрались, таким образом, одни лишь противники унии, с которыми явившиеся туда же родосские рыцари жестоко расправились.

Автор рассказывает, что 60 епископов, 150 пресвитеров, синкелов и протосинкелов греческой церкви, отказывавшихся подписать унию, подверглись нечеловеческим пыткам и истязаниям — их морили в темницах, подпекали, душили и давили. Многие были замучены до смерти. Среди них были митрополиты амасийский, силиврийский, халкидонский, никомидийский, филиппийский, трапезундский. Захоронили их тайно, а затем под соглашением об унии были поставлены их поддельные под-

писи.¹⁵⁶ Три монаха удушили патриарха Иосифа, вложили ему в руку лист с завещанием о согласии поставить свою подпись под унией.¹⁵⁷ А затем было объявлено о внезапной смерти патриарха и проведено торжественное погребение его. Некоторые из греческих иерархов сами подписывались, не имея более сил выдержать мучения, которым их подвергали.¹⁵⁸ Рассказывает автор «острожской» рукописи и о том, что когда кое-кто из несогласных, в том числе и русские, сделали попытку бежать, за ними отправили погоню, они были пойманы, избиты и силой возвращены в город.¹⁵⁹

Все эти факты лишний раз подчеркивают, что паписты не останавливались ни перед чем, чтобы навязать унию русской церкви. Русские участники собора, по-видимому, отдавали себе ясный отчет в происходившем. Об этом говорят составленные ими описания событий. «Инок Симеон, иерей суждалец», как он себя сам именует, оставил «Повесть, како римский папа Евгений состави осьмый собор со своими единомышленники».¹⁶⁰ Симеон рассказывает, как подкупом и насилием паписты добивались согласия на унию. Видимо, трезво оценивая обстановку, этот суздальский иерей понял второстепенное значение схоластических споров о «filioque» и других догматических тонкостях. Он уловил, что все значение происходящего — в стремлении латинян подчинить себе восточные страны, в том числе и его родину, в попытках продвинуть на восток границы папской власти. Он утверждал, что Марку Эфесскому, до конца непреклонно отрицавшему унию, угрожали даже сожжением. По сообщению Симеона, и Авраамий Суздальский пытался уклониться от скрепления своей подписью неприемлемого для него и для его родины акта. Однако и он был подвергнут заключению, что заставило его, скрепя сердце, уступить насилию.

Возмущение Симеона всем происходившим было так велико, что в конце концов он не выдержал, как он говорит, «мучений совести» из-за того, что должен принимать участие во всем этом деле, и на обратном пути, когда все русское посольство

¹⁵⁶ Там же, стб. 464—465.

¹⁵⁷ Там же, стб. 465—466.

¹⁵⁸ С. Шевырев, рассматривавший подлинник соглашения, утверждает, что даже подпись императора Иоанна сделана дрожащей, нетвердой рукой, свидетельствуя о его волнении. Что же касается подписи епископа Авраамия, то у С. Шевырева вызывает подозрение тот факт, что вместо буквы «ж» в слове «суждальский» стоит буква «м». Не является ли, таким образом, подпись главного русского представителя (не считая Исидора) подделкой? (ЖМНП, 1841, ч. XXIX, отд. II, стр. 75).

¹⁵⁹ Попов, ук. соч., стр. 344—359.

¹⁶⁰ Там же.

находилось в Венеции, тайно сбежал, чтобы скорее возвратиться домой.

6 июля 1439 г. в кафедральном соборе Флоренции Санта Мария дель Фиоре, существующем и по сию пору, был торжественно провозглашен акт о «воссоединении церквей». Это постановление собора, зачитанное кардиналом Джулиано Чезарини на латинском и Виссарионом Никейским на греческом языках, было подписано присутствовавшими членами собора. С греческой стороны на нем значились подписи императора, 4 заместителей патриархов, 16 митрополитов, 4 дьяконов, послов ряда греческих князей. Решительно, несмотря на убеждения и угрозы, отказался поставить свою подпись Марк Эфесский. Со стороны латинян соглашение об унии подписал папа, 8 кардиналов, 8 латинских патриархов, 61 архиепископ и епископ, 40 аббатов, 4 генерала монашеских орденов, послы герцога бургундского (остальная Франция, по требованию короля Карла VII, запретившего в 1438 г. своим епископам принять участие во Флорентийском соборе, не признала этого собора и заключенной на нем унии).

В знаменитой библиотеке-музее Лоренцо Медичи во Флоренции и сейчас можно видеть оригинал этого акта. Наряду с греческими и латинскими подписями стоит и русская подпись: «смиранный епископ Авраамий Суздальский».¹⁶¹

Впоследствии Авраамий клятвенно заверял, что подписать постановление собора его заставил насильно Исидор в качестве киевского митрополита. Этому, очевидно, можно поверить. Исидор был не столько блестящим полемистом, сколько политиком, организатором и вдохновителем греческой пролатинской партии. Он умел воздействовать на людей, вынуждая их к согласию не столько глубиной и неотразимостью теоретических принципов и железной логикой полемических построений, сколько умением выдвинуть на первый план животрепещущие практические интересы. Так, по рассказу современника, когда в конце марта 1439 г. среди греков все еще не было согласия по вопросу об унии и многие склонялись к тому, чтобы уехать из Флоренции, ссылаясь на всякие соображения догматического характера, не позволяющие принять условия папистов, Исидор выступил с краткой речью, в которой отчетливо показал безвыходное положение греков, подчеркнув при этом, что у них

¹⁶¹ Полный текст соглашения об унии на латинском и греческом языках с перечислением всех подписей напечатан в: *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae*, Ed. ab A. Theiner et Fr. Miklosich. Vindobonae, 1892, № XII, стр. 46—56.

нет даже денег, чтобы добраться домой. «Нет ничего легче, как уехать, — говорил он, — но куда? Когда и как отправиться? Я не знаю!». Следует указать, что весь многолюдный собор, насчитывавший 800 человек, находился на полном содержании папы, что, кстати сказать, также было использовано с целью оказать давление на несговорчивых, которым папские куриалы иногда по месяцам задерживали выплату папской субсидии. Папа доставил на своих галерах греков из Константинополя, он же должен был, согласно условиям, доставить их и обратно. Ясно, что при такой зависимости от папы греки оказывались вынужденными к соглашению, что умело использовал Исидор.

Император Иоанн неоднократно поручал Исидору переговоры с папой, в частности при выработке технических условий оформления унии.¹⁶² Исидор был прежде всего политиком, человеком, умевшим и любившим плести интриги, строить тайные козни, готовить заговоры. Вся его деятельность рисует его крайне честолюбивым, настойчивым и упрямым, властным и резким, с деспотическим характером, человеком, не останавливавшимся перед грубым насилием, чтобы добиться своего.¹⁶² Многочисленные свидетельства его коварства, лицемерия и жестокости сохранились в большинстве описаний Флорентийского собора — у Сиропула,¹⁶⁴ Симеона Суздальского¹⁶⁵ и других. Они рассказывают, как Исидор обрушился с бранью на престарелого митрополита гераклеийского за его несогласие с некоторыми условиями унии;¹⁶⁶ как он предлагал просто не допускать к голосованию греческих противников унии, чтобы не рисковать оказаться в меньшинстве;¹⁶⁷ как он требовал даже провозгласить анафему несогласным с унией.¹⁶⁸ В других случаях Исидор действовал хитростью и обманом, убеждая греческих епископов согласиться на «filioque».¹⁶⁹ Когда же все эти средства не давали результатов, он пользовался и пыткой и застенком, чтобы принудить своих противников к согласию. Так, по словам Симеона Суздальского, продержал он и русского епископа Авраамия «неделю полную» в заключении, чтобы вынудить его подписать унию.¹⁷⁰ Так же обошелся он позднее

¹⁶² Готтманн, ук. соч., стр. 149.

¹⁶³ Там же, стр. 150—151.

¹⁶⁴ Syropoulos, ук. соч.

¹⁶⁵ Попов, ук. соч., стр. 344—359.

¹⁶⁶ Syropoulos, ук. соч., VIII, 5.

¹⁶⁷ Там же, IX, 8.

¹⁶⁸ Там же, X, 5.

¹⁶⁹ Там же, IX, 8.

¹⁷⁰ Попов, ук. соч., стр. 354.

в Венеции и с самим Симеоном, отказывавшимся отправлять богослужение по латинскому обряду.¹⁷¹

После заключения унии Исидор оказался перед задачей, не менее сложной, чем все перипетии только что закончившегося Флорентийского собора. Ему предстояло реализовать унию на Руси. Для Рима в этом была, можно сказать, главная задача. Что значила истощенная, политически беспомощная, территориально ничтожная Византия, прикрывающая нищету жалкими лохмотьями когда-то пышных императорских одежд, в сравнении с Русью, необозримой в своих пространствах, неистощимой в своих богатствах, с многочисленным населением! Весь смысл «соединения церквей», все значение унии заключалось для папы в том, чтобы русские были обращены в католичество, чтобы на русских землях установилась бы власть папства.

Как всегда, лишённые способности дать реальную оценку фактам, действительному соотношению сил, упрямо верящие в какую-то магическую силу «авторитета апостолического престола», в действительности давно не существовавшего и на Западе, а на Руси и вовсе никогда не признававшегося, папские политики полагали, что достаточно зачитать торжественно в церквах состряпанное во Флоренции постановление, чтобы русские люди благоговейно преклонились перед римским властителем церкви, забыв о древних традициях непреклонной борьбы со всякой чужеземной властью, а тем паче с властью папы римского. Сотни лет русские люди боролись против этой опасности — на Неве и на Чудском озере, под Ярославом и Грюнвальдом, в кровопролитных боях с тевтонскими рыцарями и в сражениях с воинами шведского короля Магнуса, боролись не на жизнь, а на смерть не для того же, чтобы после всего покорно склонить головы под папское владычество.

Но политики римской курии, всегда рассматривавшие события только с собственной точки зрения, высокомерно пренебрегавшие интересами и точкой зрения тех, к кому они обращались, считали цели свои достигнутыми и ждали окончательных плодов своей победы. В уверенности, что ему предстоит пожать эти плоды, и отправился из Рима Исидор, уже не только митрополит киевский или «русский», как его величали в документах, не только викарий патриарха антиохийского, в качестве которого он выступал на соборе, но и кардинал римско-католической церкви, каким за заслуги на соборе его провозгласил папа Евгений IV 18 декабря 1439 г. Одновременно кардинальскую шляпу получил и Виссарион Никейский.

¹⁷¹ Там же, стр. 355.

Митрополит киевский, он же «кардинал св. Петра и Марцеллина», как звучал его новый титул, не очень спешил с возвращением на Русь. Он задерживался в Риме, стремясь еще больше удовлетворить свое исключительное честолюбие. Источники сообщают, что он упорно домогался у папы назначения на ставший после смерти Иосифа вакантным патриарший престол в Константинополе. Несмотря на все свои заслуги перед папой, добиться этого ему не удалось, зато папа провозгласил его 17 августа 1439 г. специальной торжественной буллой особоуполномоченным легатом (*a latere*) для Литвы, Ливонии, всей Руси и польских областей, входивших в ведение киевской митрополии. Булла о назначении Исидора не скупится на восхваление учености, ревностного служения папской церкви и других высоких достоинств нового любимца папы, которому предоставлялись во всех делах, касающихся церкви, самые неограниченные полномочия. Все обязаны, по словам буллы, оказывать легату полное и абсолютное повиновение, принимая его распоряжения как распоряжения самого папы.¹⁷²

В конце октября 1439 г. Исидор во всеоружии папских полномочий двинулся в путь. Через Пизу он достиг Венеции, где сделал продолжительную остановку. Отсюда он отправился в Венгрию, где опять остановился на несколько дней. Из Венгрии Исидор 5 марта 1440 г. разослал «окружное послание» в адрес высшего духовенства, католического и православного, Литвы и Руси, в котором извещал об унии и убеждал поддерживать и соблюдать ее.¹⁷³ Затем Исидор проехал в Польшу. В пасху, в переполненном краковском соборе, он отслужил службу по греческому обряду (флорентийская уния признавала обрядовые различия вер несущественными). Однако когда митрополит пытался проделать то же во Львове, где в православной церкви он служил по католическому обряду, русское население пришло в возбуждение, и ревностному поборнику унии пришлось покинуть город, ничего не достигнув. Население Львова, за последние 100 лет неоднократно убеждавшееся в том, как неразрывно связан католицизм с ненавистным политическим владычеством иноземцев, не желало унии.

Наконец, Исидор прибыл в «свою» митрополию, в Киев. Князь Александр Владимирович, правивший именем польско-литовской короны, в чьей власти находилась киевская земля, готов был принять унию, поскольку это укрепляло его позиции

¹⁷² VMPL, II, № 56; HRM, I, № 121.

¹⁷³ ПСРЛ, т. XII, стр. 36—38; The catholic encyclopaedia, N.—Y., 1911, v. XIII, стр. 255.

как ставленника чужеземной власти. Но с населением города митрополит не мог найти общего языка. Кончилось дело тем, что Исидор был с позором изгнан киевлянами.

Уже первые шаги новоявленного апостола католицизма на Руси показали ему, что взятая им на себя задача много труднее, чем он думал. А между тем главное оставалось впереди. Нужно было провести унию в Москве. Даже самонадеянный и чуждый понимания страны, в которой он собирался действовать, Исидор видел эти трудности. Именно этим и надо объяснить, почему он не проехал из Италии прямо в Москву, что он непременно бы сделал, если бы был уверен в своем успехе на Руси. Он надеялся заручиться поддержкой на периферии, прежде всего западной, и, опираясь на уже завоеванные, как он думал, позиции, рассчитывал легче преодолеть сопротивление, с которым, как понимал, ему неизбежно придется столкнуться в Москве. Но оказалось, что опереться было не на кого. Помимо таких, как киевский князь или князь Юрий Смоленский, да еще кое-кого из боярской знати, сторонников унии на Руси не было. Но Исидор не принадлежал к людям осторожным и, видимо, не очень взвешивал обстоятельства, полагаясь на собственную энергию и настойчивость, на силу своего личного воздействия.

Еще в Италии Исидор разжигал политические вожеления папы обещаниями, столь же заманчивыми, сколь и пустыми. «Они все в моих руках, — уверял он, рассказывая о Руси, — все князья и епископы. Никто из них не отваживается спорить со мною. Великий князь молод, а епископы не книжны суть и все боятся меня». Исидор обещал папе, что русские легко примут латинскую веру. «Я приведу к тебе всех князей и христианство всё, — говорил он, — от греческой веры в латинскую приведу. Я приведу их в Рим и к тебе приведу и принесут к тебе дары многие. А в Царьград не пойдут, а епископов от тебя поставлю».¹⁷⁴

Ход дела вскоре показал, что у Исидора не было решительно никаких оснований рисовать столь радужными красками перспективы русско-папских отношений. В сущности, если он и мог бы отдать себе отчет в реальном соотношении сил, то остановить ход событий было уже не в его силах. Пути к отступлению были отрезаны уже тогда, когда он решился возвратиться из Флоренции на Русь в сане митрополита и с кардинальской шляпой.

¹⁷⁴ Попов, ук. соч., стр. 356—357; В. М а л и н н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Киев, 1901, стр. 112.

Весной 1441 г. Исидор отправился в Москву, чтобы официально провозгласить там флорентийскую унию. 11 марта он совершил торжественный въезд в столицу. Его встречали как митрополита «всей Руси», он же явился как «легат апостольского престола». Перед ним несли латинский крест и три булавы, знаменовавшие его кардинальский сан. А в богослужении, которое он совершил в Успенском соборе, при возглашении многолетия митрополит, неожиданно для всех присутствующих, помянул имя папы Евгения IV вместо имени вселенского патриарха греческой церкви. По окончании же службы, которая была проведена по православному обряду, торжественно было оглашено папское послание об унии и текст соглашения, заключенного во Флоренции. Бурное возмущение этим открытым отступничеством от установленного порядка богослужения и самочинным провозглашением унии охватило всех присутствовавших.

Великий князь московский Василий Васильевич тут же в соборе с гневом отверг зачитанную унию, объявив согласие митрополита, данное им во Флоренции от имени русской церкви, не имеющим силы, и повелел взять его под стражу и отправить в Чудов монастырь, где ему предоставлялось ожидать решения обо всех его действиях, которое должен был принять специально созываемый для этого собор православных иерархов. Исидору вскоре удалось бежать из-под стражи, и он отправился за рубеж. В Твери он еще раз был задержан, но ему снова удалось сбежать, и наконец, после долгих перипетий он возвратился в Рим. Здесь он мог вздохнуть свободно. Евгений IV щедро вознаграждал своего кардинала за «ревностное проведение» унии на Руси несколькими доходными церквями и еще больше приблизил к себе.

Весь рассказ летописца о злополучном митрополите убедительно свидетельствует о том, как на Руси в XV в. настороженно и непримиримо относились к проискам папистов, справедливо опасаясь не столько изменений в обрядности и культе, сколько политических махинаций, угрожавших национальной независимости и государственной самостоятельности страны. Для Руси все эти события имели немаловажные последствия, однако прямо обратные тем, на которые рассчитывали сторонники унии.

В том же 1441 г. великий князь Василий Васильевич распорядился подготовить послание константинопольскому патриарху Митрофану и греческому императору, в котором он сообщал обо всем происшедшем, об отступничестве Исидора от православия и испрашивал согласия на поставление на Руси другого митрополита по избранию и рукоположению русских еписко-

пов.¹⁷⁵ Послание, однако, отправлено не было, так как в Москве стало известно, что новый патриарх — приверженец унии. Через два года это послание было переписано заново, очевидно, на имя нового патриарха Григория IV Маммы, который, будучи еще более ревностным сторонником унии, по-видимому, оставил его без ответа. В Москве из этого были сделаны свои выводы — собравшийся в 1448 г. собор русских иерархов дал самостоятельное поставление Ионе как митрополиту.¹⁷⁶ Этим актом русская церковь объявила себя независимой от Константинополя, она стала церковью автокефальной.

В июле 1452 г., когда Византия была, в сущности, уже в состоянии агонии, Василий II адресуется в Константинополь к последнему греческому императору Константину XI Палеологу с просьбой, чтобы тот утвердил со своей стороны избрание и поставление русского митрополита.¹⁷⁷ В этом послании московский князь подробно излагает все обстоятельства поставления митрополитом Исидора, который, «покрывшись овечьей кожей, дела совершил подобно волку».¹⁷⁸ Далее великий князь просит о благоволении к Ионе как к митрополиту «киевскому и всея Руси», поставленному по всем законам каноническим. В послании искусно обойден вопрос о том, что избрание митрополита не санкционировано патриархом. Это объясняется тем, что «не ведаем, есть ли в Царьграде святейший патриарх православный или нет, поскольку ни от кого не слышали о нем и имени его не знаем, и потому ни о чем ему не писали еще».¹⁷⁹

Таким образом, Московская Русь не только отвергла всякие посягательства латинской церкви, связанные с флорентийской унией, но создала в этих условиях совершенно самостоятельную русскую церковь, зависевшую от московского государя, а не от Византии, что свидетельствовало об укреплении и авторитете развивавшегося все большими темпами русского государства.

¹⁷⁵ Акты исторические, собранные Археографической комиссией, т. I, СПб., 1841, № 39; РИБ, VI, стб. 525—536; Вторая Софийская летопись, ПСРЛ, т. VI, стр. 162—167.

¹⁷⁶ Для придания этому постановлению полной законности было использовано прежнее посвящение Ионы в митрополиты (в 1437 г.), произведенное патриархом Иосифом. Объявление Исидора лжемитрополитом и осуждение его собором создавало то условие, о котором была сделана оговорка в словах патриаршего посвящения, что оно будет действительно «по смерти Исидора, либо в том случае, если по другим причинам он будет устранен от митрополии». На это патриаршее посвящение и ссылался Иона в послании о своем поставлении (см.: РИБ, VI, стб. 539—540).

¹⁷⁷ РИБ, VI, стб. 575—586.

¹⁷⁸ Там же, стб. 580.

¹⁷⁹ Там же, стб. 584.

Не удалось и осуществление унии на Востоке. В Иерусалиме в 1443 г. три восточных патриарха — антиохийский, иерусалимский и александрийский — созвали собор восточной церкви, на котором провозгласили осуждение унии и всех ее приверженцев предали анафеме.

Несмотря на все торжественные заверения и подписи под соглашением византийского императора и представителей византийской церкви, уния в Византии не была официально провозглашена ни непосредственно после возвращения греческой делегации из Флоренции, ни в ближайшие годы. Иоанн VIII не решился на такой шаг, отдавая себе отчет в том, какую реакцию вызвало бы опубликование декрета. Уния была тогда введена в Византии без всякого провозглашения — *de facto*. В торжественном пасхальном богослужении в Софийском соборе, в присутствии императора, двора и папского легата, и во второй раз — спустя восемь дней, во время патриаршей службы в храме «Св. апостолов» было помянуто имя папы.

Однако даже и такая, более чем скромная форма, в которую облеклось введение унии, вызвала сильнейший протест и возмущение. Не только население, но и значительная часть духовенства решительно выступили против унии. Ненависть к латинянам приобретала в Византии почти всеобщий характер. Она превосходила даже страх перед турецким владычеством.

Между тем над Византией навис меч турецкого завоевания. Древняя империя не имела более сил сопротивляться. Истощены были ее экономические и материальные ресурсы, оскудел народный дух. Люди, вовлеченные в бесконечные религиозные распри, стали почти безразличными к судьбе Империи. В стране не оказалось условий для формирования национальных сил. Различные народности, населявшие страну, были разобщены. Немало было таких, которые, видя перед собой неминуемую гибель Империи, говорили: «Лучше турецкая чалма, чем папская тиара». Византийский историк этого времени приписывает эти слова крупному придворному сановнику Луке Нотаре.¹⁸⁰ В них нашла выражение глубокая ненависть к агрессивной политике западноевропейских феодалов, на протяжении многих столетий проводившейся под знаменем папской церкви. Вместе с тем в словах этих следует видеть и другое: классовую солидарность высших слоев византийского общества с турецкой военно-феодалной верхушкой, совместно стремив-

¹⁸⁰ Ducas. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae, 1834, cap. 19, стр. 93. Цит. по: Н. Эверт-Карпесова. *La tiare ou le turban*. Byzantinoslavica, 1953, (XIV), стр. 245.

шихся к подавлению народных движений и обеспечению широкой эксплуатации населения.¹⁸¹ В народе же кипела ненависть к эксплуататорам и власти, их поддерживавшей, зрело понимание того, что нужно самим защищать свои интересы. Учащались вспышки народных восстаний.

В 1452 г. император Константин XI, делая как бы последнее отчаянное усилие, официально утвердил флорентийскую унию и все ее условия. В ноябре этого года прибыл из Рима в Константинополь специальный папский легат, чтобы от имени папы Николая V принять в подчинение греческую церковь. Этим легатом был кардинал Исидор. Уния была торжественно провозглашена в Софийском соборе, после чего с участием 300 священников была отслужена месса по католическому обряду.¹⁸² Однако вся торжественность этих церемоний, проповеди папского легата кардинала Исидора, пышный прием, который ему был оказан при дворе, — все это нисколько не способствовало утверждению идеи унии в сознании масс.

В противовес унионистам множились и укреплялись ряды врагов унии. Народ и слышать не хотел о латинской церкви, о подчинении папе римскому. Там хорошо знали, что всякое с ним «соглашение» не что иное, как подчинение. И потому, как ни энергичен был Исидор, осуществить унию на Востоке не смог и он.

Центральными фигурами массового движения греков в борьбе против флорентийской унии в Византии стали деятели Флорентийского собора Марк Евгеник Эфесский и прежний сторонник унии Георгий Схоларий, принявший монашество под именем Геннадия. Он вывесил на дверях своей кельи анафему по адресу латинян и угрожал сторонникам унии.¹⁸³ Но сильнее, чем протесты против религиозных новшеств, звучал голос возмущения политическим подчинением папе, которое, как каждый понимал, неизбежно следовало за унией.

Под давлением народных масс уния была решительно отвергнута восточной церковью. Уже в 1443 г. на Иерусалимском соборе три патриарха греко-византийской церкви, как выше уже было упомянуто, осудили ее, объявили всех ее сторонников отлученными от церкви и обратились с соответствующим посланием к императору Иоанну VIII;¹⁸⁴ в 1450 г., в присутствии пап-

¹⁸¹ З. Удальцова. Борьба византийских партий..., стр. 106—132; Evert-Kappesowa, ук. соч., стр. 259.

¹⁸² Evert-Kappesowa, ук. соч., стр. 250.

¹⁸³ MPL, CLVII, col. 1058.

¹⁸⁴ Leo Allatius. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae 1648, стр. 939—945.

ского легата Леонарда, четыре патриарха (кроме упомянутых — константинопольский патриарх Афанасий) снова осудили и отвергли унию с папской церковью и так решительно объявили о низложении папско-унионистского патриарха константинопольского, которым был Григорий Мамма, что тому ничего не оставалось, как сбежать в Рим.¹⁸⁵ Наконец, в 1472 г. на новом Константинопольском соборе патриархи, собравшиеся под председательством константинопольского патриарха Симеона, еще раз подтвердили свое осуждение унии.

В Византии унию признавал только императорский двор, и это делало ее тем более ненавистной в глазах народа, справедливо видевшего в ней не только орудие папской экспансии, но и средство укрепления позиций правящей клики.

Флорентийская уния не только не помогла, как ее представляли паписты, ратовавшие за нее, защите Византии от турецкого завоевания, но, внеся раздоры и несогласие в жизнь народа, помешала организации его сил и борьбе за существование государства.¹⁸⁶ Навязанная папской политикой уния фактически ускорила гибель Византии, еще более деморализовала ряды ее защитников, подрывая еще сильнее и без того угасавший дух сопротивления.

Бесплодной была уния и в военно-политическом отношении. Во время Флорентийского собора одним из важнейших аргументов сторонников унии было уверение в том, что, как только она состоится, подымется «весь христианский мир», сокрушит турок и спасет Византию. Этого не произошло. Уже в 1440 г. турки напали на Белград, проникли в Венгрию и Трансильванию и, наконец, разгромили 10 ноября 1444 г. шестнадцатитысячное венгерско-чешское войско под Варной.¹⁸⁷ Несмотря на героизм и отвагу венгров, сражавшихся под предводительством Яноша Гуниади, и восставших против турецкого владычества храбрых албанцев во главе с Георгием Кастриотой (Скандербегом), турки нанесли венграм в 1448 г. новое решающее поражение на Косовом поле.

Правители западноевропейских государств оставались глухи к призывам о помощи народам балканских стран, юго-восточной и средней Европы. Папская курия расточала защитникам Европы от турок лишь «благословение божье» да изощрялась

¹⁸⁵ Там же, стр. 1182—1183.

¹⁸⁶ Удальцова, ук. соч., стр. 131—132.

¹⁸⁷ J. Масурек. Турецкая опасность и средняя Европа. Byzantinoslavica, 1953 (XIV), стр. 144—149.

в изобретении пышных наименований для них.¹⁸⁸ Никакой ни материальной, ни военной поддержки ни папа, ни другие правители Запада не оказали, предоставив грекам, чехам, венграм и албанцам самим вести борьбу с опасным и сильным врагом, а когда же турки оказались победителями, папство нашло с ними общий язык.

Борьбу с турками вели лишь сами народы в тех странах, которые непосредственно подверглись турецкому нашествию. И только Московская Русь, начавшая с середины XV в. серьезную борьбу за окончательное освобождение от татарской зависимости и за воссоединение исконных русских земель, вела энергичную внешнюю политику, которая в известной мере отвлекала внимание турок и тем самым объективно помогала борьбе народов против турецкой агрессии. В этом еще раз сказалась историческая заслуга русского народа, не в первый раз выступившего в роли защитника народов Европы от грозившей им опасности порабощения.

А 29 мая 1453 г., после короткого, но яростного штурма Константинополя и захвата его турками, Византия перестала существовать. Столица греческих императоров стала столицей турецких султанов.

Окончательно потерпели крушение все затеи папства относительно унии на греческом Востоке, поскольку с этих пор этот Восток перестал быть греческим, так как его греческое (и негреческое) население оказалось под турецким владычеством.

Ради точности следует отметить, что папству удалось навязать унию части православных армян, а также части «якобитов», или греческих монофизитов, в Месопотамии, Сирии и Восточной Индии, в свое время изгнанных из Византии, как и «несторианам» и «маронитам» с острова Кипра.¹⁸⁹ Однако общая численность всей этой новой паствы папы римского составляла ничтожную цифру.

Оставались еще некоторые области, приведенные к унии Исидором в южной и юго-западной Руси, на землях, находившихся под польско-литовским господством.

21 июня 1458 г. курия назначила на эти епархии, объединенные в одну церковную область, ближайшего соратника Исидора, монаха Григория из монастыря св. Димитрия, получившего звание архиепископа киевского, литовского и всей Малой Руси. Одновременно папа сделал попытку добиться через польско-литовского короля Казимира воздействия на Москву,

¹⁸⁸ Там же, стр. 150.

¹⁸⁹ Addis, Arnold, Scannel. A catholic dictionary, 1951, стр. 342—343.

чтобы там признали папского ставленника как митрополита «всей Руси». При этом митрополит Иона, избранный собором после бегства Исидора, был назван в папской булле «честолюбивым, непокорным, нечестивым, самозванцем, сыном беззакония и гибели». Тем самым была сделана открытая попытка вмешаться во внутренние дела русского государства. Никакого успеха эти усилия не имели. Великий князь Василий Васильевич отвечал по этому поводу Казимиру решительным отказом: «От Рима у нас митрополиту не быть».¹⁹⁰ Папский архиепископ мог после этого действовать только на тех русских землях, которые были во власти Казимира, да и здесь он встречал сильное противодействие и со стороны местного духовенства, а главное — со стороны самого населения. Вся же остальная Русь стала для папской церкви после Флорентийского собора еще более недосыгаемой, чем прежде.

В постоянном стремлении обосновать «исторические права» Ватикана и католической церкви хоть на какую-нибудь часть русских земель в проватиканской литературе повторяются попытки противопоставить западнорусские области с Киевом центральным и северным областям Руси, объединенным Москвой. Признавая эти последние территорией, на которой со времени Флорентийской унии окончательно утвердились «схизматики» и «возмутившиеся», как с тех пор неоднократно именуют русских православных в папских буллах, католическая литература стремится провести тезис о прочном утверждении унии на территориях, относившихся непосредственно к Киеву.¹⁹¹

Попытки эти восходят еще к середине XV в. В весьма своеобразной форме они были сделаны в нескольких папских посланиях Пия II 3 сентября 1458 г., в которых говорилось о Руси как о двух странах, одна из которых называлась «верхней Русью» (*Russia superior*), а другая «нижней» (*inferior*). Особенно интересна в этом отношении булла, в которой курия рекомендует «капитулу, клиру, народу и вассалам киевской диоцезы и киевского государства» новоназначенного киевского митрополита Григория II.¹⁹² В этой булле, ныне впервые опубликованной, уже в обращении фигурирует формула «всей

¹⁹⁰ Об этом упомянуто в «Грамоте Великого князя Иоанна Васильевича Новгородскому архиепископу Ионе» (1465—1470). См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской имп. Археографической экспедицией Акад. наук, т. I, СПб., 1836, № 80.

¹⁹¹ O. Halecki. The ecclesiastical separation of Kiev from Moscow in 1458. Studien zur älteren Geschichte Osteuropas, Th. I (Festschrift für H. Fr. Schmid), Graz—Köln, 1956, стр. 19—32; Jablonowski, ук. соч.

¹⁹² PRU, I, № 85.

нижней Руси» (*totius Russiae inferioris*), которая в дальнейшем несколько раз повторяется, применяемая в основном к Украине и противопоставляемая областям «московским и верхней Руси» (*Moschovensis et Russiae superioris partibus*), «отделившимся и разделенным».

Можно согласиться с предположением, что эта нелепая, до тех пор небывалая, политико-географическая концепция была плодом изобретательности митрополита без митрополии злополучного Исидора.¹⁹³ Понимая, что возможности захватить руководящие позиции в русской церкви для него и вообще для ставленников папской курии окончательно закрыты, Исидор стремился создать видимость резкой обособленности Украины и западнорусских областей, где имелись якобы прочные корни католицизма. При этом особенно подчеркивалось то обстоятельство, что эти земли были подчинены польско-литовскому католическому королю Казимиру Ягеллону (1447—1492 гг.), который, однако, в действительности вовсе не являлся столь «верным сыном» папской церкви и вовсе не играл роли послушного орудия католической экспансии, каким его хотели бы сделать Исидор и папские куриалы. Еще в 1451 г. Казимир, ссылаясь на доброе согласие между ним и Василием II, признал Иону православным митрополитом и над областями, входившими в эту пору в сферу его владений, и предоставил ему Киев как митрополичью кафедру.¹⁹⁴

Когда в 1458 г. папа Пий II назначил со своей стороны в Киев католического (униатского) митрополита в лице базилианского монаха Григория, близкого к Исидору и наследовавшего после него аббатство св. Димитрия в Константинополе, это было политическим шагом, имевшим целью усилить папское влияние во владениях польского короля. Сугубо политический характер этого назначения виден и в том, что одновременно с монахом Григорием 17 января 1459 г. в Киев был отправлен папой некий Николай Якуби (также Ягупи). В проходном листе, выданном ему папской канцелярией, ныне впервые опубликованном,¹⁹⁵ он именуется дворянином, рыцарем и «нашим графом священного Латеранского дворца и нунцием апостолического престола», направляемым «в русские области» (*ad partes Ruthenorum*). Тем же днем датировано и другое рекомендательное письмо тому же Николаю Якуби, «держашему

¹⁹³ Halecki, ук. соч., стр. 21.

¹⁹⁴ РИБ, VI, № 67, стб. 564.

¹⁹⁵ PRU, I, № 94.

путь в Московию» (*iter usque in Moskoviam faciebat*).¹⁹⁶ Курия приняла меры и к тому, чтобы польский король Казимир оказал содействие этой миссии.¹⁹⁷

Не сохранилось никаких подробностей о дальнейшей судьбе этой папской миссии, но ясно, что она преследовала прежде всего политические цели. В известной мере они были достигнуты римской курией, поскольку с 1458 г. литовско-русские епархии были Казимиром, вопреки его прежнему (1451 г.) соглашению с Василием II, отняты у митрополита Ионы и отданы Григорию, митрополиту-униату, поставленному Римом.

Казимир даже попытался ходатайствовать за Григория перед Москвой, но великий князь Василий II решительно отверг эти попытки. Сын же его, Иван III, направил новгородскому архиепископу Ионе пространное послание, в котором, ссылаясь на события, имевшие место еще при его отце, решительно потребовал, чтобы архиепископ не признавал, не принимал и не слушал бы ни Григория, ни его послов (от униатского патриарха),¹⁹⁸ и предписывал ему «в землю свою впускать не велеть».¹⁹⁹

Таким образом, и во второй половине XV в. Москва занимает твердые антипапские и антиунионистские позиции, соответствовавшие национальной политике московских великих князей, особенно Ивана III, направленной на создание сильного, централизованного и, прежде всего, независимого государства. Эта политика требовала, чтобы и русская церковь была независимой от внешних сил, свободной от подчинения Риму или Константинополю, и вместе с тем была бы подвластной московскому великому князю.

Историей крушения Флорентийской унии на Руси как бы подводится итог католической экспансии на землях нашей родины в средние века. Не потому, что в последние два столетия этой исторической эпохи папство не делало более попыток проникнуть на Русь, но потому, что попытки эти носили уже совершенно иной характер, осуществлялись в иных условиях.

И в истории нашей родины, где государственное объединение русских земель вокруг Москвы, будучи важнейшим условием окончательного освобождения страны от татарского владычества и польско-литовского господства на ее западных ок-

¹⁹⁶ Там же, примеч. 109. См.: O. Pierling. La Russie et le Saint-Siège, t. I, Paris, 1896, стр. 88—89.

¹⁹⁷ PRU, I, № 83.

¹⁹⁸ РИБ, VI, стб. 707—712.

¹⁹⁹ Там же, стб. 711.

раинах, привело в XV в. к образованию русского централизованного государства, с быстро развивавшейся экономикой и сильной центральной властью; и в истории Западной Европы, на которую в ту пору обрушилось грозное нашествие турок, обосновавшихся на Босфоре, и где к этому времени возникли крупные феодальные монархии, сложились национальные государства, в которых была преодолена экономическая и политическая раздробленность, а в связи с этим и средневековая рутинность и отсталость в культуре; и, наконец, в истории самого папства, которое оказалось перед лицом новых условий в жизни народов, когда «духовная диктатура церкви была сломлена»,²⁰⁰ — во всем историческом развитии, рубеж XV и XVI в. оказался новой ступенью, переходом к ликвидации феодального строя, кануном эпохи «бури и натиска» буржуазных революций, началом могучего подъема национального самосознания и революционной активности народных масс.

Католическая церковь в тех формах, в каких она существовала более тысячи лет, с той политикой, какую она проводила на всем протяжении средневековья, с теми методами, которые она применяла, изжила себя. Она пришла к крупнейшему кризису в своей истории — к Реформации, означавшей глубочайший раскол всей церковной организации Западной Европы и начало приспособления христианской религии к требованиям буржуазии.

В этих условиях и экспансия католицизма, широко осуществлявшаяся на протяжении многих столетий, приняла иной характер; в частности, она была перенесена в страны, ставшие объектом колониальных захватов европейских держав. Здесь католическая церковь шла рука об руку с колониальными завоевателями и снова пролагала крестом и проповедью путь западно-европейским захватчикам.

Но и в самой Европе, когда папство перешло в наступление против Реформации, оно снова вернулось и к политике широкой экспансии. Однако в новой исторической обстановке папская экспансия и, в частности, попытки утверждения католичества на территории русского государства приобретали новые формы, осуществлялись иными методами.

Традиционная политика папского миродержавия отошла в прошлое; само же папство все более становилось живым «обломком средневековья».

²⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 476.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения классиков марксизма - ленинизма

- К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Соч., т. 1, 2-е изд.
- К. Маркс. 18 брюмера Луи Бонапарта. Соч., т. 8, 2-е изд.
- К. Маркс. Поражение правительства по финансовому вопросу. — Извозчики. — Ирландия. — Русский вопрос. Соч., т. 9, 2-е изд.
- К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, тт. V—VII, (М.), 1938—1940.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, 2-е изд.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, 2-е изд.
- К. Маркс. Secret diplomatic history of the XVIII-th century. London, 1899.
- Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952.
- Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1954.
- Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч., т. XIV.
- Ф. Энгельс. Юридический социализм. Соч., т. XVI, ч. II.
- Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Соч., т. XVI, ч. II.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
- В. И. Ленин. Об отношении рабочей партии к религии. Соч., т. 15.

Источники (публикации, рукописи)

- Авраамия исхождение на осьмый собор. См.: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875.
- Акты, относящиеся к истории западной России, т. I, СПб., 1846.
- Акты, собранные... Археографической экспедицией Акад. наук, т. 1, СПб., 1836.
- Акты южной и западной России, т. II, СПб., 1865.
- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив АН СССР, т. III, М.—Л., 1940.
- Впрашение Кюриково еж въпроша епископа Ноугородьского Нифонта и иных. См.: К. Калайдович. Памятники российской словесности XII в. М., 1821, стр. 173.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938.

- Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригой. СПб., 1857.
- Житие Александра Невского. Подг. к печати В. И. Малышев. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. V, М.—Л., 1947, стр. 188.
- Иларион. Слово о законе и благодати. См.: А. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, т. I. СПб., 1894, стр. 59—76.
- История о листрийском, то есть разбойническом, Феррарском або Флоренском соборе. Острог, 1598. См.: РИБ, XIX, СПб., 1903, стр. 433—476.
- Летописи Псковские. М.—Л., 1941.
- Летопись Воскресенская. ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856.
- Летопись по Ипатскому списку. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1871.
- Летопись Ипатьевская. ПСРЛ, т. II, СПб., 1908.
- Летопись Ипатьевская, вып. I. 3-е изд., Пгр., 1923.
- Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1872.
- Летопись Лаврентьевская. ПСРЛ, т. I, СПб., 1846.
- Летопись Лаврентьевская, вып. I, «Повесть временных лет», 2-е изд., Л., 1926.
- Летопись Никоновская. ПСРЛ, тт. IX—XIV, СПб., 1862 и сл.
- Летопись Новгородская первая, старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
- Летопись Псковская первая. ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848.
- Летопись Симеоновская. ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913.
- Летопись Софийская первая, вып. I. ПСРЛ, т. V, 2-е изд., Л., 1925.
- Летопись Софийская вторая. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853.
- Памятники российской словесности XII века, изд. К. Калайдовичем, М., 1821.
- Повесть временных лет, изд. Д. С. Лихачевым, ч. I—II, Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950.
- Повесть священноинока Симеона Суздальца. См.: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Послание Иоанна митрополита русского. Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, ч. I, М., 1815, стр. 86.
- Путешествие Исидора на Флорентийский собор. Древняя Российская Вивлиофика, ч. VI, 2-е изд., М., 1788, стр. 27—70.
- Рюсов Б. Ливонская хроника 1584 г. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, Рига, 1879.
- Симеон Суздальский. Повесть об осьмом соборе. В кн.: А. Павлов. Критические опыты по древней греко-русской полемике. СПб., 1878, стр. 198—210.
- Симеона Суздальского путешествие в Италию в 1437 году. В сборн. «Путешествия русских людей в чужие земли», ч. II, СПб., 1837, стр. 87—112.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. II, М., 1819.
- Центральный государственный архив древних актов — Москва, фонд 147/1, Литовская метрика.
- Acta Concilii Florentini. Mansi, XXXI, стб. 649—1002.

- Actorum graecorum Concilii Florentini quae supersunt.* Ed. J. Gill, partes 1—2. Concilium Florentinum. Documenta et scriptores, Ser. B, v. 5, Roma, 1953.
- Adam bennensis. Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum.* Ed. Lapenberg, MGH, SS, VII, стр. 267—389.
- Ademarus Cabannensis. Chronicon Aquitanicum et Francicum, seu Historia Francorum, libri III.* Ed. Chavanon, Paris, 1897.
- Annalista Saxo (749—1139),* ed. G. Waitz, MGH, SS, VI, стр. 542—777.
- Arnoldi Lubecensis. Chronica Slavorum (1172—1209).* MGH, SS, XXI, стр. 100—250.
- Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075—1953),* v. I—II, ed. A. Velykij, Roma, 1953.
- Dusburgi Chronicon terrae Prussiae.* SRP, t. I, hrsg. v. Straehlke, Hirsch, Töppen, Leipzig, 1861.
- Gregorii VII Registrum, lib. I—IX.* MGH, Epp. sel., II, fasc. I—II, Berolini, 1955.
- Helmoldi Chronica Slavorum.* MGH, SS, XXI, стр. 1—99.
- Henricus Lettinus. Chronica Livoniae.* MGH, SS, XXIII, стр. 258.
- Hildebrand H. Livonica, vornämlich aus dem XIII Jhrh. im Vaticanischen Archiv.* Riga, 1887.
- Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta.* Ed. A. J. Turgeniew, tt. I—II, St.-Petersb., 1841; Supplementum, Petropoli, 1848.
- Humbertus de Silva Candida, card. Brevis et succincta commemoratio.* MPL, t. CXLIII, стр. 1001—1004.
- Innocentii III Gesta et Epistolae.* MPL, tt. CCXIV—CCXVI.
- Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch,* hrsg. v. F. G. v. Bunge, v. I—VI, Riga, 1853—1873.
- Livländische Reimchronik,* ed. L. Meyer, Paderborn, 1876.
- Mansi J. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio,* tt. I—XXXI, Florentiis—Venetiis, 1759—1792.
- Matthaei Parisiensis Chronica maiora. Rerum Britannicarum medii aevi scriptores.* London, 1877.
- Mirbt C. Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus.* 3 Aufl., Tübingen, 1911.
- Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum Graecae et Romanae,* ed. A. Theiner et Fr. Miklosich, Vindobonae, 1872.
- Nyenstede F. Livländische Chronik.* Hrsg. v. G. Tielemann. Monumenta Livoniae Antiquae, II, Riga—Leipzig, 1839.
- Petri Damiani Vita s. Romualdi, cap. 28. a. 1001,* MGH, SS, IV, 852 н сл.
- Plano Carpini J. Historia Mongalorum. Recueil de Voyages et de mémoires publié par la Société de géographie,* v. IV, livre 2, Paris, 1839.
- Preussisches Urkundenbuch, Bd. I—II,* hrsg. v. Philippi-Seraphim, Königsberg, 1882—1909.
- Regesta pontificum romanorum,* hrsg. v. A. Potthast, v. I—II, Berlin, 1874—1875.
- Regesta pontificum romanorum,* ed. P. Jaffé, v. I—II, Lipsiae, 1885—1888.
- Russisch-Livländische Urkunden, gesamm. v. K. E. Napiersky,* St.-Petersb., 1868.
- Scriptores rerum livonicarum,* v. I—II, Riga—Leipzig, 1853.
- Scriptores rerum prussicarum,* ed. Hirsch, Töppen, Strehlke, tt. I—V, Leipzig, 1861—1874.
- Scriptores rerum danicarum medii aevi,* ed. J. Langebek, t. I, Hafniae, 1772.

- Sigebertus Gemblacensis. Chronicon (ad. ann. 1073). MPL, t. CXLVIII, стб. 425 и сл.
- Sulvestros Sguropulos (Syropulos). Vera historia unionis non verae inter graecos et latinos, sive Concilii Florentini narratio. Transl. Robertus Creighton. Hagae—Comitis, 1660.
- Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum Historiam illustrantia, t. I (1212—1409). Romae, 1860.
- Thietmar von Merseburg. Chronik. Hrsg. v. R. Holtzmann, MGH, Scriptores rerum germanicarum, Berlin, 1955.
- Wartberg H. Chronicon Livoniae. Scriptores rerum prussicarum, t. II, Leipzig, 1863.
- Watterich J. M. Pontificum romanorum, qui fuerunt inde ab ex. saec. IX. usque ad finem saec. XIII, vitae. V. I—II. Innsbruck, 1880—1885.

Монографии, статьи

- Андерссон И. История Швеции. М., 1951.
- Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855.
- Антонович В. Б. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия, вып. I. Киев, 1878.
- Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.
- Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси. Историк-марксист, 1937, № 2.
- Бережков М. О торговле русских с Ригой в XIII—XIV вв. ЖМНП, ч. CLXXXIX, 1877, отд. II, стр. 330—357.
- Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. Зап. Историко-филолог. факультета СПб. унив., СПб., 1878—1879.
- Бестужев-Рюмин К. Н. О состоянии русских летописей. Летопись занятий Постоянной археографической комиссии Росс. Акад. наук, вып. IV, СПб., 1868.
- Боричевский П. Православие и русская народность в Литве. СПб., 1851.
- Бочкарев В. Н. Борьба русского народа с немецкими и шведскими агрессорами в XIV—XV вв. Учен. зап. Моск. гос. пед. инст. им. Ленина, 1946, т. 35, вып. 2, стр. 5—24.
- Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси. Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, вып. 3, 1956, стр. 402—434.
- Бучинський Б. Студії з історії церковної унії. Зап. Наукового товариства ім. Шевченка, Львів, т. LXXXV, 1906, стр. 21—42; т. LXXXVI, 1907, стр. 5—30; т. LXXXVIII, 1909, стр. 5—22.
- Бучинський Б. Сліди великоруських літературних творів про флорентинську унію. Зап. Наукового товариства ім. Шевченка, т. CXV, кн. III, Львів, 1913, стр. 23—28.
- Вайнштейн О. Л. Роль и значение нашей родины в истории Западной Европы в средние века. Вестн. Ленингр. унив., 1950, № 5, стр. 61—70.
- Васильевский В. Г. Обращение Гедимина. ЖМНП, 1872, ч. CLIX, отд. II, стр. 135—196.
- Васильевский В. Г. Из жизни Византии в XII веке. Славянский сборник, т. II, отд. I. СПб., 1877, стр. 2.
- Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, ч. CCLVIII, отд. II, стр. 121—150.

- Васильевский В. Г. Труды, изд. Росс. Акад. наук, т. I—II. СПб., 1909—1912.
- Винтер Эд. (Е.). Россия в политике Римской курии в XIV в. Вопросы истории религии и атеизма, сб. 6, М., 1958, стр. 291—306.
- Воронов А. Д. О латинских проповедниках на Руси Киевской в X—XI вв. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца (1873—1877), Киев, 1879, кн. I, стр. 1—21.
- Гетте В. Папство как причина разделения церквей, или Рим в своих сношениях с восточной церковью. Пер. с франц. К. Истомина, Харьков, 1895.
- Гильфердинг А. История балтийских славян. СПб., 1874.
- Голубовский П. В. Хроника Дитмара, как источник для русской истории. Университетские известия, Киев, 1878, № 9, стр. 27—40.
- Горский А. История Флорентийского собора. М., 1847.
- Горянов Б. Т. Религиозно-полемиическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII—XV вв. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 132—142.
- Готье Ю. В. Балтийский вопрос в XIII—XVI вв. Историк-марксист, 1941, кн. 6, стр. 87—95.
- Готье Ю. В. Русские на Балканском полуострове в XI—XIV вв. Учен. зап. Моск. гос. пед. инст. им. Либкнехта, сер. историч., вып. II, М., 1939.
- Грацианский Н. П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв., Историк-марксист, 1938, № 6, стр. 90.
- Грацианский Н. П. Заальбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. Истор. журн., 1942, № 8, стр. 37.
- Грацианский Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.
- Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века, тт. I—V. СПб., 1902—1912; т. VI, СПб., 1886.
- Греков Б. Д. На заре русского государства. Истор. журн., 1942, № 7, стр. 14—31.
- Греков Б. Д. Киевская Русь, т. I—II. М., 1955.
- Гуревич А. Я. Фальсификация истории Латинской империи. ВВ, т. V, 1952, стр. 284—290.
- Дашкевич Н. П. Литовско-русское государство, условия его возникновения и причины упадка. Университетские известия, Киев, 1882, №№ 3, 5, 8, 9, 10.
- Дашкевич Н. П. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством. Университетские известия, Киев, 1884, № 8, стр. 136—181.
- Делекторский Ф. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии. ЖМНП, 1895, ч. ССС, отд. II, стр. 131—184.
- Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. Историч. зап. АН СССР, № 26, 1948, стр. 95—127.
- Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI в. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах). Тр. Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. II, 1935, стр. 27—35.
- Жданов Р. Крещение Руси и начальная летопись. Истор. зап. АН СССР, № 5, 1939, стр. 3—30.
- Заборов М. А. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века. ВВ, т. V, 1952, стр. 152—177.
- Зутис Я. Я. Русско-афонские отношения в IX—XIV вв. Историк-марксист, 1940, кн. 3, стр. 39—57.

- Зутис Я. Я. Борьба русского и прибалтийского народов против немецкой агрессии. Рига, 1948.
- Зутис Я. Я. Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949.
- Иванцов-Платонов. О римском католицизме и его отношениях к православным, ч. I—II. М., 1869—1870.
- История Латвийской ССР, т. I, Рига, 1952.
- История Литовской ССР, т. I, Вильнюс, 1955.
- История Флорентийского собора, М., 1847.
- История Эстонской ССР, под ред. Г. И. Наана, 2-е изд., Таллин, 1956.
- Казакова Н. А. и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси (XIV—нач. XVI в.). М.—Л., 1955.
- Карцев В. С. Папство — организатор и вдохновитель немецко-католической агрессии в Прибалтике в XIII в. Автореф. дисс., М., 1953.
- Катанский А. История попыток к соединению церквей в первые 4 века по их разделении. СПб., 1868.
- Коробка Н. И. К вопросу об источнике русского христианства. ИОРЯС, 1906, т. XI, кн. 2, стр. 367—385.
- Косминский Е. А. Ледовое побоище. Вестн. АН СССР, М., 1942, № 4, стр. 89—95.
- Кулжинский И. Очерк действий папской пропаганды в древней Руси и безуспешность ее в покорении русских славян римской церковью. Вестн. юго-зап. и зап. России, т. III—IV, 1863.
- Левченко М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. ВВ, т. VII, 1953, стр. 194—223.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV—начале XV в. Историч. зап., № 39, 1952, стр. 259—278.
- Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV в. Университетские известия, Киев, 1884, № 2, стр. 31—50.
- Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.
- Лихачев Д. С. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII вв. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. X, вып. 5, 1951, стр. 461.
- Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.
- Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. М., 1945.
- Мавродин В. В. Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв. Учен. зап. Ленингр. гос. унив., сер. историч. наук, вып. 24, 1956, стр. 167—178.
- Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. (Памятники древней письменности и искусства, т. CLXXX), 1913.
- Мацеевский В. История первобытной христианской церкви у славян. Варшава, 1840.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Никитский А. И. Отношения новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным. ЖМНП, 1883, № 7, стр. 1—15.
- Острогорский Г. А. Владимир Святой и Византия. 988—1938. Владимирский сборник, Белград, 1938, стр. 31—40.
- Остроумов Ив. История Флорентийского собора. М., 1847.

- Очерки истории СССР. Период феодализма (IX—XV вв.), ч. 1—2, М., 1953.
- Павинский А. Полабские славяне в борьбе с немцами VIII—XII ст. СПб., 1871.
- Павлов А. С. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Павлов А. С. О начале галицкой и литовской митрополий. М., 1894.
- Пакарклис П. И. Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского ордена за свою государственность. Автореф. дисс., М., 1951.
- Пархоменко В. А. О крещении княгини Ольги. Журн. «Вера и разум», Харьков, 1911, № 10, стр. 429—446.
- Пархоменко В. А. Начало христианства на территории нынешней России. Журн. «Вера и разум», Харьков, 1913, т. II, стр. 178—185.
- Пархоменко В. А. Начало христианства Руси (IX—X). Полтава, 1913.
- Пархоменко В. А. Христианство в Киевской Руси при Ярополке, брате Владимира Святого. Харьков, 1913.
- Пархоменко В. К вопросу о начале русской иерархии. ИОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 371—380.
- Пархоменко В. А. Три момента начальной истории христианства. ИОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 371—380.
- Пархоменко В. Кризис варяжской державы в Киеве. Slavia, Praha. 1930, стр. 765—770.
- Пархоменко В. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. Учен. зап. Ленингр. гос. унив., сер. историч. наук, 1941, вып. 8, стр. 202—214.
- Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.). Вопросы истории, 1949, № 5, стр. 52—77.
- Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пашуто В. Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951.
- Пашуто В. Т. О возникновении Литовского государства. Изв. АН СССР, сер. истор. и философ., т. IX, № 1, 1952, стр. 42.
- Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.
- Первольф И. Германизация балтийских славян. СПб., 1876.
- Перцев В. Н. О захвате немцами Бранденбургской марки. Учен. зап. Белорусск. гос. унив., сер. историч., вып. 10, 1950, стр. 183—209.
- Полонская Н. Вопрос о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП, 1917, нов. сер., ч. LXXI, № 9, стр. 330—380.
- Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.) М., 1875.
- Поршнев Б. Ф. Ледовое побоище и всемирная история. Докл. и сообщ. Ист. фак. Моск. гос. унив., 1947, вып. 5, стр. 29—41.
- Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.
- Приселков М. Д. Борьба двух мировоззрений. Сб. «Россия и Запад», 1923, стр. 36—56.
- Приселков М. Д. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. Вестн. древн. ист., 1939, № 3, стр. 98.
- Приселков М. Д. Киевское государство X в. по византийским источникам. Учен. зап. Ленингр. гос. унив., сер. историч. наук, вып. 8, 1941, стр. 214—246.
- Розанов С. П. Евпраксия — Адельгейда Всеволодовна (1071—1109). Изв. АН СССР, сер. 7, Отд. гуманитарн. наук, 1929, № 8, стр. 617—646.

- Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1951, стр. 315—369.
- Рыдзевская Е. А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне, Тр. Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, АН СССР, т. II, М., 1935, стр. 5—20.
- Савич А. А. Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке. Учен. зап. Моск. гор. педагог. инст. им. В. П. Потемкина, 1941, т. 2, вып. 1, стр. 97—108.
- Северьянов С. Н. Codex Gertrudianus. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. Росс. Акад. наук, т. ХСІХ, № 4, Пгр., 1922.
- Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде. Докл. АН СССР, 1929, вып. 1, стр. 16.
- Скабаланович Н. А. Разделение церквей при патриархе Михаиле Керуларии. Христианское чтение, СПб., 1884, № 11—12, стр. 626—656; 1885, № 1—2, стр. 95—145.
- Соболевский А. О крещении Руси. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, Киев, 1898, кн. 2.
- С. С. (с нем.). О древней торговле немцев с Россией. ЖМНП, 1839, май, отд. II, стр. 145—172.
- Стародубец П. А. Купечество Северной Германии и немецкая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII веке. Учен. зап. Тульск. гос. пед. инст., 1948, вып. I, стр. 89—111.
- Стародубец П. А. Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII века. Сб. «Средние века», т. VII, 1955, стр. 199—216.
- Сюзюмов М. Я. «Разделение церквей» в 1054 г. Вопросы истории, 1956, № 8, стр. 44.
- Сюзюмов М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнена. ВВ, т. XII, 1957, стр. 66.
- Талис Д. Л. Русско-корсунские отношения IX—X вв. ВВ, т. XIV, 1958, стр. 103—115.
- Тихомиров И. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII в. ЖМНП, 1876, ч. CLXXXV, отд. II, стр. 162—174.
- Тихомиров И. Торговые сношения Полоцка с Ливонией в XIV в. ЖМНП, 1877, ч. CXСІV, отд. II, стр. 232—239.
- Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XV вв.). Знамя, 1939, № 3, стр. 209, № 4, стр. 157.
- Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941.
- Тихомиров М. Н. Византия и Московская Русь. Историч. журн., 1945, № 1—2, стр. 9—13.
- Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. Славянский сборник, М., 1947, стр. 125—201.
- Тихомиров М. Н. Борьба русского народа за выходы к морю в XIII—XVII вв. Сборн. «Русское военно-морское искусство», М., 1951, стр. 25—40.
- Толстой Д. А. Римский католицизм в России, т. I. СПб., 1876.
- Удальцова Э. В. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. ВВ, т. III, 1949, стр. 106—132.
- Удальцова Э. В. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, 1953, стр. 93—121.
- Успенский Ф. И. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888.

- Успенский Ф. И. Последний Комнен. ВВ, т. XXV, 1927—1928, стр. 1—23.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. II, Пгр., 1917; т. III, М.—Л., 1948.
- Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. Исторические очерки. СПб., 1890.
- Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.
- Фортинский Ф. Я. Крещение св. Владимира и Руси по западным известиям. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1888, кн. 2, стр. 119.
- Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Вып. I—VII, Рига, 1884.
- Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії. Зап. Наукового товариства ім. Шевченка. тт. СХХIII—СХХIV, Львів, 1917.
- Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г., вып. I (XXXIV), Л., 1927, стр. 3—26.
- Шаскольский И. П. Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.). Историч. журн., 1940, № 4—5, стр. 106.
- Шаскольский И. П. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. Военно-историч. журн., 1940, № 7, стр. 90—95.
- Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию. Вопросы истории, 1945, № 1, стр. 113.
- Шаскольский И. П. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. Изв. Карело-Финск. фил. АН СССР, 1951, № 2, стр. 13.
- Шаскольский И. П. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. Изв. АН СССР, сер. истор. и философ., т. VIII, № 3, 1951, стр. 267—276.
- Шаскольский И. П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси. Историч. зап., № 37, 1951, стр. 169—188.
- Шаскольский И. П. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50-х гг. XIII в. Историч. зап., № 43, 1953, стр. 182—200.
- Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. статей, посв. В. И. Ламанскому, ч. II, 1908, стр. 1025—1153.
- Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пгр., 1916.
- Шлецер Ф. О торговых сношениях Новгорода с Любеком в средние века. ЖМНП, 1839, ч. XXII, отд. II, стр. 1—16.
- Югов А. Даниил Галицкий и Александр Невский. Вопросы истории, 1945, №№ 3/4, стр. 99—107.
- Янковский М. Крещение Руси. Учен. зап. Ленингр. гос. унив., 1939, № 36, вып. 3, стр. 45—61.
- Abraham Wl. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi, t. I, Lwow, 1904.
- Algermissen K. Konfessionskunde. Hannover, 1930.
- Allatius L. De perpetua consensione latinae et graecae ecclesiae. Epistola ad J. C. L. B. de Boiburg. Editio prima. s. a. l.
- Allatius L. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae, 1648.
- Altaner B. Die Dominikanermission des 13 Jahrhunderts. Habelschwerdt, 1924.

- Amelung F. Baltische Culturstudien aus den vier Jahrhunderten der Ordenszeit (1184—1561), Dorpat, 1884.
- Ammann A. M. (S. I.). Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. OCA, № 105, Rom, 1936.
- Ammann A. M. (S. I.). Zur Geschichte der Geltung der Florentiner Konzilsentscheidungen in Polen-Litauen. OCP, VIII, 1942, стр. 289—316.
- Ammann A. M. (S. I.). Stori della chiesa russa e dei paesi limitrofi. Torino, 1948.
- Ammann A. M. (S. I.). Abriss der ostslavischen Kirchengeschichte. Wien, 1950.
- Ammann A. M. (S. I.). Die Anfänge der Hierarchie im Kiewer Rus-Reich. Ostkirchliche Studien, 1953, II, H. I, стр. 59.
- Ammann A. M. (S. I.). Die ostslawische Kirche im jurisdiktionellen Verband der byzantinischen Grosskirche (977—1459). Das östliche Christentum, N. F., № 13, Würzburg, 1955.
- Arbman H. Une route commerciale pendant le X et XI s. Slavia Antiqua, t. I, Poznan, 1948, стр. 435—438.
- Arbusow L. Römischer Arbeitsbericht. I—II. Acta Universitatis Latviensis, Bd. XVII, XX, Riga, 1928—1929.
- Arbusow L. (jun.). Die Deutsche Einwanderung im 13 Jahrhundert. Baltische Länder. Bd. I: Ostbaltische Frühzeit. Leipzig, 1939.
- Aubin H. Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches (Vortrag am. 2 VIII 1932). HVJ, 1933, H. 2, стр. 225—273.
- Aubin H. Stufen und Formen der christlichkirchlichen Durchdringung des Staates im Frühmittelalter. Festschr. f. Gerhard Ritter, 1950, стр. 61—86.
- Barnea I. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du X au XII siècle. Nouv. Et. d'hist., présentées au X Congrès des Sc. histor. (Rome, 1955), Bucarest, 1955, стр. 69—181.
- Baronius C. Annales ecclesiastici, tt. I—XXXVII, Atrebat, 1866—1883.
- Barry W. The papal monarchy from Gregory the Great to Boniface VIII (590—1303). London, 1922.
- Baumgarten N. de. Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes. OC, № 35, Roma, 1927.
- Baumgarten N. de. Chronologie ecclesiastique des terres russes du X au XIII siècle. OC, XVII, № 58, Roma, 1930.
- Baumgarten N. de. Olaf Tryggwison roi de Norvège et ses relations avec S. Vladimir de Russie. OC, № 73, Roma, 1931.
- Baumgarten N. de. S. Vladimir et la conversion de la Russie. OC, XXVII, № 79, Roma, 1933.
- Baumgarten N. de. Aux origines de la Russie. OCA, № 119, Roma, 1939.
- Beck E. Die russische Kirche, ihre Geschichte, Lehre und Liturgie, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Unterscheidungslehren und ihrer Verhältnisse zur römischen Kirche. Buhl, 1926.
- Bellée H. Polen und die römische Kurie in den Jahren 1414—1424. Berlin—Leipzig, 1914.
- Bognetti G. I rapporti etico-politici fra Oriente e Occidente dal secolo V al secolo VIII. Relazioni, v. III, стр. 3—67.
- Bonet-Maury G. Les premiers temoignages de l'introduction du christianisme en Russie. Rev. de l'histoire des religions, 1901, стр. 223—235.
- Brackmann A. Ostpolitik Ottos d. Grossen. HZ, 1926, № 134, стр. 254. н сл.
- Bréhier L. Le schisme oriental du XI s. Paris, 1899.
- Brèmond M. et A. Gaudemet. L'Empire chrétien et ses destinées en Occident du XI—XIII s. Paris, 1944.

- Brian-Chaninov N. Les origines de la Russie historique. Rev. des Questions Histor., 1925, № 1, стр. 5—42; № 2, стр. 259—310.
- Brückner A. Spory o unię w dawnej literaturze. Kwart. Historyczny, X, 1896, стр. 578—644.
- Brutskus J. Trade with eastern Europe (800—1200). Econ. hist. rev., 1943, v. XIII, № 1/2, стр. 31—41.
- Cartellieri A. Der Aufstieg des Papsttums im Rahmen der Weltgeschichte (1047—1095). München—Berlin, 1937.
- Cartellieri A. Der Vorrang des Papsttums zur Zeit der ersten Kreuzzüge (1095—1150). München—Berlin, 1941.
- Caspar E. Vom Wesen des deutschen Ordensstaats. Königsberg, 1928.
- Caspar E. Hermann von Salza und die Gründung des Deutschen Ordensstaats in Preussen. Tübingen, 1924.
- Caspar E. Vom Wesen des Deutschen Ordensstaats. Königsberg, 1928.
- Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft, Bd. I—III. Tübingen-Darmstadt, 1930—1956.
- Cecconi Eug. Studi storici sul Concilio di Firenze. Firenze, 1869.
- Chadwick N. The Beginnings of Russian History. An Enquiry into Sources. Cambridge, 1946.
- Cherniavsky M. The Reception of the Council of Florence in Moscow. Church History, 1955 (XXIV), Dec. (№ 4), стр. 347—359.
- Classen P. Das Konzil von Konstantinopel 1166 u. die Lateiner. BZ, 1955, Bd. 48, H. 2, стр. 339—368.
- Congar Y. Neuf cents ans après. Notes sur le «schisme oriental». L'Église et les églises, t. I, 1954, стр. 3—95.
- Cross S. Mediaeval Russian Contacts with the West. Speculum, v. X, 1935, стр. 137—144.
- Cross S. The results of the conversion of the Slavs from Byzanz. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientale et Slaves, t. VII, 1939—1944.
- Cross S. The Scandinavian Infiltration into Early Russia. Speculum, v. XXI, № 4, 1946, стр. 505—514.
- Cross S. Slavic Civilization through the Ages. Cambridge—Massachusetts, 1948.
- Damus R. Die Slavenchronik Arnolds. Lübeck, 1873.
- Danzas I. St Vladimir et les origines du Christianisme en Russie. Paris, 1935.
- Dawson Chr. (ed.). The Mongol mission (XIII—XIV centuries). London—N. Y., 1955.
- Denisoff E. Aux origines de l'église russe autocephale. RES, 1947, t. XXIII, fasc. 1—4, стр. 66—88.
- Długossis (Dlugoż) J. Historiae polonicae libri XII. Lipsiae, 1711.
- Dölger Fr. Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner. Ztschr. f. Kirchengesch., N. F., 56 (1937), стр. 1—42.
- Dölger Fr. Byzanz als weltgeschichtliche Potenz. Wort und Wahrheit, 4 (1949), стр. 249—263.
- Dölger Fr. Byzanz und das Westreich. Zwei Arbeiten zu den deutsch-byzantinischen Beziehungen im 12 Jahrhrt. Deut. Archiv, № 8, (1950), стр. 238—249.
- Dölger Fr. Byzanz und das Abendland vor den Kreuzzügen. Relazioni, v. III, стр. 67—112.
- Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929.
- Dubois P. De recuperatione terrae sanctae. Paris, 1891.
- Duchesne L. Les premiers temps de l'État pontifical (754—1073). Paris, 1912.

- Dugout A. (S. I.). La primauté du Pape et «L'orthodoxie orientale». Reims, 1914.
- Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome au IX-me siècle. (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, IV). Paris, 1926.
- Dvornik F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933.
- Dvornik F. The Kiev State and its relations with Western Europe. Transact. Roy. Hist. Soc., IV ser., v. XXIV, London, 1947.
- Dvornik F. The Photian schism. History and Legend. Cambridge Univ. Press, 1948.
- Dvornik F. Emperors, popes and General Councils. Dumbarton Oaks Papers, № VI, 1951, стр. 1—23.
- Dvornik F. Les bénédictins et la christianisation de la Russie. L'Église et les églises, t. I, стр. 323—350.
- Dvornik F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. Dumbarton Oaks Papers, № IX—X, 1956, стр. 73—123.
- Dvornik F. The slavs, their early history and civilization. Boston, 1956.
- Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie. Halle, 1911.
- L'Église et les églises..., 1054—1954, t. I, 1054; t. II, 1955.
- Erdmann C. Forschungen zur politischen Ideenwelt des früheren Mittelalters. Hrsg. v. Fr. Baethgen, Berlin, 1951.
- Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzuggedankens. Forschungen zur Kirchen- u. Geistesgeschichte, I Folge, Bd. VI, 1955.
- Evert-Kapessova H. La tiare ou le turbain. Byzantinoslavica, Praha, 1953 (XIV), стр. 245—255.
- Evert-Kapessova H. Byzance et le St Siège à l'époque de l'Union de Lyon. Byzantinoslavica, Praha, 1955 (XVI), стр. 297—318.
- Fedotov J. Le baptême de s. Vladimir et la conversion de la Russie. «Irenikon», (Prieuré d'Amay sur Meuse, Belgium, XV), 1938, стр. 417—435.
- Fedotov J. The Russian Religion Mind. Kievan Christianity, 1946.
- Feine H. Kirchliche Rechtsgeschichte, Bd. I. Die katholische Kirche. Weimar, 1955.
- Fijalek J. Le sort réservé à l'Union de Florence dans le Grand-Duché de Lithuanie sous le règne de Casimir Jagellon. Bull. intern. de l'Acad. Polonaise de Sc. et des Lettres, Cl. de Philos., d'Hist. et de Philol., № 1—3, I—II (I—III), 1934.
- Fliche A. et V. Martin. L'Histoire de l'Église depuis les origines. Paris, 1934 и сл.
- Folz R. L'idée d'Empire en Occident du V au XIV s. Paris, 1953.
- Forstreuter K. Die Bekehrung Gedimins und der Deutsche Orden. Altpreuss. Forsch., 1928 (V), H. 2, стр. 239—261.
- Forstreuter K. Preussen und Russland im Mittelalter. Osteurop. Forsch., N. F. Bd. 25. Königsberg—Berlin, 1938.
- Forstreuter K. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zum Peter dem Grossen. Göttingen, Berlin—Frankfurt, 1955.
- Fromann Th. Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung. Halle a/S. 1872.
- Frotscher G. Die Anschauungen v. Papst Iohann XXII (1316—1334) über Kirche und Staat. Grünberg (Hessen), 1932.
- Ganshof F. L. Le Moyen âge. Histoire des relations internationales, publ. sous la direct. de Pierre Renouvin, t. I, 1953.

- Geanakoplos D. J. The Council of Florence (1438—1439) and the problem of union between the Greek and Latin Churches. Church History, 1955 (XXIV), Dec. (№ 4), стр. 324—346.
- Goetz L. K. Staat und Kirche in Altrussland. Kiever Periode 988—1240. Berlin, 1908.
- Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.
- Götze P. von. Albert Suerbeer. St.-Petersb., 1854.
- Grumel V. Les préliminaires du schisme de Michel Cérulaire ou la question romane avant 1054. Rev. des Études byzant., 1953 (X), стр. 5—23.
- Guenot C. L'Europe chrétienne ou l'établissement du christianisme en Pologne et en Russie. Lille, 1865.
- Guettée W. La papauté schismatique ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise orientale. Paris, 1863.
- Guettée W. La Papauté hérétique. Paris, 1874.
- Guilland R. Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453). Byzantinoslavica, Praha, 1953 (XIV), стр. 226.
- Halecki O. The ecclesiastical separation of Kiev from Moscow in 1458. Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Th. I. (Festschrift für H. Fr. Schmid), Graz—Köln, 1956, стр. 19—32.
- Halfmann H. Cardinal Humbert, Leben und Werke. Göttingen, 1883.
- Haller J. Innocenz III u. d. Kaisertum Heinrichs VI. HVJ, 1920, H. 1, стр. 23—38.
- Haller J. Gregor VII und Innocenz III. Meister der Politik. Stuttgart—Berlin, 1922.
- Hamel W. Reich und Staat im Mittelalter. Hamburg, 1944.
- Hartung Joh. Die Lehre von der Weltherrschaft im Mittelalter. Diss., Halle, 1909.
- Hauck A. Der Gedanke der päpstlichen Weltherrschaft bis an Bonifaz VIII. Leipzig, 1904.
- Hauck A. Deutschland und die päpstliche Weltherrschaft. Leipzig, 1910.
- Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. Bd. I—V. Berlin—Leipzig, 1954.
- Hayward F. Histoire des papes. Paris, 1953.
- Heer Fr. Der Aufgang Europas. Wien, 1949.
- Heer Fr. Europäische Geistesgeschichte. Stuttgart, 1953.
- Heer Fr. Die Tragödie des Heiligen Reiches. Stuttgart, 1953.
- Hefele C. Conciliengeschichte. Bd. I—VI. Freiburg i/B. 1873—1890.
- Hein M. Die Verleihung Litauens an den Deutschen Orden durch Kaiser Ludwig von Bayern im J. 1337. Altpreuss. Forsch. 1942, (XIX), стр. 36—54.
- Hergenroether J. (card.). Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Bd. I—III. Freiburg i/B., 1884—1886.
- Heussi K. Die römische Petrustradition in kritischer Sicht. Tübingen, 1954.
- Hofmann G. Die Konzilsarbeit in Florenz. OCP, IV, 1938.
- Hofmann G. Papst Gregor VII und der Christliche Osten. Studi Gregoriani, Roma, 1945, стр. 1—13.
- Hofmann G. Papst Pius II und die Kircheneinheit des Ostens. OCP, XII, 1946, стр. 217—237.
- Hofmann G. Der Konzil v. Florenz in Rom. OCP, XV, 1949, стр. 71—84.
- Hofmann G. Charakter der Sitzungen im Konzil von Florenz. OCP, XVI, 1950, стр. 358—376.
- Hofmann G. Quellen zu Isidor von Kiew als Kardinal und Patriarch. OCP, XVIII, 1952, стр. 143—157.

- Holtzmann W. Die Unionverhandlungen zwischen Alexios I und Papst Urban II (1089). BZ, XXVIII, 1928, стр. 38.
- Hurter Fr. Geschichte Papst Innocenz III und seiner Zeitgenossen. Hamburg, 1841.
- I. Z. Rzym, Byzancjum i Kijow po r. 1054. Oriens, zes. I, Krakow, 1934.
- Jablonowski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955.
- Jacob G. Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter. Leipzig, 1887.
- Jalland T. G. The Church and the Papacy. London, 1946.
- Jäntere K. Die römische Weltreichsidee und die Entstehung der weltlichen Macht des Papstes. Ann. Univ. Turkuensis, Turku, 1936.
- Jarrett B. Social theories of the middle ages (1200—1500). Westminster, 1942.
- Jażdżewski K. Stosunki polsko-ruskie we wczesnym sredniowieczu w świetle archeologii. Pamiętnik Słowiański, t. IV, (1954), Wrocław—Poznan, 1955, стр. 340—360.
- Johansen P. Die Chronik als Biographie. Heinrich Lettlands Lebensgang und Weltanschauung. Jahrb. f. Geschichte Osteuropas, N. F., 1953, Bd. I, H. 1, стр. 1—24.
- Jugie M. Les origines romaines de l'église russe. Échos d'Orient, 1937 (XXXVI), стр. 257—270.
- Jugie M. Le schisme byzantin. Paris, 1941.
- Kempff Fr. Papsttum u. Kaisertum bei Innocenz III. Die geistigen und rechtlichen Grundlagen seiner Thronstreitpolitik. Miscellanea Historiae Pontificiae, v. XIX, № 58, Pont. Univ. Gregor., Roma, 1954.
- Kempff Fr. Weltherrschaft des mittelalterlichen Papsttums? Stimmen der Zeit, Bd. 158, 1956, стр. 13.
- Keussler F. v. Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen. St.-Petersb., 1897.
- Klinkenberg H. M. Papsttum und Reichskirche bei Leo d. Grossen. Zeitschr. d. Savigny-Stiftung, Bd. 69, Kanon. Abt., № 38, 1952, стр. 37—112.
- Klinkenberg H. M. Der römische Primat im X Jhrh. Zeitschr. d. Savigny-Stiftung., Bd. 72, Kanon. Abt., 1955, стр. 1—57.
- Klostermann R. A. Probleme der Ostkirche. Göteborg, 1955.
- Knabe L. Die Gelasianische Zweigewaltentheorie bis zum Ende des Investiturstreites. Histor. Studien, H. 292, Berlin, 1936.
- Koch H. Byzanz, Ochrid und Kiew 987—1037. Kyrios, III, 1938, стр. 258—259.
- Kohlmann Ph. W. Adam von Bremen. Ein Beitrag zur mittelalterlichen Textkritik und Kosmographie. Leipzig, 1908. (Histor. Abhandl., h. X.).
- Koncevičius J. B. Russia's attitude towards union with Rome (IX—XVI centuries). Washington, 1927.
- Kovalevsky P. L'Église russe en 1054. L'Église et les églises, t. I, стр. 475—488.
- Krappe A. H. La chute du paganism à Kiev. RES, 1937, t. XVII, fasc. 3—4, стр. 206—218.
- Krzanič C. La chiesa russa nello scisma orientale. Vita e pensiero, v. XVIII, Milano, 1927, стр. 396 и сл.
- Kuczynski S. M. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039. Slavia Antiqua, t. V (1954—1956), 1956, стр. 255—276.
- Kulczyński I. Specimen ecclesiae Ruthenicae cum S. Sede Apostolica Romana semper unitae, Romae, 1733.

- Ladner G. The concepts of «Ecclesia» and «Christianitas» and their relation to the idea of papal «Plenitudo potestatis» from Gregory VII to Boniface VIII. *Miscellanea historiae pontificiae*, v. XVIII, coll. № 52, Roma, 1954, стр. 49—79.
- Laehr G. Die Anfänge des Russischen Reiches. Berlin, 1930.
- Lamprecht K. Europäische Expansion, in: Pflugk-Harttung, *Weltgeschichte*, t. VI, Berlin, 1909, стр. 599—625.
- Latourette K. S. A history of the expansion of Christianity, v. II (500—1500). London, 1938.
- Laurent V. Aux origines de l'Eglise russe. L'établissement de la hierarchie byzantine. *Echos d'Orient*, 1939 (XXXVIII), стр. 279—295.
- Leclercq J. Points de vue sur le grand Schisme d'Occident, L'Eglise et les églises, t. II, стр. 223—240.
- Ledit J. Les origines occidentales de l'ancienne litterature Kievienne. OC, XXXII, 1933, стр. 180—214.
- Leib B. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI siècle. Paris, 1924.
- Lemmens L. Die Franziskanerkustodie Livland und Preussen. Düsseldorf, 1912.
- Levison W. Die mittelalterliche Lehre von den beiden Schwertern. *Deutsch. Arch. f. Erforsch. d. Mittelalters*, Jg. IX, F. I, Marburg, 1951, стр. 14—42.
- Lowmianski H. Agresja zakonu Krzyżackiego na Litwe w wiekach XII—XV. *Przegląd Historyczny*, t. XLV, zes. 2—3, 1954, стр. 345.
- Lozinskij G. La Russie dans la littérature française du Moyen Age, RES, t. IX, 1929, стр. 71—89 и 253—271.
- Lübeck K. Die Christianisierung Russlands. Aachen, 1922.
- Luchaire A. Innocent III. La Question d'Orient, Paris, 1911.
- Maccarrone M. Il sovrano «vicarius dei» nell alto medio evo (sunti delle comunicazioni). *Atti del VIII Congresso internazionale di storia delle religioni* (Roma 17—23 aprile 1955). Firenze, 1956, стр. 420.
- Macejowski W. Pamiętniki o dziejach, picmennictwie, prawodawstwie słowian. Warszawa, 1836.
- Mahony J. A short history of the Catholic church, v. I—III. Dublin, 1950.
- Manhattan A. Catholic imperialism and world Freedom. London, 1952.
- Manteuffel G. Notatki o dziejach wiary rzymsko-katolickiej w Rydze (1201—1901). Warszawa, 1902.
- Manteuffel T. Rola cystersow w Polsce w wieku XII. *Przegląd Historyczny*, t. XLI, 1950, стр. 180—202.
- Manteuffel T. La Mission balte de l'ordre de Citeaux à XIII s. La Pologne au X Congrès Intern. d. sc. hist., Rome, 1955, стр. 107—123.
- Manteuffel T. Papiestwo i Cystersi (na przełomie XII i XIII ww.). Warszawa, 1955.
- Marc-Bonnet H. Le St Siège et Charles d'Anjou sous Innocent IV et Alexandre IV (1245—1261). *Rev. Histor.*, t. CC, 1948, oct.—dec., стр. 38—42.
- Mayne R. East and West in 1054. *Cambr. Hist. Journ.*, v. XI, № 2, 1954, стр. 133—149.
- Medlin W. Moscow and East Rome. Geneva, 1952.
- Mercati G. Scritti d'Isidoro il Cardinale Ruteno e codici a lui appartenuti che si conservano nella Biblioteca Apostolica Vaticana. *Studi e Testi*, 46, Roma, 1926.
- Mey J. Zur Kritik Arnolds v. Lübeck. 1912.
- Meyendorff A. a. N. Baynes. The Byzantine Inheritance in Russia. Byzantium, Oxford, 1948, стр. 372—391.

- Meyer von Knonau G. Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V. Bd. 1—6, Leipzig, 1890—1907.
- Michel A. Humbert und Kerullarios. Bd. I—II, Paderborn, 1924—1930.
- Michel A. Die Römische Angriffe auf Michael Kerullarios wegen Antiocheia. BZ, v. 44, 1951, стр. 419—427.
- Mirtschuk J. Rom, Ryzanz und Moskau im Kampf um die geistige Führung im osteuropäischen Raum. Geistesgeschichtlicher Ueberblick. Münch. Beitr. z. Slavenkunde, 1953, стр. 24—41.
- Neumann W. Das mittelalterliche Riga. Berlin, 1892.
- Niitemaa V. Die undeutsche Frage in der Politik der Livländischen Städte im Mittelalter. Ann. Acad. Sc. Fennicae, Helsinki, 1949.
- Norden W. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903.
- Nowicki A. 1000 lat zatargow z papieżami. Warszawa, 1950.
- Obolensky D. Byzantium, Kiev and Moscow: A study in ecclesiastical relations. Dumbarton Oaks Papers, v. XI, 1957, стр. 21—78.
- Offler H. S. Empire and papacy. Transact. Roy. Hist. Soc., v. VI, 1956, стр. 21—47.
- Ohnsorge W. Ausbreitung und Ende der Slaven zwischen Nieder-Elbe und Oder. 1912.
- Ohnsorge W. Die Bedeutung der deutschbyzantinischen Beziehungen im XII Jh. für den deutschen Osten. Deutsch. Arch. f. Landes u. Volksforsch., 1941 (V), стр. 249—259.
- Ohnsorge W. Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byz. Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa. Hildesheim, 1947.
- Ohnsorge W. Abendland und Byzanz. Weimar, 1958.
- Oldekop H. Die Anfänge der katholischen Kirche bei den Ostseefinnen. Eine Untersuchung über die Formen der religiösen Expansion im Mittelalter (XI—XIII). Reval, 1912.
- Olšr G. (S. I.). Gli ultimi Rurikidi e le basi ideologiche della sovranità dello Stato russo. OCP, XII, 1946, стр. 322—373.
- Osten-Sacken P. v. d. Der erste Kampf des deutschen Ordens gegen die Russen. Mitteil. a. d. livl. Gesch., v. 20, 1910, стр. 89.
- Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1952.
- Palmieri A. La conversione dei Russi al cristianesimo e la testimonianza di Fozio. Studi religiosi, t. I, 1901, стр. 133—191.
- Paszkievicz H. The origin of Russia. London, 1954.
- Pelesz J. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, Bd. I—II. Würzburg—Wien, 1878—1881.
- Perroy E. Le Moyen Âge. L'expansion de l'Orient et la naissance de la civilization occidentale. Hist. gener. d. civil., ed. M. Crouzet, t. III, Paris, 1955.
- Petridès S. Documents sur la rupture de l'Union de Florence. Echos d'Orient, 1911 (XIV), стр. 206.
- Pichler A. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident. Bd. I—II, München, 1864—1865.
- Pierling P. Les Russes au Concile de Florence. Rev. des Questions Histor., 1892, t. LII (Nouv. ser. t. VIII), стр. 58—106.
- Pierling P. La Russie et le Saint-Siège, t. I, Paris, 1896.
- Pirenne J. Les grands courants de l'histoire universelle, t. II. Neuchatel—Paris, 1950.
- Prochaska A. O prawdziwosci listow Gedymina. Rozpr. Akad. Um. Wydz. hist. fil., t. XXXII, Krakow, 1895.

- Prochaska A. Stosunki Krzyżaków z Giedyminem i Lokietkem. Kwart. Historyczny, 1896, r. X, № 1, стр. 1—67.
- Rafn C. C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Ed. par la Société Royale des Antiquaires du Nord, vv. I—II, Copenhagen, 1852.
- Ranke L., v. Weltgeschichte, Bd. IV. Leipzig, 1895.
- Richter A. V. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben, Bd. I—II. Riga, 1857—1858.
- Rohrbacher R. F. (Abbé). Histoire universelle de l'Eglise catholique. V. XII—XXI, Paris, 1850—1852.
- Rowbotham A. Missionar and Mandarin. London, 1954.
- Rostovtzeff M. I. Les Origines de la Russie Kievienne. RES, t. II, 1922, стр. 5—18.
- Runciman S. Byzantium and the Slavs. Byzantium, Oxford, 1948, стр. 338—368.
- Runciman S. The Eastern Schism. A study of the Papacy and the eastern churches during the XI a. XII centuries. Oxford, 1955.
- Rutenberg O. v. Geschichte der Ostseeprovinzen. Leipzig, 1859—1860.
- Santifaller L. Zur Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirchensystems. Wien, 1954.
- Schiemann T. Russland, Polen und Livland bis ins XVII Jh., Bd. I—II. Berlin, 1886.
- Schmid H. F. Grundrichtungen und Wendepunkte europäischer Ostpolitik. Jahrb. f. Gesch. Osteuropas, N. F., Bd. I, H. 1, 1953, стр. 97—116.
- Schmidlin J. Katholische Missionsgeschichte. Steyl, 1925.
- Schneider F. Rom und Romgedanke im Mittelalter. München, 1926.
- Schubert H. v. Roms Kampf um die Weltherrschaft. Halle, 1888—1889.
- Schubert H. v. Geschichte der christlichen Kirche im Frühmittelalter. Tübingen, 1921.
- Seeger J. Die Reorganisation des Kirchenstaates unter Innocenz III. Inaug.-Diss., Kiel, 1937.
- Sevčenko J. Intellectual Repercussions of the Council of Florence. Church History, 1955 (XXIV), Dec. (№ 4), стр. 291—323.
- Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Bela IV. Cahiers d'hist. mondiale, Neuchâtel, 1956, v. 3, № 1, стр. 39—62.
- Slaski Kaz. Udział Słowian w życiu gospodarczym Bałtyku na początku epoki feudalnej (VII—XII). Pamiętnik Słowiański, t. IV (1954), Wrocław—Poznań, 1955, стр. 227—266.
- Soranzo G. Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Un secolo di penetrazione occidentale in Asia. Milano, 1930.
- Spriet H. Die Briefe Gedimins. Sinsheim, 1953.
- Stadnicki K. O początkach arcybiskupstw i biskupstw katolickich na Rusi i Wołynia. Lwów, 1882.
- Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.
- Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. Relazioni, v. III, стр. 165—189.
- Stender-Petersen A. Russian studies. Acta Jutlandica. Aarsskrift for Aarhus Universitet, t. XXVIII, 2 Humanistisk serie, № 43, 1956, стр. 98.
- Stiltingus J. Dissertatio de conversione et fide Russorum. AASS, Sept. t. II, Paris—Roman, 1868, стр. I—XXVII.
- Streit R. Die Weltmission der katholischen Kirche. Hünfeld, 1928.
- Stremoukhoff D. Moskow—the third Rome. Sources of the doctrine. Speculum, v. XXVIII, 1953 (№ 1), стр. 84—101.

- Strube E. v. Innocenz III politische Korrespondenz und die religiöse Welt-herrschaftsidee der Kurie. Diss., Berlin, 1936.
- Symonds H. E. The Church Universal and the See of Rome. London, 1939.
- Szymański W. Kontakty handlowe wielkopolski w IX—XI wieku. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, wyd. hist. i nauk społecz., Prace Komis. Archeolog., t. II. z. 3, Poznań, 1958.
- Szcześniak B. The mission of Giovanni de Plano Carpini and Benedict the Pole of Vratislava to Halicz. Journ. ecclesiast. hist., v. VII, № 1 (April), 1956, стр. 12—20.
- Tillmann H. Zur Frage des Verhältnisses von Kirche und Staat in Lehre und Praxis Papst Innocenz III. Deutsch. Arch. f. Erforsch. des Mittelalters, Marburg, Jg. 9, f. I, 1951, стр. 136—181.
- Tomaszewski St. Ruski epizod soboru Lugdunskiego 1245. Szkic historyczny. Lwow, 1927.
- Totoraitis J. Die Litauer und König Mindowe. Freiburg i/B., 1905.
- Toumanoff C. Moscow the third Rome: Genesis and Significance of a politico-religious idea. Cathol. Hist. Rev., 1955, стр. 411—448.
- Tumler P. M. Der Deutsche Orden im Werden, Wachstum und Wirken bis 1400. Wien, 1954.
- Uhlirz K. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Otto II u. Otto III. Leipzig, 1902.
- Uhlirz M. Kaiser Otto III und das Papsttum. HZ, 1940, № 162, стр. 258—268.
- Ullmann W. Medieval papalism. The political theories of the medieval canonists. London, 1949.
- Ullmann W. The growth of papal government in the Middle Age: a study in the ideological relation of clerical to lay power. London, 1955.
- Uminski J. Niebezpieczeństwo tatarskie w polowie XIII w. i papież Innocenty IV. Lwow, 1922.
- Vannutelli V. Sguardi d'Oriente. Roma, 1892.
- Vannutelli V. La Missione del Latini in Oriente. Appendice agli «Sguardi d'Oriente». 1893.
- Vannutelli V. La Russia e la Chiesa cattolica. Seconda appendice agli «Sguardi d'Oriente». Roma, 1895.
- Vannutelli V. Il concilio di Firenze. Roma, 1899.
- Vasiliev A. A. Il viaggio dell' Imperatore Bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'Unione di Roma del 1369. Studi Bizantini e Neellenici, 1931 (III), стр. 151—193.
- Vasiliev A. A. Was Old Russia a vassal state of Byzantium? Speculum, v. VII, 1932, № 3, стр. 350.
- Vasiliev A. A. Economic relations between Byzantium and Old Russia. Journ. of Economic and Business History, v. IV, 1932, стр. 314—334.
- Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire (324—1453). Univ. of Wisconsin Press, 1952.
- Verdière P. Ch. (S. J.). Origines catholiques de l'Église russe jusqu'au XII siècle. Paris, 1857.
- Vernadsky G. Relations byzantino-russes au XII siècle. Byzantion, IV, 1927—1928, стр. 269—276.
- Vernadsky G. The Status of the Russian Church during the first half-century following Vladimir's conversion. Slavonic Review, t. XX, 1941, стр. 298—314.
- Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven—London—Oxford, 1944.
- Vernadsky G. Kievan Russia. New Haven—London—Oxford, 1948.
- Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven—London—Oxford, 1953.

- Vicissitudes de l'église catholique en Pologne et en Russie, vv. I—II, Paris, 1843.
- Viller M. La Question de l'Union des Eglise entre Grecs et Latins... (1274—1438). Rev. d'Hist. Eccles., 1921 (XVI), стр. 260—305; 1922 (XVIII), стр. 20—60.
- Vizzardelli Dissertatio de origine christianae religionis in Russia. Romae, 1826. (В действительности, автор R. Brzozowski, S. I.).
- Waczynski B. Nachklänge der Florentiner Union in der polemischen Literatur zur Zeit der Wiedervereinigung der Ruthenen. OCP, IV, 1938, стр. 441—472.
- Wagstaff J. Historical reflections on the Bishop of Rome... Oxford, 1660.
- Welter G. Histoire de Russie depuis les origines jusqu'à 1945. Paris, 1946.
- Widajewicz J. Polska i Niemcy w dobie panowania Mieszka I. Lublin, 1953.
- Widera B. Die gegenseitigen wirtschaftlichen Beziehungen zw. Deutschland und der Kiever Rus in der ersten Hälfte des XI Jahrhunderts. Beiheft d. Zeitschr. f. Geschichtswissensch., № 1, 1955.
- Wiercinski F. Auf den steilen Faden zur russischen Union. Stimmen d. Zeit, 1926, Bd. 111, стр. 278—293.
- Winter Ed. Byzanz und Rom im Kampfe um die Ukraine (955—1939). Leipzig, 1942.
- Winter Ed. Moskau und Rom im Mittelalter. Jahrb. des Institut für Wissenschaft und Kunst, Wien, 1946.
- Zatko J. I. The Union of Suzdal 1222—1252. Journ. ecclesiast. hist., v. VIII, № 1, (April), 1957, стр. 33—52.
- Zernow N. Moscow — the third Rome. Russian church history 988—1725. N. Y., 1937.
- Zhismann Jos. Die Unionsverhandlungen zwischen den orientalischen und römischen Kirchen seit Anfang des 15 Jahrhundert bis zum Konzil von Ferrara. Wien, 1858.
- Ziegler A. W. Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche. Das östliche Christentum, IV—V, 1938.
- Ziegler A. W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe Isidors von Kijev. BZ, 1951, Bd. 44, H. 1—2, стр. 570—577.
- Zimmermann H. Die päpstliche Legation in der I Hälfte d. XIII Jh. Veröffentl. d. Sektion f. Rechts u. Sozialwissensch. d. Görresgesellsch., H. 17, Paderborn, 1913.
- Ziołkowska H. Pomorze a handel bałtycki w okresie wczesnohistorycznym. Przegląd Zachodni, t. VII, z. 1—2, 1951.
- Zöllner E. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollenurkunde? Mitteil. d. Inst. f. Oesterr. Gesch.-forsch., Bd. 60, H. 1—3, 1952, стр. 108—119.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ АКТОВ И СОБЫТИЙ

Годы

867. «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия 23, 26, 70.
- 907, 911. Договоры русского князя Олега с Византией 28.
962. Возникновение Священной Римской империи 15.
- 979 (977). Папское посольство к киевскому князю Ярополку 4.
- 983—1000. Восстание полабских славян против германских феодалов 45, 46.
- 988, 991, 994. Посольства от папы к киевскому князю Владимиру 43, 44.
- 988—989. Введение христианства на Руси 41.
1000. Учреждение архиепископской кафедры в Гнезно 46.
1000. Папское посольство к киевскому князю Владимиру 44.
1001. Создание архиепископской кафедры в Гране (Эстергоме) 47.
1001. Посольство киевского князя Владимира к папе римскому 44.
1007. Заговор католического епископа Рейнберна против киевского князя Владимира 47, 49.
1013. Вторжение польского короля Болеслава Храброго в пределы Киевского государства 49.
1018. Победа Святополка над киевским князем Ярославом 50.
1054. Посольство папы Льва IX в Константинополь 54.
1054. Разделение церквей 53—59.
1069. Бегство киевского князя Изяслава Ярославича в Польшу 61.
- 1074—1075. Посольство в Киев от германского императора Генриха IV 63.
1075. Встреча и переговоры Ярополка Изяславича в Риме с папой Григорием VII 64, 66.
1075. Послание Григория VII князю Изяславу и его жене 67.
- 1075—1080. «Диктат папы» Григория VII 66.
1081. Послание Григория VII епископу мецскому Герману о необходимости подчинения светской власти духовной 65.
- 1088—1089. Миссия кардинала Григория — легата антипапы Климента III — на Русь 68, 70.
- 1090—1091(?). «Послание митрополита Иоанна к папе римскому Клименту» 70.
1095. Собор в Пяченце (выступление княжны Евпраксии против Генриха IV, германского императора) 72.
- 1104—1121. «Послание к великому князю Владимиру, сыну Всеволода сына Ярослава» киевского митрополита Никифора 76.
1122. Послание папы Пасхалия II византийскому императору Алексею Комнени о соединении церквей 75.

Годы

1130. Письмо Матвея, епископа краковского, к св. Бернарду, аббату клервосскому, об обращении русских в католичество 76, 77.
1147. Крестовый поход германских феодалов против вендов 77.
1164. Поход шведов на Русь 82, 83.
1167. Захват Рима германским императором Фридрихом I Барбароссой 78.
1169. Посольство папы Александра III на Русь 79.
- 1169—1170. Переговоры папы Александра III с византийскими представителями в Верили 79, 80.
1171. Письмо папы Александра III к эстонскому епископу Фулько об обращении «неверных» 83.
1173. Изгнание великим князем Ярославом католического духовенства из Киева 81.
1179. III Латеранский собор 81.
- Ок. 1184. Постройка Немецко-латинского купеческого двора и церкви в Новгороде 97.
1188. Письмо папы Климента III об основании Икскюльского епископства 98.
- 1188—1190. Захват власти в Галиции венгерским королевичем Андреем 135.
1195. Торговый договор русских с «немцами, готландцами и латинянами» 101.
1199. Письмо папы Иннокентия III об отпущении грехов за участие в походе против ливов 99.
1200. Вторжение епископа Альберта в Прибалтику 100.
1201. Захват немцами устья Двины и постройка г. Риги 100.
1202. Создание военно-монашеского ордена «Братья христовы воинства» (меченосцы) 101.
1204. Захват крестоносцами Константинополя и основание Латинской империи 85, 99, 135.
1204. Письмо папы Иннокентия III о прибалтийских крестоносцах 99.
1204. Посольство папы Иннокентия III к галицкому князю Роману Мстиславичу 136.
- 1204—1207. Переговоры легатов папы Иннокентия III — кардиналов Петра и Бенедикта и других — в Константинополе об унии 87, 88.
1206. Письмо папы Иннокентия III о крестоносцах 86.
1207. Передача папой трети всех захваченных в Прибалтике земель Ордену меченосцев 101.
1207. Письмо папы Иннокентия III «духовенству и мирянам в России» 136, 137.
- 1208 (?)—1283. Восстание штедингов 116.
1210. Заключение вечного мира епископом Альбертом с Полоцком 102.
1212. Утверждение Оттоном IV соглашения между рижским епископом Альбертом и Орденом меченосцев 105.
1212. Заключение «вечного мира» между «тевтонами» и полоцким князем Владимиром 103.
1213. Письмо папы Иннокентия III о Прибалтике 106.
1213. Переговоры легата папы Иннокентия III — кардинала Пелагия Альбанского — в Константинополе 88—90.
1214. Попытка венгров ввести католичество в Галиции 138.
1215. Латеранский собор 90, 91.
1219. Нападение крестоносцев на Псков 109.
1219. Изгнание венгров и поляков из Галичины 139.
1219. Захват датчанами Эстонии 112.

Годы

1219. Послание папы Гонория III епископу ливонскому об Эстонии и Земгалии 109.
1220. Утверждение папой Гонорием III Ордена братьев-проповедников (доминиканцев) 140.
1221. Нападение крестоносцев на новгородские земли 109.
1221. Письмо папы Гонория III к епископу финляндскому о запрещении торговли с карелами и русскими 126.
1222. Появление первых доминиканцев в Киеве 141.
1222. Послание папы Гонория III ливонцам о преследовании русских, не перешедших в католичество 110.
1225. Прибытие папского легата Вильгельма Моденского в Ригу 111.
1225. Послание папы Гонория III о подчинении новообращенных в Пруссии и Ливонии римскому папе 112.
1226. Соглашение между епископом рижским Альбертом, Орденом меченосцев и Ригой о дальнейших завоеваниях в Прибалтике 113.
1226. Обращение польского князя Конрада Мазовецкого к немецкому ордену «Братьев св. Марии» (Тевтонскому ордену) 121.
1226. Послания папы Гонория III о крестоносцах в Прибалтике 113.
1227. Послание папы Гонория III «ко всем королям Руси» о распространении на Руси католичества 113, 114.
1227. Послание папы Григория IX к «новообращенным» Прибалтики 115.
1228. Послание короля Генриха VII о передаче Ордену меченосцев револьской провинции 116.
1229. Послания папы Григория IX о запрещении торговли с Русью 118.
1229. Договор Риги и Готланда с князем смоленским Мстиславом Давыдовичем 118.
1229. Разгром штедингми рыцарей, посланных епископом Гергардом II 116.
1230. Послание папы Григория IX о проповеди крестовых походов доминиканцами 120.
1231. Обращение папы Григория IX к русскому князю о принятии католичества 139, 140.
1232. Послание папы Григория IX папскому легату Балдуину Альнскому о запрещении заключать мир с русскими 128.
1232. Послания папы Григория IX приору Ордена доминиканцев в Польше о необходимости создания латинской епархии на Руси, о финляндских делах и походе против русских 127—129.
1233. Послание папы Григория IX о доминиканцах, отправившихся на Русь 129.
1233. Ликвидация Ордена «добринских братьев» 122.
1233. Изгнание киевским князем Владимиром Рюриковичем доминиканцев из Киева 141.
1234. Битва при Альтенеше между рыцарями и штедингми 117.
1234. Разгром Ордена меченосцев новгородским князем Ярославом Всеволодовичем 122, 123.
1234. Папский легат Вильгельм Моденский в Прибалтике (II миссия) 127.
1236. Путешествие доминиканского венгерского монаха Юлиана через Русь в земли мордвинов (мордвы) 142.
1236. Окончательный разгром Ордена меченосцев литовцами и земгалами в битве при Шауляй 123, 124, 173.
1237. Послание папы Григория IX о слиянии Ордена меченосцев с Тевтонским орденом 124.
1237. Начало татарского нашествия на Русь 143.
1237. Папский легат Вильгельм Моденский в Прибалтике (III миссия) 124.

Годы

1237. Послание папы Григория IX архиепископу и епископам Швеции с призывом организовать крестовый поход против «тавастов», карелов и русских 128.
1238. Договор в Стенби между католическими агрессорами в Прибалтике 27.
1238. Объединение земель Галичины под властью Даниила Галицкого 143.
1240. Невская Битва. Разгром шведов новгородским князем Александром Ярославичем 130.
1240. Взятие Киева татарами 143.
1240. Послание папы Григория IX лундскому архиепископу Уффону о крестовом походе в Эстонию 131.
1241. Битва у Лигница (Чехия) 144.
1241. Послание папы Григория IX королю норвежскому о крестовом походе против русских 132.
1241. Разгром немецких рыцарей Александром Невском у Финского залива и захват им Копорья 132.
1242. Ледовое побоище 132, 133, 173.
1243. Договор Александра Невского с немецкими рыцарями 133.
1245. Послание Иннокентия IV Ордену францисканцев о «русских схизматиках» 151.
1245. Битва под Ярославом 145.
1245. I Лионский собор 148—149.
- 1245—1246. Миссия Платона Карпини от папы Иннокентия IV на Русь и к монгольскому хану 150.
1246. Послания Иннокентия IV «русскому князю» об унии с Римом 160—164.
1246. Послание монгольского хана Гуюка папе Иннокентию IV 153.
- 1246—1247. Посольство Даниила Галицкого к папе 155, 157.
1247. Послания папы Иннокентия IV Даниилу Галицкому и др. о введении католичества на Руси 155—157.
- 1247—1248 (?). Доминиканская миссия Ансельма Асцелина от папы Иннокентия IV к монголам 153.
1248. Послание Иннокентия IV Александру Невскому о введении католичества на Руси 161.
1248. Послание (второе) папы Иннокентия IV Александру Невскому 165, 166.
1248. Прибытие папского легата Альберта Суербеера к Александру Невскому 166.
- 1249—1250. Крестовый поход шведов в Финляндию 147.
1251. Переговоры литовского князя Миндовга с папой Иннокентием IV об унии 174.
1252. Папские послы у Александра Невского 167.
1253. Миссия францисканца Гильома де Рубрука в Монголию 154, 168.
1253. Захват немецкими рыцарями литовской Клайпеды и постройка ими крепости Мемель 175.
1253. Поход Даниила Галицкого в Моравию 169.
1254. Переговоры посольства папы Иннокентия IV с никейским императором Иоанном Ватацем об унии 172.
1255. Послание папы Александра IV Миндовгу, королю литовскому 175.
1256. Нашествие шведских и датских феодалов на Русь 177. *
1256. Поход Александра Невского в Финляндию 178.
1257. Послание папы Александра IV Даниилу Галицкому 170, 171.
1260. Битва рыцарей Тевтонского ордена с литовцами у оз. Дурбе 176.

Годы

1262. Поход литовского князя Миндовга в союзе с Александром Невским против крестоносцев 176.
1262. Договор Александра Невского с немцами 177.
1268. Письмо магистра Тевтонского ордена о запрещении торговли с русскими 178, 179.
1268. Битва новгородцев с датскими крестоносцами и Тевтонским орденом при Раквере 178.
1274. II Лионский собор 182.
1282. Народное восстание в Италии против французских феодальных захватчиков («Сицилийская вечерня») 182.
1302. Булла папы Бонифация VIII о полной власти римского папы над всеми государями («Unam sanctam») 183.
1304. Союз Ливонского ордена, датских рыцарей с епископами дерптским и эзельским 186, 187.
1305. Указ датского короля Эриха Менведа о свободе торговли с Новгородом 187.
1309. Перенесение резиденции великого магистра Тевтонского ордена из Венеции в Мариенбург 191, 208, 209.
1309. Перенесение папской резиденции Климентом V из Рима в Авиньон 184.
1317. Обращение папы Иоанна XXII к литовскому князю Гедимину с требованием его подчинения власти римского папы 192.
1317. Письмо папы Иоанна XXII к «русским князьям» с призывом принять католичество 192.
1323. Письма Гедимины папе Иоанну XXII и др. о христианстве на Литве 193, 198.
1323. Нотариальный акт в г. Любеке о признании писем Гедимины подлинными 193—198.
1323. Принятие мирных предложений Гедимины представителями сословий в Эрмесе 198.
1324. Послания папы Иоанна XXII Гедимину и др. о переходе русских в католичество 197, 203.
1324. Посольство папских нунциев Варфоломея и Бернарда к Гедимину 203.
1334. Переговоры легата папы Бенедикта XII в Константинополе об унии 215.
1339. Переговоры константинопольского посла Варлаама Калабрийского об унии в Авиньоне 215.
1339. Передача Ливонскому ордену Эстонии с Ревелем и Ревельским замком 209.
1343. Восстание «Юрьевой ночи» в Эстонии 210.
1349. Грамота шведского короля Магнуса об обновлении союза Ливонского ордена, датских рыцарей и епископов дерптского и эзельского 186.
1351. Послания папской курии о помощи Магнусу, шведскому королю, в войне против русских 211, 212.
1353. Послания папы Иннокентия VI о литовцах и русских 212, 213.
1356. Письмо папы Иннокентия VI о запрещении ливонским купцам торговли с русскими 213.
1356. Переговоры Иннокентия VI с византийским императором Иоанном Палеологом I об унии 215.
1369. Признание византийским императором Иоанном Палеологом супрематии папы Урбана V 215.
1371. Письмо папы Григория XI гнезненскому архиепископу и его суффраганам о францисканцах «в русских областях» 213.

1372. Письмо папы Григория XI епископу краковскому и монахам-францисканцам об отстранении «схизматических епископов» 213.
1375. Письмо папы Григория XI о замене православных епископов в Галиции 213.
1375. Письмо папы Григория XI архиепископу гнезненскому и его суффраганам о перенесении кафедры из Галича во Львов 214.
1381. Письмо папы Григория XI магистру Ордена доминиканцев о назначении специального инквизитора «для Руси и Валахии» 214.
1385. Заключение унии (креской) между Польшей и Литвой 215.
1386. Принятие польско-литовским королем Ягайло католичества 218.
1387. Предложение папы Григория XI об обращении русских, живущих в Польше и Литве, в католичество 214.
1409. Пизанский собор 221.
1410. Грюнвальдская (Танненбергская) битва 217.
1413. Иероним Пражский — сподвижник Яна Гуса — в Вильно, Полоцке и Витебске 218.
- 1414—1418. Константинопольский собор 184, 218.
1415. Назначение папой Иоанном XXIII Ягайло и Витовта генеральными викариями во владениях Новгорода и Пскова 219, 220.
1418. Подтверждение назначения Ягайло и Витовта генеральными викариями во владениях Новгорода и Пскова папой Мартином V 220.
1418. Переговоры митрополита киевского Григория Цамблака и представителей русского духовенства об унии на Константинопольском соборе 218, 219.
1421. Письмо папы Мартина V рижскому епископу и его суффраганам о русских и литовцах, принявших католичество 220.
- 1431—1449. Базельский собор 222.
1434. Посольство от киевского митрополита Герасима к папе Евгению IV 223.
- 1438—1439. Феррарско-флорентийский собор 223—225.
1439. Заключение флорентийской унии 231.
1439. Письмо папы Евгения IV о провозглашении митрополита Исидора особоуполномоченным легатом Литвы, Ливонии, всей Руси и др. 234.
1440. Нападение турок на Белград 240.
1443. Собор в Иерусалиме по вопросу о флорентийской унии 238, 239.
1444. Разгром турками венгерско-чешского войска под Варной 240.
1448. Провозглашение автокефальности русской церкви 237.
1452. Официальное утверждение флорентийской унии византийским императором Константином XI 239.
1458. Письма папы Пия II с искусственным противопоставлением верхней Руси («схизматиков») нижней Руси (признавшей унию) 242.
1472. Константинопольский собор восточной церкви, осудивший унию 240.
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Маркс Карл (1818—1883) 40, 59, 99, 107, 184.
- Энгельс Фридрих (1820—1895) 17, 20, 29, 59.
- Абрагам В. (XIX—XX вв.), польский историк 140.
- Августин Аврелий (Блаженный) (354—430), церковный писатель 9.
- Авраамий (XV в.), суздальский епископ 225, 226, 230, 231.
- Адальберт (X в.), монах монастыря св. Максимилиана в Лотарингии 33—37, 39.
- Адемар Шабанский (XI в.), французский хронист 38.
- Акоминат Михаил (Хониат) (ок. 1140—1220), афинский писатель 87.
- Александр (XIII в.), участник миссии на Восток 153.
- Александр Владимирович (XV в.), киевский князь 234, 235.
- Александр Невский (1220—1263), новгородский князь 130—133, 165, 167, 168, 176—178.
- Александр II (1061—1073), папа римский 19.
- Александр III (1159—1181), папа римский 78—81, 83.
- Александр IV (1254—1261), папа римский 172, 178.
- Алексей (XIII в.), доминиканский монах 157.
- Алексей Болгарин (XI в.), «епископ для Руси», посланный папой Бенедиктом VIII 50.
- Алкуин (ок. 735—804), ученый прелат каролингского времени 11, 12.
- Альберт (XIII в.), участник миссии на Восток 153.
- Альберт Суербеер (XIII в.), архиепископ 156, 163, 166.
- Альберт I граф Буксгевден фон Аппельдерн (1199—1229), рижский епископ 99, 102—105, 109—111, 116, 126.
- Альбрехт Медведь Мекленбургский (ок. 1100—1170), маркграф бранденбургский 83.
- Альбрехт I Габсбургский (1298—1308), германский император 183.
- Амвросий (333—397), епископ миланский 10.
- Амманн А. М., иезуит, современный католический историк 4.
- Андреа ди Санта Кроче (XV в.), автор истории Флорентийского собора 226.
- Андрей Лундский (XII—XIII вв.), датский архиепископ 102.
- Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1109—1174), князь суздальский, великий князь владимирский 79.
- Андрей Ярославич (ум. 1264), князь суздальский, великий князь владимирский (брат Александра Невского) 133, 166.
- Андрей II (1205—1236), венгерский король 138, 139.
- Аннинский С. А., советский историк, медиевист 109.
- Ансельм Асцелин (XIII в.), глава папской миссии к монголам 153.
- Аскольд (IX в.), киевский князь 24, 26.
- Ассеман Иосиф-Симон (1687—1768), ориенталист 24.

- Афанасий (XV в.), константинопольский патриарх 240.
- Афанасий Александрийский (ок. 295—373), епископ, церковный писатель 23.
- Байду (XIII в.), монгольский полководец 153.
- Балдуин Альнский (XIII в.), папский легат в Прибалтике 117, 119, 120.
- Балдуин I Фландрский (1171—1205), император Латинской империи 85, 86.
- Балдуин II (1228—1261), император Латинской империи 95, 148.
- Бату (Батый) (ум. ок. 1255), монгольский хан, основатель Золотой Орды 153.
- Баумгартен Н. (XX в.), католический историк (русский белоэмигрант) 4, 41, 42.
- Бела IV (1235—1270), венгерский король из династии Арпадов 143—145, 155, 158, 168, 169.
- Бенедикт (XIII в.), участник папской миссии на Восток 151, 164.
- Бенедикт VII (974—983), папа римский 38.
- Бенедикт VIII (1012—1024), папа римский 50.
- Бенедикт IX (1033—1048), папа римский 52.
- Бенедикт XI (1303—1304), папа римский 184.
- Бенедикт XII (1334—1342), папа римский 209.
- Бернард (1091—1153), аббат Клервосского монастыря 76, 77.
- Бернард (XIV в.), аббат бенедиктинского монастыря 203.
- Бертольд (ум. 1198), немецкий монах 98, 99.
- Бертольд (XIV в.), францисканец 202.
- Бертран де Го, архиепископ бордосский, впоследствии папа Климент V; см. Климент V 184.
- Бзовий А. (1567—1637), церковный историк 141, 161.
- Биргер (1248—1266), шведский ярл 130, 177.
- Болеслав (ум. 1340), князь, зять Гедимины 208.
- Болеслав I Храбрый (992—1025), король польский 46—50.
- Болеслав II Смелый (1058—1080), король польский 61—63.
- Болеслав III Рыжий (999—1002), чешский князь 48.
- Болеслав IV Кудрявый (1146—1173), польский князь 145.
- Болеслав V Стыдливый (1226—1279), король польский, герцог сандомирский и краковский 152.
- Бонифаций Монферратский (ум. 1207), один из вождей IV Крестового похода на Константинополь 86.
- Бонифаций VIII (1294—1303), папа римский 182.
- Борис Владимирович (ок. 990—1015), удельный князь ростовский 47.
- Борис Негочевич (XIII в.), новгородский тысяцкий 126.
- Бруно, брат императора Оттона I, архиепископ кельнский и герцог лотарингский, впоследствии папа римский Григорий V; см. Григорий V 45.
- Бруно Кверфуртский (Бонифаций) (ок. 970—1009), католический миссионер 51.
- Брюсов В. Я. (1873—1924), советский поэт 145.
- Бунге Ф. Г. (XIX в.), историк права, составитель сводов источников 115.
- Бурхард (XIII в.), граф Ольденбургский 117.
- Бурхард (XI в.), протопоп трирский, глава миссии в Киев 63, 64.
- Бэррекло Джоффри, современный английский историк 42.
- Вайнштейн О. Л., советский историк 7.
- Вальдемар (XII—XIII вв.), герцог шлезвигский 100.
- Вальдемар I Датский (1157—1182), датский король 83.
- Вальдемар II Победитель (1170—1241), датский король 93, 104, 110, 112, 117, 124, 127, 209.
- Варлаам Калабрийский (ум. 1348), византийский монах, посол Андроника Палеолога в Авиньон 215.

- Варфоломей (XIV в.), епископ алетский (электенский) 203.
- Василий I Македонянин (867—886), византийский император 25.
- Василий II Темный (1415—1462), великий князь московский 227, 236, 237, 244, 249.
- Васильев А. А. (XX в.), русский византиновед (белоэмигрант) 80.
- Васильевский В. Г. (1838—1899), русский историк, академик 57.
- Василько (ок. 1204—1269), князь волынский 152, 153, 155, 157—159.
- Виберт, архиепископ равеннский, впоследствии антипапа Климент III; см. Климент III 68.
- Видукинд (ум. 1004), немецкий хронист 31.
- Виктор III (1086—1087), папа римский 69.
- Виллардуэн Жоффруа (XIII в.), французский хронист 86.
- Виллигис (975—1011), майнцский архиепископ 32.
- Вильгельм Завоеватель (1066—1087), король Англии 65.
- Вильгельм Моденский (ум. 1249), легат папы Григория IX в Прибалтике 111, 112, 115, 117, 119, 120—129.
- Виссарион Никейский (ок. 1404—1472), византийский политический и церковный деятель 226, 228, 229, 231, 233.
- Виталис (XIII в.), легат папы Иннокентия III на Русь 137.
- Витовт (ок. 1350—1430), великий князь литовский 218—220.
- Владимир (ум. 1216), полоцкий князь 97.
- Владимир Всеволодович Мономах (1113—1125), великий князь киевский 76.
- Владимир (Димитрий) Рюрикович (1187—?), князь смоленский и киевский 141, 142.
- Владимир Мстиславич (ум. ок. 1225), псковский князь 102.
- Владимир Святославич (ум. 1015), великий князь киевский 23, 36, 39, 40—43, 47—50, 59.
- Владислав (XIII в.), силезский князь 168.
- Владислав Опольский (XIV в.), правитель Галича 214.
- Владислав I Локоток (1260—1333), польский король 208.
- Войцех (Адальберт) (XIII в.), епископ арманацкий 159.
- Волквин (XIII в.), магистр Ордена меченосцев 123.
- Вольтер Ф.-М.-А. (1694—1778), французский философ 15.
- Всеволод Мстиславич (XIII в.), новгородский князь 109.
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский и ростово-суздальский 79.
- Всеволод Ярославич (1030—1093), великий князь киевский 60—62, 68.
- Всеслав Брючславич (ум. 1101), князь полоцкий 61.
- Гартвиг II (XII в.), епископ бременский 97.
- Гаук А. (1845—1918), немецкий церковный историк 99, 105.
- Гвичардо Кремонский (XIII в.), участник миссии на Восток 153.
- Гебгард (ум. 1110), епископ констанцский 71.
- Гедимин (1316—1341), литовский князь 190, 191, 193—199, 201—207.
- Геласий I (492—496), папа римский 10, 11.
- Геннекин (XIV в.), францисканский монах 202, 206.
- Генрих (XIII в.), доминиканский монах 120.
- Генрих (XII в.), епископ; возглавлял «Крестовый поход» в Финляндию в 1158 г. 82.
- Генрих (1206—1216), император Латинской империи 89.
- Генрих (XIII в.), папский легат, «архиепископ Пруссии, Ливонии и Эстонии» 163.
- Генрих Латвийский (XIII в.), автор «Хроники Ливонии» 97, 100, 102—104, 109, 110, 113, 131.
- Генрих Лев (1129—1195), саксонский герцог 77, 83.
- Генрих Людельберг (XIII в.), епископ курляндский 163.

- Генрих Ольмюцкий (XII в.), епископ 83.
 Генрих II (1002—1024), германский император 46, 48—51.
 Генрих III (1039—1056), германский император 54.
 Генрих IV (1056—1106), германский император 63—66, 68, 69, 71—73, 183.
 Генрих V (1106—1125), германский император 73.
 Генрих VII (ум. 1235), немецкий король 116.
 Георгий (1062—1079), киевский митрополит 62.
 Георгий Кастриота (Скандербег) (XV в.), предводитель албанцев в войне против турок 240.
 Георгий Схоларий (Геннадий) (XV в.), византийский церковный деятель 239.
 Герасим (XV в.), киевский митрополит 222.
 Герберт, епископ реймский, впоследствии папа Сильвестр II; см. Сильвестр II 32.
 Гервасий Кентерберийский (ок. 1150—ок. 1200), английский хронист 144.
 Гергард II (XIII в.), епископ 116.
 Гергенретер И. (1824—1890), церковный историк 82.
 Гердер И.-Г. (1744—1803), немецкий философ и писатель 104.
 Герман (XI в.), епископ мецский 65.
 Герман Балк (XIII в.), магистр Тевтонского ордена в Ливонии 127.
 Герман фон Зальца (1170—1238), гроссмейстер Тевтонского ордена 122, 123.
 Гертруда (XIII в.), наследница австрийского герцогства, жена Романа Галицкого 168.
 Гефеле К. (1809—1893), церковный историк 226.
 Гецелон (XIII в.), вильсторфский клирик 157.
 Гизебрехт Л. (1792—1873), немецкий историк 35.
 Гизлер (X в.), магдебургский епископ 46.
 Гильдебранд, монах, впоследствии папа Григорий VII; см. Григорий VII 64.
 Гильом де Рубрук (XIII в.), французский монах, руководитель папской миссии к монголам 154, 175.
 Гильфердинг А. Ф. (1831—1872), русский историк, славист 51.
 Глеб Владимирович (X—XI вв.), русский князь 47.
 Голубинский Е. Е. (1834—1912), русский церковный историк 24, 28, 29, 58, 79.
 Гонорий III (1216—1227), папа римский 94, 95, 109, 111—113, 125, 126, 140.
 Готье Ю. В. (1873—1943), советский историк и археолог 217.
 Гофманн Э., современный католический церковный историк 226.
 Гремислава (XIII в.), герцогиня краковская 152.
 Григорий (XIII в.), аббат монастыря св. Даниила 157.
 Григорий (XI в.), легат антипапы Климента III на Руси 68, 69.
 Григорий (XV в.), монах из монастыря св. Димитрия, епископ киевский 241, 243.
 Григорий I (590—604), папа римский 10.
 Григорий IV Мамма (1445—1450), константинопольский патриарх 237, 240.
 Григорий V (996—999), папа римский; см. Бруно 45.
 Григорий VII (1073—1085), папа римский; см. Гильдебранд 64—66, 68, 72, 74, 84, 92, 114, 115, 182, 183.
 Григорий IX (1227—1241), папа римский 94, 95, 111, 115—118, 122—125, 128, 129, 131, 132, 139—142, 147.
 Григорий X (1271—1276), папа римский 182.
 Григорий XI (1370—1378), папа римский 213, 214.
 Гумберт (XI в.), кардинал 53—55.
 Гуниади Янош (ум. 1456), предводитель венгров в войне против турок 240.
 Гуюк (XIII в.), монгольский хан 153, 154.
 Давид Гродненский (XIV в.), князь 193.

- Даниил Галицкий (1201—1264), князь 140, 143, 145, 152, 153—157, 158, 162, 164, 168—170, 175.
- Дворник Ф., современный византиновед 42, 57.
- Деуседит (XI в.), кардинал 57, 66.
- Дёльгер Ф., современный историк 25.
- Джустиниано (XVII в.), библиотекарь Ватикана 226.
- Дитрих (X в.), мецский епископ 32.
- Дитрих (Теодорих) (XII в.), миссионер в Прибалтике 97.
- Дитрих фон Кивель (XIII в.), предводитель ревельских рыцарей 177.
- Дир (IX в.), предполагаемый князь киевский 24.
- Длугош Ян (1415—1480), польский историк 159, 211.
- Дорофей Митиленский (XV в.), византийский церковный деятель 226, 228.
- Дюбуа Петр (ок. 1250—ок. 1321), автор ряда политических и исторических сочинений 185.
- Евгений III (1145—1153), папа римский 77.
- Евгений IV (1431—1439), папа римский 223, 224, 229, 236.
- Евпраксия (1071—1109), дочь князя Всеволода Ярославича, императрица Германии под именем Адельгейды (Пракседис) 69, 71, 72.
- Елизавета (ум. 1381), венгерская королева 213.
- Жерсон Жан (XIV—XV вв.), богослов Парижского университета 221.
- Жюжи М., современный католический церковный историк 4, 41.
- Затко И., современный церковный историк 158, 162—166.
- Иаков Римлянин (XIII в.); посвящен папой Григорием IX в сан «епископа русских» 141.
- Ив Шартрский (1040—1115), церковный писатель 57.
- Иван Всеволодович (XIII в.), князь стародубский 161.
- Иван III Васильевич (1462—1505), великий князь московский 6, 242, 244.
- Игорь Рюрикович (ум. 945), великий князь киевский 28.
- Игнатий (867—877), патриарх византийский 25, 26.
- Иероним (330—419), церковный писатель 24.
- Иероним Пражский (ум. 1416), сподвижник чешского реформатора Яна Гуса 218.
- Изяслав (1024—1078), сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский 60—64, 66—68.
- Иннокентий II (1130—1143), папа римский 83.
- Иннокентий III (1198—1216), папа римский 86—88, 90, 92—94, 99, 101, 102, 105, 106, 137, 138.
- Иннокентий IV (1243—1254), папа римский 147, 154—158, 168—171, 174.
- Иннокентий VI (1352—1362), папа римский 212, 216.
- Иоаким (X—XI вв.), новгородский епископ 49.
- Иоани Безземельный (1199—1216), английский король 93.
- Иоанн Бременский (XIV в.), общественный нотариус г. Любека 198.
- Иоанн Ватац (1222—1254), никейский император 171, 172.
- Иоанн Златоуст (347—407), церковный писатель 23.
- Иоанн Каркассонский (XIII в.), участник папской миссии к монголам 154.
- Иоанн Палеолог I (он же Иоанн V Палеолог) (1341—1376 и 1379—1391), византийский император 215.
- Иоанн Пармский (XIII в.), глава папского посольства к никейскому императору Иоанну Ватацу 171.
- Иоанн II (ум. 1089), митрополит киевский 62, 70.
- Иоанн V Палеолог — см. Иоанн Палеолог I 215.
- Иоанн VI Кантакузин (1341—1355), византийский император 215.

- Иоанн VIII Палеолог (1425—1448), византийский император 224, 232, 238.
 Иоанн VIII (872—882), папа римский 14.
 Иоанн IX (898—900), папа римский 18.
 Иоанн X (914—928), папа римский 19.
 Иоанн X Каматир (XII—XIII вв.), патриарх константинопольский 88.
 Иоанн XII (955—963), папа римский 33.
 Иоанн XIII (965—972), папа римский 21.
 Иоанн XV (985—996), папа римский 39.
 Иоанн XXII (1316—1334), папа римский 189, 190, 192, 198, 199, 201, 208, 211.
 Иоанн XXIII (1410—1415), папа римский 219.
 Иона (XV в.), русский митрополит 228, 237, 242, 244.
 Иордан (XIV в.), аббат Пельплинского монастыря 200.
 Иосиф II (1416—1439), патриарх константинопольский 224, 234, 237.
 Ипатий (XV в.), великий магистр Ордена родосских рыцарей 229.
 Исидор (ум. 1462), митрополит киевский, участвовавший как представитель русской церкви на Флорентийском соборе 225, 227—229, 231—237, 239—241, 243.
 Исидор Севильский (ок. 570—636), писатель 15.
 Казимир III Великий (1333—1370), польский король 212.
 Казимир IV Ягеллон (1447—1492), польско-литовский король 241—244.
 Кальмар Генрих (XIV в.), член рижского городского совета 198.
 Канут VI (1182—1202), датский король 100.
 Карамзин Н. М. (1766—1826), русский историк 44, 220.
 Карл (XIII в.), шведский ярл 111.
 Карл Великий (768—814), король франков, с 800 г. император 11—14, 40.
 Карл Мартелл (ок. 688—741), франкский майордом 11.
 Карл I Анжуйский (ум. 1285), король Неаполя и Сицилии 182.
 Карл II Лысый (ум. 877), император 14.
 Карл IV (1322—1328), французский король 201.
 Карл VII (1422—1461), французский король 231.
 Картан (XIII в.), зять Бату, татарский хан 154.
 Керуларий Михаил (1043—1058), константинопольский патриарх 53, 55, 58, 61, 70.
 Кинга (XIII в.), венгерская королева 152.
 Кирилл III (ум. 1280), киево-владимирский митрополит 158.
 Климент III (1080—1100), антипапа; см. Виберт 68—70, 98, 121.
 Климент V (1305—1314), папа римский; см. Бертран де Го 184, 188.
 Климент VI (1342—1352), папа римский 209—212, 215.
 Коломан (1095—1114), король венгерский 152.
 Колонна (ум. 1318), кардинал 188.
 Комнен Алексей (1081—1118), византийский император 75.
 Комнен Исаак (1057—1059), византийский император 55.
 Комнен Мануил (1143—1180), византийский император 79, 80.
 Конрад (XIII в.), герцог, князь мазовецкий и куявский 121, 122, 143, 152.
 Конрад фон Мандерен (XIII в.), магистр Тевтонского ордена 178.
 Конрадин (ум. 1268), внук германского императора Фридриха II Гогенштауфена 181.
 Константин (306—337), римский император 9, 45.
 Константин (Кирилл) (827—869), славянский просветитель 17, 24, 26.
 Константин Мономах (1042—1055), византийский император 58.
 Константин VII Порфирородный (912—959), византийский император 25, 28, 31.
 Константин XI Палеолог (1449—1453), последний византийский император 237, 239.

Кросс Сэмюэль, современный историк 42.
 Кузанский Николай (1401—1464), ученый прелат 221.
 Куремса (XIII в.), татарский воевода 168, 169.
 Кучинский Стефан, современный польский историк 75.
 Кюмон Ф. (1868—1947), бельгийский историк 24.

Лаврентий Португальский (XIII в.), папский легат на Ближний Восток 150.

Ламберт Герсфельдский (XI в.), немецкий анналист 34, 63, 66.

Лев I (440—461), папа римский 9.

Лев III (795—816), папа римский 12.

Лев III Исавр (717—741), византийский император 10.

Лев VI (890—912), константинопольский патриарх 28.

Лев IX (1048—1054), папа римский 52, 54, 55, 57.

Левченко М. В. (1890—1955), советский византиновед 24, 41.

Ледерер Эмма, современный венгерский историк 158.

Лелевель Иоахим (1786—1861), польский историк 21.

Леонард (XV в.), папский легат в Константинополе 240.

Леонтий (X в.), киевский епископ 49.

Лешко Белый (1188—1227), малопольский король 138.

Либуций (X в.), монах из монастыря св. Альберта в Майнце 33.

Лойола Игнатий (1491—1556), основатель ордена иезуитов 4.

Лонжюмо Андрей (XIII в.), участник миссии на Восток 153, 154.

Лоренцо Медичи Великолепный (1448—1492), флорентийский правитель 231.

Лотарь III Саксонский (1125—1137), германский император 74.

Лука Нотара (XV в.), византийский сановник 238.

Людовик IV Баварский (1300—1346), германский император 201, 206, 209.

Людовик IX Святой (1226—1270), французский король 153, 154, 168.

Мавр (XII в.), епископ амальфийский 75.

Магнус Эрикссон (1319—1374), шведский король 186, 211, 233.

Майнард (XI в.), кардинал 19.

Макарий Анкирский (XIV—XV вв.) 79—81.

Манси (1692—1769), церковный историк 226.

Манфред (1231—1266), регент Сицилийского королевства 174.

Маргарита (XIV в.), сестра датского короля Вальдемара II 209.

Мария (XI в.), жена польского короля Казимира II 61.

Марк Евгеник Ефесский (ум. 1450), византийский митрополит 229—231, 239.

Марсилиус Падуанский (ок. 1280—1343(?)), римский ученый, публицист 201.

Мартин IV (1281—1285), папа римский 182.

Мартин V (1417—1431), папа римский 218, 220.

Матвей Краковский (XII в.), епископ 76, 77.

Матвей Меховский (1457—1523), польский историк и врач 152.

Матвей Парижский (ок. 1200—1259), английский хронист 144.

Матильда Тосканская (XI в.), маркграфиня, владельница замка Каносса 71.

Мейнард (ум. 1196), католический монах ордена августинцев 97, 98, 100.

Менвед Эрих (XIV в.), датский король 187.

Мефодий (864—870), славянский просветитель 17—19, 26.

Мешко I (Мечислав) (960—992), польский князь 39, 46.

Миндовг (ум. ок. 1260), литовский князь 134, 173—176.

Митрофан (XV в.), константинопольский патриарх 236.

Михаил Анхиалий (XII в.), константинопольский патриарх 81.

Михаил Всеволодович (1225—1246), князь Черниговский 150.

Михаил III (842—867), византийский император 25.

Михаил VIII Палеолог (1258—1282), никейский император, (с

- 1261 — император византийский) 172.
- Морозини Томмазо (XIII в.), константинопольский патриарх 87.
- Мстислав Давыдович (XIII в.), смоленский князь 118.
- Мстислав Мстиславич (Удалой) (ум. 1228), князь новгородский 103, 139.
- Мункэ (XIII в.), монгольский хан 154.
- Нинтемаа, современный финский историк 115.
- Никифор (1104—1121), киевский митрополит 76.
- Николай (XIV в.), глава прусской провинции ордена францисканцев 200.
- Николай (XIV в.), доминиканский монах 206.
- Николай (1229—1253), ливонский епископ 100, 119.
- Николай Курбийский (XIII в.), францисканский монах, биограф папы Иннокентия IV 171.
- Николай I (858—867), папа римский 14, 25, 57.
- Николай V (1447—1455), папа римский 239.
- Новиков Н. И. (1744—1818), известный русский просветитель, журналист, общественный деятель 227.
- Норден В. (XX в.), немецкий историк 172.
- Ноткер (X—XI вв.), льежский епископ 32.
- Одровонж Яцек (Гиацинт) (1183—1257), глава католической миссионерской общины близ Киева 141, 157.
- Олаф Тригвасон (995—1000), норвежский король 41, 42.
- Олег (882—912), киевский князь 27, 39.
- Ольга (ум. 969), киевская княгиня 28, 34, 35.
- Опизо (XIII в.), папский нунций в Пруссии и Ливонии 169.
- Отто (XIII в.), папский легат в Прибалтике 119.
- Оттон I (936—972), германский император 15, 31—34, 37, 38.
- Оттон II (973—983), германский император 37, 45.
- Оттон III (983—1002), германский император 45, 46, 51.
- Оттон IV (1208—1215), германский император 105.
- Павел (XIV в.), аббат оливского монастыря 200.
- Павлов А. С. (XIX в.), русский историк церковного права 61.
- Пасхалий II (1099—1118), папа римский 75, 76.
- Пашкевич Г., современный английский историк 42, 140.
- Пашуто В. Т., современный советский историк 6, 79, 140, 150, 164.
- Педро II (1174—1223), король арагонский 93.
- Пекторат Никита (XI в.), монах Студитского монастыря 54.
- Пелагий Альбанский (XIII в.), папский легат в Латинскую империю 88.
- Пеллио П., современный французский ориенталист 153.
- Петр Акерович (XIII в.), русский представитель на I Лионском соборе 149.
- Петр Дамиани (XI в.), церковный писатель 38, 52.
- Петр Дусбургский (XIV в.), немецкий хронист 204.
- Пий II (1458—1464), папа римский 242, 243.
- Пий XII (1939—1958), папа римский 3.
- Пипин Короткий (ок. 751—768), франкский король 11.
- Плано Карпини Джованни (1182—1252), францисканский монах, глава миссии папы Иннокентия IV на Восток 145, 150—154, 161, 162, 164, 165.
- Прандота Ян (XIII в.), краковский епископ 152.
- Пшемьсл II (1253—1278), чешский король 168, 169.
- Пьер д'Альи (1350—1425), ученый прелат 221.
- Райнальд (1156—1169), канцлер Германской империи, кельнский архиепископ 78.
- Регинон Прюмский (ум. 915), аббат Вейссенбергского монастыря, хронист 34.

Рейнберн (X—XI вв.), епископ ко-
лобужский 47—50.
Римберт (IX в.), гамбургский архи-
епископ 27.
Рихард (XIII в.), доминиканский
монах 142.
Роген Иоанн (XIV в.), член риж-
ского городского совета 198.
Роман Данилович (XIII в.), князь
галицкий 168.
Роман Мстиславич (ум. 1205), га-
лицкий и киевский князь 135,
136.
Ростислав Михайлович (XIII в.),
черниговский князь 145, 146.
Рудольф Швабский (1077—1080),
германский король 68.
Саломея (ум. 1268), жена венгер-
ского короля Коломана 152.
Сантифаллер Л., современный не-
мецкий историк 16.
Сверкер (1125—1155), шведский
король 111.
Свантополк (XIII в.), славянский
князь в Поморье 134.
Свидригайло (1430—1432), великий
князь литовский 222.
Святополк I Окаянный (ок. 980—
1019), киевский князь 47, 48, 50.
Святослав (X в.), брат Святополка I
Окаянного 47.
Святослав Игоревич (942—972),
киевский князь 36, 39.
Святослав Игоревич (XII—XIII вв.),
владимирский князь 152.
Святослав Ярославич (1027—1076),
киевский князь 60—63.
Сигиберт из Жамблу (1030—1112),
французский хронист 66.
Сигизмунд Кейстутович (1432—
1440), великий князь литовский
222.
Сильвестр I (314—335), папа рим-
ский 45.
Сильвестр II (999—1003), папа
римский; см. Герберт 32, 39, 44,
45, 52.
Симеон (XV в.), суздальский иерея
226, 227, 230, 232, 233.
Симон (XIII в.), участник миссии
на Восток 153.
Сиропул (XV в.), участник и исто-
рик Флорентийского собора 226,
229, 232.

Скабаланович Н. А. (XIX в.), рус-
ский церковный историк 55, 56.
Соломон (XI в.), венгерский король
65.
Соранцо Дж. (XX в.), итальянский
историк 158.
Софья (Зоя) Палеолог (ум. 1503),
жена великого князя Иоанна Ва-
сильевича 6.
Сплит Герберт, современный немец-
кий историк 196.
Стендер-Петерсен А., современный
датский историк 42.
Стефан (975—1038), король Вен-
грии 47.
Стефан (XIII в.), участник миссии
Плано Карпини на Восток 151.
Стурлусон Снорре (1188—1241),
предполагаемый автор собрания
скандинавских саг 42.
Стирланд (XIII в.), магистр Тев-
тонского ордена 174.
Судислав Бернатович (XIII в.), рус-
ский боярин 143.
Сюзюмов М. Я., современный совет-
ский историк 56.
Татищев В. Н. (1686—1750), рус-
ский историк 26.
Таубе М. де, современный церковный
историк 4, 25—27.
Твердила Иванкович (XIII в.),
псковский посадник 126.
Теодульф (ум. 821), франкский поэт,
орлеанский епископ, приближенный
Карла Великого 12.
Тертуллиан (ок. 160—ок. 222), цер-
ковный писатель 23.
Титмар Мерзебургский (ок. 975—
1019), немецкий хронист 44, 47.
Томас (XIII в.), финляндский епи-
скоп 126, 128.
Тургенев А. И. (1785—1846), рус-
ский церковный историк, архео-
граф 66, 76, 140, 214.
Узбек (ум. 1340), хан Золотой
Орды 207.
Ульф Фаси (XIII в.), шведский ярл
130.
Урбан II (1088—1099), папа рим-
ский 69—72.
Успенский Ф. И. (1845—1928), со-
ветский византиновед, академик 57.
Уффон (XIII в.), датский епископ
131.

- Федор II Ласкарис (1254—1258), никейский император 88—90, 172.
- Феодосий (XI в.), игумен Киево-Печерского монастыря 61, 62.
- Филипп Швабский (1198—1208), германский император 100, 122.
- Филипп I (1060—1108), французский король 65.
- Филипп II Август (1180—1223), французский король 93.
- Филипп IV Красивый (1285—1314), французский король 182, 183.
- Фильний (XIII в.), венгерский военачальник 146.
- Флориан (XIII в.), польский военачальник 146.
- Фома Аквинский (1225—1274), католический богослов 181.
- Фотий (858—886; с перерывами), константинопольский патриарх 18, 23—25, 57.
- Фотий (ум. 1431), московский митрополит 218, 228.
- Франко И. Я. (1856—1916), украинский писатель, публицист 19.
- Фридрих фон Пернштейн (XIV в.), рижский епископ 188, 190, 204.
- Фридрих I Барбаросса (1152—1190), германский император 78—80, 94, 98.
- Фридрих II Гогенштауфен (1220—1250), германский император 94, 95, 110, 112, 116, 120—123, 147, 148, 158, 171.
- Фроман Т. (XIX в.), немецкий историк 226.
- Фулько (XII в.), эстонский епископ 83.
- Хильдибальд (X в.), вормсский епископ 32.
- Христофор I (1219—1259), датский король 177.
- Цамблак Григорий (ум. ок. 1450), киевский митрополит 218.
- Целестин III (1191—1198), папа римский 98.
- Чезарини Джулиано (XV в.), папский кардинал, председатель Базельского собора 223, 224, 231.
- Чубатый (XIX—XX вв.), украинский историк церкви 138—140.
- Шаскольский И. П., современный советский историк 6, 7, 128, 129.
- Шевырев С. П. (1806—1864), русский литератор, славянофил 227, 230.
- Штаде Генрих (XI в.), маркграф саксонский 69.
- Щесняк Б., современный церковный историк 158, 165.
- Эбергард Мангеймский (XIV в.), магистр Ливонского ордена 209.
- Эйнгард (ок. 768—840), деятель «каролингского возрождения» 12.
- Юлиан (XIII в.), доминиканский венгерский монах 142.
- Юрий (XV в.), смоленский князь, принявший флорентийскую унию 235.
- Юрий Всеволодович (ок. 1187—1238), великий князь владимирский 140, 142, 143, 161.
- Юрий Лугвиневич (XV в.), мстиславский князь 217.
- Юхан (XIII в.), шведский королевич 111.
- Яблоновский Х., современный немецкий историк 223.
- Ягайло (1386—1434), польско-литовский король 218—220.
- Ядвига (1372—1399), польская королева 218.
- Ян Гус (1369—1415), чешский реформатор 218, 219.
- Яромир (ум. 1037), чешский князь 65.
- Ярополк Святославич (X в.), русский князь 38, 39.
- Ярополк Изяславич (ум. 1086), русский князь, сын Изяслава Святославича 64, 66, 67.
- Ярослав Владимирович (ум. 1199), новгородский князь 101.
- Ярослав Владимирович (Мудрый) (1019—1054), киевский князь 47, 50, 60.
- Ярослав Всеволодович (1190—1246), новгородский князь, великий князь владимирский 122, 123, 161.
- Ярослав Изяславич (XII в.), князь луцкий 81.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник.
- ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под редакцией С. Н. Валка, М.—Л., 1949.
- Генр. Латв. — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии (подг. С. А. Аннинским), М.—Л., 1938.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
- ИЛ — Ипатьевская летопись, изд. 2-е, Пгр., СПб., 1908.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Российской Акад. наук — АН СССР.
- ЛНП — Летопись Новгородская первая старшего и младшего изводов, под редакцией А. Н. Насонова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- НЛ — Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей, тт. IX—XIV, СПб., 1862 и сл.
- Очерки — Очерки истории СССР. Период феодализма (IX—XV вв.), ч. I—II. М., 1953.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, издание Постоянной археографической комиссии. (Российск. Акад. наук — АН СССР).
- ПВЛ — Повесть временных лет, ч. 1 и 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- ПЛ — Псковские летописи, подготовил к печати А. Насонов, вып. I, М.—Л., 1941.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
- AASS — Acta sanctorum, collegit Ioh. Bollandus, Bruxellis, 1643 и сл.
- Baronius — C. Baronius. Annales ecclesiastici, t. I—XXXVII, Atrebat, 1866—1883.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift.
- L'Eglise et les églises — 1054—1954. L'Eglise et les églises. Neuf siècles de douloureuse séparation entre l'Orient et l'Occident. Études et travaux sur l'unité chrétienne, offerts à Dom L. Beauduin. «Irenikon», Belgique, Chevetogne, t. I, 1954; t. II, 1955.
- HRM — Historica Russiae monumenta..., ed. A. I. Turgeniew, tt. I—II, St.-Petersb., 1841.
- HRMS — HRM — Supplementum, St.-Petersb., 1848.
- HVJ — Historische Vierteljahrschrift.
- HZ — Historische Zeitschrift.
- LUB — Liv-Est-Curland's Urkundenbuch, hrsg. v. F. G. Bunge, tt. I—VI, Reval, 1853—1873.

- Mansi — Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, tt. I—XXXI. Florentiis—Venetiis, 1759—1792.
- MGH — Monumenta Germaniae Historica, ed. Pertz. Hannoverae—Berolini, 1826 и сл.
SS — Scriptores.
Epp. — Epistolae.
- MPGr — Migne I. P., Patrologiae cursus completus, seria graeca, tt. I—CLXI, Paris, 1857 и сл.
- MPL — Migne I. P., Patrologiae cursus completus, seria latina, tt. I—CCXXI, Paris, 1844 и сл.
- OC — Orientalia Christiana.
- OCA — Orientalia Christiana Analecta.
- OCp — Orientalia Christiana Periodica.
- PRU — Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia, v. I—II, Roma, 1953.
- PUB — Preussisches Urkundenbuch, hrsg. v. Philippi, Bd. I—II, Königsberg, 1882—1909.
- Raynaldi — Annales ecclesiastici, tt. 1—20, Coloniae, 1693—1727.
- Relazioni — Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, tt. I—VI, Firenze (1955).
- RES — Revue des études slaves.
- RLU — Russisch-Livländische Urkunden, gesammelt v. K. E. Napiersky, St.-Petersb., 1868.
- RPR — Regesta pontificum romanorum, ed. P. Jaffé, Lipsiae, tt. I—II, 1885—1888.
- RPRP — Regesta pontificum romanorum, ed. A. Potthast, tt. I—II, Berlin, 1874—1875.
- SRP — Scriptores rerum prussicarum, ed. Hirsch, Töppen, Straehlke, tt. I—V, Leipzig, 1861—1874.
- VMPL — A. Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. I, Roma, 1860.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	9
КАТОЛИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА РУСИ В X—XII вв.	
Глава I. Первые попытки проникновения римской церкви на Русь в X в.	23
Глава II. Папство и утверждение православной церкви на Руси . .	39
Глава III. Русь в политике папского миродержавия в конце XI в.	60
Глава IV. Экспансия римской церкви на Руси в XII в.	72
УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ВОСТОК В XIII в.	
Глава I. Папство в борьбе за расширение своей власти в первой половине XIII в.	85
Глава II. «Крестоносная» агрессия в Прибалтике и ее поражение	95
Глава III. Папство и южная Русь	134
Глава IV. Папская экспансия в русские земли и татаро-монгольское нашествие	159
КРИЗИС И КРУШЕНИЕ ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РУСИ В XIV—XV вв.	
Глава I. Католическая экспансия в Прибалтике в первой четверти XIV в.	180
Глава II. Папство и литовско-русское государство при Гедимине	190
Глава III. Антирусская политика папской курии в XIV и начале XV в.	208
Глава IV. Флорентийская уния 1439 г., падение Византии и крушение папской политики на Востоке. Заключение . . .	221
Библиография	246
Хронологический указатель важнейших актов и событий	265
Именной указатель	271
Список сокращений	281

Борис Яковлевич Р а м м
ПАПСТВО И РУСЬ В X—XV вв.

*

Утверждено к печати
Ученым советом Музея истории религии и атеизма
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Б. И. Король*
Технический редактор *М. Е. Зендель*
Корректоры *М. А. Брайнина* и *А. А. Гельфанд*

Сдано в набор 15/XII 1958 г. Подписано
к печати 27/II 1959 г. РИСО АН СССР
№ 30—18В. Формат бумаги $60 \times 92/16$.
Бум. л. $8^{7/8}$. Печ. л. $17^{3/4} = 17^{3/4}$ усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 18.48. Изд. № 795. Тип. зак. 899.
М-01047. Тираж 2500.
Цена 13 р. 10 к.

Ленинградское отделение
Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
35	16 сверху	Вейнсенбергское	Вейссенбергское
66	17 "	у границ	и границ
75	2—1 снизу	и в издании	и в первом издании
75	18 "	1122 г.	1112 г.
97	19 сверху	семигалов	земгалов
100	20 снизу	семигалов	земгалов
140	23 "	1220 г.	1216 г.
174	19 "	наставлении	поставлении
182	2 "	Guellen.	Quellen.
238	3 "	Buzantinae.	Byzantinae.
256	2 "	l'Éat	l'État
261	6 сверху	Ryzanz	Byzanz
265	2 снизу	1122.	1112.
267	3 сверху	1220.	1216.

Б. Я. Р а м м. Папство и Русь

Б.ЯРАММ

ПАПСТВО

И

РУСЬ

В

Х-ХV

ВЕКАХ